Е. С. Федорова, доктор культурологии, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

Эта книга найдет отклик в сердцах и умах тех читателей, которым дороги образцы русского характера, строя мысли и духовности. Ее герой в полной мере воплощает в себе эти важнейшие для отечественного самосознания качества, увы, в огромной степени утраченные в нашем обществе на всех его уровнях. С первых минут нашего знакомства я был покорен обаянием Никиты Дмитриевича. Невольно вспомнились чеховские слова: «В человеке должно быть всё прекрасно…». Здесь не место касаться каких-то конкретных реалий — в книге это с замечательным мастерством и любовью к своему герою делает автор — профессор Е. С. Федорова. Отмечу лишь общее впечатление: хочется во всем подражать Никите Дмитриевичу, учиться у него и следовать его идеалам.

Алексей Кошелев,
главный редактор Издательского дома ЯСК

Любое общество нуждается в патрициях, особенно если их когда-то попытались вычеркнуть из исторического процесса, как это произошло в октябре 1917 года.

Аристократы — носители многовековых обыкновений, связанных с тем, что зовется bon ton в широком смысле этого понятия, ибо хороший тон — это и всесторонняя образованность, и умение слышать, а не автоматически слушать классическую музыку, и даже манера одеваться.

Всё это передается из поколения в поколение, оттачивается. Безусловно, далеко не всякий носитель громкого титула обладает бонтоном, однако же образцы есть, и князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — в их числе.

Труд профессора МГУ Екатерины Федоровой, посвященный князю, написан ярким, живым и образным языком. По стилю изложения это напоминает то авантюрно-исторический детектив, то роман-эпопею, то — научный фолиант с множеством фактологического материала. Жанрово-эстетическое переплетение делает книгу не только подспорьем в изучении русского наследия, но и увлекательным чтением.

Галина Иванкина,
искусствовед, журналист, публицист

О КРАСОТЕ И ЧЕСТИ

Екатерина Федорова

О КРАСОТЕ И ЧЕСТИ

Екатерина Федорова

Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

Москва 2023

Перед нами жемчужина документального повествования: Екатерина Федорова об одиссее князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Это сказание не хуже, чем «Сага о Форсайтах», во всех измерениях. Профессор Федорова как Царевна сопровождает из города Тьмы благородного Никиту в его «поединках с Кощеем Бессмертным». А кто такой он, наш богатырь с его мощным русским характером? А вот кто.

Князь — один из тех, кто излучает вокруг себя необыкновенный свет невечерний. В Болгарии он — с рождения по 1953 г. Сын князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского (1907–1948), который был замучен и убит без суда и приговора (!), и Ирины Васильевны, ур. Вырубовой (1911–1957). Для него Болгария — Родина, а Россия — Отечество. Геолог, банкир и коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства первой трети XX в. Щедрый даритель Национального природонаучного музея Болгарской академии наук, Музея царского дворца «Врана» в Софии, а также разных институций в России. Член правления Международного фонда «Свв. Кирилла и Мефодия» в Болгарии и т. д. Конечно, наш князь служил «в семи ордах при семи королях» и всё-таки всегда ощущал себя человеком сугубо РУССКИМ. Он не раз говорил и писал, что более всего на этом свете любит и ценит русский язык и русскую старину. И литературу, а также музыку и живопись, короче говоря, российскую культуру в целом. А чтобы любить, надо знать…

Автор по ходу драматической повести всесторонне раскрывает все меандры удивительной жизни и чудесных свершений нашего князя как спортсмена, геолога, банкира, коллекционера, ловеласа и джентльмена. Особо притягивает, поражает, завораживает, чарует и восхищает прелестный, могучий и изящный русский язык Екатерины Федоровой, который позволяет нам глубоко окунуться в кипучую пучину княжеской «божественной комедии». *Русское красное словцо как яблоко на ладони!*

Никола Рачев Казански, историк.
Болгарская академия наук

Эта захватывающая книга, написанная профессором Екатериной Федоровой, открывает нам сокровищницу документальных новелл, описывает, как повлияли смятения XX в. на русскую дворянскую семью Лобановых-Ростовских. Личный светлый и живой стиль автора, а также ее понимание исторических событий облегчают восприятие множества собранных свидетельств.

Князь Никита Лобанов-Ростовский сам делится с нами впечатлениями своей жизни. В книгу включены его прямые рассказы, передающие его яркий, свежий, образный язык, его часто слегка ироничную или юмористическую манеру общения. Мы видим, как его сильная воля, интеллект и дисциплина побеждают угнетающие исторические обстоятельства и личные трагедии. Став успешным банкиром, бизнесменом, коллекционером искусства, князь встречается со многими выдающимися, интересными и интригующими личностями — политиками и культурными эрудитами, и это дает нам возможность заглянуть за кулисы крупных событий XX и XXI вв.

Графиня Патриция Николаевна Игнатьева,
друг семьи Лобановых-Ростовских

В литературе и кино есть такой жанр — через судьбу героя автор разворачивает полотно эпохи, параллельно показывая нам взлеты и падения века. Никита Дмитриевич такой человек-эпоха. Его история началась с детской тюремной драмы. Позже судьба милосердно добавляла к его жизни красок, которые со временем становились всё ярче. Оксфорд, геология, аристократы, русское искусство, банк, Ротшильды, алмазы, СССР, Андропов, Иран, шпионы, две женитьбы на красавицах. Всё это — среди блестящих картин Бакста, Судейкина и Серебряковой. Возможно, его увлечение русской театральной живописью объясняется тем, что в юности он сам захотел оказаться внутри этих картин. Там он и оказался, тому подтверждение — его яркая жизнь и эта книга, рассказывающая много нового о нем и его времени.

Андрей Михайлович Маруденко,
публицист, политический консультант

О КРАСОТЕ И ЧЕСТИ

Екатерина Федорова

О КРАСОТЕ И ЧЕСТИ

Жизнеописание потомка Рюрика
князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

Издательский Дом ЯСК
Москва 2023

УДК 82-94
ББК 63.3(2)
Ф 33

Федорова Е. С.

Ф 33 О красоте и чести. Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 416 с., 125 ил. (*Вклейка в конце книги — 81 цв. ил.*)

ISBN 978-5-907498-58-7

Книга «О красоте и чести» — документальная повесть о необычайной судьбе князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, коллекционера, чье собрание театрально-декорационной живописи считается лучшим частным собранием в мире и ныне вернулось в Россию, является ее достоянием и находится в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства. Меценат и видный общественный деятель, Никита Дмитриевич испытал в детстве и юности тяжкие испытания, закономерно уготованные советской властью Рюриковичу в 33-м колене. Прямой потомок Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Св. благоверного Василько Ростовского и многих других видных государственных деятелей Российской империи, он пережил репрессии, нищее детство и окончил школу в Софии, стал геологом с дипломом Оксфорда, финансистом в Нью-Йорке, получив банковскую квалификацию в Колумбийском университете. Жизнь его была полна небывалых приключений. Он работал и путешествовал в самых разных странах, общался с художниками и артистами, рабочими и менялами, членами королевских семей, аристократами и шейхами, коммунистами и госчиновниками высшего ранга. Его острая наблюдательность, эрудиция, широта кругозора, живость восприятия, оригинальность суждений, мастерство рассказчика делают книгу интересной для самого широкого круга читателей. А также, бесспорно, для культурологов, историков, изучающих русское зарубежье, искусствоведов, занимающихся Серебряным веком.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

В качестве заставок в книге воспроизводятся эскизы из собрания театрально-декорационной живописи Серебряного века Никиты и Нины Лобановых-Ростовских

Фото Е. С. Федоровой на переплете — проф. Аллы Миньяр-Белоручевой

ISBN 978-5-907498-58-7

© Н. Д. Лобанов-Ростовский, составитель, 2023
© Е. С. Федорова, текст, 2023
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 13

ОГОНЬ ВО ЛЬДУ.
ЗАГАДКА ЛИЧНОСТИ КНЯЗЯ НИКИТЫ.
ВСТУПЛЕНИЕ

Нечто царственное… 17
О, княже, сокол и голубь… 18
Его природа такова 19
Так какой он, князь Никита, спортсмен, «зэк», геолог, коллекционер, финансист, меценат, общественный деятель и государственный муж? 21
Человек-фильм 22
Архиепископ Христофор Албанский о Никите 26
Его полеты 27
А что он сам считает своим вкладом? 28

ЧАСТЬ I. ИСТОКИ

Глава I. РАЗЛОМ.
БАБУШКА И ДЕДУШКА ЛОБАНОВЫ-РОСТОВСКИЕ

«Оптины дети» 35
Их не узнал никто! 35
Побег первый 37
О Григории Распутине 39
Их судьбы «связаны с особыми судьбами их Родины» 40
Испытания и вера 42
Старец 44
Из Одессы по водам Днестра 48

Глава II. ЛОБАНОВЫ И ВЫРУБОВЫ В ЭМИГРАЦИИ. ДВА МИРА

ЛОБАНОВЫ ... 56
Старые князь и княгиня ... 56
«Ее организм защищался…» Бабушка ... 58
Князь Иван. Дедушка ... 61
ОТЕЦ НИКИТЫ ... 62
Князь Дмитрий Иванович ... 62
ВЫРУБОВЫ ... 66
«Париж — город любви» ... 66
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЫРУБОВ ... 67
«В его характере был заложен фермент протеста. Он сумел, принадлежа одной среде, раскрыться в другой» ... 67
Преданный земству соратник и единомышленник Львова ... 69

Глава III. РОДИТЕЛИ НИКИТЫ

ИРИНА ВЫРУБОВА ... 72
Дворянское дитя в пензенской колыбели, петроградская пионерка, пансионерка в Уэльсе ... 72
О детстве Ирины. Вновь о бегстве: Вырубовы — Галаховы ... 74
Гнев вождя. Одна — с тремя детьми в деревне ... 76
Раннее взросление и отъезд в неизвестность ... 78
Ирина: «Меня не привлекало выходить замуж по расчету…» ... 79

ЧАСТЬ II. ДЕТСТВО — ОТРОЧЕСТВО

Глава IV. НИКИТА В РОЗОВОМ САДУ

«Заря нашей жизни…» ... 85
Белая лошадь и бурый мишка: Никита рассказывает ... 85
1943-й. Первая утрата Никиты ... 93
Надломилось ... 93
«Лишенцы» ... 94

Глава V. БЕГСТВО

Рассказ от первого лица ... 98
Ловушка ... 105
А дедушка князь Лобанов? ... 106
Дед Вырубов сразу понял предательство ... 106

Глава VI. «ОТ ТЮРЬМЫ ДА
ОТ СУМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ»

Тюремное заключение 108
Отец?! 110
Иванушка-дурачок 111
Никита с уголовниками 112
И вот однажды — мама! 114
Няня Елена Ивановна — спасение 117
Квартиру конфисковали 118
Чувство неудобства 119
Короткая передышка 119

ЧАСТЬ III. МУЖАНИЕ

Глава VII. ГОРЬКОЕ ОТРОЧЕСТВО

«Жизнь без ничего» 123
Дневники Никиты 124
Липовый чай… и чемпионство по плаванию в стиле брасс
на 100 и 200 м в Болгарии 128
Коммуналка 1946–1953 гг. 129
«Часто недоедаю… Проклятые черти…» 130

Глава VIII. LEGE ARTIS

Он — творит! 137
Юность. Мужание. Любовь и секс 138
Разлука навсегда 141

Глава IX. «ЗАТЯГИВАНИЕ АГЕНТА МАРИНЫ»

Кристаллы, лилии, орлы и цветы 143
Тьма сгущается 145
Оперативное предложение разоблачить и втянуть
агента «Марину» 150
Каждая строчка — душераздирающий крик 152
Третий побег Лобановых. Николай Вырубов и Ромен Гари 153
Прощание и новый мир 155

ЧАСТЬ IV. ДРУГОЙ МИР. ЮНОСТЬ

Глава X. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Психологический переезд ... 159
Париж встретил его 18-летие ... 160
Впервые — живопись Серебряного века! ... 164
Природа коллекционера ... 165

Глава XI. ОКСФОРД

Счастливые совпадения ... 167
Сэр Исайя Берлин ... 168
Латынь ... 171
Минералогический музей в Оксфорде ... 171
Учителя ... 172
«Крайст-Черч» ... 173
Товарищи и быт ... 174
Оксфорд — тогда и сегодня ... 175
Оксфордские клубы — только для мужчин ... 177
Визит в Оксфорд Булганина и Хрущева — политическая дискриминация ... 179
Оксфорд и искусство. «Я сам себя стал посвящать в искусство…» ... 180
Испытание бытом ... 181
Дары Оксфорду ... 182
Его спросили: а каким должен быть аристократ? И он ответил ... 182
Гардероб аристократа ... 184
Мода ... 186
«Еще раз про любовь» ... 190

Глава XII. НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК!

Гарлем ... 192
Быт, климат, ощущения… Фирменная уха Лобанова! ... 193
Памятные места ... 193
Волшебная квартира ... 195
В «Dakota» потом жил Джон Леннон ... 196
«Он был хорош собой» ... 197
Джейн Фонда ... 198
Бокара Лежандр, героиня светской хроники ... 199

Глава XIII. МУЗА СТРАНСТВИЙ

Ветер перемен 200
«Среди скал Аргентины, в снегах Аляски и под солнцем Южной Африки». Два года в экспедициях 201
Странная девочка 203
И отец Нины, вспоминает Никита, был ему 205
Взгляд на иные миры. Стать консультантом банка? 208

ЧАСТЬ V. ЗРЕЛОСТЬ

Глава XIV. ФИНАНСИСТ

Письмо друга 213
Факультет банковского дела. Вновь железная воля, трудолюбие и… воображение 214
Зато околофинансовая жизнь с ее хитросплетениями увлекла Никиту 216

Глава XV. УСПЕШНЫЙ ЛИДЕР В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ И… РАНЕНАЯ ДУША

Графологический анализ Никиты 217
Графологический анализ Н. Д. Лобанова 217
1-е мнение графолога Энтони Соара по представленным образцам почерка 219
2-е мнение графолога Энтони Соара по представленным образцам почерка 221
Никита и Вечная женственность 224
Социалистическая принцесса 232
Неуловимый и ускользающий 238

Глава XVI. РОМАН С ЖИВОПИСЬЮ

Начало 250
Новаторство 251
Предпочтения Нины и Никиты в принципах составления коллекции 253
Как я понял, что стал серьезным коллекционером в 30 лет? 255
Ф. Ф. Федоровский 256
М. Ф. Ларионов 257
С. Ю. Судейкин 258
П. Ф. Челищев 259

Л. С. БАКСТ 260
Первая купленная работа 260
Мне очень повезло с «Синей султаншей» Бакста 260
Динамика, элегантность, цветовая гамма 261
Удачливый художник 262
Какой бы я сделал акцент в выставке Бакста 262
Люблю у Бакста 263
Главное у Бакста 264
СЕМЕЙСТВО БЕНУА — ЧЕРКЕСОВЫХ 264
Александр Бенуа 265
Николай Бенуа 267
Жорж и Александр Черкесовы 269
З. Е. Серебрякова 270
Никита и аукционы 271
А. А. Экстер 272
Коллекция вернулась на родину 275
Первая выставка в СССР 275
Выставка из коллекции Лобановых-Ростовских «Прорыв»! 276
Русское театрально-декорационное искусство. 1870–1930. Москва. Музей имени А. А. Бахрушина. 11.12 2015–15.02.2016 276

Глава XVII. ПРЯНЫЙ И ХИТРЫЙ ВОСТОК

Покорение 280
«Да, я с Усамой работал» 281
Никита не боялся иметь с ним дело 283
Мир исламского Востока и его психология 283
Афганистан 285
Тегеран 286
О коррупции 288
Политики европейского типа 289
Династия хашимитов, управляющих Иорданией 290
Не потомственный шах 291
1970-е и первая половина 1980-х. Никита — банкир одного из крупнейших банков США *Wells Fargo*, а потом представитель британского *International Resources and Finance Bank* на Ближнем и Среднем Востоке 294
Источники денег, шедших через западные банки по системе «хавала», — нефть, наркотики и контрабанда 294
Личность и бизнес. Эрнст Абракл 295

Глава XVIII. ДВЕРЬ ПРИОТКРЫЛАСЬ

Возвращение через 20 лет. Заём Болгарии 297
«Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам» 300
И. С. Зильберштейн 301
Благодаря знакомству с Зильберштейном и его приглашению в СССР Никиту узнали в стране как коллекционера 303
«Для меня значимость Зильберштейна в этом» 305
Мои любимые работы из коллекции Зильберштейна 306
Отечество плотно вошло в его жизнь… 306

Глава XIX. ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ

Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн 310
И. А. Антонова 313
«С Антоновой я бы пошел в разведку» 315
Per aspera ad astra — любимая поговорка Никиты. Русский авангард 316

Глава XX. НИКИТА, ФИНАНСЫ И СССР

Его инициативы 321
Ю. В. Андропов 325
1980-е и 1990-е. Деятельность Никиты 326
Audiatur et altera pars 327
Никита, балет и опера 329
Письмо Мариса Лиепы — Н. Д. Лобанову-Ростовскому 331

Глава XXI. О, СЛАДКИЙ, КРАТКИЙ МИГ БЛАЖЕНСТВА!

Деревянный музей Лобановых-Ростовских в Филях 333
Рьяно взялись за ликвидацию 340

ЧАСТЬ VI. СЕГОДНЯ

Глава XXII. УДАР, ЕЩЕ УДАР

Ох, нелегко 345
Руководство не справилось с подготовкой здания в Ростове Великом 348
Вероломство 348
Ростов Великий. «И вечный бой — покой нам только снится» 349

Свет в тоннеле? — 40 новых чемоданов 352
А если бы всё сложилось? 354
Национальная портретная галерея. Бои ближнего значения. Рациональный подход к визуализации героев истории 355
Важно — знать! 355
Памятник героям Первой мировой войны 356
Памятник народного единства в Севастополе 356
ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ 357
Причины и факторы отсутствия гражданского примирения в России 357
Старший брат, Китай? 358
России стать частью Евросоюза и НАТО? 359
300 лет Российской империи — праздник? Почему не празднуют? 359
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ. БОДР, ОБАЯТЕЛЕН И… РАЗНОЛИК 360
Государственный муж 362
И столь характерная для князя реплика 363

ПРИМЕЧАНИЯ 365

Указатель имен 377
Указатель заставок к разделам и главам: из собрания театрально-декорационной живописи Серебряного века Никиты и Нины Лобановых-Ростовских 411

ОТ АВТОРА

Герой нашего документального повествования — князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, коллекционер и меценат, родившийся в 1935 г. в Софии. Это имя у многих на слуху в нашем отечестве, наши читатели знают из прессы или из репортажей по TV:

— что собрание театрально-декорационной живописи Нины и Никиты Лобановых-Ростовских считается лучшим частным собранием русской театральной живописи в мире и ныне вернулось в Россию, является ее достоянием и находится в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства;

— что князь — уникальная личность, человек, преодолевший катастрофические невзгоды юности;

— что Лобанов-Ростовский добился больших высот в карьере и в качестве финансиста постоянно содействовал устойчивому положению СССР, помогая получать ему займы у тех банков, где занимал руководящие должности;

— что его дары своему Отечеству — колоссальны! Они находятся ныне в ГМИИ имени А. С. Пушкина, в РГАЛИ, в Доме русского зарубежья, в Музее Цветаевой, в Музее личных коллекций, в Театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве, в Театральном музее в Петербурге, в резиденции Посольства РФ в Париже, в резиденции Посольства РФ в Лондоне, в Музее-заповеднике «Ростовский кремль» в Ростове Великом и пр.;

— что за рубежом на мировых аукционах и в музеях Лобанов-Ростовский известен как видный пропагандист русского искусства, в частности является пожизненным членом Метрополитен-музея.

Князь был чемпионом по плаванию, а затем стал геологом, причем не кабинетным, а настоящим полевым, участвуя в экспедициях в самые диковинные страны. Позже стал банкиром, не рядовым, а нашедшим свое место в высших эшелонах финансового мира. Сейчас с успехом занимается литературной деятельностью.

Мы знаем также, что Лобанов-Ростовский — сооснователь Международного совета российских соотечественников, много сделал для того, чтобы русскоязычные люди, принадлежащие российской культуре, в любой точке мира чувствовали себя уютнее и увереннее.

Но что мы знаем о нем как о человеке? Какова была реальность, которая его окружала, как он принимал ее или противостоял ей? Как закалялся? Как изнемогал и получал неизлечимые травмы? Как «выплывал» и стал значительной личностью? Об этом не расскажешь, не поместив читателя в контекст реальных обстоятельств его жизни.

Итак, перед вами — жизнеописание князя.

Его фантастическая биография, состоящая из захватывающих, почти невероятных приключений, спорит по значимости с его необычной, оригинальной и сложной личностью, но я бы, пожалуй, личность поставила на первое место. Немудрено, что у писателей и журналистов не иссякает желание вступить с ним в диалог, описать Лобанова-Ростовского по-своему. Таким образом, сложился корпус текстов, который уже получил название *Никитиниана* — сотни интервью, повести и романы в разных жанрах.

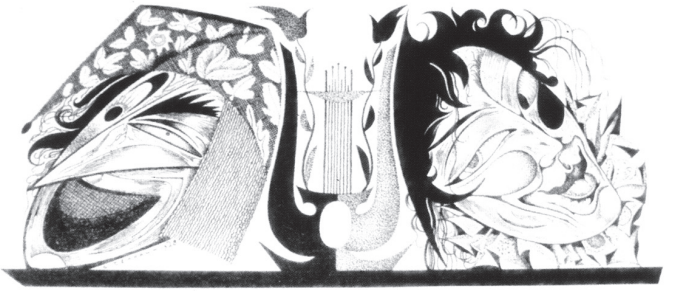
Велик был соблазн написать книгу от своего лица, как пишутся обычно документальные романы, но я его преодолела. Оставила все белые нитки. Почему?

Каждому князь рассказывал то, что в тот момент всплывало в памяти, сообразуясь с темами бесед. Память прихотлива. Иной раз — один интересный эпизод, в другой — новый сюжет из жизни. Во многих его повествованиях, записанных журналистами на диктофон, проявляется яркий язык князя, эксцентрично высказанные мысли, особые эмоциональные ноты, да и литературное дарование, ему присущее, — ведь он самобытный рассказчик. А были и писательские удачи, когда авторам удавалось «схватить» и живописать эпизод из жизни Никиты Дмитриевича «на живую нитку», как моментальный снимок, выразительно представляющий жесты,

словечки, обыкновения нашего героя. Или сделать «серию снимков портрета в интерьере», где мимика князя так восхитительно быстро и разнообразно меняется. Нам хотелось приблизиться к наибольшей документальности, предельной близости к «источникам».

Кроме того, к счастью, история оставила нам тексты, которые сохраняют тон, манеру высказываться, строй фразы и лексику его предков и членов семьи. Это позволило поместить жизнь Никиты в семейный историко-культурный контекст. Показать, каковы были мнения его бабушек-дедушек Лобановых на события 1917-го, Распутина или заговор против царя или отнюдь не созвучные Лобановым взгляды дедушки Вырубова на ограничение августейшей власти конституцией и на защиту от абсолютизма путем формирования общественных институтов. Рассказать о тяготах эпохи красного террора, пережитых и его отцом, и матерью, а потом о других печалях их отрочества — неизбежного одиночества в эмиграции, где они попали в новую социальную среду, в учебные пансионы, оторвавшись от семьи. Почему это важно? Когда родился Никита, его близкие несли в себе впечатления и груз пережитого, безусловно, влиявшие на формирование героя. Не узнав характеров и привычек его домашних, невозможно оценить и понять особенности нрава и психологического устройства и самого Никиты.

Из этой мозаики я сплела жизнеописание, задачей которого было максимально сохранить интонации Никиты Дмитриевича и его близких, представить его семейные истоки и многогранный портрет князя, как бы составленный им самим. Чтобы как можно чаще в книге звучал для читателя *его* подлинный голос, чтобы он сам разворачивал летопись своей жизни, живописал невероятные приключения, воссоздавал личные наблюдения, передавал свои чувства и умозаключения.



ОГОНЬ ВО ЛЬДУ.
ЗАГАДКА ЛИЧНОСТИ КНЯЗЯ НИКИТЫ.
ВСТУПЛЕНИЕ

Нечто царственное…

Переулок на углу Патриарших прудов. 2017-й. Такси подъезжает к Пенсионному фонду. Дверь открывается, и вместе с морозным облаком на пороге появляется высокая статная фигура князя. Каракулевая черная островерхая шапочка и палка, на которую он опирается, смотрятся как атрибуты царской власти. Он молчит и погружен в себя. Но неизменно привлекает бессознательное внимание окружающих, куда бы ни входил, не только его бесспорная и благородная красота, редкая порода и стать, но сжатая пружина очень большой энергии внутри.

Никита Дм.
Павловский Посад. 2020

К тому времени, вот уже 6 лет он — гражданин России. И мы подали документы на вполне заслуженную им пенсию. Но в окне девчушка решительно лепечет: «Нет! Вам не положено». Уголки губ князя опускаются вниз, к волевому подбородку. Он молчит.

— Идите к начальнице.

Он жестом пропускает меня вперед и воздвигается на пороге кабинета начальницы. Безусловно, он недоволен

и сумеречен. Но никакого негативного посыла к начальнице нет, он глухо замкнут в себе. А я даже не успеваю сказать ни слова…

Неожиданно 120 килограммов сурового вида женщины средних лет вспархивают из-за стола, начальница стремительно и плотно к стенке огибает нас, вырывается в зал, и мы слышим: «Оформляйте всё что угодно, быстро…»

Безотчетное, спонтанное, мгновенное впечатление внутренней мощи Рюриковича в 33-м колене, князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, — вот что сразило чиновницу. Чиновники среднего звена — большие психологи, тем выживают. И она мгновенно решила: лучше не начинать…

Когда встречаешь мощь, тщательно скрытую, то тем более она притягательна. Какова ее природа? А до конца и мне, пишущей эти строки, необъяснима. Если бы меня спросили «с каким жанром живописи соотносится князь?», я бы не раздумывая ответила: монументальное полотно… Хотя сам он предпочитает театрально-декорационные эскизы, являясь лучшим в мире их частным собирателем.

Пенсия была оформлена. А я так и не услышала от него ни одного слова в этом помещении. Молча вошел и молча вышел в непоколебимом достоинстве…

О, княже, сокол и голубь…

А вот и другой случай. В том же 2017-м. Для поездок в разные присутственные места мы просили одну такси-фирму выделить машину на целый день — и ее начальник (замечу, человек рассудительный, грамотный, с высшим техническим образованием) решил сам сесть за баранку: «Не могу поручить никому *такого* человека!»

И вот величественная фигура склоняется к дверце автомобиля и князь садится на переднее сиденье рядом с водителем. В тот момент он что-то выговаривал мне не слишком довольным тоном. Но его потребность поворчать — очень добродушную по своей сути — я воспринимаю совершенно безмятежно. А вот на водителя произвели оглушительное впечатление властный голос, глубокий тембр, отчетливые и старинные интонации прекрасного русского языка, с едва-едва различимым иностранным акцентом,

в сочетании со всем «несоветским», непривычно и органично элегантным обликом Никиты Дмитриевича. (Ведь аристократы теперь почти ушли из поля зрения российской действительности, а в моем детстве еще встречались.)

И когда Лобанов вышел на 5 минут около нужного здания, обернувшись ко мне, наш водитель зашептал:

— Не оставляйте меня с ним наедине, я его боюсь!

— ??

А он уже нажал номер телефона жены: «Слышь, знаешь, кого я сейчас везу? — это царь, настоящий царь. Прям царь?!» И я поняла природу его безотчетного страха — острое ощущение подлинности древнего рода в сочетании со значительностью личности. Лобанов — человек настолько не из нашего мира, что как будто из глубины веков. Наш водитель точно «протестировал» — водители нередко большие психологи.

Однако сказать, что Никита Дмитриевич «несет себя на блюде» — невозможно. Органически, да, без всяких усилий, он держится так, что люди улавливают прежде всего ощущение его значительности. Но он, прежде всего, стратег. И может быть совершенно разным — в зависимости от обстоятельств. Помнится, другой, бестолковый, водитель такси не мог сообразить, что надо подъехать ближе — и, услышав молодецкий свист князя, тут только понял. На доступном водителю языке князем было сделано четкое указание — а мне в тот момент припомнились страницы его бесприютного детства, где улица занимала большое место…

Есть такой фокус — секрет кулинаров. Горячий пирог из духовки разрезаешь, а там… ледяное мороженое. А тут фокус наоборот. Хрустальный лед вокруг чела прекрасного Антиноя, строгий голос, не допускающий ни малейшего намека на проявление эмоций (нет их тут, да вы что?!), а внутри — горячее, чувствительное сердце. Таков Никита Лобанов-Ростовский.

Его природа такова

А начиналась жизнь так прекрасно — в розовом саду в Софии, чтобы крайне жестоко через десятилетие показать ребенку Никите из рода владетельных князей Ростовских ее изнанку — тернии,

шипы и иглы, оставив неизлечимые раны и травмы… Попозже об этом, а сейчас вернусь. Короче говоря, я не удивилась, прочитав в последнем томе «Рюриковича» (как упоминалось, вокруг личности нашего героя уже сложилась целая серия, *Никитиниана*, ибо у всех владеющих пером и воображением при знакомстве с князем руки так и чешутся положить на бумагу рассказ о нем, расспросив его о редкостной судьбе, и — стать сопричастным!) следующий пассаж. Цитируем Никиту Дмитриевича:

Никита Дм.
Павловский Посад. 2020

Есть такая аксиома, что монархия в России легитимно не была упразднена. Когда Ленин распустил Думу и создал свое первое правительство, оно упразднило монархию. Но так как Ленин создал это правительство незаконно, на штыках матросов, захвативших Таврический дворец, то считается, что это не был легитимный акт, и потому монархия продолжается. Но поскольку на сегодня нет ни одного законного наследника мужского пола, не связанного морганатическим браком, то для воссоздания монархии в России нужно созвать Священный совет, как это было сделано во времена Годунова, созвав Земский собор 1598 года, когда ему передавали власть. И потому есть маленькая партия в России, которая готовит такую возможность, как один из путей для президента — выбрать его монархом. Сделать так, как Франко сделал в Испании. Я не помню, как называется термин, когда он не опекун, а… регент! То есть он будет править через нового монарха. Это одна из версий. И потому, когда была опубликована серия бесед в журнале «Русская мысль» в Лондоне, интервью с пятью русскими аристократами на эту тему, нас пригласил русский посол в Париже на обед. За столом присутствовал

Михаил Швыдкой, который и тогда, и ныне является представителем культуры за рубежом… Мы обсуждали эту тему, и он ее потом опубликовал в российской газете. Было принято решение, кого выбрать будущим монархом. Все проголосовали за меня, потому что я самый пожилой. Так что у меня нет шансов продержаться долго, и тогда уже смогут выбрать другого.

Татьяна Лескова (балерина, правнучка писателя Н. С. Лескова): — У вас детей нет?

— Нет. Потому и легко было меня выбрать, потому что детей нет и возраст. А тогда уже смогли бы договориться, кто им больше подойдет. Вот какие забавные анекдоты[1].

Ощущения сильных мира сего совпали с впечатлением людей, живущих в гущи практической жизни.

Так какой он, князь Никита, спортсмен, «зэк», геолог, коллекционер, финансист, меценат, общественный деятель и государственный муж?

Прежде всего, своей «кинематографической» судьбе он обязан только себе самому, труду, упорству, воле и уму. Волшебное происхождение принца, да, обаяние старинной культуры, подаренное предками, органическое и украшенное редким личным обаянием, да. Но эти обстоятельства в реальной жизни середины XX в. были против Никиты, а не за него. Вырабатывая эти качества, он испытывал огромные перегрузки. И победив в борьбе с самим собой, преобразовал волю, жизнь по плану, рассудочное следование избранным приоритетам до такого абсолюта, что и близким они бывают порой в тягость, и ему нелегко нести их груз — сам страдает от издержек несокрушимой воли, угловатых и колючих, сам бывает в плену своих упрямых рассудочных планов. Механизм воли отработан до автоматизма. И некуда деться Никите от отлаженной десятилетиями работы этого механизма в самом себе. Последствия укрощенной и переломленной в свою сторону судьбы серьезны.

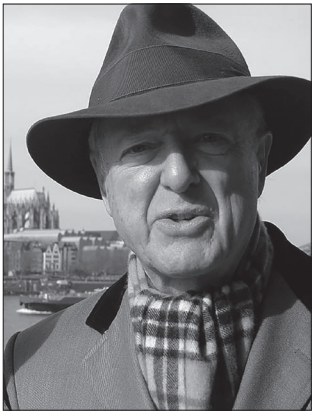
Он в полной мере self-made-man и действует соответственно обстоятельствам — иногда дерзко и даже с беззастенчивым

натиском, иногда — с гибкой вкрадчивостью царедворца. Если для себя он выстроил план действий, по его мнению необходимый и полезный, он будет давить на партнеров, «выжимать масло», в борьбе за дело выстроит и психологическую игру, приемы которой будут отнюдь не щадящими для его соратников. Эпитет «деспотический вихрь», как выражались в XIX столетии, вполне к нему применим. К тому же Никита не будет дожидаться предполагаемого удара — ударит сам, неожиданно, мгновенно и наотмашь, парализовав силы противника…

А как вы хотели? Такие общественно значимые судьбы редки среди белоэмигрантов. Здесь опорное слово: *вопреки*. Среди потомков дворян в России тем более. Вспоминается. В конце 1970-х гг. ученик графа Никиты Толстого (академика, репатрианта из Сербии, правнука писателя, тоже человека большой воли и реализованных возможностей) рассказал, что его сосед — из рода Квашниных-Самариных. «Квашнин-Самарин, столь древнейший род! Я хочу с ним познакомиться». — «Вряд ли Вам понравится», — предупредил ученик. Желание было велико, и великолепный граф Никита отправился знакомиться… Он увидел вполне советского «потертого» человека рабочего вида, ни одна черта не выдавала в нем представителя благородной фамилии. Обшарпанный быт, ничем не интересный человек. Понятное дело, предыдущие поколения Квашниных еще как изъездила советская власть! Можно представить себе, как они «шифровались» и скрывались, и неизбежно мимикрировали. А в потомке уже не было сил к внутреннему сопротивлению. Можно только сострадать, понять безысходность, историческую предопределенность, ущерб для нашей многострадальной родины. Увы, это был обычный путь, обычная судьба «в предлагаемых обстоятельствах». Но князь не согласился на «историческую предопределенность». Он выламывался из нее, концентрируя все силы и возможности…

Человек-фильм

А еще какие впечатления? Каждый раз, когда задумываюсь, получаются новые «штрихи к портрету» Так, три года назад вот такой образ написался мною к его юбилею.



Никита Дм. в Лондоне

Никита Дм. с собакой

Никита Дм. с попугаем

Никита Дм. с сигарой. Москва. 2014

Когда видишь элегантный силуэт мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, органично хорошие манеры, благородные черты лица и гармоничность мимики, хочется завороженно и без конца созерцать. Как он стремительно идет вперед по улице, оставляя спутников позади. Или задумчиво сидит в кресле, замкнуто соединив кончики пальцев. Или курит сигару, при этом облик его становится дерзким, раскованным и напористым. Как он резко и непримиримо умеет вспылить — и как мило и обезоруживающе отходит. Как дотошно и подробно докапывается до таких изумительных мелочей, что остаешься в недоумении — зачем это?

Или вдруг он обнаружит повадку леопарда — делает внезапный стратегический рывок, невозможно проследить и предугадать, в каком направлении — а он уже далеко впереди, мчится вскачь. Перед прыжком лицо его непременно принимает беспомощно-растерянное выражение: знак того, что он группируется, уходя в себя…

Как случается ему капризно требовать у других то, что, он уверен, должно причитаться ему (подлинный принц, родной брат

андерсеновской «принцессы на горошине», который точно не пропустит горошинки под седьмой периной). И как бывает терпеливо вынослив, неся свои душевные и материальные тяготы. И нет человека, знающего Лобанова, который бы не увидел хоть раз князя, в его-то преклонные годы, не жалеющего себя, волочащего тяжелейшие чемоданы с дарами музеям, частным друзьям и знакомым.

Жесткий с сильными, милосердный со слабыми. Аскет и игривый вельможа-придворный. Легко мог бы быть превосходным актером. Из истории МХАТ мы знаем, сколь непринужденно могли выглядеть на сцене актеры-аристократы, не имея никакого специального образования…

В общем, человек-фильм, произведение искусства. Может быть, в ком-либо другом эти черты не выглядели бы столь привлекательно. В чем тут дело? В уникальной породе княжеского рода XII в.? Да, конечно, не без нее. Но в другом — разгадка бурного любопытства к нему, горячей им увлеченностью и — обратной стороны этих ярких эмоций, — такой же неистовой зависти и неприязни тех, кто рядом с ним вдруг ощутит свою несостоятельность… Впрочем, полной разгадки и быть не может. А частично? Есть две, на мой взгляд, существенных стороны. Он наследник старинной культуры. И пленительная эмоциональная и ментальная подвижность личности, глубоко оригинальной. Многое вызывает интерес Лобанова-Ростовского в этом мире — ранит, травмирует, радует, восхищает. А на это — неожиданны, глубоки, полны мудрой детской непосредственности его реакции, мысли, соображения. Вот главный узел энергии: ему интересен мир, нам интересны его живые оценки. И детство в нем. «Аще не будете, как дети…» И сейчас солнечных лучей в нем предостаточно[2].

А потом припомнились и другие впечатления.

Первое впечатление, которое ощущают на себе доброжелатели и от которого не могли бы отделаться недруги: Лобанов-Ростовский — крупная личность. Огромная планетарная система, живущая по своим законам. Высокий интеллектуализм — в постоянном процессе самоусовершенствования. Не похож ни на кого, только на самого себя. Ну и конечно, генетическая аристократическая стать его предков — князей Лобановых, Лопухиных, Кропоткиных,

Львовых, Куракиных, маркизов Траверсе, графов Кушелевых, дворян Вырубовых, Кожиных, Галаховых, Шеншиных, — выявилась в этом потомке Рюриковичей со всей возможной полнотой. Монументальность породы и изящество пластики в нем врожденные. Пленительность в том, что в поведении князя нет ничего наносного. Природная естественность этого раритетного создания Божия, как бы возникающего из хтонических* глубин российской истории, порода которого за столетие была уничтожена почти под корень, невольно заставляет любоваться подлинником.

Никита Дм. в хорошем настроении

Подлинность не означает отсутствия артистизма — напротив, это тоже природная черта Лобанова-Ростовского, помогавшая ему в разных его профессиях и направлениях деятельности. Сильная его личность и сильные фамильные корни не всегда находятся у него в гармоническом равновесии. Оригинальность иногда принимает формы экстравагантности. Сдержанность превращается временами в панцирь.

Сложный человек со сложной судьбой. Разумеется, и общаться с ним непросто. Энергия творчества находится в нем в такой концентрации, что успевать за его вечным движением вперед в проектах и планах — тоже не у всех получается. На заре жизни судьба его не миловала, как бы заставляя суровостью испытаний выявлять все ресурсы его незаурядной натуры. В этой игре с судьбой — в главном — он победил. Издержки неизбежны. Фантастические приключения, превратности, удачи, падения и взлеты в жизни Лобанова-Ростовского за стеклом литературного текста увлекательны, в жизни шипы могут уколоть.

---

* *Хтонический* в мифологии — олицетворяющий дикую мощь земли или подземного царства, от древнегреческого χθών — земля, почва.

Жесткая воля, строгость к себе и другим, прямолинейность высказываний — в адрес любого — это то, что он отвоевал у жизни для себя. Но мое первое впечатление — а оно, как известно, самое верное — было, скорее, противоположным его обычной суровой замкнутости, которую я еще не успела узнать.

Итак, лето 2015 г., выставка в Доме русского зарубежья, посвященная его дядюшке Николаю Васильевичу Вырубову. Мягкое и какое-то тающее и даже смиренное выражение лица Лобанова-Ростовского я первым делом выхватила из толпы присутствующих. Потом-то я поняла, что оно появляется крайне редко, как редко мелькает детская сияющая улыбка, — как будто из детских его фотографий. В тот момент Никита Дмитриевич был блаженно доволен состоявшейся выставкой дяди, которого почитал и любил. А преданность Лобанова близким и друзьям — одна из главных черт личности.

Наверное, так угодно было Паркам, прядущим нити жизни, чтобы знакомство началось с этого. С сущности. Редко посещающее, как выяснилось, выражение лица Никиты Дмитриевича через несколько мгновений скрылось за облаком его сумеречности, однако оставив во мне навсегда непоколебимое ощущение — тщательно скрываемой чувствительности и доброты. И с тех пор мне с ним легко… А облик его уже принял привычное выражение — линия губ самоуверенно опущена вниз, придавая вес и без того массивному квадратному подбородку, взгляд строгий и не подпускающий к себе, удлиненные бледные кисти аристократических рук сомкнуты, длинные аистиные ноги переплетены. «*Я закрыт, хотя общителен и любезен*». Что сформировало контрастные черты?[3]

Об этом наше повествование.

Архиепископ Христофор Албанский о Никите[4]

О раннем детстве его (четыре года) существует свидетельство архиепископа Албанского*, который приехал

* В 1939 г. архиепископом Албанским был Христофор (в миру Сотирий Киси; 1880–1958).

Никита в гимназической фуражке. 1942

в Софию на конгресс балканских православных. Это был очень известный церковный деятель, сторонник Евлогия. «...Архиепископ в ночь под Новый год в присутствии всех гостей говорил, какое впечатление составил у него Никита. Он сказал, что Никита — это необыкновенный ребенок. Такие дети рождаются один на тысячу. Что он не только принесет пользу России, но что он повлияет на весь мир. Что он видит Божий отпечаток на этом ребенке, что у него необыкновенный свет в глазах, который Господь посылает только исключительным людям. Просил меня беречь здоровье Никиты, нужно, чтобы он вырос здоровым и крепким, чтобы ему помочь исполнить ту колоссальную задачу, которую, безусловно, Господь возложит исполнить в жизни его. Он мне сказал: не только Вы прославитесь, что Вы его мать, а все близкие и родные его. Таких детей нет, это необыкновенный ребенок; столько живости, столько радости и такая энергия могут быть только даны Богом человеку, которого он отметил, чтобы делать великие дела впоследствии. Он сказал еще массу вещей, которые я уже не помню. Все это произвело большое впечатление на всех гостей, и все меня тут же поздравляли. Дай бог, чтобы это было так», — свидетельствует мать Никиты в письме к тете Кире Николаевне Галаховой в январе 1939 г.[5]

Его полеты

В течение шестидесяти лет Никита Дмитриевич беспрестанно летал в разные точки мира. Но и сама линия его судьбы — постоянно набирающий высоту взлет. Не только в карьерных ступенях.

Я бы сказала и о полете мысли, о способности к широким обобщениям и всестороннему анализу, что побуждало его к интересным проектам.

Среди реализованных государственных инициатив Н. Д. Лобанова-Ростовского: памятник героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и памятник Народного единства в Севастополе. Сегодня он борется за Музей Лобановых-Ростовских в Ростове Великом и за создание Национальной портретной галереи в России. Его идея — дать россиянам визуальное представление о выдающихся исторических личностях своей страны, наглядно-визуально показать связь времен и поколений.

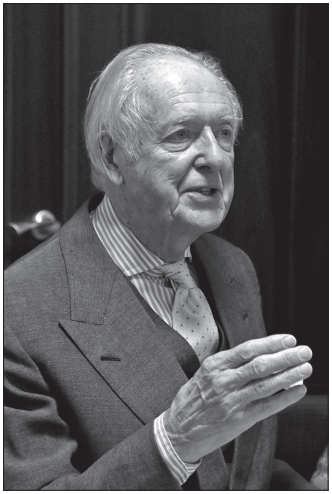
И нужно еще сказать о его общественно-политическом поприще. С 2003 г. Лобанов-Ростовский — сооснователь Международного совета российских соотечественников, организации, объединяющей русскоязычные диаспоры в 49 странах мира, долгие годы — первый заместитель председателя совета, в настоящее время — действительный член совета.

А что он сам считает своим вкладом?

Если спросить его самого, каких наиболее значимых результатов достиг Никита Дмитриевич? Он согласился со следующим. Вот это для него главное:

Создатель и творец. *Лобанов — признанный в мире крупный собиратель искусства.* В молодости он не был состоятельным человеком и не имел денег для коллекционирования. Однако ему, вместе с первой супругой Ниной, удалось создать и сохранить для России самое значительное — в частных руках — собрание театрально-декорационной живописи Серебряного века. Ныне коллекция передана России, находится в Санкт-Петербургском театральном музее.

- Лобанов составил и опубликовал на русском и английском языках фундаментальный справочник-исследование по русской театральной живописи[6].



Никита Дм. на презентации книги «Рюрикович». Фото Василия Иванова. 2020

• Организуя многочисленные передвижные выставки из своего собрания, Никита Дмитриевич открыл посетителям музеев Европы, США и Японии значительный пласт русского изобразительного искусства. За 60 лет интенсивной деятельности состоялось более 50 выставок из картин его собрания.

Общественный деятель. *Участвуя в общественной деятельности*, через МСРС, КСРС (Координационный совет российских соотечественников) и иные организации Лобанов способствовал сплоченности русской диаспоры. Он отстаивал права россиян в ООН, Евросоюзе, на региональных форумах, в прессе и по TV.

• Никита Дмитриевич содействовал созданию двух крупных памятников в России — памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве и памятника примирения в Гражданской войне в Севастополе.

• Он заказал и добился установления бюста Ильи Самойловича Зильберштейна в холле Отдела личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина — как инициатора создания отдела (первоначально названного Музеем личных коллекций) и первого дарителя своей личной коллекции музею.

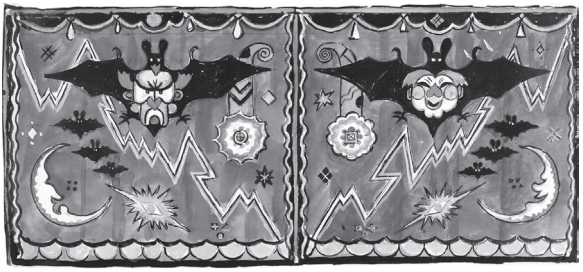
Даритель. *В течение 60 лет Лобанов-Ростовский дарит произведения искусства*, исторические артефакты и документы как музеям США, Англии и Оксфордскому университету, так и музеям СССР, РФ и Украины.

Столь значительные достижения в меценатстве нуждаются в освещении как деятельности, так и личности героя книги в разных ракурсах. Появление новых монографий закономерно. Данная книга — этап *Никитинианы*.

Чемпион. Не следует забывать, что в юности, в 1951 г., Никита Дмитриевич стал чемпионом Болгарии по плаванию в стиле брасс на расстояние 100 и 200 метров.

Чемпионом во всех видах деятельности он остался и по сей день[7].

Повторим, Никита Дмитриевич сделал себя исключительно сам, своим трудом, своей волей и желанием утвердиться в жизни на Западе, куда волей судеб попал. Удачной карьерой он обязан только себе самому. Оставшись в столь юном возрасте, в сущности, в одиночестве, он воевал с самим собой и переламывал обстоятельства. Ему это удалось.



Часть I

ИСТОКИ

Глава I

РАЗЛОМ. БАБУШКА И ДЕДУШКА ЛОБАНОВЫ-РОСТОВСКИЕ

Княгиня Вера Дмитриевна и князь Иван Николаевич Лобановы-Ростовские. Россия. Нач. XX в.

Для князей Лобановых с наступлением эры большевиков ситуация была не просто трагической, а более того — это был тупик.

По образному выражению княгини-бабушки:

Направо огонь, налево вода, впереди стена, а сзади пропасть...

Разлом в жизни князей Лобановых-Ростовских случился за два поколения до Никиты и начался в 1917-м… А бабушка Никиты, Вера Дмитриевна, урожденная Калиновская, записала историю мытарств семьи и чудного спасения, оказавшегося столь хрупким, продлившимся два десятилетия, а дальше — вновь обвалы, провалы, ад бытия…

Бабушка Никиты Дмитриевича, княгиня Вера Дмитриевна, как многие образованные женщины предреволюционной эпохи, обладала прекрасным литературным слогом и с ранней юности вела дневник. Пережив невероятные испытания в эпоху Гражданской войны, совершив немыслимо смелый побег от красного террора, семья князей Лобановых отправилась в Болгарию, и этот выбор был сделан осознанно: православная и близкородственная славянская страна. В эмиграции Вера Дмитриевна на основе дневников создает летопись событий, семейных и общественных, охватывающих начало XX в. и простирающихся до 1922 г. Посвящает книгу «*Скорбящим и плачущим об утрате своих близких*». Ниже пояснив свою позицию строкой из Евангелия — сквозь боль и печали: «*У Бога все живы*». «Роман отменно длинный, длинный, нравоучительный, старинный» называется на русском «О трагедии XX века. До и после 1917-го. Воспоминания матери». Он и был на русском. Но первое издание 1938 г. осуществилось в Софии в переводе на болгарский.

В предисловии к документальному роману бабушки князь Никита говорит:

> Стоит познакомиться с найденным среди эмигрантской прессы новым для русского читателя романом о событиях вокруг 1917 г. княгини Веры Лобановой-Ростовской. Он написан в русле «толстовской традиции», предлагая хронику одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий…

Никита спас рукопись.

> Каюсь и считаю большим грехом своей биографии, что ранее я не издал эту книгу… А ведь оригинал попал ко мне во время перестройки, еще 35 лет назад! Этот

автобиографический роман пролежал у меня, и я в него даже не заглядывал… И только в прошлом году я осознал, что это изумительное произведение. Написанное без политической злобы, глубоко религиозным человеком, принадлежавшим к верхам российского общества, а после 1917 года очутившимся в самом низу… Меня поразило то, что бабушка и дедушка были настолько религиозными людьми, что они предали себя всецело в руки Господа![8]

«Оптины дети»

Несколько поколений князей Лобановых были «оптиными детьми», то есть окормлялись знаменитыми оптинскими старцами. И еще был один таинственный, до сих пор загадочный старец (о нем чуть ниже), чьи советы непонятным и чудесным образом спасли семью в то время.

Княгиня Вера вспоминала:

> Если рассказать все то, что мы предпринимаем, обыкновенно настроенному человеку, то он подумает, что мы семья умалишенных: по слову полуживого крестьянина мы распродаем к приближающейся зиме все наше имущество и рассчитываем выехать в поезде, к которому и приблизиться не имеем права[9].

Их не узнал никто!

Гонимые завывающими ветрами судьбы, Вера Дмитриевна с младшими детьми и старой матерью оказываются в Одессе, в доме, ранее принадлежавшем старшему брату князя Ивана Николаевича, камергеру Алексею Николаевичу. А там расположилась ЧК и каждую ночь происходит невероятный ужас: расстреливают заключенных:

> Я две недели ходила по человеческой крови, мои подошвы и каблуки были окрашены в красный цвет[10].

И их никто не узнал! Конечно, и одежда была их самая плохенькая, но не только в этом дело. Лобановы были близки с крестьянами, понимали строй их речи, особенно Вера Дмитриевна.

> ...послышались тяжелые шаги, кто-то дернул ручку и, не постучавшись, приотворил дверь. Показалась голова матроса.
>
> — Ей, хозяйка, извиняюсь, нельзя ли кое-что пришить? Звезды-то все наши поотодрались. Нитку только покрепче бы надо.
>
> — Ладно, сейчас приду...
>
> И я уселась шить...
>
> Однако настроение было вокруг меня не гладкое: в разговоре с товарищами матрос проявлял какую-то грубую крикливость и нервную раздражительность. Возможно, что причиною тому было отчасти и утомление...
>
> Красноармейцы входили и выходили. Кто-то разлегся в сапогах на диване и на кровати.
>
> Бесконечная муть подступила мне к горлу: где и с кем я сижу? Кому и что я шью? А *Mama*, а дети? — пронеслось в голове. Ради них я должна всё перенести до конца...
>
> — Вот и готово, берите Ваши вещи, господа...
>
> — А где Ваш муж, хозяйка? — коварно спросил меня на прощание матрос.
>
> Больше всего опасаясь этой темы, я на мгновение растерялась, но инстинктивно, по-женски, сейчас же печально сказала:
>
> — Да что делать... была молода — так *жалел меня муж*, а начала стареть, так и бросил меня. Теперь вот и бьюсь одна-одинешенька: на руках у меня двое мальчиков да мать старушка.
>
> — И такую-то бабу бросить! — ударив себя по коленке, убежденно воскликнул сидевший на кровати красноармеец[11].

Княгиня спонтанно произнесла единственно уместно здесь народное «жалеть» в значении «любить», вызвав своим рассказом полное доверие. Так и оставались они неузанными до самого

своего побега — пребывая под благословением старцев. Но теперь о дедушке и бабушке Никиты по порядку.

Побег первый[12]

Итак, об испытаниях и невероятном с точки зрения событий Гражданской войны побеге семьи князей Лобановых-Ростовских от красного террора в православную Болгарию, которую они выбрали местом вынужденной эмиграции. И здравый смысл, и знание исторических фактов, известных нам теперь, говорят о том, что спасение князей было невозможно. Судите сами. Семья была близка ко Двору Его Императорского Величества Николая II.

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский. Россия. 1910-е

Глава семьи, князь Иван Николаевич, помещик, близкий друг семьи Буниных, чье родовое гнездо располагалось недалеко от имения Лобановых под г. Ефремовым Тульской губернии, имел придворный чин камер-юнкера. Должна заметить, что в связи с биографией А. С. Пушкина советские историки издавна внушали нам, что этот чин якобы невелик и в силу возраста — унизителен для великого поэта. Правда в другом. К 1915 году число пожалованных этим чином по всей Российской империи не достигало и 400 человек.

Князь Иван занимался государственными конезаводами. До Октябрьского переворота Россия была бесспорным лидером в мире коневодства, вывела великое разнообразие уникальных и благородных пород лошадей. В крестьянском и помещичьем хозяйстве лошадь являлась важнейшим помощником, товарищем, другом. Она была насущной частью жизни для всякого русского, культурное мировоззрение которого было сформировано до революции. Взглянув на должность Ивана Николаевича глазами из прошлого, можно оценить ее значимость для России.

Иван Николаевич носил также чин коллежского советника (VI класс в Табели о рангах соответствовал военному полковнику) и был причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия. Разумеется, в этой области он знал толк, так как был трудолюбивым помещиком, то есть организатором хозяйства в своих имениях: в селе Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии и в селе Троицкое-Лобаново Бронницкого уезда Московской губернии. Его винокуренный завод в селе Лобаново давал 100 тысяч рублей годового дохода. Крестьяне были зажиточными и уважали хозяина.

Князь владел узкоколейной железной дорогой для перевоза зерна в город Аккерман в Бессарабии. Видимо, в благополучные годы избытки урожая зерна из своих имений князь Иван Николаевич переправлял за границу по этой железной дороге.

Часто князь Иван танцевал на придворных балах с императрицей Александрой Федоровной. А супруга князя, княгиня Вера Лобанова-Ростовская, урожденная Калиновская, литературно и художественно одаренная женщина, участвовала в развитии школы искусств, созданной императрицей Александрой Федоровной. Так, Вера Лобанова-Ростовская вспоминала:

> Государыня… восхищается русским искусством, стараясь повсюду разыскать его проявления. Она основала для этого школу в Петербурге. Там шаг за шагом по затерянным лоскуткам и образчикам восстанавливалась целая отрасль старинного русского производства, которая иначе могла совершенно исчезнуть… Я была в этой школе лично, приносила туда образчики старинных узоров и производства, которые перешли ко мне от матери и бабушки, и могу судить о прекрасной и серьезной постановке ее, проводимой все тою же императрицею, которую упрекают в недостатке любви к России[13].

При всем монархическом складе семьи критичность была свойственна Вере Дмитриевне, и особенно ее удручали взаимоотношения царской семьи с Распутиным — здесь она предвидела роковую черту разлома в обществе. Мысли, высказанные в романе о зловещей роли подполья, заговорщиков, а главное, роли Распутина,

расколовшего двор и общество, что во многом предупредило успех Октябрьского переворота, — это мысли близких к Великой княгине Елизавете Федоровне единомышленников.

Сын автора, белый офицер, князь Никита Иванович Лобанов-Ростовский, в 1916 г. говорит:

> Тыл может в последний момент погубить Россию... Аристократия из-за Распутина отвернулась от престола. Это к добру не приведет[14].

О Григории Распутине

Княгиня проводит параллель между подлинным и мнимым старчеством:

> ...о Григории Распутине. Это умный, — пишет она, — и в высшей степени одаренный человек. Но находится во власти темных сил. Потому его дары не помогают ему, а дают только яркость его моральному падению... Когда Серафим Саровский вступил на путь открытого старчества, ему было уже 65 лет. Его прозорливость, его дары, его чудотворения, исцеления душ и телес давно уже признали за ним право называться величайшим святым нашего времени...
>
> Посмотри теперь на Распутина. Стал ли он приумножать дары в духе Саровского? Да нет же! Он вместо того, чтобы силою воли направить их на добро, употребил во зло и получил прозвище Распутина. Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума. Хам вышел наружу. И Григорий с тех пор не щадит ни Двора, ни себя...
>
> Для исцеления сына Императрицы, болезнь которого не поддавалась лечению докторов, ей указали на Григория. Исцеления вызвали ее бесконечную благодарность. А дар предвидения поразил ее. Вскоре разгадали истинный мрачный облик Распутина, стали говорить Императрице. Но было уже поздно. Влияние Распутина побороть оказалось невозможно. В этом трагедия ее жизни[15].

Их судьбы «связаны с особыми судьбами их Родины»

Старшая сестра князя Ивана, Ольга Николаевна (в замужестве леди Эджертон), была одной из любимых подруг королевы эллинов — великой княгини Ольги Константиновны, внучки императора Николая I. Позже, в эмиграции, в Лондоне и Париже, она откроет модный дом «Поль Каре», важнейшей ее целью станет дать работу обнищавшим русским. Но и художественное значение дома неоспоримо: Ольге Николаевне удалось познакомить Европу с русской культурой и даже внедрить в повседневный обиход русские элементы одежды: высокий воротник, шлейф, а также русскую вышивку и разные виды орнаментов.

Княжна Ольга Николаевна Лобанова-Ростовская, в зам. леди Эджертон

Младшая сестра князя Ивана Николаевича, княжна Любовь Николаевна (позже Лэндфилд, жена профессора Калифорнийского университета), была фрейлиной императрицы Александры Федоровны, а также великой княгини Марии Георгиевны, младшей дочери королевы эллинов.

Мы отмечали особую близость семьи к великой княгине Елизавете Федоровне. Фрейлиной ее была двоюродная сестра князя Ивана, Людмила Лобанова-Ростовская, позже жена Константина Балясного, который, в свою очередь, являлся адъютантом Великого князя Сергея Александровича, супруга Елизаветы Федоровны.

Родная сестра князя Ивана, Александра Николаевна (или Фафка, как звали ее близкие, — «Сашка» в детском произношении), тоже состояла в свите великой княгини.

В письмах 1895–1899 гг. Елизаветы Федоровны к мужу, домашних и теплых, сообщающих сведения о важных лишь для самого узкого круга событиях, постоянной и активной фигурой является княжна Александра Николаевна. В связи с болезнью Фафки, которая глубоко травмировала Великую княгиню, Елизавета

Княжна Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская, в зам. Лэндфилд. Костюмированный бал в Зимнем дворце. 1903

Вел. княгиня Елизавета Федоровна с фрейлиной Фафкой — княжной Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской

Федоровна пишет в письме 11 февраля 1901 г. и о Вере Дмитриевне Лобановой-Ростовской:

> Она женщина сердечная и тактичная; и ведь как она нас поняла в это прискорбное, мучительное время, как помогла в нашей ужасно трудной задаче... [16]

А в 1907 г. Елизавета Федоровна стала крестной матерью сына Лобановых-Ростовских — Дмитрия. Будущего отца Никиты.

> Дмитрий получил в благословение от Великой княгинини Елисаветы Феодоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой — специально ею заказанный образок Козельщанской Божией Матери[17].

Вторая крестная, предположительно, сестра князя Ивана Николаевича — княгиня Анна Николаевна Барятинская, увидела во сне

предсказание о младенце — тогда домашние не догадывались о его трагическом смысле.

> Мне снилось с 1-го на 2-ое апреля, что образ Козельщанской Божией Матери внесли в наш дом и, когда я молилась перед ним, послышался голос Царицы Небесной. Ей угодно было мне поведать, что меня позовут быть крестной матерью младенца, жизнь которого, а также того, который родится после него, будет связана с особыми судьбами их Родины[18].

Увы, зашифрованный в предсказании смысл *особые судьбы их Родины* оказался мрачным: оба, Дмитрий, родившийся в 1907 г., и Иван, родившийся в 1911 г., были расстреляны.

Испытания и вера

Деятельная семья, у которой восемь детей и которая занимается хозяйством, улучшением жизни крестьян, благотворительностью, восстановлением народной культуры, — блестящее положение во времена Российской империи! И столь же опасное, когда колесо судьбы круто разломило Россию на две враждующие части…

Другая сторона жизни князей Лобановых — их духовные руководители и старцы. Они часто бывали у старцев, подвизавшихся в знаменитых русских обителях: в Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавре и др. Среди них — преподобные оптинские старцы Варсонофий (Плиханков), Амвросий (Гренков), старец Зосима (Минаев), схиигуменья-исповедница София (Гринева). Как говорилось, когда семью настигли испытания, старцы не оставили их своим попечением, направляя их действия, а Лобановым порой казалось, что, следуя необычным рекомендациям духовных руководителей, они поступают опрометчиво, нелогично, странно.

Однако же результатом стало удачное и невероятное стечение обстоятельств, которое помогло семье избежать гибели.

Испытания начались задолго до роковых событий Октябрьского переворота. Смерть Бориса, маленького сына князя Ивана и княгини Веры, стала первым, личным этапом мытарств семьи.

Далее последовало постепенное (и потому особенно мучительное) разорение фамильного гнезда; затем — лишения и испытания других членов семьи, тяготы друзей, знакомых; наконец — напасти у людей их круга и сословия. А после — невзгоды, злоключения и взаимное озлобление множества людей в России, затянутых стихией общего краха. Княгиня Вера Лобанова вспоминала:

> Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпиливало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть[19].

Однако связь семьи с крестьянами, с народом не была потеряна. Маша, женщина из народа, близкая Вере Дмитриевне духовно, самый дорогой ее друг и бывшая «горничная Марихен», а перед Октябрьским переворотом — монахиня Дугиненской обители, возникшей под духовным руководством Оптиной пустыни и возглавляемой ее чадом, игуменьей Софией (Гриневой), писала ей:

> Судьба России, Ваше Сиятельство, как хранительницы Православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: недаром она называется в народе «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран[20].

Княгиня сосредоточенно, порой ожесточенно боролась с черными мыслями, «жалившими сердце», одолевавшими ее как искушение. Ее вера, живая, трепетная, была далека от всего внешнего, сусального, картинного. Как это и бывает в жизни. Когда погиб ее маленький сын, она то падала в пропасть отчаяния, то молитвами вновь поднималась, то опять океан горя подавлял ее. И она вновь хваталась за соломинку молитвы. То взлет, то падение, то утешение, то неутешная боль. И именно этот реальный путь скорби может и сейчас, и сегодня поддержать и укрепить российских женщин:

> Я начала становиться на молитву по три-четыре раза в день. Но какая тяжесть, какая мука! На душе и сердце каменная сухость. Чем больше я себя принуждала, тем

яростнее терзал враг. В изнеможении после молитвы я бралась за чтение... Однако мое состояние с началом молитвы о смерти еще более ухудшалось... Стоило мне лечь вечером и закрыть глаза, как особый род оцепенения находил на меня. При полном сознании я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, а враг под видом бесформенного, серого, отвратительного зверя-человека то приближался ко мне, то прятался от меня. В такие минуты мне стоило громадного труда вспомнить имя Господа Иисуса Христа и опалить Им врага[21].

Молитва батюшке преподобному Серафиму Саровскому на Пасху даровала ей сон. Слова сыночка «“*я умер, но жив*” — *пели в душе моей и успокаивали сердце*»[22]. Печаль матери осталась с ней до конца ее жизни, но сон принес свободу от ожесточения.

Ее наставником был преподобный Варсонофий Оптинский, «каждое слово которого я своевременно записала и запомнила на всю жизнь»[23]. Он помогал ей справляться с печалями в этот период, еще не знавший большевизма. Когда над семьей нависла смертельная опасность, живая вера привела княгиню к прозорливому старцу *болящему Иоанну*, духовное наставление которого незримо вело ее по испытаниям в эпоху «Совдепии» — и вывело семью «из чистилища». По сей день скрыто его подлинное имя, крестьянина по происхождению, жившего в обителях Тамбовской губернии близ уездного города Лебедянь: до 1912 г. в обители «Щит и Ограждение», затем (до своей смерти в 1921 г.) — в Крестовоздвиженском монастыре, где и происходили его встречи и беседы с княгиней Верой в 1918 г.

Перед приездом на больного провидца напали комиссары — физическое состояние его при встрече с княгиней было неутешительным.

Старец

...пред самым Великим Днем [Пасхой] случилась и у нас великая беда: наехали какие-то комиссары да начальники. Батюшка-Болящий ведь безответный,

а мы — что с нас взять — монахини. Вот и напали на нас. Начали с него, и давай его пытать. Зачем, мол, колдуешь и народ смущаешь? Теперь, мол, доказано, что это колдовская магия и обман, да кроме того, и Бога-то вашего вовсе нет. Покажи, мол, покажи, какой силой ты людей морочишь. Да больной его головкой стук да стук об стенку. Лишился тут Болящий чувств, да пошла и кровь чрез нос и рот. Они подумали, что помер — бросили...[24]

И вот встреча.

...отворилась дверь, и показалось кресло-коляска со старцем... Болящий прошептал еле внятным голосом: — Давно тебя ждал, хорошо, что приехала!.. — ...я приехала с Вами посоветоваться: я в большой тревоге и не знаю, что и предпринять. Батюшка силился что-то ответить, но ему это не удавалось. Матушка тем временем усадила меня у стола... — Наш батюшка стал плохо говорить с того раза, как его большевики истязали... Я невольно взглянула на старца: он по-прежнему недвижимо покоился на кресле, но теперь уже с закрытыми глазами. Я смотрела на грустную картину: у него явно была водянка. Он сидел распухший, неподвижный, одетый в темный халат... и обутый в высокие валенки. Его белые восковые маленькие, но всё же распухшие руки тоже недвижимо лежали на коленях, а бедная голова поддерживалась кожаной повязкой в вершок ширины, подложенной черным бархатом... Голова, видимо, не могла держаться самостоятельно и без поддержки падала на грудь. Лицо Болящего было сильно припухшее, но всё же, как и его совершенно темные волосы, свидетельствовало о непреклонных еще годах... Проникнутая чувством глубокого сострадания к этой страшной немощи, я совершенно отвлеклась мыслью от предстоящей записи вопросов и, только с трудом сосредоточившись, наконец, собралась с мыслями и написала:

1. Уезжать ли нам? Если уезжать, то как и когда?
2. Если оставаться, то как жить и на что?..

Я взяла листок и прочла мой первый вопрос. Губы Болящего зашевелились, и матушка нагнулась к нему. Он говорил шепотом, но изредка прорывались слова, понятные и мне. Было заметно, что Батюшка делал большое усилие, чтобы говорить. Казалось, что-то душит его... Наконец, до меня стали доходить его медленные, глухие слова, сначала менее, а потом всё более понятные.

— Оставаться тебе нельзя: за тобою гоняются, как волк за овцою, и если останешься, то и муж твой пострадает до крови. Возьми всю семью и с Богом выезжай. Путь твой в конце будет труден, но всё же не робей. Да, в конце будет очень тяжело!..

Матушка стала усиленно мне шептать:

— Просите, чтобы Батюшка ехал с Вами.

— Да как же, матушка? — возразила я тоже тихо.

— Молитвою, родная, молитвою. Ехать с Вами — значит, всё время умолять Господа за Вас. Просите же, просите, — торопила она меня настойчиво и сердечно.

Наконец, я с трудом выговорила:

— Батюшка, я очень прошу Вас ехать с нами!..

— Терпим все мы, по попущенью Божиему, за грехи наши. Много раз Господь предупреждал нас, но никто не слушал Его, и, наконец, наступило время наказания... Ведь большевистская сила — бесовская сила: бесом научены, бесом и действуют. И все их подходы, и все их уловки — всё одна лишь война против Господа нашего Иисуса Христа... Но народ покается не сразу, и попустит Господь междоусобную брань, и восстанет брат на брата — и восстал уже, и льется кровь и будет еще литься... И будут многие селения стоять пустыми, и когда увидит Господь, что меру полноты наказания приняла земля Русская, и стал размышлять, понимать и каяться народ, — то остановит карающую руку Свою и помилует Россию[25].

Она следовала его советам — со всей твердостью воли, поддержанной молитвой. Оступалась, не доверяла самой себе, но действовала в соответствии с указаниями старца. Но не менее уделяла сил

и рвения земным хлопотам, лечила домашних, учила младших детей, с трудом выкраивала скудные средства на то, чтобы достать семейству еды, готовила, убирала, припрятывала в надежных местах ценности, которые необходимо во что бы то ни стало увезти с собой. Небесное и земное находилось у нее в правильном соответствии. Княгиня Вера сыграла главную роль в деле спасения семьи. Она стала оплотом и поддержкой всем домашним…

Семья была известна и всеми любима в Ефремове, вблизи которого располагалось имение Лобановых. Однако подогреваемая красными агитаторами ожесточенная агрессия против помещиков заставила князей бежать из родных мест. «Болящий Иоанн» дал совет: «Уезжать».

А уехать-убежать было просто невозможно. В поезд для беженцев нельзя было попасть помещикам. Княгиня, чувствуя себя ответственной за семью, колебалась, мучилась сомнениями, но усилием веры последовала совету, данному «болящим Иоанном». И нашлись люди, которые помогли переодетым князьям попасть в поезд!

Облава. Остановка поезда. Многие арестованы. У семьи нашли фамильные ценности. Расстрел, как происходило в те годы? Нет! Вновь удалось спастись. Но страшное — только впереди.

> В то время семьи никуда не пускали мужчин, боясь за них, а действовали лишь женщины… [26]

Князя Ивана трижды арестуют. Позже он вспоминал:

> …ночью войдет вдруг чекист, зажжет электричество, грубо разбудит свою жертву, ударит прикладом и спросит: «Как чувствуете себя, Ваше Превосходительство?» Низко-низко опустится седая голова; жертва молчит, и только тихо покатится по щеке слеза… В ночь расстреливали от 15 до 25 человек… Да, я рад, конечно, что вырвался из этого ада, но должен сказать, что я видел там краешек неба: так чудно и возвышенно было настроение многих; среди них и я порой чувствовал себя действительно христианином… [27]

А о князе в заключении рассказывали вот что. Ночью «нарядили» семь заложников — рыть яму.

> «Для нашего ли расстрела яму рыть?» — спрашивали они... Один только князь ничего не спрашивал, но еще останавливал и уговаривал других: «Не малодушествуйте, господа, пойдемте скорее на работу; Господь нас не оставит — на смерть ли мы идем или нет — Он всегда с нами!»[28]

Княгиня была далека от предвзятости мнений: и красные, бывало, являли «человеческое лицо», а белые демонстрировали явную зависть.

> Память о многом ужасном, несправедливом и страшном оставила в душе народа непреодолимое чувство мести. У лучших из них всегда бессознательно шевелится в душе: «Хоть бы немного господа пожили в нашей коже»... Сколько жертв дала эта бойня белых и красных! Одни погибали вскоре же... другие протомились дольше, а многие томятся и по сей день, измученные туберкулезом, неврастенией, полной инвалидностью и прочими недугами. Число этих страстотерпцев нам не перечесть... — говорила Вера Дмитриевна[29].

Из Одессы по водам Днестра

«Новая» жизнь, как будто оценив могучую натуру русской женщины, жены-матери-хозяйки, испытывала княгиню Веру всевозможными невзгодами: и большими, и мелкими (но оттого не менее ужасными), всеми видами человеческой злобы.

Так, Вера Дмитриевна судит события с трезвым взглядом работящей опытной хозяйки и заранее представляет себе, к чему приведет большевистская страсть к «бумажке» вместо человека, находя для этого явления свой, очень выразительный термин, составленный по образцу церковнославянизмов, — *бумагоисступление*:

Княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская
и капитан Константин Улик

Мама́ — Ольга Александровна Калиновская,
ур. Леонтович, прабабушка Никиты

> ...бумагоисступление придумано исключительно для того, чтобы настолько утомить ноги и душу обывателя, что он уже становится после этого абсолютно неспособным на проявление какой бы то ни было энергии в другом направлении[30].

…Неумело утопленный на ее глазах котенок, которого она спасла, вылечила, а соседи позже выбросили его из окна; злобно вырванные цветы, которые посадил младший сын, лишенный всех радостей, необходимых в детстве, — это ранит навсегда. Но это не тот ужас, который она переживала во времена красного террора в течение 1919–1920 гг. и который может лишить человека рассудка.

Как говорилось, семья оказалась в Одессе, и Лобановы вновь остались неузнанными. Кошмар красного террора, который только чудом обходил до поры до времени княжескую семью, заставил прийти к единственному решению, которое позволило бы выжить домашним, — к новому побегу из Одессы по водам Днестра через границу с Румынией.

Итак, побег семьи Лобановых планировался на январь 1920 г., но удалось его осуществить лишь в три мучительных этапа в течение года и трех месяцев.

Первыми исчезли старшие сыновья, Яков и Никита. До поры до времени семье о них ничего не известно.

Летом 1919 г. в третий раз арестовали князя Ивана Николаевича. Семья решила — это конец. Однако обстоятельства благоприятствовали. В августе 1919 г. население Одессы с ликованием встречает Добровольческую армию. Ликование было недолгим. Слухи о том, что «большевики справа и слева», заставляют Веру Дмитриевну поторопить мужа с отъездом, а сама она предполагает выехать с детьми и старой матерью чуть позже. Увы, так не получилось. Слова старшего сына Николая были решающими:

> Уезжать надо... Видел я все цвета большевистской радуги и знаю, что, при лицемерных вздохах Европы, большее неминуемо проглотит меньшее, и на много лет...
>
> — *Mama*, если ты немедленно не отправишь *Papa*, он погибнет в первую очередь. Ты сама понимаешь, что после председательствования в комиссиях, имевших

отношение к Добровольческой армии, он на счету у большевиков и в списке будущих их жертв.

— Ты прав, я сама думала то же самое. Поезжай с *Papa* завтра же… [31]

В январе 1920 г. князь со старшим сыном Николаем, в крестьянском платье, тайно выехали из России. Они, с раскосыми глазами и высокими скулами, не вызывали подозрений. Бежать вместе с женой, тещей, двумя младшими сыновьями, Дмитрием и Иваном, было бы гибельно для всех. Князь Иван ожидал их прибытия в Румынию через две недели — но путь был отрезан красными бандами. Побег семьи растянулся на 15 месяцев. Что Иван Николаевич пережил в неизвестности о близких, можно только догадываться… В сентябре 1920 г. за младшими детьми, Дмитрием и Иваном, пробирается через границу одетая в крестьянское платье старшая дочь Ольга и уезжает с ними незамеченной. С 1914 г. Ольга учится в Швейцарии. Получая известия о событиях революции, она начинает готовить план побега родных. Как это возможно? На пути в Россию ей встретился румынский морской капитан Константин Улик — он в нее влюблен, она вскоре станет его женой — и во всем ей неистово помогает.

И финал. Апрель 1921 г. Тайная ночная переправа княгини со старой матерью, с помощью лодочников Филиппа и Савки, головой рисковавших перед местной ЧК. И как это бывает в реальности, высокая стратегия риска переплетена с неожиданными житейскими подробностями, которые преодолеть бывает еще тяжелее.

Вот они у лодки, хватают *Mama*, сажают на скамью, кричат мне: «Прыгайте!», напирают на лодку, сталкивают ее в воду и вскакивают в нее сами… В два-три удара мы уже далеко от берега. *Mama* сидит очень высоко на носу, ко мне лицом. Между нами Филипп. Она одна. Боже, как бы не упала. Но она дочь моряка и отважного командира. Кровь говорит в ней, и она держит себя героем, в 81 год сидит прямо, как тростинка, хотя лодку и бросает из стороны в сторону. Волна очень сильна и лодка протекает. Я сижу в ее центре, и мне это очень чувствительно… — У меня ноги перекручены… Тяжело

Княжна Анна Ивановна Лобанова-Ростовская, выпускница Смольного института. 1917

мне. Помогите мне встать на минуту, да поправить их. Я сама двинуться не могу. Что-то мешает, — проговорила *Mama*, не решавшаяся долгое время никого беспокоить.

— Бабушка, потерпите маленько, теперь до румынских вод недалеко: боюсь погони на парусах. Я сам на веслах умаялся. Нутренность мою так и палит...

Мы скоро увидели зажженные на берегу костры и возле них натянутые на шесты сети. Двигавшиеся перед ними люди казались какими-то черными, сверхъестественными силуэтами на багрово-красном фоне огня. Картина казалась страшной и зловещей, точно изображение ада, но была полна эффекта, красочности и невольно притягивала внимание зрителя. Мой мозг тем временем сверлила мысль, как бы переложить ноги *Mama*... Вот мы уже прошли в полуверсте от костров, вот мы уже недалеко от румынского берега...

— Парус, парус! Ниже голову, Вера Дмитриевна, — вдруг послышался встревоженный голос Филиппа. — Тише, держите голову ниже, чтобы не видно было, что тут женщины, — с отчаянием в голосе просит Филипп. Он спешно достает револьвер и кладет его рядом с собой на скамью.

— Вера, я боюсь, мне делается дурно от боли. Мне сводит судорогой ноги. Вера, ради Бога, помоги, — стонет *Mama*. — Господи, вызволи, Господи, спаси!

Еще усилие, еще несколько последних страшных минут. Филипп уже выбивается из последних сил. Еще

несколько ударов вёсел, и мы входим в румынские воды. Рыбаки снимают шапки и крестятся[32].

Во время долгого пути на чужбину семью вновь ожидали опасности, тюрьмы и лишения. Летом 1921 г. муж и жена встретились. А вскоре приехали и дети.

Стояли чудные дни конца июня. У лазоревых берегов Капри, обвеянного ароматом моря и цветов, мы свиделись с Иваном[33].

Повидались с родными и близкими в Париже и Лондоне. И отправились в Болгарию — в Софию.

Наконец, к февралю 1922 года семья наша стала жить оседло[34].

Некоторое время, при болгарском царе Борисе, семья жила благополучно. Но спастись удалось не всем. В «Совдепии» без вести навсегда пропала дочь Лобановых — Анна Ивановна. В 1932 г., пытаясь вернуться на родину, был расстрелян их сын Иван Иванович. А в 1921 г. погиб другой сын — белый офицер Никита, который благодаря мужеству, чуду и молитвам родных неоднократно спасался там, где выжить, казалось, было невозможно. Но спасение оказалось лишь «отсрочкой». Последствия Гражданской войны догнали его три года спустя, оборвав его молодую жизнь. Княгиня вспоминала:

Три года он провел в кровавой бане, многократно был ранен, несколько раз находился в плену у большевиков, столько же раз стоял у «стенки», и хотя каждый раз и бывал чудесно спасаем, но потрясений все же не избежал. Болел он и сыпным тифом; еще не долеченный, пошел в бой, страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит подоспевшим отрядом белых. И опять: кровь, кровь и кровь! Вот какою сплошною мукою была жизнь моего

сына с девятнадцати до двадцати двух лет. Результатом этого стала гибель Никиты в августе 1921 года... [35]

Вот какие мысли и чаяния о России высказала княгиня Вера, чеканным слогом выразив сущность большевизма. Может быть, ее слова вскоре станут «цитатой из классики»:

> Часто отождествляют большевизм с коммунизмом. Но последний представляет лишь отвлеченный, хотя и вредный бредовый идеал, взятый напрокат большевиками, работающими на почве зла и обмана. Советская власть (или большевизм) никаких моральных основ не имеет. А служит, сознательно или бессознательно, тайным темным силам. Украшается тем, что в данный момент ей выгодно для разрушения христианского мира. Бутафорией для нее и был коммунизм. Он оказался крайне неудобен в госдарственном масштабе. А потому был беззастенчиво отброшен. Верую, что большевизм доживает свой последний период[36].

Вера Дмитриевна обращается ко всей русской диаспоре, рассеянной по миру:

> Прошу моих читателей, кто еще молод, навестить мою родину, когда она, сбросив с себя оковы рабства, воскреснет к новой жизни после невиданных миром испытаний. Когда, осознавшая себя и счастливая, она вновь покроется крестами храмов и обителей. Тогда заблистает в ней опять старческая мудрость, на вразумление и утешение ближнего своего. Тогда вновь назовут ее, как и раньше, «Святая Русь»[37].

Несмотря на великие несчастья, постигшие княгиню Веру и ее семью, ей удалось сохранить в своей душе свет.

> Годы проходили, молодость души уходила безвозвратно. Я уже не только перелистывала страницы книги о жизни и смерти, но и читала ее внушительные строки.

Князь Никита Иванович Лобанов-Ростовский, белый офицер

И поняла опытом, что смерть на земле, это трагическое завершение нашей земной жизни, могла произойти только от неповиновения Творцу, неповиновения, ведущего к потере нашего спокойствия и радости. Я познала также опытом, что все гонятся за счастьем. А оно у нас в руках — только никто не видит его и не хочет видеть, а, наоборот, с каждым днем удаляются от него всё дальше и дальше[38].

Вера Дмитриевна покинула этот мир в 1943 г., не узнав об аресте семьи сына Дмитрия Ивановича, крестника Великой княгини. Он, невестка Ирина Васильевна (урожденная Вырубова) и 11-летний внук Никита оказались в тюрьме и прошли свой, уготованный им путь мытарств. Не узнала об их неудавшемся побеге, расстреле Дмитрия Ивановича, о жуткой судьбе в лагере старшего сына Николая Ивановича. Об этом рассказал ее внук в своих воспоминаниях. Об этом — дальше.

Глава II

ЛОБАНОВЫ И ВЫРУБОВЫ В ЭМИГРАЦИИ. ДВА МИРА

ЛОБАНОВЫ

Старые князь и княгиня

Напряжение воли, скрученной в жгут в течение четырех лет, тяжело далось княгине Вере. Но это ее и держало в годы испытаний — благодаря чувству долга, ответственности. Когда она потеряла второго сына: «Что я вынесла, знает Один Господь Бог, допустивший этот страшный удар… Иван же делал всё, что только было возможно, но его силы имели лишь человеческий предел»[39]. Угнетала стариков и разлука с дочерью Анной.

> Всё же я знала, что Аня жива, хотя доля ее была тяжела и пока беспросветна. Она была замужем за своим начальником по Красному Кресту, но муж ее погиб, и она осталась вдовой с маленьким мальчиком на руках. Средства к жизни она добывала уроками языков и сестринской работой. Всё высланное мною Ане было ей не на пользу: ее обокрали дотла, после чего она долго болела. Выписать дочь мне тоже не удавалось: большевики не

хотели ее выпустить, и их пресс давил ее беспощадно... вырвать ее из клещей красных пока не представлялось возможным[40].

Мы не знаем, что стало с Анной. «Расставанье — маленькая смерть»…

То, что сейчас мы бы назвали «выгоранием», стало проступать в княгине постепенно. Выдыхалась, уставала. А это состояние души явно чувствуют мошенники. У семьи были еще какие-то средства, кое-что удалось вывезти. Но княгиню заманили в ловушку — и почти всё пропало. Итак, она

... услышала, что в каком-то захолустье, в горах, существуют всеми забытое и давно заброшенное месторождение каменного угля. При этом владелец месторождения нуждался в финансовых средствах и готовился продать его часть. Для Лобановой это было большой удачей. Княгиня сама лично убедилась во всем, когда ее привезли осмотреть место продажи... Как только рабочие соскребли лопатой слой почвы, под ним засиял чистый уголь! Готовый к употреблению в печи... Во время переговоров о продаже внезапно появляется другой покупатель — какой-то богатый грек, который готов предложить бóльшую цену за землю. Поэтому, чтобы не упустить шанс, посланный им Богом, они поспешно заключили сделку и незамедлительно начали подготовку к разработке месторождения и добыче угля.

И что произошло? Продавец закопал три телеги с углем, хорошо их засыпал, заровнял землю, сровняв с дерном — и вуаля! Таким образом, княжеская семья была разорена.

Вот тут-то княгине многое припомнилось. Не только то, что чистый каменный уголь был уж слишком чистым. Но и то, что после осмотра приобретения, когда она садилась в фаэтон, двое местных жителей настойчиво стремились поговорить с ней, но продавец яростно прогонял их, убеждая княгиню, что это нищие попрошайки. Скорее всего, они, честные бедняки, хотели

предупредить ее о мошенничестве. Но... социальный статус, который княжеские потомки считали полученным при рождении и по праву принадлежавшим им, также обязывал ее к соответствующему поведению и манере общения. Поэтому эта встреча-разговор, которой желали селяне, не состоялась.

Так полностью опустел банковский счет князя Ивана, и они должны были начать работать[41].

Никита добавляет:

... бабушка была горе-коммерсантом: пыталась открыть пекарню и торговать бубликами, но и тут прогорела[42].

«Ее организм защищался…» Бабушка

Она умерла во время войны, в июне 1943-го, и, забегая вперед, расскажем, каким запомнился ее облик и ее уход. Дочь любимой няни Никиты Елены Ивановны Иванюк, Валентина Николаевна, рассказывает:

Я прекрасно помню старую княгиню. Высокая, крупная, очень приятная... Однажды старый князь поехал в Румынию к дочери Ольге Ивановне, привез кое-какие средства, ведь жили они очень скудно, — и старая княгиня тут же устроила елку, не только для своей семьи, но и мы участвовали в ней. Маме в подарок достался чайник, а мне — кукла...

У Веры Дмитриевны было слабое сердце — она умерла во сне ночью. Трудно представить горе старого князя, когда наутро он тщетно звал: «Вера, Вера...»

На кладбище панихиду по Вере Дмитриевне служил Митрополит Болгарский Стефан. Вот как это было. Подъехала большая черная машина, из нее вышел Владыка, отстранил знаком руки других священнослужителей и сказал: «Я буду служить панихиду». Они давно были знакомы и дружили... Когда старая княгиня написала

Княгиня Вера Дмитриевна
и князь Иван Николаевич Лобановы-Ростовские. София

книгу и решила ее издать... он субсидировал издание, и таким образом книга увидела свет на болгарском языке[43].

И всё-таки она не оставляла надежды вернуться в Россию. Ее печали припомнили сыновья Николай и Дмитрий, описывая кончину старой княгини в письме к сестре Ольге.

Institut Français,
3 площадь Славейков,
София, 16 июля 1943 г.

Князь Николай Иванович
Лобанов-Ростовский

Дорогая Ольга,

Сегодня утром мы похоронили маму. Софийский митрополит пришел на кладбище, чтобы дать ей разрешительную молитву и произнести несколько слов утешения... *Papa* держится превосходно; *Mama* умерла спокойно, во сне. Он нашел ее вчера утром, в постели, с закрытыми глазами. Однако 53 года совместной жизни не могут прерваться просто так, тем более что отношения были столь нежные. *Mama* умоляла *Papa* не оставлять ее надолго в последние месяцы; она говорила

мне, что хотела бы наслаждаться его присутствием как можно больше и чтобы один из них не умер в отсутствие другого. В особенности, ее беспокоила мысль о том, какое горе будет для *Papa*, если она умрет первой. Так, эту первую ночь в одиночестве он совсем не спал. Он держался прямо на протяжении всей церемонии, в церкви и на кладбище. Он будет питаться у Дмитрия и согласился поселиться у него после отъезда Ирины и Никиты в Швейцарию (скажем, примерно в середине августа)...

Если бы она пережила последнее испытание, это только ненадолго отложило бы исход, ибо здоровье *Mama* было сильно подорвано. Она признавалась мне, что никогда не пережила бы воздушной бомбардировки...

...я нашел дневник, некоторые страницы которого относятся к 1904/1907 годам, в то время как основная часть относится к годам 1936/1943, в частности ко времени войны. Последняя запись датируется 14 июля, то есть накануне ее смерти... *Mama*, наверное, страдала несказанно после смерти Бориса. Вместо того чтобы подлечить нервы, она боролась в одиночку с этой потерей. Ее организм защищался, создавая фантастический мир волшебных сказок. Там все: выжившие члены Императорской семьи, женитьба Ивана на Великой княгине (нашего возраста), учеба Цесаревича в Университете в Японии, видения и сны. Я это понимаю, и сам этим занимаюсь для облегчения своего существования...

Меня интересовала драма, происходящая в сознании *Mama*, ее борьба за пропитание, ее обманутые надежды... Я отдал дневник, настоятельно посоветовав предать его огню...

Передаю листок Дмитрию. Поцелуй всех своих, твой любящий брат,

Николя

Дорогая моя Ольга,

Николя тебе уже все подробно рассказал о смерти *Mama*. Она была очень красива в гробу, ее лицо спокойно и безмятежно. Я ощущаю большую пустоту с тех пор, как

Mama нет, поскольку мне все время хотелось быть на нее похожим, мне нравилось приходить к ней и беседовать с ней. Я счастлив, что она избежала болезненной смерти, это был спокойный переход из одного мира в другой.

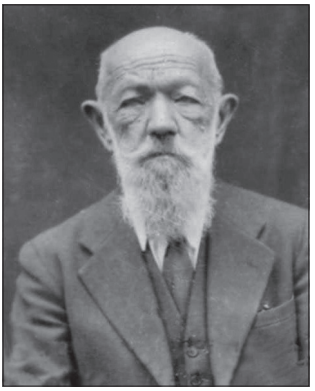
Все мои наилучшие пожелания к твоим именинам. Обнимаю тебя и твоих.

С любовью,
твой брат Дмитрий[44]

Князь Иван. Дедушка

А что князь Иван? В 1922 г. ему 56 лет. С самого начала эмиграции он стремился обеспечить семью. Из воспоминаний внука Никиты:

> В детстве я так воспринимал Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского: дедушка любит, понимает и знает вкус в двух областях: в православном богослужении и в музыке. В эти две стихии, мне казалось, он был полностью погружен. Он любил посещать храм Александра Невского в Софии, поскольку там пел хор профессиональных певцов Софийской оперы. И играл на скрипке Страдивари (скрипка была продана в Софии после того, как дедушка обанкротился). Впоследствии я узнал, что у дедушки в царской России был большой круг деловой и общественной деятельности. И в эмиграции он неустанно трудился, как в области земных дел, так и в благотворительности[45].



Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский. Фото из архива болгарской госбезопасности

Зарабатывал старый князь грузоперевозками. Будучи председателем родительского комитета Софийской русской гимназии, где учился его сын Дмитрий, преподавал еще и латинский язык (1924–1927).

Обанкротившись в 1928 г. и потеряв все свои деньги, в возрасте 62 лет вышел на

пенсию. Однако не оставил общественной и — как только возникала малейшая финансовая возможность — благотворительной деятельности. Член Комитета русских беженцев, член попечительского совета знаменитого Борисовского сада, имеющего статус культурного достояния Софии. Несколько лет он председательствовал в Комитете по сбору средств инвалидам. Князь Иван Николаевич жертвовал монастырю Свв. Кирика и Иулиты, расположенному вблизи города Авсеновград.

Из воспоминаний дочери Никитиной няни, Валентины Николаевны Иванюк:

> Старый князь был невысокого роста, худенький, с несколько монгольскими чертами лица. Супруги так достойно себя вели, что со временем мы внутренне стали преклоняться перед величием их души. Ведь старого князя, мы знали, в России часто приглашали ко Двору, и он нередко танцевал с Императрицей Александрой Федоровной. А тут, в Софии, он надевал длинный большой белый фартук и мел общую лестницу. И ни слова ропота[46].

ОТЕЦ НИКИТЫ

Князь Дмитрий Иванович

«*Мой отец был джентльменом*», — не раз говорил в своих интервью Никита Дмитриевич. В 1917-м Дмитрию исполнилось 10 лет. Самые страшные годы семьи пришлись на его отрочество. Он многое повидал и узнал такого, что ребенок не должен видеть, — это закалило его характер, утвердило присущую ему порядочность, но, наверное, усилило и природную сдержанность, усилило нежелание-неумение показывать чувства. Эти качества Никита унаследовал от отца. «Сдержанный, значит есть что сдерживать», — говорила Цветаева.

Гимназия в 17-м закрылась, поневоле пришлось учиться дома. Учила бабушка, Ольга Александровна, старинная и образованная

дама, это тоже наложило свой отпечаток на личность Дмитрия. Старше младшего брата Ивана на 4 года, Дмитрий старался быть матери главным помощником. И ее проницательные глаза видели характеры сыновей, столь разные, сколь внешне они были разительно похожи друг на друга. Их и во взрослом возрасте путали.

> Меня особенно однажды поразил Дмитрий: мы остались как-то вдвоем, и он предложил мне прочесть вслух очень понравившийся ему прелестный рассказ для юношества Куприна. Читал он буквально как взрослый — не запинаясь, а, наоборот, так умно и тонко подчеркивая все интересные места и оттенки, что я забыла о том, что со мною семилетний ребенок, а не приятный чтец и собеседник... Ваня был очень мил, но совершенно в другом роде: целый день он напевал песенки, и был, кажется, только один момент, когда его не было слышно, а именно — между утренней молитвой и чаем, когда он здоровался с цветами... на кончиках пальцев впархивал в сад, в свое царство[47].

Братьям выпало на долю в ужасном доме в Одессе видеть, как расстреливают людей, особенно тяжелым впечатлением была жестокость палача Улайки, он дико и однообразно шутил, что научит детей, как убивать белых, поселив ужас в их душах. В исступленном отвращении братья с приятелями действительно договорились выстрелить, но… в палача. План осуществил приятель *левольвером*, даже не научась еще правильно произносить название оружия, Дмитрий и Иван были свидетелями, но каково потрясение для детской души. И бесхитростный, дрожащий маленький рыцарь, рассказывая княгине о происшествии, более всего думал, а не пострадает ли его дедушка, коли узнают. Страшный документ эпохи.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский

Улайка… как нас увидит, заманит к стенке, на ней сделает круг и дает наган. «Стреляй, мол, потом, как Алёшке красноармейцу, дам тебе и белых расстреливать»… Во дворе часто красноармейцы баловались. Бывало, всю стенку обобьют. И без нас стрельбы было много. А Улайка всё смеется на яму, где они сидели, да на них указывает: «Готовьтесь, мол, эта музыка для вас»… Юзя стащил у кого-то левольвер, такой маленький и блестящий, и его в кармане прятал и мне показывал… Вчера вечером Ваня и Юзя полезли на крышу сарая и там сидели, а мы с Владей играли во дворе… Улайка сюда пришел, на камни стал, да и смотрит на яму. На улице что-то сильно стрелять начало. Я посмотрел на Юзю, а он вдруг вынул левольвер и… бац в Улайку. Тот упал, а Юзя — бац, в другой раз. А мы с Владей шмыг в двери к дедушке и притихли.

Дедушка спрашивает: «Кто это стреляет?» А мы говорим: «Бандит убежал, на улице стреляют». А дедушка перекрестился, да и говорит: «Свента Мария, помоги ему спрятаться»[48].

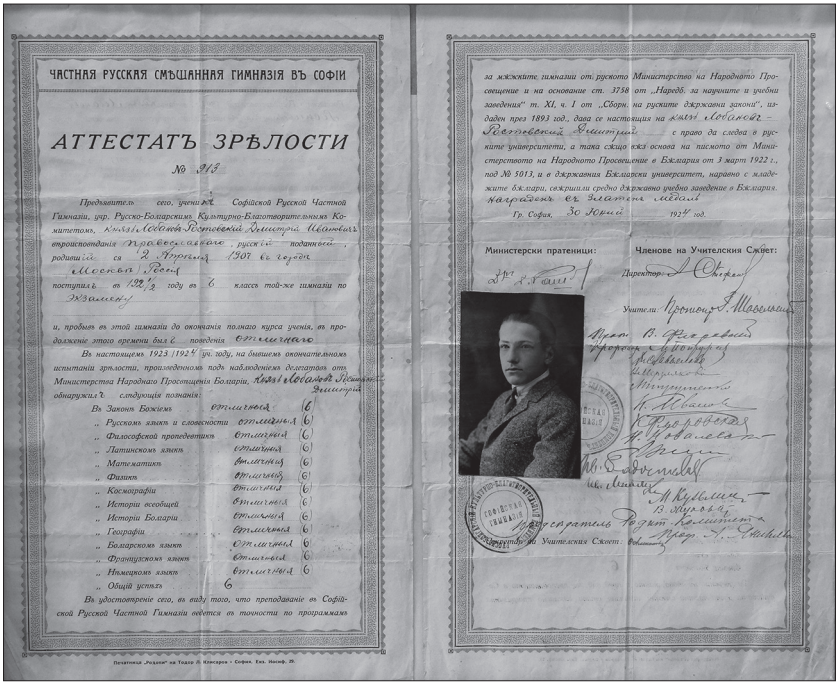
Мать Дмитрия напишет:

Дальше, дальше от дома убийства и крови, где дети мстят за взрослых и проявляют столько прямоты в скрытности и столько благородства в своих преступлениях[49].

«Благородство в преступлениях»… Такое извращенное время красного террора.

Как же Дмитрию было не обрести взрослую рассудительность, не научиться проявлять смекалку — это качество в полной мере досталось и Никите, — как в таком отчаянном положении, в котором жили мать, бабушка и малышка брат, было не приучить себя к тихой разработке скрытных планов? Вынужденно он научился и сообщать о своих рискованных задумках ровно, спокойно, с предельно нейтральной интонацией. И эту способность унаследовал Никита.

Оставшись как-то со мною после обеда вдвоем, Дмитрий неожиданно сказал: «А я тебе очень хорошее дело устроил, *Mama*, ведь если нам придется бежать, то будут нужны паспорта: с княжеским неудобно оставаться. Мой знакомый мальчик предлагает тебе пойти к его матери, и она тебе в этом деле поможет...» Я поцеловала моего мальчика. Ему было тогда лишь одиннадцать с половиною лет, но Совдепия прибавила ему лет пять мудрости за год своего существования. По натуре Дмитрий был необычайно добр и к людям, и к животным, но конфузился показывать свои чувства и даже тщательно скрывал их под видом полного спокойствия[50].



ЧАСТНАЯ РУССКАЯ СМѢШАННАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ СОФІИ

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

№ 913

Предъявитель сего, ученикъ Софійской Русской Частной Гимназіи, учр. Русско-Болгарскимъ Культурно-Благотворительнымъ Комитетомъ, Князь Лобановъ-Ростовскій Дмитрій Иванович вероисповѣданія Православное, русскій подданный, родившійся съ 2 Апрѣля 1907 въ городѣ Москвѣ, Росс. имп. поступилъ въ 1923/24 году въ 6. классъ той-же гимназіи по Экзамену

и, пробывъ въ этой гимназіи до окончанія полнаго курса ученія, въ продолженіе этого времени былъ своего поведенія отличнаго

Въ настоящемъ 1923/1924 уч. году, на бывшемъ окончательномъ испытаніи зрѣлости, произведенномъ подъ наблюденіемъ делегатовъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Болгаріи, Князь Лобановъ-Ростовскій Дмитрій обнаружилъ слѣдующія познанія:

Въ Законѣ Божіемъ	отличныя	6
„ Русскомъ языкѣ и словесности	отличныя	6
„ Философской пропедевтикѣ	отличныя	6
„ Латинскомъ языкѣ	отличныя	6
„ Математикѣ	отличныя	6
„ Физикѣ	отличныя	6
„ Космографіи	отличныя	6
„ Исторіи всеобщей	отличныя	6
„ Исторіи Болгаріи	отличныя	6
„ Географіи	отличныя	6
„ Болгарскомъ языкѣ	отличныя	6
„ Французскомъ языкѣ	отличныя	6
„ Нѣмецкомъ языкѣ	отличныя	6
„ Общій успѣхъ		6

Въ удостовѣреніе сего, въ виду того, что преподаваніе въ Софійской Русской Частной Гимназіи ведется въ точности по программамъ

Типография „Родина" на Тодора Д. Кожухаровъ • София. Екз. Насор. 20

за можките гимназии от руското Министерство на Народното Просвещение и на основание ст. 3758 от „Наредб. за научните и учебни заведения" т. XI, ч. I от „Сборн. на руските държавни закони", издаден през 1893 год., дава се настоящия на Княз Лобанов – Ростовский Дмитрий с право да следва в руските университети, а така сжщо въз основа на писмото от Министерството на Народното Просвещение в България от 3 март 1922 г., под № 5013, и в държавния Българския университет, наравно с младежите българи, свършили средно държавно учебно заведение в България.

Награден съ Златна медал

Гр. София, 30 Юний 1924 год.

Министерски пратеници:

Членове на Учителския Съвет:

Директоръ

Учители:

Секретарь на Учителския Съвет:

Аттестат князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. Софийская русская частная гимназия

Не в последнюю очередь трюк с паспортами помог в переездах оставаться Лобановым неузнанными.

А после весны 1921 г., когда Ольга увезла детей за границу, жизнь стала баловать Дмитрия. Отец отправил его в школу Харроу близ Лондона, где он провел год. Затем родные отвезли его в Италию, красотами которой он наслаждался тоже в течение года. Когда родители воссоединились, Дмитрий поступил в старшие классы Софийской русской гимназии, которую окончил в 1927 г. Удачно устроился работать в администрацию города. И вот — поездка в Париж на учебу, на 2 года, чтобы получить специальность бухгалтера…

ВЫРУБОВЫ

«Париж — город любви»

Так всегда говорит Никита, рассказывая о встрече отца и матери. Но, увы, подробности этого счастливого периода мы могли узнать только… из записей допроса Дмитрия, сделанного сотрудником болгарской госбезопасности.

> В 1932 году я поехал во Францию, где жил до конца 1934 года. В этом году я женился на Ирине Вырубовой и вернулся с супругой в Болгарию. Сначала я работал в администрации города. Затем, при помощи итальянского посла господина Сапупо, я поступил работать на фабрику «Фортуна», где дослужился до поста администратора фабрики (*Из протокола допроса 24.12.1946*)[51].

Влюбленные пережили немало бурь, но в желании быть вместе остались непреклонны. Отец Ирины, Василий Васильевич Вырубов, был против этого брака.

Надо сказать, что 1917 г. не только столкнул лбами, сделав непримиримо враждебными друг к другу российские сословия, непреодолимая трещина разрасталась в эмиграции и внутри по-разному думающих кругов дворянства. Отец Ирины, крупный земский деятель, а затем товарищ (заместитель) министра внутренних дел в первом Временном правительстве под руководством

князя Георгия Евгеньевича Львова, был человеком либеральных взглядов. Для него была чуждой среда семьи Дмитрия Ивановича, оставшаяся традиционно монархической по своим воззрениям. Но он сам вполне традиционно и авторитарно считал необходимым выносить решение о том, подходит ли избранник или избранница своим детям. Сын, участник и герой французского Освобождения, кавалер высших орденов Франции, личный друг генерала де Голля, подчинился. Дочь — нет.

> У моего дяди был бурный роман с балериной Марго Фонтейн, и он хотел на ней жениться, но его отец считал, что не подобает русскому дворянину жениться на танцовщице, и запретил брак. Похожая участь постигла моего дядю в желании жениться на дочери первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, Индире. Может быть, мой дед был прав, ибо в сорок два года мой дядя женился на Сабин де Ноай (*Noailles*), дочери герцога де Муши, на 16 лет моложе его, и вот уже более полувека живет в счастливом браке[52].

Расскажем немного о деде Никиты со стороны матери.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЫРУБОВ

«В его характере был заложен фермент протеста. Он сумел, принадлежа одной среде, раскрыться в другой»[53]

Судьба В. В. Вырубова была колоссальной насыщенности. Его сын, Н. В. Вырубов, так характеризует роль отца:

> ... если бы передо мной оказался какой-нибудь русский, который бы спросил меня, кем был мой отец, я бы сказал только одну фразу, и он бы понял: *общественный деятель*, тот, кто действует на благо общества[54].

На всем протяжении своей жизни он поступал не так, как было принято для аристократической среды, которой он принадлежал. Так,

> редко случалось в ту эпоху в России, чтобы люди из его среды получали бы высшее образование. Тем не менее мой отец — доктор математических наук[55].

Вырубов, сын княжны Евдокии Александровны Львовой, родственник князя Георгия Евгеньевича Львова. Однако, отмечает сын,

> на самом деле именно работа в земстве сблизила Львова и моего отца больше, чем их родство[56].

Василий Васильевич Вырубов, дед Никиты

А также либеральные воззрения. Бесспорно, он испытывал влияние князя Львова в вопросах устройства государства и его институтов, да и во многом другом. Как и князь Львов, В. В. Вырубов посвятил общественной деятельности всю жизнь, как и Львов, никогда не оставлял работы в земстве, в той или иной форме. Так, во время войны Вырубов служил при начальнике штаба армий Западного фронта генерале Алексееве, отвечая за гражданские дела, обмундирование, медикаменты и прочее.

Надо отметить, что и политическая карьера В. В. Вырубова задалась, в первом Временном правительстве он становится заместителем министра иностранных дел.

После Октябрьской революции Василию Вырубову было поручено заниматься поисками продовольствия для белой армии — вновь проблемы, которые он решал как представитель земства. В соответствии с распоряжениями Львова ему удается тайно проникнуть в Москву. Когда князь Львов оказывается в Сибири, туда же, по просьбе Колчака, Львов шифровкой вызвал и Вырубова:

> Колчак послал их в Вашингтон просить у президента США Вильсона помощи Белому движению. Получив отказ, они поехали в Лондон к британскому премьер-министру Ллойд Джорджу, а в конце 1918 года — в Париж к премьер-министру Франции Клемансо. К тому времени помощь Колчаку уже была не нужна: его военные соединения были разбиты[57].

Попав в Париж, оба, Львов и Вырубов, организуют «Русское политическое совещание», с целью, чтобы русская делегация была представлена на мирной конференции по итогам Первой мировой войны, о чем говорилось выше. В состав «совещания» вошли русские послы в разных странах Европы и представители русской общественности. Как отмечает Н. В. Вырубов:

> Основным препятствием на этом пути оставалась разобщенность антибольшевистских правительств, ни в одном из которых Запад не признавал общего представителя нации. Следовало срочно склонить все антибольшевистские силы к признанию всероссийским одного правительства. С этой миссией от «Русского политического совещания» отец неоднократно ездил на юг России. Миссия завершилась успехом, и Россия была представлена на Версальской конференции делегацией из пяти человек. Позже отец стал также генеральным секретарем Генеральной конференции, пришедшей на смену «Политическому совещанию»[58].

Преданный земству соратник и единомышленник Львова

А когда началось «Великое русское рассеяние», потоки русских беженцев хлынули за рубеж, в январе 1921 г. был создан аналог земства за рубежом: «Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей»

Земгор, существующий и по сию пору. Председателем Земгора до самой смерти был князь Львов. В. В. Вырубов вошел в правление Земгора, возглавлял его отделы, в том числе и финансовый — «наиболее сложный, ответственный, поскольку добывание средств на помощь беженцам и учет их расходования оставался одной из важнейших задач Земгора». Комитет имел свои филиалы почти во всех европейских странах, Северной и Южной Америке, финансировал «сеть русских школ, старческих домов, оказывал медицинскую, просветительскую, благотворительную и, главное, трудовую помощь, организацией которой, в частности, занимался В. В. Вырубов[59].

В первом отчетном докладе Земгора говорилось:

Устраивать в чужой стране в незнакомых условиях измученных, неприспособленных русских интеллигентов на чуждый им физический труд — задача неблагодарная, почти неисполнимая. В ее выполнении будет, конечно, много дефектов, много неудач и разочарований. Мы вперед заявляем, что будем счастливы, если удастся устроить одну треть из обратившихся к нам за помощью.

Н. В. Вырубов отмечает:

Однако, невзирая на тяжелые условия, Земгор выполнил больше, нежели обещал[60].

Помимо работы в земстве, оказавшись в эмиграции вдовцом с тремя малолетними детьми, бывший замминистра МИД Временного правительства становится управляющим в имении богатого семейства Бембергов, чтобы прокормить семью и оплатить обучение детей.

Редко встречается, чтобы крупные политические деятели были связаны столь тесными узами понимания, дружбы и согласия в убеждениях и мнениях. Лишь небольшой момент отмечает Н. В. Вырубов в различии их устремлений: Львов более всего думал об обустройстве крестьянства, сельских жителей,

а Вырубова более интересовало улучшение структуры и жизни общества[61]. Однако жизнь показала, что князь Львов и Вырубов оказались подлинными соратниками и единомышленниками, в своей и чужой стране занимаясь прежде всего реальным, конкретным улучшением жизни соотечественников. Оба с горечью, осознанно и достойно несли бремя поражения.

Попав в Париж и первое время живя у деда, Никита вспоминал, что дед обладал широтой и терпимостью по отношению к людям.

> Разные политические мировоззрения сегодня резко разделяют людей. Есть оппозиционеры… есть люди разных партий, и часто между ними очень мало социальных и дружеских контактов. А Керенский и члены Временного правительства в эмиграции дружили. Мне очень долго было непонятно, как это возможно, когда всем было ясно, что Керенский заложил бомбу к распаду России. Керенский в свое время приходил к нам обедать в столовой бывшей квартиры князя Львова, которую унаследовал мой дед Вырубов… За столом часто были Керенский, Коновалов, бывал и Кривошеин — все разных политических взглядов. Зато разговоры шли цивилизованно, без эксцессов[62].

Глава III

РОДИТЕЛИ НИКИТЫ

ИРИНА ВЫРУБОВА

Дворянское дитя в пензенской колыбели, петроградская пионерка, пансионерка в Уэльсе

И так, у молодых людей, повстречавшихся в Париже, было много общего. И мытарства семьи Ирины после революции, смерть матери, арестованной, заболевшей в тюрьме и вскоре умершей. И голод, и холод на чердаке Петрограда с бабушкой и дедушкой, арест деда и его внезапное, по стечению обстоятельств, освобождение и, наконец, тоже — побег, который осуществился путем их выкупа — именно *выкупа* у Советской власти, который осуществился с помощью богатой и доброй женой дяди Греты Рейсвиц за 100 000 марок под благовидным предлогом помощи Красному Кресту в России. В жизни Ирины на некоторое время возник Париж. А затем отрочество: жизнь не с отцом-вдовцом, который был вынужден изо всех сил зарабатывать деньги, чтобы прокормить троих детей, а английская школа в Уэльсе. Никита часто говорит, что у «мамы было певучее уэльское произношение». Ирина стала немножко *англичанкой* — читаем шуточное описание несостоявшегося званого обеда Василия Васильевича, заботливого отца — из-за болезни младшего сына.

Обед

Василий Васильевич ходил по гостиной как лев, сметая по пути все препятствия, которые, как нарочно, тормозили движение: кресла, столик, Васю [старший сын] и Ирину. Коля [младший], забравшись с больной ногой в дальний угол дивана, забаррикадировался обеденным столом и притих, сжавшись в комочек. Василий Васильевич наполнял своим голосом все комнаты, и даже в кухне жалобно этак позванивала посуда. Он возмущался тем, что из-за Коли нельзя теперь ехать во *Fleury*[*]. Какая досада! И Захар[**] волнуется и будет ждать до полуночи. И гусь с яблоками полетел ко всем чертям. И пирожки — к чертовой бабушке. И нельзя выпить доброго вина перед растопленным камином.

— Вот смотри у меня, — обратился он к Коле, — как только ты выздоровеешь, я тебя выдеру как сидорову козу.

— Папа, что это такое — «сидорова коза», — спросила Ирина, — это особая порода коз?

— Ты перестанешь, наконец, надоедать мне своими глупыми вопросами? *Англичанка!* И не мешай мне, пожалуйста, думать... Василий Васильевич смел Ирину со своего пути в коридор и быстрыми шагами приблизился к телефону[63].

Но если говорить серьезно, при таких резких переломах судьбы одиночество девочки, родившейся в среде российского дворянства в Пензе в окружении любящих родных, очевидно. Зигзаги судьбы — то изба в деревне, то чердак в Петрограде, а то вдруг — квартира князя Львова в Париже, и раз — пансионерские комнаты в холодной Англии! Было из чего выковать характер.

Она могла бы написать свои интереснейшие воспоминания. Но нет. Остались только протоколы допросов. Сохранились

---

[*] Флёри — деревня близ Фонтенбло, где в подсобных помещениях около замка у Вырубова были обширные жилые помещения и где он работал управляющим имением маркизов де Гане.

[**] Захар — повар, которого Вырубов «унаследовал» от князя Львова.

воспоминания ее младшего брата Николая Вырубова — об их общем детстве.

В 1917 г. Ирине исполнилось шесть лет. Младенчество в глубине России. Сиротство с девяти.

О детстве Ирины. Вновь о бегстве: Вырубовы — Галаховы

> ... бабушка по материнской линии [Ольга Васильевна, в зам. Галахова, ур. Шеншина] является племянницей поэта Фета, чья настоящая фамилия Шеншин... У поэта Фета было имение вблизи имения Спасское, где жил Тургенев. Оба литератора были даже в отдаленных родственных отношениях. И таким образом, она стала его наследницей, потому что была близкой родственницей. Бабушка потеряла своих родителей практически при рождении... Итак, ее, единственного ребенка в семье, полностью взял на воспитание ее дядя, поэт Фет, который повсюду брал ее с собой. Благодаря тесной связи со своим другим дядей, Тургеневым, она познакомилась также и с Толстым[64].

Спасское-Лутовиново, родительский дом Тургенева, принадлежал бабушке Ирины. Тургенев завещал Спасское, как и все свое имущество, Полине Виардо. Но после его смерти бабушка, желая сохранить имение в русских руках, обратилась в суд и выкупила его — чтобы превратить усадьбу в памятное место. В доме Тургенева Ольга Васильевна себя дома не чувствовала, ничего в нем не изменяла. Случился пожар, дом сгорел, но бабушке удалось спасти реликвии. Желая сохранить все, что принадлежало Тургеневу, она решила передать имение в государственную собственность — для создания музея-заповедника. До революции вопрос о будущем Спасского обсуждался, но никакого решения принято не было… Зато

> в 1918-м, когда моя семья жила в Орле в доме бабушки, пришла советская власть, и нам приказали оставить

Слева направо: в первом ряду Никита, его мать Ирина, дед Василий Вырубов, во втором ряду: прабубушка Ольга Васильевна Галахова, дядя Николай Васильевич Вырубов, тетя матери Кира Николаевна Галахова. Сен-Женевьев-де-Буа. 1936

дом, поскольку политический комиссар решил сделать из этого дома «музей Тургенева». Действительно, Тургенев родился в Орле и его родовой дом сгорел еще до революции… Нас обязали выехать из дома, и при этом, как я помню, до отъезда нам нельзя было ничего трогать, ни к чему прикасаться. Мы должны были просто собрать наши пожитки и покинуть дом[65].

Разумеется, и тут побег. Немудрено. Дедушка, Николай Павлович Галахов, был вице-губернатором Орла, а затем губернатором города Витебска и камергером двора. Дедушка и бабушка уехали в Петроград…

Николай Павлович Галахов, прадед Никиты

Гнев вождя. Одна — с тремя детьми в деревне

Мать Ирины Вырубовой, Ольга Николаевна Вырубова, остается с тремя маленькими детьми. Василий Вырубов по долгу службы уехал. Почему? Мы уже упоминали, что Василий Вырубов получил шифровку от князя Львова с просьбой сопровождать его в Америку.

Помимо того, было еще одно обстоятельство. Во время Октябрьской революции Ленин отдал приказ генералу Духонину вступить в контакт с немцами для переговоров о перемирии. Генерал Духонин отказался от переговоров и перенес на Вырубова ответственность за это решение.

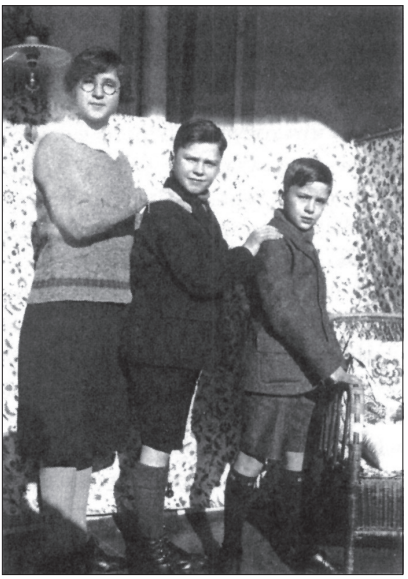
Ольга Николаевна Галахова, в зам. Вырубова, бабушка Никиты

> В результате отказ от переговоров сообщили Ленину телеграммой, в конце которой стояло имя: Вырубов. И это будет стоить моему отцу недоброжелательного отношения к нему Ленина: отец оказался одним из первых, вызвавших гнев вождя революции[66].

С тех пор связь отца с семьей обрывается… Вернуться в Россию он уже не мог. Брат Ирины вспоминал:

> … мать, трое ее детей и гувернантка поселились в деревне. Это была деревенька с типичными крестьянскими избами, так сказать, врытыми в землю, с хлевом для коров и других животных, в котором им можно было укрыться зимой. В основном помещении, где проживали все вместе, была знаменитая печь с уступами: на ней старики находили себе местечко внизу, самое теплое, а молодые поднимались выше. Позднее я понял, почему моя мать скрывалась в этой деревне. На самом деле фамилия

моей матери была Вырубова, имя, ставшее очень известным в России в ту пору: подруга императрицы, ее фрейлина, Анна Вырубова тогда была на слуху у всей России... Власти, которые давно нас разыскивали, быстро сообразили, что моя мать — бывшая госпожа Вырубова... Ее арестовали. Она попадает в тюрьму, где ее настигает тиф — это было частым явлением в то время. Вернувшись из тюрьмы, она... умерла в этой деревне в 1921 году[67].



Вася, Коля, Ирина. Нач. 1920-х

Детей, оставшихся сиротами, Ирину, Васю и Колю, сестра матери, Кира Николаевна Галахова, отвезла из этой страшной глухой деревни в не менее страшный чердак в Петрограде — это всё, что оставили большевики от их прежней квартиры. Но к родным дедушке и бабушке. Николай описал их общую жизнь:

Всё, что я здесь вспоминаю, а я был младшим из трех — воспоминания о том времени моей сестры и моего брата точнее, — я вспоминаю не жалуясь. В сущности, у меня было прекрасное детство. Какое удовольствие, например, было сидеть на крыше! Открыв окно, мы отправлялись гулять по крышам, что в нормальное время было строго запрещено.

А потом мы пошли в школу, где сразу же оказались в рядах коммунистической молодежи. Мы становимся так называемыми пионерами, нам повязали на шее красные косынки и заставили выполнять кучу общественных дел, что оказалось весьма увлекательным для нас. Но Вы знаете, человек — удивительное создание. Мы можем помнить множество... при этом не вспоминая боли или отсутствия пищи, того, что нам хотелось есть или что

мы мерзли: все это можно и не припомнить. Я же знаю, что не было иного способа добывать пропитание, как воровать. Таким образом мы с братом оказались в шайке мальчишек. Встречались мы утром и совершали набеги на магазины, склады, принося в дом все, что добывали. Все мое детство было отмечено тем, что надо было хоть что-то принести в дом, яблоко или грушу, но что-то нужно было принести для пропитания... Чтобы добыть поленья для печи, мы вырывали куски деревянных мостовых... По ночам [моя тетя], с тележкой, шла на петроградский вокзал, пытаясь собрать рассыпавшийся рис, клубни картофеля или кусочки хлеба, упавшие во время загрузки или разгрузки продовольственных поездов. Нам было голодно, холодно. Но память моя этого не сохранила[68].

Раннее взросление и отъезд в неизвестность

Вы помните, князя Ивана Николаевича Лобанова трижды арестовывали, и только по недоразумению он спасался. Такое было возможно только в неразберихе начала 1920-х гг. Потом уже большевики упорядочили свой террор — ни один не проскочил в «игольное ушко». Но это было несколькими годами позже. А тут? Как же не быть арестованным деду Ирины, камергеру Николаю Галахову? Непременно. Он и был арестован. Но вмешались высшие силы. В свое время Галаховы помогали деньгами бедным студентам, даже не зная адресата своей благотворительности. А судьей народного трибунала оказался тот самый студент. Он не нашел в себе силы обвинить старого человека, которого знал только с лучшей стороны, выступил с речью. В 1921 г. такое еще бывало возможно. Позже, позволь себе такое судья — и его бы голова слетела…

Ирине 13 лет. Она не могла не повзрослеть до срока при таких испытаниях. Сиротка без матери и отца, привязавшаяся к любимой няне. Девочки взрослеют раньше мальчиков. И природа наделила, видимо, ее характером от рождения. И сложился он рано… И вот цепь невероятных обстоятельств, «выкуп». Отъезд в мае 1924 г. Он их спас. Но оказался и для Ирины, и для Николая,

и для Василия большим душевным сломом. Дети были дружны, сплотились. Каким бы ни был тяжелым их быт, дети *привыкли*. А няня отказалась ехать! Детская психика и память воспринимают события своеобразно своему возрасту. И какой тяжелой перегрузкой оказалось для детей Вырубовых перемещение в иной мир, как трудно было приспосабливаться к реалиям чужого мира, не имея морального права пожаловаться кому-либо из старших! Ибо старшие в эмиграции еле-еле сводили концы с концами. А дети провели годы отрочества в разных местах и, бесспорно, в одиночестве.

> Нас, детей, отъезд глубоко потряс! Мы были очень привязаны к няне! И мы уже свыклись со своей жизнью, а яд советского учения нас к тому времени уже затронул, оставив глубокий след...
>
> Из нашего жилья нас выгнали на чердак... а потом и из России, нас выгоняли отовсюду, нас гнали, гнали, гнали...
>
> А здесь дело представляли так, будто мы бросили свою Родину[69].

Ирина: «Меня не привлекало выходить замуж по расчету…»

За плечами Дмитрия и Ирины — искалеченное детство, у обоих дикие психологические перегрузки, оторванность от самых любимых домашних, рискованные и мгновенные переезды в разные культурные традиции, а затем — неизбежное одиночество в ту пору, когда хрупкое детское сознание настраивается, чтобы спокойно переходить во взрослый мир. Тут же всё происходило для обоих — безжалостными рывками. И эти «дети страшных лет России», князь Дмитрий Лобанов и Ирина Вырубова, нашли друг друга и очень хорошо понимали.

Непреклонная воля отца Вырубова не смогла разрушить их союза, она наткнулась на не менее сильную волю его дочери. Но и Дмитрий, при всем подлинном почтении к родителям, принял решение не устраивать церемонии их знакомства с невестой и женился в Париже.

Ирина Васильевна Вырубова

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский

Все были против, как позже напишет Ирина. Вырубовы подключили и родственников, стремясь убедить Ирину в нежелательности этого брака, и завязалась даже некая интрига, все недостатки будущего супруга старались ярко высветить в ее глазах. Но она стояла на своем. Вот отрывок письма кузена Дмитрия, Юрия Арсеньева, — тетушке Ирины*, где он давал ей отчет в том, как пытался открыть невесте, что жених ей не подходит, что он

> так скрытен, что до души его я никак не доберусь. Она всё это не отрицала, но говорила, что она-то его знает, что с ней он вполне откровенен.

Арсеньев убеждал, что работы у него нет и никакого положения в обществе. Но, наконец, понял, что разбился о скалу и что

> она его, конечно, любит, и в этом отношении она твердо стоит на своей позиции.

---

* Юрий Сергеевич Арсеньев — брат известного философа и историка культуры Николая Сергеевича Арсеньева (1888–1977). Письмо 7 августа 1934 г. Кире Николаевне Галаховой. Архив Н. Д. Лобанова-Ростовского.

И заключил следующее:

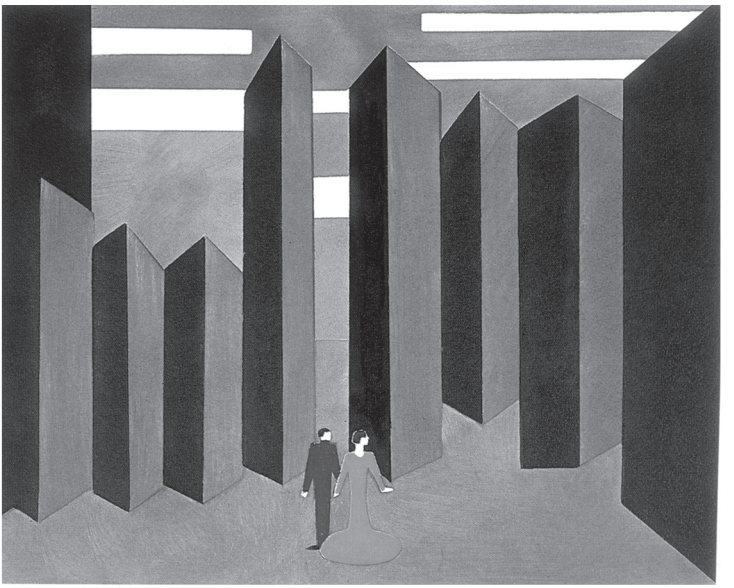
> Ваша племянница — совершенно исключительный человек, такое сокровище, обладать которым может составить счастие всей жизни.

Видимо, сам был неравнодушен к ней.
Союз был предопределен, ведь «Париж — город любви».

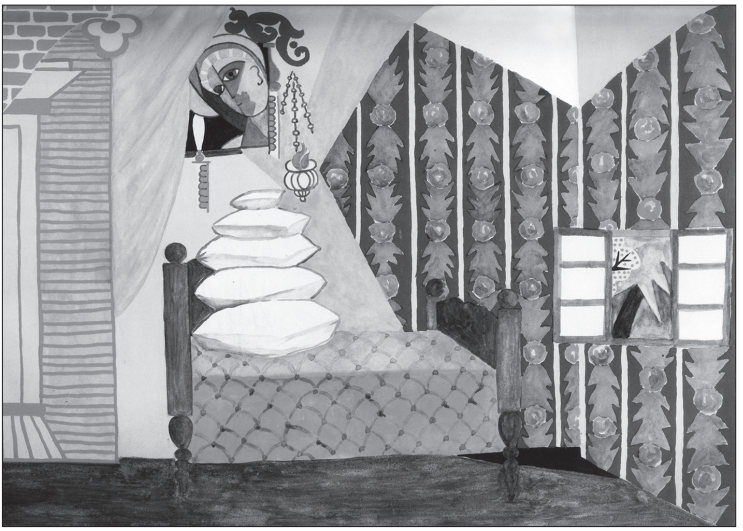
Николай Вырубов, говоря о себе, говорил и об Ирине, они в детстве многое воспринимали одинаково. И всю жизнь были дружны и близки. Но вот и рассказ Ирины, к сожалению, из материалов допроса, когда случился самый большой, самый страшный очередной слом, которого ее организм не перенес — муж ее погиб мучительной смертью, а ее вербовали органы госбезопасности.

> Я познакомилась с супругом Дмитрием Ивановичем Лобановым в 1933 г. в Париже. Он приехал туда из Софии на короткий отпуск. В Софии он работал служащим в банке. Мы обвенчались в Париже в 1934 г. против воли моего отца и всех близких. Никто из них не имел ничего против моего супруга как человека, но все хотели, чтобы я вышла замуж за состоятельного и солидного мужчину, человека с положением и будущим. Таких было довольно много среди наших знакомых. Но никто из них мне не нравился настолько, чтобы выйти за него замуж. Тогда мне было 22 года. Меня не привлекало выходить замуж по расчету. Я полюбила своего супруга, несмотря на его скромную зарплату и жизнь в Софии. Мой отец был всегда со мной очень строгим. Он не мог мне простить, что я его не послушала, а настояла выйти замуж за Дмитрия Лобанова. Поэтому после свадьбы мы были вынуждены уехать в Софию. Его родители были живы и жили в Софии. У них не было денег, и нам приходилось их поддерживать. Мой супруг поступил бухгалтером на фабрику «Фортуна». После 9-го сентября [установление советской власти — *НДЛР*] его повысили в должности, сделав административным директором[70].

Часть II



ДЕТСТВО — ОТРОЧЕСТВО



Глава IV

НИКИТА В РОЗОВОМ САДУ

«Заря нашей жизни…»

И так, князь Дмитрий и княгиня Ирина в Софии. Вера Дмитриевна пишет:

Тяжелое десятилетие приходило к концу. В 1934 г. вернулся из-за границы Дмитрий, уже женатым человеком, а в 1935 г. произошло радостное событие — родился у нас первый внук Лобанов. Дмитрий стал отцом прелестного мальчика, который, как почувствовало мое сердце, был предвестником наступавшей зари в нашей жизни[71].

Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская с сыном Никитой. София. 1935

Белая лошадь и бурый мишка: Никита рассказывает[72]

Моя память так устроена, что я мало что помню из детства. Увы, с игрушками я не помню никаких историй. Однако

запомнил две. Качающуюся лошадь белого цвета, которую мне подарили на День рождения, когда мне исполнилось пять лет. И мишку коричневого цвета тридцати сантиметров высотой, с которым я всегда спал и которого звали Мишка.

Это были болгарские игрушки. Ведь в Болгарии были свои мануфактуры, производившие подобные вещи.

Языкам я стал обучаться до школы. Помню, бабушка рисовала русские буквы, гувернантка-француженка что-то читала мне по-французски. Так же было и с немецким. А первого букваря не помню. И первого учебника не помню. То есть это был типично «дворянский путь» овладения языком путем погружения в него в быту с помощью гувернанток. Путь к образованию неблагонадежного белоэмигранта…

Книги в моем детстве существовали сразу на трех языках, поскольку я сразу обучался на трех языках. Я учил немецкий, поскольку в течение четырех лет Болгария была под немецкой оккупацией. Любил книжку «Der Struwwelpeter», про мальчика с огромной шевелюрой — это универсально читаемая книга, наверное, переведенная и на русский язык в Советском Союзе*. Затем мне помнятся почему-то басни Лафонтена, особенно ярко — картинки, на всю жизнь запомнилась лиса, смотрящая на сыр, мне казалось, на камамбер. Был и Крылов, но запомнился Лафонтен — видимо,

* Книга *Der Struwwelpeter* (т. е. «Растрепа», ср. русск. *Степка-растрепка*) немецкого психиатра Генриха Хоффмана написана в 1845 г. для своего трехлетнего сына с целью показать неправильное поведение детей. Моральная направленность соединена с комическими приемами повествования, книга подробно иллюстрирована и считается одним из первых детских комиксов. Переведена на несколько языков. Так, в 1891 г. Марк Твен создал свой перевод книги на английский. У российских и советских прототитов Штрувельпетера длинная история. Сначала на русском книга была известна как «Степка-растрепка (*Struwwelpeter*)». Рассказы для детей. СПб.; М.: Изд. Товарищества М. О. Вольф, 1901. Героя принято изображать в красном сюртуке, зеленых брюках, с длинными лохматыми волосами и необрезанными ногтями. Внешний вид, видимо, повлиял на любимого советскими детьми «Незнайку» Н. Носова, который, как сейчас стало известно, весь создан из «лоскутков» и заимствований. (Например, из «Мурзилки» Анны Хвольсон 1887 г., одноименных журналов, дореволюционного «Мурзилки» до 1917 г. и советского, выходящего с 1924 г.). По книге *Der Struwwelpeter* в конце XX в. поставлен мюзикл: благодаря ему книга известна в России и под названием «Питер с копной волос».

я не был включен в отечественный цикл образования.

Члены моей семьи находились со мной в тесном общении в разные периоды детства. Сначала я проводил много времени с бабушкой со стороны отца, Верой Дмитриевной Калиновской, целью которой было научить меня русскому языку. Она умерла рано, когда мне было восемь лет. Три поколения нашей семьи в то время жили в одном доме напротив французского посольства, где были три квартиры. Мы с родителями жили в одной, дедушка с бабушкой — в другой, а в мансарде жила няня, Елена Ивановна Иванюк, со своей семьей, и я предполагаю, что она жила даром за то, что нянчила меня. Так что вначале у нас был относительно большой дом.

Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская с сыном Никитой. София. 1939

А когда во время войны началась бомбежка, мы переехали. Мы жили в отдельной квартире в большом доме, а бабушка и дедушка во флигеле в саду, предназначенном для выращивания роз. Так что можно сказать, что они жили в «розовом саду». Домик до сих пор сохранился.

Словосочетания «патриархальный российский обиход», «традиционный дореволюционный уклад» звучат для меня непривычно. Потому что мой отец и моя мать — оба выпускники английских школ, и в них не «дышала Русь», как можно было бы ожидать. Все это было только у моего деда…

Если говорить о «патриархальном быте», он оставался у бабушки и дедушки в тот короткий период, когда я их застал. И для меня это четко сказалось в двух воспоминаниях. Дедушка, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, водил меня на службу в церковь, которая длилась два-три часа. И поначалу я с ним находился все время службы, потом время от времени стал выходить в садик. Ребенку столь долгое

время вынести службу было тяжело, и, к сожалению, это оттолкнуло меня от ритуала русской православной церкви.

Второе очень сильное воспоминание. Когда царь Борис* скончался (вследствие того, что его отравил Гитлер), колокола били в соборе Александра Невского — мой дед встал и перекрестился. Почему-то я запомнил это навсегда…

Царя Бориса все уважали, хотя он принадлежал к немецкой княжеской Кобург-Готской фамилии. Он спас всех болгарских евреев, приказав в одну ночь эвакуировать их (это тогда всем показалось ужасным!) в отдаленные и недоступные горские селения…

В Болгарии дедушка Иван Николаевич числился «безработным». У него была скрипка работы Страдивари, и он постоянно играл на ней. В жизни его интересовали только две вещи — православие и музыка. И как ни странно, они стали причиной его приезда в Болгарию, что детально описано в моей предыдущей книге.

Он не учил меня музыке, потому что понял, что это бессмысленно — это меня не увлекало. Я слышал, как ежедневно он играл классические произведения. Помню, играл Чайковского и напевал: «Вышел терем-тереница…» И это было главным его занятием: игра на скрипке и хождение на церковные службы. Но у кого он учился музыке, я не знаю. Он был музыкант-дилетант, как многие помещики, которые могли себе это позволить. Для меня все это — «неизвестная территория». Бабушка умерла гораздо раньше. Но он всегда жил с нами, у него всегда была своя комната. И он не был одинок.

Из игр помню прыгалки, ездил на велосипеде. Вспоминается, что у нас часто бывали гости с детьми, помню, что я играл с ними в кубики. В саду мы с ними пряталась за кустами — играли в прятки. Еще, помню, у меня был конструктор: складывающиеся металлические болты с дырками…

Среди природы я жил постоянно. Во время войны мы были в эвакуации в деревне у отца нашей кухарки. Он был

* Царь Болгарии с 1918 по 1943 г. Принадлежал к Саксен-Кобург-Готской династии.

деревенским кузнецом, а кроме того, у него имелось большое хозяйство, то есть зажиточным человеком, что властями осуждалось. Ведь в те времена люди старались, чтобы хозяйство было самодостаточным. У него были виноградники, чтобы делать вино, пшеничное поле, чтобы выращивать хлеб, бахча для арбузов, дынь и огурцов. И я хорошо помню деревенскую жизнь, чувствовал себя вполне свободно, лазил на деревья и прочая. Ужинали мы всей семьей за низким столом, который назывался «паралия» или «софра», сидя на корточках или на глиняном полу. Посередине круглого стола находилась большая деревянная миска. Деревянной ложкой мы черпали похлебку из миски и заедали хлебом, выпеченным в домашней печи. А взрослые запивали ужин вином. Я пил воду. Чай после ужина не полагался.

Никита в болгарском костюме. София. 1940

Родители разрешали мне играть с деревенскими, никакой проблемы не было. В то время стоял вопрос выживания, а не каких-то социальных ограничений. Напротив, я постоянно дружил с соседским сельским мальчиком, вместе мы ходили пасти, он — коня, я — двух ишаков. Разница культур ощущалась вовсе не в социальном обиходе. Впервые я почувствовал разницу культур, увидев турецкую махалу (район) в деревне, где мы жили, мечети и прибранные, чисто выметенные дворы.

Из примет российского дореволюционного хорошего общества в нашей семье сохранялся «ритуал еды». Абсолютно и несомненно. Уважение к пище — это не вопрос неуважения или уважения к пролетариату. Завтракали в восемь, обедали в час и ужинали в семь. Опоздать было невозможно — неуважительно. Были скатерти, салфетки, как же иначе? Всё как полагается. У меня осталось серебряное кольцо для салфетки с выгравированной короной и гербом…

Не доесть какое-то блюдо считалось невозможным. Любопытно, что это правило не универсально. Например, в Соединенных Штатах в высшем обществе принято было не доесть, чтобы показать, что вы не голодны. А в полуголодной Европе неприлично было *не* доедать. В дореволюционной России этот вопрос решался диаметрально противоположно в аристократическом и мещанском обществе. В первом абсолютно неприлично было не доесть. Во втором необходимо было оставить что-то на тарелке, и это даже имело специальное название «церемония»… А русские блюда в семье не сохранились. Кухня была болгарской, которую я продолжаю любить. Фасолевый суп с красным перцем, «фасул-чорба». Пирог с сыром, который называется «баница», а по-гречески «плакенда». «Имам баялду» — запеченные синие баклажаны с помидорами.

А на Пасху бывал русский стол. Полный стол. Все, что традиционно полагается, было. Помню, мы занимались раскрашиванием яиц.

Еще из русских традиций в детстве вспоминаю, что няня пела мне колыбельную на ночь «Баюшки-баю…». А почему меня укачивали? Поскольку нужно было, чтобы я лег и тут же заснул — по эстетическим причинам, чтобы уши были не растопырены.

А вот сказки рассказывал отец. Может быть, он был хорошим рассказчиком. Он мне читал и сказки, и классику по-русски. По воскресеньям мы гуляли с отцом в парке. Он работал шесть дней в неделю, а седьмой — выходной. Он старался провести время со мной.

Запись в дневнике Никиты Лобанова-Ростовского:

23.01.1948. *После ужина папа читал нам «Капитанскую дочку».*

02.02.1948. *Папа завершил чтение «Капитанской дочки».*

Увы, через 7 месяцев, 4 сентября, отец навсегда исчезнет из жизни Никиты, но об этом позже, а сейчас продолжим.

Если говорить о моем детском отношении к домашним, то отец для меня стоял на некоем возвышении, ощущался начальником, а мама была ближе. Дедушка был «особ статьей». Он воспринимался неким патриархом в семье. В разные периоды детства кто-то из домашних становился для меня на время важнее других. А если говорить об интенсивности моего чувства любви к домашним и использовать условные баллы для их оценки, то, несомненно, отношение к матери — 10 из 10, к отцу 7 из 10.

Запись в дневнике:

08.11.1950. *Мне очень трудно без папы. Это был человек-золото. Я пишу это не потому, что он мой отец. Это я слышал и от всех людей, которые его знали. Каждый день мне приходится обращаться к нему…*

Никита с мамой. София. 1938

…А к остальным — не такая безоглядная любовь, которую я испытывал к матери, безграничная, безоговорочная и безусловная, подобная любви собаки к человеку. Я испытывал к ним и несколько другие чувства — уважения, восхищения, привязанности.

Из рассказов матери о ее жизни мне помнится очень немногое. Вот вспоминаю, она рассказывала, как ей было приятно учиться в школе. Британия состоит из островов,

и она училась на маленьком острове, на побережье Уэльса. В ее английской речи сохранялась особая певучая интонация этой местности. Об истории любви родителей не знаю ничего. Из других рассказов почти ничего не помню. Только любовь мамы, разлитую для меня в воздухе, вне событий, или прогулок, или чего-то еще.

Особых «семейных словечек», которые употребительны во многих семьях, к сожалению, не помню. Зато помню, что всегда стремились разговаривать (и учили этому) не перемешивать языки и не употреблять иностранных слов в том языке, которым сейчас пользуешься. Русской буржуазии было присуще говорить по-русски, употребляя французские слова. У нас дома это считалось неприлично. Я бы сказал, это мещанская привычка — употреблять в речи иностранные слова. Существует общепринятая точка зрения, что очень многие представители русского дворянства, по крайней мере первой половины XIX в., были русско-французскими билигвами, в речи легко переходили с языка на язык, проникновение в русский некоторых выражений было неизбежно. Я ни с кем не спорю. Но это моя точка зрения. Нашей среде, видимо, было присуще стремление к пуризму в языке. Это касалось не только русского языка. То же связано и с английским. Когда переходили на какой-то из привычных для семьи разговорных языков, было не принято вставлять словечки или выражения из другого языка.

Дома говорили по-русски. А родители между собой говорили по-английски. Оба в те времена недавно вернулись из Англии, где обучались, и английский для них был нормальным разговорным. Думаю, что семья явно тяготела к английскому типу образования — ведь все важные годы, когда человек формируется, родители провели в английских школах. Мой дед со стороны матери, Василий Васильевич Вырубов, послал всех троих детей учиться в Англию, несмотря на то что дед жил во Франции. Почему он так сделал, я не знаю. Но, наверное, были соображения о большей пользе английского образования. Например, для моего дяди Васи, который поступил в дальнейшем на сельскохозяйственный факультет в городе Рединге и ему было уже приготовлено

место по специальности в Аргентине. Очевидно, дед думал, что, живя по Франции, полезно знать английский. А вот причиной того, что мой дед по отцовской линии отправил учиться моего отца, было то, что его родственница, Лобанова-Ростовская, вышла замуж за англичанина* и могла присматривать за племянником.

1943-й. Первая утрата Никиты

Дочь любимой няни рассказывает:

> ...было тепло. Хоронили ее на русском кладбище... Вспоминаю, как увидела: мой дружок Никитушка сидит на скамейке и горько-горько плачет, — я бросилась его утешать... [73]

Никита отчаянно горевал и тогда еще не научился скрывать свои самые глубокие чувства от глаз окружающих. Горе его не укрылось и от дядюшки князя Николая.

> Никита был все время около тела, со вчерашнего дня. Он оставил *Mama* только ночью; но ужасно разрыдался во время погребения[74].

Надломилось

Никита вспоминал:

> ...во время войны политически все были настроены за союзников. То есть мы не отступили с немцами. И дед, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, приветствовал

* Ольга Николаевна Эджертон, ур. Лобанова-Ростовская (1863–1947), вышла замуж за сэра Эдвина Эджертона. С 1895 по 1921 г. жила в Англии. Основала модный дом «Поль Каре» (с 21 г. в Париже), куда приглашала на работу только русских, например, моделями работали княжны Нина и Соломия Оболенские.

вторжение Советской армии, предполагая, что София (как и Вена) станет местом присутствия всех союзных армий. Так поначалу и было[75].

У князя Дмитрия был нансеновский паспорт, с 1920-го по 1935 г. Затем он обратился к властям Болгарии, чтобы получить болгарское подданство. И получил его. В 1944 г. отказался получить советское. Тут-то жизнь его надломилась.

Делали ли Вы попытки получить советское гражданство?

Нет.

...

По каким причинам?

...

Я пришел к заключению, что из-за моего происхождения всегда будут сомнения по поводу меня. Я не хотел быть второсортным гражданином (*Из протокола допроса 24.12.1946*)[76].

И покатилась жизнь Лобановых под откос.

«Лишенцы»

С 1918 г. в РФ, а потом и в СССР была такая категория для представителей «из бывших» — лишенцы. Они были лишены не только избирательных прав, но и продуктовых карточек, когда они вводились, пенсий и так далее. Жить лишенцам при советской власти было очень тяжело. Вернее, не жить, а выживать. Когда в Болгарию вошли советские войска и власть перешла к коммунистам, в таком же положении оказалась княжеская семьи. Никита вспоминает:

В Болгарии наша семья считалась «врагами народа», я — «сыном врага народа», как это было в то время в СССР. Да, именно так мы и назывались. И это влекло за собой отсутствие у нас талонов на питание и на одежду.

В моем детстве у нас был дефицит обуви. Православные крестьяне ходили в обуви из свиной кожи (по-болгарски — «цървули» или «опинци»), продырявленной крест-накрест и прошнурованной. Турки носили такую же обувь, но из коровьей кожи. А когда я вырос из ботинок, то от них отрезали носы, и я ходил в них как в сандалиях, даже зимой по морозу, было очень холодно[77].

А недавно Никита вспомнил:

…рубашки переделывали Никите из рубашек отца или из скатертей, штаны однажды сшили из кожаного ранца, как и ботинки, подметки для которых делались из сношенных автомобильных шин.

Детство есть детство, при всех трудностях Никита и в раннем возрасте проявлял лидерские качества, а также

…любил быть в центре внимания соучеников. Однажды, чтобы показать, насколько он смел и вынослив, он обнял горячую отопительную трубу на потолке классной комнаты, и труба рухнула на пол. Наступила суматоха, комната наполнилась дымом. Мы все смотрели на Никиту как на героя: он нас спас от контрольной[78].

Дмитрий Иванович, Ирина Васильевна, Никита. София. 1940

«Культурные перегрузки», как в детстве его родителей, резкие скачки образовательного ландшафта не замедлили появиться. То французская католическая гимназия, а то — болгарская школа,

вполне советская по духу. Конечно, дети схватывают перемены, приспосабливаются к ним, но это нелегко.

> Вначале, в пять лет, я поступил в русскую школу, но, пробыв в ней дня три, сбежал. Там были только эмигранты. А мне было там скучно. Потом я попал в немецкую школу, *Deutsheshule*. В те времена там была организация *Hitlerjugend*, помню их зеленые фуражки. Затем, по окончании войны, перешел во французскую школу, где были и дети эмигрантов, и болгары. Когда наступила «диктатура пролетариата», французов выгнали, и так я попал в болгарскую школу[79].

Дмитрий Иванович катает Никиту на санках. Никита слева. София. 1940

А за родителями и старой княжеской четой стали следить, подозревая их в шпионаже — ведь все члены семьи знали иностранные языки! Одного этого было достаточно, как и одного княжеского или дворянского происхождения. Сталинская шпиономания была успешно импортирована в государственную машину Болгарии. У Дмитрия и Ирины постепенно вызревает план — бежать.

Фабрика «Фортуна», принадлежавшая итальянцу, стала государственной собственностью, князь Дмитрий потерял работу. Не только тяжесть и бедность существования, но и ощущение угрозы жизни для себя, для маленького сына толкают семью на риск. Людей из их круга, белоэмигрантов начинают арестовывать, даже здание тюрьмы перестраивается и увеличивается под эти цели. Вот как об этом рассказывает Никита:

> С приходом Советов на болгарскую землю началась стремительная и агрессивная советизация: конфискация частной собственности, запрет на ведение бизнеса, насильственная коллективизация и повальные репрессии. Возникли термины «враг народа», «семья врага». Стали сажать за чтение Мандельштама и Цветаевой. Социализм по советскому образцу! Аресты, приговоры, исчезновения, издевательства и притеснения в быту… И в 1946 г. родители, прекрасно осознавая, что нас ждет, предприняли попытку повторно «развестись с большевиками» и пересечь границу с Грецией. Нелегально[80].

Глава V

БЕГСТВО

Рассказ от первого лица

Здесь мы обращаемся к рассказу Никиты, замечательно точно и ярко записанному болгарским писателем Николой Филиповым.

Однажды вечером, перед тем как лечь спать, отец сказал мне, что на следующий день мы встанем рано, поскольку отправляемся в поход.

Мы часто ходили в летние походы в горы на два-три дня, ночевали в спальных мешках. В последний раз это было на мой одиннадцатый день рождения. Но обычно маршрут обсуждался заранее, готовили одежду и необходимые припасы. На этот раз такой подготовки не было, поэтому я удивился неожиданному сообщению.

Также я был удивлен, когда утром мы двинулись без рюкзаков и спальных мешков. Даже поезд, на котором мы отправлялись в путешествие, показался мне другим, и все было как во сне. Отец не покупал билеты, как всегда это делал. Билеты были куплены заранее, а багаж остался в камере хранения. Почему?

Когда мы садились в поезд, мне бросились в глаза несколько человек, которые бродили взад и вперед, а один

постоянно стоял у двери вагона и курил. И случайно или нет, два лыжника, которые все время вертелись вокруг нас, когда мы забирали багаж из камеры хранения, теперь сидели прямо в нашем купе! Я стал следить за ними, но потом заснул за чтением какой-то книжки.

Когда я проснулся, отец снимал багаж, и лыжники тоже напряглись. Мама объяснила мне, что мы выходим не сейчас, а на следующей остановке, и эти лыжники тоже решили остаться. Стоит ли говорить отцу о моих сомнениях? Я не успел. Потому что в последний момент они схватили лыжи и прыгнули на платформу, а когда поезд ушел, я заметил, как они ожесточенно жестикулировали и спорили о чем-то.

Мы вышли на последней станции — станции Асеновград. Мне показалось, что дежурный железнодорожник с флагштоком посмотрел на нас как-то особенно. Почти сразу мы сели в автобус, который ждал на площади за железнодорожной станцией. Все пассажиры были местными жителями и с интересом разглядывали нас, пытаясь угадать, куда мы отправляемся и почему.

На одном из поворотов мы вышли, автобус пошел дальше. Какой-то довольно высокий мужчина, одетый в военный полушубок, как оказалось, ждет именно нас. Он подошел к отцу, и я заметил, как он несколько раз указывал на свои часы и размахивал руками. Через некоторое время мы все тронулись в путь по безлюдной лесной тропе, а незнакомец шел впереди.

В конце леса мы остановились под какой-то елью, и отец вытащил из сумок заранее приготовленные ранцы. Я был очень рад своему маленькому ранцу. «Я пойду с ним в школу», — подумалось мне, потому что ручка моей школьной сумки часто рвалась, и мне надоело ее чинить.

Я не знаю, почему дорожные сумки зарыли под елкой, а мама обратилась к моему отцу со странной фразой: «Поговорил бы ты с Никитой! — **он должен знать, в чем дело**».

Мы снова пошли по тропинке, и отец был немного смущен, он сказал мне, что нам предстоит долгий путь, что мы можем идти через лес три дня. На что я воскликнул:

— А возвратимся мы тоже пешком? Лучше вернуться на машине!

Отец нахмурил брови и пожал плечами. Я понял, что сказал что-то неуместное.

— Мы не вернемся, — вмешалась тогда мама. — Мы едем в Грецию, Никита, а оттуда — в Париж, к твоему дедушке Василию Васильевичу. Ты не помнишь его, потому что был еще совсем маленьким, но на снимках ты видел его не раз.

Обрадовался ли я или, возможно, испытал какие-то другие чувства — не могу определить сейчас. Но вспомнил, что в последние дни и недели это слово — «Париж» — слишком часто упоминалось дома. Из-за чего я нашел альбом с фотографиями, сделанными в Париже, и долго разглядывал его. И теперь я пытался вспомнить сады, площади и достопримечательности города, в который мы направлялись.

Но сначала мы перебирались в Грецию, которая в школе была связана с древней историей. И еще мне показалось, что за какой-то чертой, обозначенной страшным и резким словом «граница», закончится темное зимнее небо и начнется что-то другое — под сияющим солнцем, как на фотографиях и открытках Греции, которые я видел.

Мы пошли по едва заметной тропинке прямо через лес. По каким-то неведомым признакам я понял, что здесь, в лесу, главный — не мой отец, а этот человек в длинном кожухе. В какой-то момент он остановился и заявил:

— Мы переночуем здесь!

Я слушал и не понимал. Я что-то неправильно расслышал или что-то не разобрал? Здесь нет ни комнаты, ни кроватей! Только деревья и снег…

Каким-то походным топором наш спутник срубил ветви с ближайшей ели и разложил их на снегу. «Это будет наша кровать?» — подумал я про себя. Но когда опустился на них, то от усталости провалился в сон. На следующий день, только чтобы не чувствовать себя слабее других, по велению отца я стал кушать.

Весь следующий день мы продвигались среди огромных деревьев в еловых лесочках, избегая дорог и открытых пространств. Как только издалека слышались какие-то голоса,

по приказу Данчо (так звался наш вожак) мы останавливались до тех пор, пока он снова не давал нам знак двигаться дальше.

В какой-то момент мы остановились пообедать на скорую руку, а затем пошли быстрее, потому что нам нужно было засветло перейти овраг. Данчо двинулся вперед, за ним — отец, за отцом следовала мать и, наконец, я.

Никита. София. 1947

Каждый шел, попадая шаг в шаг того, кто был впереди. Сначала я думал, что мы делаем это, чтобы облегчить движение в глубоком снегу, но оказалось, что это было с целью конспирации. Если «некто» заметит следы, пусть думает, что здесь проходил только один человек. А этот «некто» вряд будет нашим другом или доброжелателем.

Во второй половине дня пошел снег, и наш вожак сказал, что это хорошо. Снег скроет наши следы, и через час-другой никто уже не разберет, что здесь кто-то проходил.

Но идти стало намного труднее. В сумерках появлялись заснеженные низины и крутые склоны. При одном спуске меня накрыла снежная лавина, отец и Данчо едва успели разгрести снег, чтобы вытащить меня. Испугался ли я? Мои чувства и мысли были уже настолько притуплены долгим снежным переходом, что я не почувствовал никакого страха. Я просто подумал: «Вот так люди умирали — например, на войне!»

На третий день мне показалось, что ситуация стала более напряженной, чем раньше. Все молчали, а лица матери и отца выражали значительную тревогу. Мы пошли в том же порядке. Данчо часто давал знак останавливаться, и все мы стояли на месте, слушая предательскую тишину. Один раз, когда мы остановились между двумя высокими елями, он нервно произнес:

— Проходим сейчас!

Отец снял шляпу, сказав: «Да поможет Бог!» — и перекрестился. Остальные повторили его действия. Затем он наклонился ко мне и предупредил, что, если мы услышим выстрелы или еще что-нибудь необычное, мне нужно делать то, что делает он. Или просто лечь в снег и не двигаться.

Когда в моей голове пронеслись, как в кино, разные прочитанные мной истории о заговорах и диверсантах, я вдруг почувствовал себя достаточно взрослым, поскольку участвовал, наравне с мамой и папой, в столь героическом эпизоде.

Через дюжину шагов открылся пограничный участок. Мы пробежали по нему и продолжили движение вниз. Когда мы остановились, запыхавшись, мама и папа обнялись, обняли меня и сказали:

— Мы уже в Греции.

Да, но Данчо переминался с ноги на ногу и с тревогой оглядывался вокруг. И проронил:

— Не нравится мне это дело! Ваш проводник должен был ждать нас здесь!

— Точно здесь? — спросил его отец.

— Да, около этого камня! — и указал на один заросший мхом, крупный, с выступающими округлостями, камень на краю поляны. — По предварительной договоренности, я должен был передать вас ему сейчас.

— Может, он опоздал?

Данчо криво усмехнулся.

— В наших делах нельзя опаздывать, князь! Человек или есть, или его нет. А его, как видите, нет. Это плохое предзнаменование. Очень плохо…

Вот так получилось, но он не бросил бы нас и собирался провести по греческой территории в ближайшую деревню. Теперь в Салоники мы должны добраться сами. Но он хотя бы знает, что сделал для нас все, что мог, — провел нас через границу и оставил в Греции…

Мы снова отправились в путь. Шли вдоль какого-то ручья еще почти три километра без отдыха. Когда лес закончился и появилась деревня, Данчо сказал, что путь закончен. Поклонился, пожал руку моему отцу и ушел обратно.

Здесь князь Никита сделал глубокий вздох и долго молчал, уйдя в воспоминания... То, что произошло в ближайшие часы, было необъяснимым не только для него, но и для его родителей. Это звучит как часть сказки **с несчастливым концом** или как какой-то дурной сон, который в конце концов оказался не сном, а самой реальностью.

Отец Никиты, Дмитрий Иванович, воспитанный в нормах аристократического мышления, решил, что не может предстать перед людьми в греческой деревне как бородатый диверсант и должен срочно побриться. Поэтому все остановились у ручья, он намылил лицо и дал Никите подержать ему зеркало. И вот тогда, с той стороны, куда ушел Данчо, послышался треск.

Все услышали. Это стрельба? Нет сомнений. Данчо заметили пограничники? Его убили? А какие пограничники? Ведь на самом деле — это были болгарские пограничники, потому что зимой греческих пограничников «днем с огнем не сыскать» — они в казармах грелись. И это было общеизвестно.

Отец быстро стер пену с лица и сказал:
— Мы должны поторопиться!
Но было поздно. В тот момент мы услышали крики:
— Стой, не двигаться! Руки вверх!

Никита даже не испугался, увидев пограничников в болгарской форме. А они — как откуда ни возьмись, так незаметно появились, что никто не мог себе этого объяснить.

Отец поднял руки, и Никита, как и его мать, повторил этот жест.

Спустя много лет Никита смог понять, что пограничники заметили в лесу их следы и отправились за ними, чтобы догнать еще на болгарской территории. Но не смогли. Воспользовавшись безлюдностью мест, они решили немного продолжить слежку и на стороне греков. Так и заметили Данчо и открыли в него огонь наповал,

но его богатый опыт на границе помог ему уцелеть. Спрятался за поваленное дерево, где освободился от полушубка и тихо пополз к кустам. Точно как в сказках. Конец этой сказки был бы благоприятен для Данчо, если бы в кармане брошенного полушубка не осталось квитанции часовой ремонтной мастерской. В которой имелись его имя и адрес. В результате, вскоре после того, как ему удалось преодолеть весь обратный путь без верхней одежды в снежном лесу и к ночи добраться автостопом до дома в Софии, в его дверь постучали, и он был арестован.

Обнимаясь на греческой территории после трехдневного перехода, родители Никиты думали, что преодолели все опасности, но не угадали... Действительно, если бы отец не решил побриться именно там, они уже были бы в деревне, и их побег был бы успешным. Потому что болгарские пограничники не позволили бы себе появиться в греческой деревне — это вызвало бы дипломатический скандал! Но кто теперь разберет, где бы их могли схватить в этой безлюдной зимней пустоши?

Эх, княже, княже! Как вы решились бриться в самое неподходящее время и в самом неудачном для этой цели месте! Были уверены, что болгарские пограничники не пересекут линию границы? Ну да, как же! Они бы и не пересекли, коли у них было бы ваше воспитание и мышление. Их представления о законности и незаконности, о совести, достоинстве и чести сильно отличались от ваших. Очень сильно!

И таким вот образом, вместо того, чтобы беглецам готовиться к отъезду из Салоников в Афины, их схватили и на автомобилях привезли обратно в Болгарию.

Интересно и любопытно, но сбылось желание маленького Никиты — вернулся на машине, а не пешком. Они с матерью были в одном джипе, а отец — в другом. Два джипа плотно двигались друг за другом. Их сопровождали солдаты, курок их автоматов был взведен. Как будто в любой момент они могли начать стрелять. Время от времени конвой прекращал движение для короткой

остановки. Пока два солдата держали их на прицеле, остальные осматривали лес.

В те времена в лесах скрывались и «новые партизаны», которых мы **официально называем *горяни или шумкари…***

И вот, при первой же остановке после ареста беглецов, Никита заметил, что отец не мог ни передвигаться, ни даже стоять прямо и что ноги его испачканы кровью. Явно было, что пока его везли на джипе, солдаты били его по ногам. Зачем? Так им приказали, или они хотели развлечься. Вот так, для разнообразия в повседневной солдатской жизни! Звери… [81]

В одном из видеоинтервью Никита Дмитриевич подробно рассказывал, как увидал отца, ноги которого были разбиты прикладами. И по тому, с какой ледяной, арктической сдержанностью он это рассказывал, ровным тоном и тихими, почти безразличными интонациями, было видно, что лютая боль в сердце не стала меньше. Он научился скрывать чувствительность и боль в себе. От этого она не становится меньше. А змеи прошлого время от времени поднимаются к горлу и душат. В такие времена Никита и бывает раздражителен и капризен…

Ловушка

А вот как мне рассказывал Никита Дмитриевич о хитроумной постановке чекистов, придуманной с целью, чтобы Лобановы выдали себя.

Нашу семью, разделив по двум военным машинам, везли два дня из Родоп в Софию. По дороге встретилась засада, и у нас создалось впечатление, что это партизаны, которые нас освободили и, как казалось, прилагали усилия, чтобы расстрелять сопровождавших нас в Софию. Я помню как наивно, подружившись с водителем, разговаривал с матерью: «Давай заступимся за водителя, возьмем его во Францию, и он будет водителем у деда». Но «засада» оказалась ловушкой и обманом, подстроенным чекистами. «Партизаны»

во время привалов и «передышек» как будто «дружески» допрашивали отца, на чем мы и попались[82].

А дедушка князь Лобанов?

Он был готов остаться один навсегда, лишь бы его отпрыски спаслись. Он *не знал*, что беглецов вернули в Болгарию. Вот его письмо, которое Никите трудно читать и сегодня.

Князь Иван Николаевич с внуком Никитой. София. 1942

26.X.1946 г.

Дорогой мой, бесценный и любимый Дмитрий!

Я в восторге и счастлив, и благодарен Всевышнему, и горячо молюсь за вас, чтобы Он послал вам здоровье и счастье во всем. Я горячо благодарен тебе и дорогой Ирине за всё, что вы для меня сделали. Бесконечно рад за Никиту, чей большой портрет в прекрасной рамке — прямо перед моими глазами, и мне так грустно, что, возможно, я больше никогда не смогу его увидеть, но я рад за него и за вас.

Я буду ждать от вас известий, когда это будет возможно, с большим нетерпением. Обнимаю тебя, Ирину и Никитушку горячо.

Да Хранит вас Господь! Я позвоню. Горячо и бесконечно люблю тебя.

Твой отец[83]

Дед Вырубов сразу понял предательство

Зловещей фигурой оказался полковник Мейнард Барнс, член Американской миссии, затем посол США в Болгарии.

Он предложил быть посредником в побеге, получил бóльшую часть денег как организующий «греческую часть» побега Лобановых-Ростовских и предал их, не прислав обещанного проводника. Почему? Да из-за денег, из-за жадности! Не захотел делиться.

> Бóльшая часть была предназначена для него как посредника, а меньшую должен был получить тот, кто рискнул бы встретить их на границе и повести за собой. Американский полковник, не спеша, дважды пересчитал банкноты и аккуратно спрятал две пачки в сумке. Проводник был намечен, но полковник Бернс не собирался нанимать его. Зачем ему платить? Из-за каких-то русских. Если их схватят, все останется шито-крыто… [84]

Никита вспоминает:

> А вот в Париже дед Василий Васильевич Вырубов сразу понял это. Ведь на границе за нами должен был прийти грек-проводник, чтобы заменить болгарского проводника — он не пришел. А затем грек должен был отправиться к деду и получить свою часть платы за наше спасение, предъявив половину полученной от нас банкноты, которая бы совпала с половинкой, оставшейся у деда, — таков был условный знак, что мы переправились. Он не появился. Виновником неудачи нашего побега был американский посредник, полковник Барнс.
>
> Так случилось в жизни, что мы были очень хорошими знакомыми с бывшим заместителем главы ЦРУ Джеймсом Эндрюсом (*James Andrews*). Моя супруга Нина долгие годы дружила с его семьей в Вашингтоне. Он, надо сказать, рано ушел в отставку, будучи состоятельным человеком, и больше интересовался птицами и белками, чем политикой… Когда я с ним посоветовался, стоит ли пытаться что-то предпринять против Барнса, он ответил отрицательно. И мне было страшно обидно, но он был прав, потому что тот был частью «лавки», «конторы» и это повредило бы мне в получении американского гражданства… [85]

Глава VI

«ОТ ТЮРЬМЫ ДА ОТ СУМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ»

Тюремное заключение

Лобановы были арестованы незаконно, на территории Греции. Законно, незаконно — менее всего интересовало болгарскую госбезопасность. Ловушка захлопнулась.
Какие только разновидности тюремного заключения не перевидал 11-летний Никита в этот ужасный для семьи 1946 г. — и одиночка, и камера с уголовниками, и — о счастье — какое-то время вместе с матерью, которое их чрезвычайно сблизило.

В узкой одиночной камере, в которую был заключен маленький Никита, был только узкий деревянный каркас и на нем матрас с соломой. «Врагам народа» не полагаются простыни и одеяла. Рядом с нарами оставалась небольшая полоса пола, по которой можно было ходить — два шага. Дверь была высокой, с небольшим, всегда открытым зарешеченным окошком наверху, чтобы проветривать воздух и заключенный не задохнулся бы из-за недостатка кислорода. Окна не было, а на потолке вечно горела электрическая лампа, заключенная в металлическую сетку. Выключателя для нее не было. По ее

свету, отражавшемуся в окне, Никита изо всех сил пытался угадать, когда был день и когда ночь.

Его редко вызывали на допросы. Когда он проходил по коридору мимо дверей в другие камеры, он всегда думал, что за какой-то из них находится его отец, а за другой — и его мать. И умирал от желания подать им какой-нибудь знак, что проходит мимо них, но не мог придумать как...

Хотя и редко случавшиеся, допросы оставили на всю жизнь глубокие следы в памяти Никиты. Потому что следователь кричал на него и бил по столу кулаком — вещи, которых он раньше никогда не видел. В первый раз он даже сильно испугался этих неожиданных действий, но потом догадался, что это, вероятно, правила и приемчики следователей.

Наиболее болезненно воспринимал Никита оскорбительный крик следователя: «Л-же-э-эшь!» Он никогда не лгал, ни в школе, ни дома...

Иногда его вызывал другой следователь — пожилой, одетый в темно-синий костюм, который не позволял себе таких оскорблений. Возможно, он был из старых кадров, более образованный и умный. А скорее всего, именно так власти сочетали два противоположных метода следствия — одни опирались на страх и насилие, другие — на дружелюбие и доброту. Пожилой следователь разговаривал с Никитой на самые обыкновенные повседневные темы — о школе и уроках, о разных книгах, о собаках и лошадях. Он стремился, чтобы случайно вскрылось что-то по интересующим его вопросам — из разговоров о вещах, не имеющих никакого отношения к делу.

Все остальное время Никита проводил, как замурованный в стену, в тесной камере, которую считал «школьным чуланом». Школьник в чулане.

И теперь он делится с нами: оставаться совсем одному, заключенным в одиночную камеру — совсем не легкое испытание. Для большинства людей оно стало бы очень тяжелой пыткой. Некоторые в таком положении сходят с ума, другие впадают в отчаяние и ищут способ

самоубийства. Вот почему в тюремных камерах забирают ремни и вещи, с помощью которых можно было бы повеситься или навредить себе! Люди с более устойчивой психикой легче переносят подобное одиночество, а Никита оказался их типичным представителем. Эта самодостаточность, врожденная или приобретенная, как говорит он сам, останется с ним на всю жизнь...

Здесь Никита затаил дыхание и более размеренным и холодноватым тоном начинает рассказывать о *самом страшном*.

Вечером, когда в окне меркли лучи дневного света, охранники во дворе заводили мотор грузовика. Через минуту-другую заводили второй, а иногда и третий. Когда на следующий вечер в тюрьме Никита решил прислушаться к тому, когда и куда они отправятся в темноте, вместо звука отъезжающих грузовиков услышал крики. Крики боли замученных и избитых заключенных. Кричали мужчины. Каждую ночь. Они кричали из-за причиненной им непереносимой боли и пыток. Двигатели грузовиков запускались и работали на полную мощь, чтобы заглушить эти крики для слуха людей, живущих в соседних домах...

Отец?!

В течение дня Никита слушал, что происходит за дверью. Но там всегда царила гробовая тишина. Только иногда приезжал парикмахер или, как тогда их называли, брадобрей, чтобы подстричь и побрить заключенных. И по звукам шагов и топоту ног, которые доходили до него, он чувствовал, когда к кому-то приводят брадобрея и когда уводят обратно. Иногда также были слышны некоторые, более громко произнесенные слова, такие как: «наклони голову!», «повернись налево!» Однако заключенным было запрещено отвечать, они только выполняли приказы...

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский после выхода из тюрьмы. 1946

... однажды Никита услышал что-то совершенно необычное. Очередной заключенный, которого стригли, начал напевать знакомую английскую песенку. О, да! Это точно был его отец. Не зная, где держат его сына, он решил воспользоваться малейшим шансом, чтобы дать ему знак, что он здесь и что он жив. Никита вздрогнул и засвистел в ответ тот же мотив. Почти уверенный, что отец услышал его, он долго ощущал себя довольным и счастливым в своей камере.

Ему повезло, когда в тюремную камеру тот пожилой следователь принес ему две книги. И до сих пор он помнит, что это были Майн Рид и Карл Май. Когда он читал и перечитывал их, как будто стены камеры исчезали[86].

Иванушка-дурачок

А потом его перевели в общую камеру. И он стал познавать странный и зыбкий, совершенно другой мир. Надо сказать, что «смекалка», которую Никита считает важной составляющей успеха в жизни, проявилась тут впервые — он всё «мотал на ус» и, наверное, тогда уже научился «прикидываться». Ему пригодилась эта привычка и в трудном его отрочестве, ибо разнообразные испытания на выносливость не закончились с выходом из тюрьмы. Его друг и одноклассник, известный болгарский писатель Любомир Левчев рассказывал:

Оба мы были членами геологического кружка, который возглавлял член БКП Иван Паяков. Кружок собирался в поход на Родопские горы вблизи от греческой границы. Никите, увлекающемуся геологией, очень хотелось

пойти вместе со всеми. Но шансов у него было мало, так как его отца считали врагом народа. И вот в «каменный штаб» вызван кандидат в поход князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Мы побаивались, что он не сможет пройти это испытание...

Наступила решающая минута встречи с Паяковым, и *Никита превратился в какого-то мотылька. Он вел себя как Иванушка-дурачок.* Паяков глядел на него с любопытством, но без злобы. Вместо того чтобы пить из Никиты кровь или наслаждаться его прощальным визгом, он взял образец минерала и бросил его Никите. Он ловко его поймал, так как был пловцом и ватерполистом.

— Что это?

— Пирит.

— Пирит или халькопирит?

— Пирит.

— Почему?

— Форма кристаллов, цвет, присутствие кварца...

Паяков засмеялся и сказал: «Хорошо, я принимаю тебя в свою группу, готовься»[87].

Никита с уголовниками

Но это было позже. А тут ребенок попадает в камеру с матерыми дядьками-уголовниками. Вот как он сам увидел свое житье-бытье в тот период:

... сокамерники у меня появились в пересыльной тюрьме, когда меня переводили по этапу. Мне вспоминается один колоритный цыган, которого называли «*Аванта*» (наверное, слово итальянского корня, обозначающего 'выгоду')*, то есть «авантюрист, мошенник», который из всего извлекает себе прибыль. Он был к тому же оппозиционером. Это было летом, и он ходил без рубашки, но в зеленом галстуке

* Например, *avventuriero* (итал.) 'авантюрист', ср.: лат. *adventura* 'происшествие', *advena* 'пришелец, чужестранец'.

на голое тело, означавшем принадлежность к земледельческой, сельскохозяйственной партии — часть оппозиционного фронта (но все-таки это были не коммунисты). Он работал на Галошной фабрике. Тогда галоши в Болгарии были новой обувью и считались самой элегантной — люди повсюду ходили в галошах. Он придумал такой хитроумный способ: каждый день, уходя с фабрики, надевал две пары галош, одну на другую, и таким образом выносил с фабрики, в конце концов попался…

Мне встречались в камере и уголовники, которые учили некоторым уловкам. Вот одна из них. Берем сигарету, не «Беломор», и тщательно высыпаем из нее табак, затем сворачиваем долларовую банкноту и засовываем в оставшуюся пустой сигаретную трубочку. А сверху на оставшиеся полтора миллиметра вновь заталкиваем табачок. Делаем столько сигарет, сколько нужно провезти денег. А при любом досмотре можно вынуть из пачки и закурить, не вызывая подозрений…

Ужасное и морально отягощающее обстоятельство для каждого человека, который сидит в тюрьме без уведомления о причинах задержания и без приговора — это то, что вы не знаете, за что сидите, это, во-первых, а во-вторых, не знаете, сколько времени вам еще сидеть. Мы были незаконно похищены на греческой территории, официально властям было трудно предъявить нам обвинение. И вот мы находились в заключении в полной неизвестности.

Самое трудное — первые 40 дней, когда вы еще живете в другом мире. Постепенно вы переходите в другой мир, и много из внешнего мира становится безразличным, вы начинаете много спать или находиться в полудреме, не менее 12 часов в день.

Надо сказать, что в камере никогда не тушился свет, всегда горела лампочка.

Быт в военной тюрьме был таким: в камере находились нары, тюфяки набиты сеном. Не было ни рукомойника, ни отхожего места. Когда заключенные стучались, чтобы их вывели в туалет, им не всегда открывали. В этих случаях приходилось пользоваться личной миской, которая была

у каждого заключенного, позже ее приходилось опорожнять только тогда, когда заключенных приводили в туалет. В эту же миску раз в день наливали похлебку… Ведь это было случайное здание, которое как-то приспособили под тюрьму…

Вначале было такое ощущение, что нас переправят в Советский Союз. Но этого не произошло. Почему — не знаю. Может быть, потому, что отец был не советским гражданином, а болгарским. В тюрьме я пробыл год…

За время заключения вся моя одежда протерлась. Когда я сидел в пересыльной тюрьме, которая раньше была турецким караван-сараем (сегодня на его месте «Полицейский участок № 5» в центре Софии), где комнаты были как камеры, — там меня водили чистить картошку и лук. В мешке из-под картошки я прорезал три дырки, посередине — для головы, а по бокам — для рук, и сделал, таким образом, себе одеяние. Именно в таком виде меня и встретил мой друг Володя Макаров*, потому что я сидел перед дверью и чистил картошку. А его арестовали и вели в камеру. Мы посмотрели друг на друга молча, и ни один из нас ничего не сказал. Позже оказалось, что Володю выпустили раньше нас, и именно от него люди в Софии узнали, что мы арестованы[88].

И вот однажды — мама!

Во время одного вызова конвой не остановился, как обычно, перед уже знакомой ему дверью кабинета для допросов, а повел его в конец коридора. Там он передал Никиту какому-то милиционеру, который погладил рукой кобуру на поясе и громко заявил:

— Ты пойдешь со мной, и запомни! Если отступишь хоть на шаг — стреляю!..

Его привели в районное отделение милиции, где обычно задерживают арестованных воров и уголовников.

* Владимир Юрьевич Макаров, друг Лобановых-Ростовских в Болгарии. Позже переехал во Францию.

В камере, куда его поместили, было окно, которому он особенно обрадовался. Но в следующий момент дверь открылась и ввели его мать?!

В Пятом милицейском участке на улице «Марин Дринов» в Софии тюремная жизнь оказалась совсем другой. Там даже кормили их три раза в день! И у них было много, даже очень много времени, чтобы наговориться.

Ирина рассказывала ему, какой была и что делала, когда ей было столько лет, сколько Никите. Она описывала Лондон и Париж — города, в которых жила. Она рассказывала ему о музыке и музыкантах, даже напевала ему разные мелодии и целые оперные арии. Никита делился с ней школьными проблемами, рассказывал о происшествиях в своем классе, тайной вражде, зависти и обидах — тех вещах, которые не поверял бы ей в другие времена...

Помещение Пятого милицейского участка находилось в старом здании, бывшем турецком караван-сарае. Бывшая конюшня была перестроена в гараж, но милиционеры по-прежнему называли ее конюшней. А под навесом, где когда-то ставились повозки, теперь милиционеры держали свои велосипеды, которые были основным транспортным средством. Было также два трофейных автомобиля, которые постоянно находились на ремонте. Несовершеннолетнему Никите дали гаечный ключ и какую-то отвертку и поручили ему привести в порядок двадцать велосипедов под навесом. И к удивлению, в том числе и его собственному, он справился с задачей[89].

Именно тогда Ирине Васильевне удалось передать записку няне Никиты, что они здесь, в Софии, в тюрьме. Няня действовала мгновенно и решительно, всем знакомым и друзьям Лобановых в этот же день сообщили об этом. А кому-то из них удалось передать весть отцу и брату Ирины в Париж.

В штаб-квартиру Международного Красного Креста в Женеве пришло срочное письмо из Парижа, которое уведомило Красный Крест о том, что, несмотря

на международные конвенции, болгарские власти держат в тюрьме одиннадцатилетнего ребенка. Всего через два часа из Женевы был сделан специальный запрос в адрес Софии о судьбе Никиты Лобанова-Ростовского. А также копия была отправлена в секретариат Организации Объединенных Наций — для информации, поскольку Болгария ожидала своего принятия в эту организацию. Сообщение сопровождалось письмом от отца Ирины и деда Никиты, В. В. Вырубова, в котором он извещал, что, *в нарушение всех международных норм*, болгарские пограничники захватили на территории соседнего государства несколько гражданских лиц, среди которых женщина — И. В. Лобанова-Ростовская, французская гражданка. Это побудило французского представителя в ООН заявить с трибуны, что, если Болгария на каждом шагу нарушает международные договоренности, ее не следует принимать в ООН! Для Сталина и для СССР принятие Болгарии в ООН — было крайне важным вопросом, поскольку это в будущем могло бы принести в их поддержку еще один голос. Потому у кого-то высокого начальства в Софии зазвонил телефон, и Москве отрапортовали почти по-военному:

— Разберемся. Наша ошибка. Перестарались...

Самым спешным был приказ о несовершеннолетнем Никите, который гласил, что его надо найти и освободить за считаные часы! Сразу же был подготовлен ответ, что Красный Крест стал жертвой недобросовестной лжи и что Никита Лобанов-Ростовский находится не в тюрьме, а на свободе. Да, но где, по какому адресу он живет? Так, с пустой строкой для адреса, письмо не могло быть отправлено.

Логично, чтобы ребенок вернулся к дедушке князю Ивану Николаевичу, но его дед оказался в больнице. Он изнывал от долгого ожидания вестей, заболел и теперь лежал в больнице доктора Берзина.

При панике, охватившей министерство, срочно кинулись искать всех друзей Лобановых — с главной целью — отправить несовершеннолетнего Никиту к кому-нибудь

из них домой и указать их адрес как место его жительства в подготовленном для отправки письме. Но в такой опасной ситуации кто бы взял на себя столь большой риск?

Никита даже в самом благоприятном случае — ребенок шпионов, в это люди уже постепенно начинали верить. Поскольку родители в тюрьме, они, скорее всего, уже объявлены «врагами народа»! А кем они могут быть, если пытались бежать через границу, бежать именно от новой, от «народной власти»?

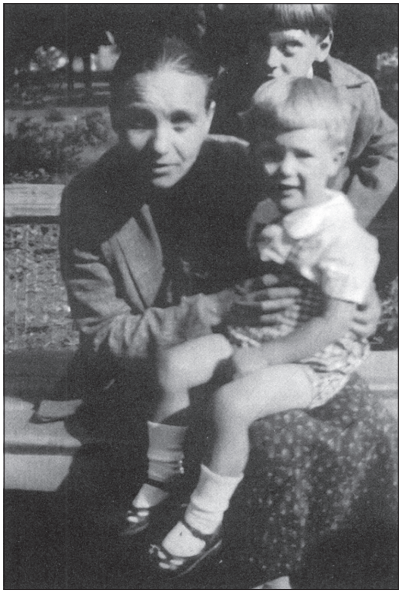
Судьба врагов народа не подлежала сомнению, и уже многих людей, имевших связи или контакты с подобными, вызывали на допросы, арестовывали, увольняли, сажали в тюрьму... Многие из друзей семьи Лобановых уже пострадали именно «из-за связей с врагами народа». Страх глубоко проник во все жилы и нервы населения, и особенно в души русских белоэмигрантов, и милиция диву давалась, что делать с малолетним Никитой, где его оставить, кому его передать.

Искали также его няню, нищую Елену Ивановну, женщину с двумя детьми. И именно у нее было найдено решение, потому что она любила Никиту как своего третьего ребенка. Она так и сказала, соглашаясь приютить его[90].

Няня Елена Ивановна — спасение

Елена Ивановна Иванюк, няня Никиты

Никиту никогда не оставляет чувство глубокой благодарности няне. Позже он помогал семье всеми доступными ему средствами. Через много лет, когда он вновь попал в Софию, его визиты к ним были для него удовольствием и отрадой. Вообще, он не любит длить любые встречи более чем на час-полтора. Но тут, по свидетельству дочери няни, Валентины Николаевны, обстоятельно усаживался на целый вечер, согревался теплотой этого дома



Никита с няней. 1938

и получал с собой банку любимого варенья.

Вот доля эмиграции! Елена Ивановна Иванюк была образованной, интеллигентной женщиной. В России до замужества учительствовала, окончив особый «педагогический класс» при «Курском училище девиц духовного звания». А тут, в Софии — посудомойка.

Итак, вот что рассказал Никита Дмитриевич об освобождении.

Квартиру конфисковали

…няня меня страшно баловала, а когда в 1947 г. двенадцатилетним мальчиком я вышел из тюрьмы, была единственным человеком, который дал мне приют… Свобода оказалась жестокой — нашу квартиру конфисковали, и никто из знакомых не хотел взять меня жить к себе. А без прописки тогда было нельзя проживать в столице. Единственный человек, который меня не оттолкнул… Елена Ивановна… Она сама к тому времени оказалась на самом дне общества: работала посудомойкой в русском клубе. Больше притеснить ее уже было нельзя, поэтому она ничего не боялась. А ее муж, Николай Миронович, был ночным сторожем. Ему, бывшему белому офицеру, тоже нечего было терять…[91]

Мне он рассказал следующее:

Меня выпустили из тюрьмы только после того, как нашли, к кому меня направить. До этого планомерно обошли всех наших знакомых и спрашивали, не возьмут ли меня? Но все отказывались. Согласилась одна только няня. И тогда

фельдфебель пешком довел меня от тюрьмы до дома няни… В Болгарии в те времена по закону все должны были работать, статуса «не работающего» по какой-то причине не существовало, и семья няни работала. Но дело не в том, что няне некуда было «спускаться» по социальной лестнице. Семья рисковала своей жизнью и жизнью своих детей. За то, что приютили меня, их могли и в тюрьму посадить[92].

Чувство неудобства

С ранней поры искалеченного детства Никита отличался большим чувством ответственности — конечно, оно было свойственно ему и от природы, но проявилось сразу таким зрелым, взрослым под влиянием трагических обстоятельств. Судите сами.

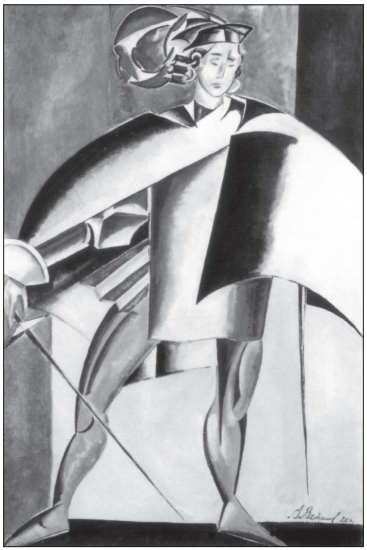
А встреча с дедом Иваном Николаевичем Лобановым-Ростовским была мучительной. Я не знал, где его сын. Дедушка был очень мужественен, скрывал свое состояние, ведь он был очень религиозен. Но я ощущал, без всяких слов об этом, какой болью для него это было. И это впечатление осталось со мной навсегда — видеть человека, который не знает участи своего сына. *И меня не оставляло чувство неудобства перед ним, что я вышел, а его сын — нет*[93].

Короткая передышка

Маму освободили позже. А потом отца. И его больше не арестовывали. Он просто исчез среди белого дня. Его похитили. Он пошел за молоком и не вернулся. И у нас есть *юридический документ о его исчезновении*. Поскольку в те времена безвозвратно исчезало так много людей, что Болгарии надо было как-то юридически «выкручиваться» из этой ситуации. Мы пытались искать по полицейским участкам и по тюрьмам. Искать было бессмысленно. Ужасны были эти времена «диктатуры пролетариата». Да и любая диктатура ужасна, я не желаю ее никакому народу[94].

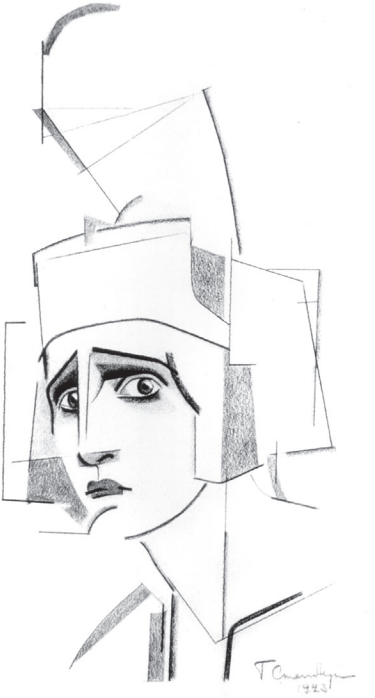
Добавим здесь о судьбе дяди. Никита никогда не оставлял своих родных, близких и друзей без помощи — это одна из главных характеристик его личности.

Брата моего отца, Николая Ивановича Лобанова-Ростовского, отправили в лагерь, постоянно били, уменьшали паек: дядя отказывался работать, говоря, что он князь… В Софии двадцать лет он работал в «Aliance Française», государственном институте Франции. И заслужил, таким образом, французский паспорт. Как только стало возможным, переехал во Францию, пытался жить со своим братом Яковом, но не ужился. Его так били в лагере, что он стал больным человеком. И тогда я пристроил его в Иер, в санаторий для пожилых людей, выполнявший функции и больницы. Это прекрасный город на юге Франции, чудное место, сто лет назад город был курортом, подобным Ницце, но море отошло, и он перестал быть так популярен. Вскоре и в Иере дядя заскучал. Поскольку там не менялись сезоны, как в Болгарии, а вечно тепло. И я перевел его в горы, где была настоящая зима. Там для него не было достаточно медицинского ухода, мне пришлось через несколько лет перевести его обратно. Он умер оттого, что просто тело его распалось… [95]



Часть III

МУЖАНИЕ



Глава VII

ГОРЬКОЕ ОТРОЧЕСТВО

«Жизнь без ничего»

Как же жил Никита после тюрьмы? А ничего хорошего. Ботинки чистил «новым господам».

> Выйдя из тюрьмы, я чистил ботинки «товарищам» в Софии, на улице Шипка, на углу ул. Кракра… Я начал жизнь, как Гаврош, и мне легко расставаться с вещами, начав жизнь без ничего[96].

Поэтому Никита в дальнейшем не видит ничего страшного, чтобы расстаться с бременем любых приобретенных вещей, даже самых художественных, самых дорогостоящих. Он готов уйти в свет иной нищим, каким был в своем горьком отрочестве.

> После тюрьмы я собирал по улицам окурки, чтобы выпотрошить остатки табака и продать цыганам. Подростками на вокзале мы воровали арбузы. София окружена горами. А вокзал находится в долине. Нагруженные вагоны, отправляясь в путь, едут вверх с некоторым трудом, с медленной скоростью, примерно пять километров в час. Мы рассеивались на протяжении полукилометра. А кто-то из нас, например я, вскарабкивался на вагон и лежа, ногами,

толкал арбузы вниз, где их подбирали мои товарищи. Бывали и другие фрукты, черешня например, которыми мы объедались, и даже тошнило от «пережора». И это относится к приятным воспоминаниям. Мы ходили это делать с большим удовольствием. И не было чувства стыда. А вот за трамвай заплатить тогда считалось стыдным. Поскольку все мы были под впечатлением одного французского фильма с Фернанделем, где герой ни за что не платит. И тогда воцарилась среди нас мода — не платить. И мы ехали сзади, держась за металлический бампер, или на ступеньках, но заплатить было унизительно… [97]

Дневники Никиты

Никита-подросток. София

После возвращения из тюрьмы я учился в болгарской школе, и стал пионером, носил красный галстук. Были даже намерения принять меня в комсомол. Хотя, бесспорно, я кому-то казался неблагонадежным, в комсомол меня приняли. Однако я вызывал и некое уважение тем, что был усердным учеником и чемпионом по плаванию. Конечно, при этом мы, мальчишки, были хулиганье, в классе — тридцать человек, дети из разных социальных групп. Ребята из крестьян тоже считались тогда неблагонадежными.

Я никогда не шалил в школе, умышленно ее не прогуливал, потому что мы все (дети наших знакомых из эмигрантского круга) ходили в школу с удовольствием, сознавали, что получаем знания даром. У нас часто складывались дружеские отношения с преподавателями, и даже после уроков мы часто стремились «выкачивать» из них еще какие-то знания. Мне посчастливилось учиться с теми людьми, которые

рано осознали необходимость накопления знаний… Помню, в те времена в школе могли происходить и настоящие вражеские выпады. Мы учились в две смены, утром и вечером. Как-то раз, в послеобеденную смену, часам к четырем, когда стемнело и зажглось электричество, кто-то прорвал проводку, а в наступившей темноте секретарь комсомола получил ранение в плечо. Наверное, это действовали крестьяне, жившие у подножий гор.

Запись в дневнике:

04.09.1951. *Читаю русскую литературу, так как мы в этот год изучаем ее в школе. Но не забываю читать по-французски. Очень жаль, что не могу свободно читать по-английски. Язык — самое большое богатство для человека.*

Любимыми предметами в школе были физика, химия, астрономия и геология. А литературу и историю я как-то считал не предметами, но удовольствием. Эти предметы не приходилось зубрить — раз прочитал, и всё. У нас была особая «технология» — мы заранее покупали и читали учебники следующего года, там те же темы передавались более глубоко, а мы стремились скорее «набраться больше сведений». В те годы я пережил увлечение приключенческими романами, о которых я уже говорил и которые прочитал на русском. Русских детских книг я просто не помню. Гораздо позже, когда я был подростком лет 14–15, я читал Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Русскую классику мы изучали в болгарской школе, равно как и всю мировую классику.

Запись в дневнике Никиты:

10.11.1950. *Читаю Эренбурга. Думаю, что для него я очень молод. (Мне было 15 лет.)*

Но я совершено не осознавал, что Тургенев — мой предок. Абсолютно. Я вообще не интересовался историей семьи, только лет десять назад, по воле обстоятельств, стал

как-то входить в эту тему. «Записки охотника» Тургенева я знал хорошо потому, что это было близко мне по тематике, поскольку я ходил на охоту, знал, как это все происходит.

Уф, конечно, я любил Чехова. И еще Гоголя. Как мы все упивались, читая Гоголя. Помню, как обычно сидел на корточках на веранде и читал «Вечера на хуторе близ Диканьки». Читал про себя, очень медленно, стараясь схватить суть. Ведь я дислектик, читаю медленно, зато читаю только один раз — и все помню. В том числе и учебник. Но, в общем, я учился не читая. Вопреки правилу, что ученики высокого роста должны сидеть на последней парте, я до начала урока выскакивал и садился на первую парту. И если что-то не понимал, даже прерывал учителя вопросом: «А что это значит?» Я четко знаю, что учился во время уроков. В связи с этим вспоминаю, что к моей матери однажды пришла учительница, преподававшая «Марксизм-ленинизм» и «Историю ВКП(б)», и сказала: «Я замечаю, что Ваш сын очень внимателен. Он приходит и сидит на первой парте, хотя должен сидеть на последней. Он внимательно слушает, но я смотрю в его глаза, и мне кажется, что он надо мной посмеивается».

Болгарская литература была очень скромной. Десяток книг, и всё. В школе не отдавалось ей некое приоритетное место. Она стояла на своем месте. В то время болгарскую литературу не «выпячивали». Просто тогда еще не додумались до этого, руки не дошли. Были заняты уничтожением людей.

По сути дела, у меня получилось советское отрочество. А в семье культура была иной. Я чувствовал этот разрыв. Впрочем, как и все жители СССР жили и живут так до сих пор[98]. По-одному живут дома, а по-другому внешне, то есть «врут на фасад». И я был вовлечен в этот круг. Вот это и почувствовала та учительница, о которой упоминал.

У меня были друзья в школе. Шесть человек. Мы почти все были геологами — увлекались геологией. Повзрослев, один, Платон Чумаченко, стал профессором палеонтологии, другой, Свет Петрусенко, — минерологом, Христо Пулиев — геохимиком, Свет Докучаев — геологом, пятый, Иордан Иванов, — певцом, а Любомир Левчев — выдающимся

писателем. Были и друзья не по школьным занятиям, а по плаванию — мы ходили в бассейн и любили этот вид спорта. В 14 лет мой друг, ставший позже певцом, серьезно интересовался оперой, и мы с ним по крайней мере два раза в неделю ходили в Оперу. Надо сказать, что тогда в Болгарии билеты в театр и оперу стоили столько же, сколько и билеты в кинематограф, потому что считалось, что это «культура для пролетариата» и она должна быть материально доступной. Мы этим и пользовались, ходя на все премьеры постановок и на концерты. В эти годы я уже знал весь классический репертуар.

Запись в дневнике:

08.03.1949. *Вчера вечером был на фильме "Паганини". В четверг пойду со Светланой на "Севильского цирюльника", а затем на "Травиату".*

С раннего детского возраста я начал собирать — почтовые марки, потом монеты. С десяти лет, когда я увидел коллекцию минералов у соседа Света Петрусенко, увлекся собиранием минералов. В нашем кружке в Софии означало ходить в горы и искать. София является дном высохшего огромного озера и окружена горами. В те времена деревья на горах были вырублены. И горы в большой степени были голыми. Позже, при коммунистическом режиме, нас отправляли каждую субботу в горы сажать по 30 елок. И теперь, если взглянуть на них с дальнего расстояния, они все покрыты зеленой растительностью. Но какое значение отсутствие озеленения имело тогда? На открытой поверхности гор видны были каменоломни, где когда-то вытесывался сиенит для дорог. Чтобы разрабатывать сиенит, его взрывали. Есть виды не чистого сиенита, а содержащего примести, который называется пегматитовыми жилами. А в них-то и содержатся кристаллы. И каждый конец недели мы отправлялись искать их и добывать. Это очень большое увлечение моего детства. Я их любил с точки зрения красоты, с точки зрения эстетической. Когда нащупываешь взглядом

ложбинку, где предполагаешь, могут быть кристаллы, и разбиваешь ее молотком — вдруг взгляду открывается блеск аметистов, турмалинов! Для нас это было изумительным эмоциональным переживанием. Может быть, сродни набоковскому собиранию бабочек. Но я полагаю, что у него оно было более систематичным и более обширным по количеству собранных экземпляров. Мы же набирали за раз штук двадцать минералов. Несли их домой. Потом обменивались друг с другом. Раз я нашел очень большой кристалл кварц. И это со всех точек зрения было знаменательным событием — найти столь редкий по красоте и величине кристалл. Спустя некоторое время оказалось — даже сохранилась об этом запись в моем дневнике того времени — что в семье совершенно нет денег и уже нечего продать. И мне пришлось пойти в магазин и продать этот большой кристалл. Конечно, я его «оплакивал», но так сделал.

Запись в дневнике:

16.05.1951. *Мы остались совсем без денег, и мне придется продать свои камни. Сегодня продал свой самый большой кварцевый кристалл (42/35 ст.) за 1500 левов. С этими деньгами надо будет жить до конца недели*[99].

Липовый чай… и чемпионство по плаванию в стиле брасс на 100 и 200 м в Болгарии

Приведенные выше небольшие изящные фрагменты вставил в текст сам герой книги, а мне хотелось бы перелистать страницы его дневника подробнее. Лишения, печали, отчужденность от общей спокойной линии жизни его сверстников — как с этим справлялся Никита, проявляя в то время и большую мужскую стойкость? Трагедии его отрочества, растворенные в деталях быстротекущего бытия, его взрослая критичность к себе и взрослый анализ событий. Юношеская страсть и первая любовь — он и тогда уже умел различать эту тонкую грань, при всей гигантской буре его гормонов.

И наконец, тяжкая борьба с болезнями — ведь тюрьма колоссально ослабила его организм. Когда-то для него стал счастьем липовый чай.

> Мне было 11 лет. В день давали один кусок хлеба. От недостатка питания я заболел, меня перевели в центральную тюрьму для уголовников. Я четко помню, как меня с сопровождавшими людьми через широкую дверь ввели в камеру… Для меня эта тюрьма казалась «раем», поскольку здесь по-утру давали липовый чай[100].

И он решил бороться своими средствами. Спортом. Действовал строго рационально. Сначала соперничали хоккей на льду и плавание, но он решил второе сделать главным — чтобы максимально преуспеть. Когда Никита вышел из тюрьмы,

> …доктор внимательно осмотрел меня и сказал, что если я серьезно не займусь спортом, то останусь рахитичным. Это из-за того, что в военной тюрьме, где я сначала был, нам давали кусок черного хлеба в 100–150 г в день и ничего больше. С другой стороны, Центральная тюрьма, куда меня перевели, мне казалась раем. Утром нам давали липовый чай с хлебом, а в обед и вечерам — суп «чорба». Кормили три раза в день — это было прекрасно. Но слова доктора так испугали меня, что я начал усердно заниматься спортом — зимой хоккеем и летом плаванием. Я стал чемпионом Болгарии среди юниоров в плавании брассом на 100 и 200 метров[101].

Коммуналка 1946–1953 гг.

> Я жил с родителями в одной комнате. После ареста отца в 1947 г. нас осталось двое. Нам было тяжело, потому что мы разделяли кухню и ванную с семьей полковника-чекиста, которая за нами следила. Нашей главной заботой была пища. Как «врагам народа» нам не полагались талоны на еду. Приходилось выкручиваться с помощью друзей, таких

как семьи Чумаченко и Петрусенко, у которых был огород, плюс пробавляться воровством овощей или фруктов и другими импровизациями. В разговорах с матерью, в которых мы не только решали житейские проблемы, она мне рассказывала о жизни в Англии и во Франции. Мать также очень поощряла жажду знаний у меня и моих школьных приятелей, которые остались друзьями на всю жизнь. Теперь я живу в достаточно большом доме и страшно счастлив. А жизнь в коммуналке, при диктатуре недоброжелательного пролетариата, оставила во мне тяжелое впечатление. Тем не менее, несмотря на эти унижения, мне удалось сохранить непоколебимое чувство собственного достоинства[102].

«Часто недоедаю… Проклятые черти…»

04.09.1948. *Очень много важных новостей совершилось со дня, как я не писал. Во-первых, папу похитили, когда он пошел утром за молоком. Он не вернулся. Мы его очень долго ждали, но так и не дождались. Я научился очень хорошо плавать и мог бы состязаться. Но не могу, потому что болею синуситом. Научился и нырять с 5-ти метров. <… > Мы надеемся уехать, и потому я не записался в школу. Но мне не верится, что мы уедем. Все эти дни я «гоняю» и ничего не делаю. Сегодня вечером пойду в Клуб советских граждан.*

29.03.1949. *Меня заставили в школе Васила Петлешкова сбрить голову. Мне страшно неприятно так ходить.*

26.09.1949. *Я поступил во 2-ю мужскую гимназию. И сразу же заболел. Сначала у меня была ангина, но я плевал и ходил в школу. Но потом слег с инфлюэнцей. Только выздоровел, как мама слегла.*

Увидим, чем кончится. Мы остались без гроша и живем чертовски (трудно)*. Часто недоедаю. Например, сейчас не знаю, чем обедать. Проклятые черти… Вот.*

13.04.1950. *Снова в постели. Я просто не знаю, отчего я так часто болею. А в этот раз, 19-го, состязания. Я не тренируюсь. А какой будет результат? Черт его знает. Слабо ли я питаюсь и потому часто болею? Ничего не понимаю… Я пробегаю по страничкам прошлого года, и мне делается жаль за то, что я терял тогда свое время. Очень мало людей, по-моему, которые знают, что значит часок времени. Но человек, сидящий немало в тюрьме, ответит, наверное, правильно. Не знаю почему, но мне кажется, что я всё могу делать, кроме того, что мне надо: вот могу писать дневник, читать роман, но тронуть школьный учебник найн (нет)… Жить становится худо: Шпиллеры уехали в СССР, и очень жалко, так как Ян Всеволодович был, так сказать, единственный человек, с которым можно было бы поговорить. Просто не могу выносить болгар. Очень уж простые люди.*

26.06.1950. *Школа закончилась. Нас распустили. Я весь день теряю время. Погода плохая, и на пляж я редко хожу — только чтобы выкупаться. Завтра состязания, но я совсем не готов. А при этом придется плыть 100 м, а я теряю свой стиль…*

Под конец триместра, во время английского урока, к нам в класс начали приходить стажерки. Мне с первого раза бросилась в глаза одна из них. Я подумал с ней познакомиться. Почему-то и она меня тоже заметила. И так мы с ней познакомились. Я ее встретил в коридоре и предложил встречу. Она пришла. Первые две встречи систематически запаздывала. Но сейчас перестала. Она кончила филологию и много читала. Но не знаю всё-таки, что она за человек.

Очень страстная. Мне она нравится, но я ее не люблю. В воскресенье вечером я с ней снова встречусь. Думаю, что скоро будет конфликт.

Маму всё мотают. В милиции нет ответа. Не люблю невоспитанных людей и жалею, что я не очень воспитан. Тяжело, что нет отца. Читаю А. Моруа «Климаты» и Эренбурга — думаю, что для него я слишком молод.

14.09.1950. *Много прошло интересного. Лето я провел в Варне, около 20 дней… Вернулся я на республиканские состязания. Потренировался недельку и только вошел в форму, как разболелся ангиной. Потом, через 2 недели, снова заболел ужасной болезнью, раночки во рту. Мама заразилась от меня, и она заболела тем же самым. Так лежим мы вместе. Школу я пропустил и пойду, наверное, в понедельник. Получили письмо от генсека Червенкова, что он занялся нашим делом. По-моему, здесь себе поставили за цель нас не выпускать.*

29.09.1950. *Нам сегодня в школе предложили изучать кинематографию. Увидим, если что-нибудь выучу. Сегодня первый раз, как я остался вечером дома. Обыкновенно я хожу в бар, Русский клуб или кино. Не пошел я и на тренировку. Я пока не плаваю серьезно, а тренируюсь на хоккей на льду. Но так как это происходит на пляже, то я там и плаваю…*

Я что-то никак не могу сосредоточиться на уроках. Читаю, потом начинаю писать и очень быстро от всего этого устаю. Завтра суббота. Вот можно будет отдохнуть получше. Я сплю очень мало, и у меня желудок очень редко в хорошем состоянии. Везде и повсюду говорят только о войне. И я думаю, что она неизбежна. Так и в прошлом — все кричали мир, а война состоялась. А она опять будет. Коммунистам что — концлагеря и расстрелы. Да помрете вы все, яко перебили вы вси и вся так, как не били и со сотворения мира сего.

09.10.1950. *Погода стоит уже две недели хорошая, но сухая. Ночью к 12-му часу очень холодно — сухой мороз. Нечего есть. На рынке только яблоки. У нас на зиму ничего нет, и я не знаю, как мы ее переживем. Все люди начали топить, а у нас нет угля на зиму.*

08.11.1950. *Опять лежу больной. И, как всегда, — ангиной. Я думаю, что причиной моей хронической ангины являются уши. Мы еще не были у специалиста. Но думали, что, как только я выздоровлю, непременно пойду. Я провел ночь*

7 ноября в Русском клубе. Там, как всегда, на больших праздниках, была драка. И она началась с часу до пяти, с маленькими интервальчиками. И дрались, как всегда, приезжие советские и наши, русские эмигранты. Но эти драки особенные. Милиция тут не властна. Потому что дерутся сыновья членов правительства и советские граждане. А в клуб полиция вообще не допускается. Но это была самая настоящая гангстерская драка. С пистолетами, с ножами и чем попало. Трупы отвозили на машинах «ЗИЛ» и «Победах». Я побоялся выстрела и даже спрятался в коридорчике. И просто удивляюсь, как никого не ранили пулей.

Попытки на уезд все рушатся одна за другой. Сейчас новый проект. Дядя Коля Н. В. Вырубов [брат матери] *хлопочет о французском гражданстве для сестры и постарается вписать меня в паспорт мамы. Если это удастся, я, может быть, уеду с этим паспортом. Но дело в том, что я уеду один, а в Париже меня, по-моему, не очень любят, да и всех Лобановых…*

Лёня [князь Леонид Александрович Ратиев, сын друзей семьи] *еще никак не может получить работу. А все из-за того, что он находится под сильным влиянием матери, которая его изнянчила. Он не получил никакого физического воспитания. Он неподвижный. Не владеет никаким спортом. Он не получил никакого «уличного» образования… Он не умеет жить. Он, может, и хороший товарищ, но никогда не разделит чего-нибудь с тобой. Я просто удивляюсь, как он сможет жениться и какая будет его жена. Я считаю, чтобы стать человеком, надо быть:*

Образованным духовно.
Образованным физически.
Образованным на улице.
Быть воспитанным.

Мне очень тяжело без папы. Это был человек — золото. Я это говорю не потому, что он мой отец. Я это слышал и от всех людей, которые его знали. Каждый день мне приходится обращаться к нему. Мама — слабый человек. Она на

меня не может повлиять, и потому, может быть, я и вырасту хулиганом. Мне очень лень учится. Но раньше знания дополнялись у меня в разговорах с отцом. Я не знаю, куда его отвезли эти сволочи. Но я думаю, что я его никогда не увижу.

В жизни, по-моему, самое драгоценное:

Быть здоровым.
Быть культурным.
Иметь хороших и культурных родителей.
Иметь друзей.

Мне очень хочется путешествовать. Я бывал на самой высокой части Балканского полуострова. Бывал на озерах, бывал и на море. Но вот я не был на большой реке и не летал на самолете. Я не смог это сделать в этом году, но думаю сделать это непременно на будущий год. Хочу побывать в Африке, Америке, на полюсе, в Индии. И плюю я на всякую учебу. Я хочу путешествовать, но нет возможностей. Счастливцы — люди из свободных стран. Но там есть, может быть, и другая трудность — деньги. Пока я ее не испытывал, но, может быть, и придет этот день.

22.03.1951. София. *В Болгарии политика точь-в-точь повторяется, как в Союзе. Сегодня в газете напечатано постановление Центрального комитета компартии о наказании одного человека в селе К., потому что он требовал свои права и действовал очень «резко», арестован и т. д. Но Господь простит.*

16.05.1951. *Через одиннадцать дней мы кончаем гимназию, и все-таки я ничего не учу. Как я окончу — не знаю. Уже неделя, как кончились городские плавательные состязания. Это первые состязания, в которых я взял первое место на 100 и 200 метров брассом. Я получил две золотых медали, и летом нас отправят в Варну…*

Сейчас я доканчиваю чтение 4-го тома У. Черчилля. Интереснейшая книга… Вчера был последний день арестов с первого мая. Их довольно много. Все боятся войны.

15.08.1951. *Вернулся из Варны. Было довольно тяжело, так как тренировки были по-настоящему серьезны, и, в среднем, мы плавали по 4000 метров в день. Но в общем, Варна есть Варна, и я провел там время неплохо.*

09.01.1952. *Праздники прошли неплохо. Но жаль, что прошли. Не прочь еще раз бы отпраздновать. Сегодня в первый раз накатался хорошо на катке. Но к обеду лед начал ломаться, и в 11 часов нас погнали. Вечером должен был идти на «Риголетто», но в Русском клубе мне сказали, что я должен присутствовать на комсомольском заседании в «узком составе»* [наиболее активные члены — НДЛР]. *Завтра думаю встать пораньше, чтобы пойти на каток в 8 ч.*

…С ужасом думаю, что через пять дней мне надо будет идти в школу… Сейчас я думаю подцепить субъекта на катке [познакомиться с девушкой и договориться о встрече — НДЛР].

29.01.1952. *Отказался от хоккея, как от спорта. Буду ходить на каток, только чтобы покататься на коньках.*

16.04.1952. *С понедельника продолжаются состязания по плаванию. Я участвую в них каждый день. В понедельник я плавал 100 метров брассом, и, думая, что я стану мастером спорта, я дал 1 мин. 21 сек. А в прошлый четверг на ученических* (состязаниях) *я дал 1 мин. 9,7 сек. <… >*

13.09.1952. *Давно я не писал, а сейчас так много мог бы написать про себя. Самое главное — это, что я встретил в поезде, едя в Варну, одну девушку, Лили, в которую влюбился. То, что для меня случай весьма редкий. Нынче я жду ее с большим нетерпением. Она должна приехать четырнадцатого.*

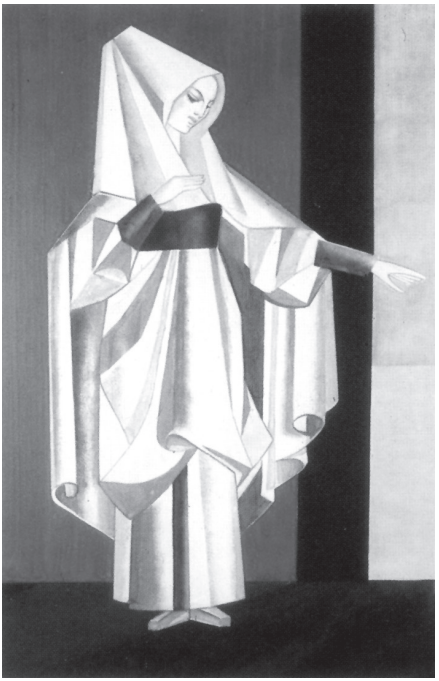
14.09.1952. *Вчера я слег в постель. У меня песок в почках. Это так неприятно, потому что сегодня приезжает Лили Асенова из Варны. Я побрился вчера в первый раз. Очень неприятное ощущение.*

15.09.1952. *Вчера вечером, в конце концов, мы вместе были с Лили.*

25.11.1952. *Всё в порядке с Лили. Еще не поссорились. Вчера вечером были вместе.*

30.01.1953. *В среду маме сделали операцию левой груди от рака…*

07.03.1953. *Третьего дня объявили о смерти Сталина. Народ весьма веселый, хотя собрания и проводятся каждый день. Хожу на уроки по математике. Они очень дорогие. Но иначе я просто не вижу, как я выдержу. А выдержать нужно непременно. Лишь бы быстрее кончить, да идти на работу. Просто становится неловко не зарабатывать. Мама всё болеет. Ей нужно было бы давно уехать из этой чертовой страны.*



Глава VIII

LEGE ARTIS

Он — творит!

При всей закрытости князь Никита, в сущности, откровенный человек. В его интервью можно найти прямые ответы на очень интимные вопросы. Когда в одном из интервью он спокойно-эпически сказал: «Я люблю секс», это так и есть. Он непревзойденный знаток, как раскрыть женщину и сделать ее счастливой. Когда его друг и одноклассник в отрочестве заметил: Никита очень много знает о любви, больше всех нас, — это так и было. И если однажды он высказался по поводу огромной сексуальной силы Рюриковичей, которая в древние времена, как он считает, напрямую была для вассалов мерилом и власти, то не сомневайтесь, она присутствует и в нем, иначе чего бы ему заговаривать об этом.

Голубая султанша. Худ. Лев Бакст. Эскиз костюма к балету «Шахерезада»

И если он сказал на выставке в Павловском Пасаде, что хотел бы остаться с работами Бакста «Голубая султанша» или «Бегущая Клеопатра» наедине, коли его бы заперли в камеру, — это тоже чистая правда. Он — пленник дивных форм и изгибов женского тела, которые так тонко умел передать Бакст.

В сексе он тоже — царствует. Он собран, строг и серьезен, он — священнодействует, творит. Ни в какой вольности слов, жестах или порывах нет и тени пошлости, он несет это знамя сексуальности с подлинно царственной обстоятельностью, неспешностью, желанием освободить даму сердца от всего случайного, наносного, мешающего упоению совместного творчества. Он — магистр высокой степени посвящения в таинства ars amandi. И действует по всем его правилам. И когда доходит дело до высокой ноты, его выпуклые серые глаза синеют и пронзительно впиваются в зрачки, будто весь он входит в тело и душу, и его дама совершенно перестает принадлежать себе…

Забыть это сладкое отречение от себя впоследствии невозможно…

Юность. Мужание. Любовь и секс

А помнит он более всего свою первую любовь и те для него невыносимо острые ощущения счастья, то смятение чувств, которое потом, позже, болью отзывалось в разлуке, которая не предвидела новой встречи. Не то что не было страсти в его дальнейшей жизни. Были! И окна дрожали, когда первая жена Нина, любимая, отдавалась ему. Но поздняя память… Непредсказуема.

Лили… и все остальные.

Первая любовь… Это было изумительно и осталось во мне на всю жизнь. Мне было семнадцать лет. Лили Асенова была стажеркой-преподавательницей. Когда я закончил в 1952 г. предпоследний год в школе, летом меня отправили на тренировки по плаванию на Черное море в Варну, уроженкой которой была Лили. И мы подружились, когда по случайности оказались в одном купе поезда. Я предполагаю, что мое притяжение к ней было основано на феромонах, которые у нас совпадали, иначе столь сокрушительную силу влечения объяснить себе не могу. Мы встречались два или три раза в неделю. Я открыл для себя секс… и перестал быть чемпионом Болгарии по плаванию, потому что занимался им столь же усердно, как и предавался плаванию. А сразу

Лили Асенова и Никита. Варна. 1951

обе эти стороны жизни, в равной степени интенсивности, несовместимы. Для того чтобы быть чемпионом в спорте, интеллектуальным и физическим, нужно воздержание и целеустремленность. Нужно в какой-то мере «отупеть» для всего другого и не думать ни о чем другом. Как только вы становитесь «вольнодумцем», можете забыть о том, чтобы стать чемпионом в спорте. Я продолжал тренироваться, но уже не с прежним эффектом… [103]

Это так Никита Дмитриевич рассказал мне, даме. А вот как это было описано его товарищем, писателем и историком Сергеем Галани, в более откровенной мужской манере.

Думая о ней, он вдруг вспомнил острый запах ее волос — запах желания, призывного эротизма и горячего бесстыдного блуда. Ощущение это было свежо, как в первую их ночь, проведенную на чужой квартире… «Интересно, — подумалось ему, — а ведь в том хаотическом совокуплении была своя эстетика. Мы как будто повторяли подсмотренные накануне па танцоров Софийского театра оперы и балета». Бесплатные билеты на спектакль «Прометей» Бетховена им достал все тот же любитель прекрасного оперного искусства Данчо.

Как наяву, перед ним всплыла сцена в вечернем полумраке. Искаженное гримасой его лицо сатира, пол плывет под ногами, возбуждение зашкаливает и накрывает с головой. Далее блистательное женское соло — торжественное «анданте», выполняющее функцию вступления: Лили бесстрастно расстегивает платье сзади двумя руками, стаскивает его через голову. Она не знает, куда деть платье? Кидай же его на пол! Так. А ты что стоишь? Как будто повторяется вчерашний танец Терпсихоры, исполняемый богиней с целью пробудить застывшие «творения» Прометея.

О, мой бог! Что она делает с ним, что делает с ним! Он испытал странное чувство, будто исчезло время и исчезли границы возможного. Не выдержав, Никита притягивает Лили к себе. А дальше всё понеслось в таком стремительном темпе, что можно было просто сойти с ума от характерных поз. Он сзади, она спереди, она сверху, он сбоку... В стремительных кругах адажио она держала спину прямо, с опущенными плечами, с типичной в таких случаях женской мелодикой. Бисеринки пота дрожали на ее лице, в то время как твердый жезл раз за разом поражал пойманную лесную нимфу. И наконец, как в музыке, так и в любви наступает «аллегро» — преддверие финала. Быстро, но не слишком, быстро, но не слишком... Уфф... Боже мой, как же хорошо! Какофонические стоны и взаимные признания: «Я люблю тебя, Никита!» — «Я люблю тебя, Лили!»

Короткая передышка — и снова объятия. Словно наступила вторая часть любовного балета. В ней преобладали оригинальные верховые поддержки. В сознании фотографически отпечаталось: ее глаза затуманились, рот полуоткрыт, отброшенные со лба волосы тяжелой волной спадают на плечи, приплясывающие в ритмичном движении обе половинки груди, напрягшийся живот... Порыв затихал, но на пластически высокой ноте, когда он брал ее на коленях и полностью, фонтанируя, опустошался. Потом подолгу они лежали в изнеможении, совершенно счастливые и безмолвные...

Ее тело было податливым. Каждое прикосновение к нему дарило невыразимое наслаждение. Удивительно, но это впечатление затаенной страсти, пребывающей в ожидании взрыва, так и не исчезло со временем. Оно пробуждалось каждый раз, когда он только видел ее при последующих свиданиях[104].

Он никогда не забывал этих острых впечатлений любви, растворенной в молодом сексе. И сказал мне в интервью 2021 г., когда ему минуло 87 лет:

> … с Лили сердце стало жить самостоятельной жизнью лет с 17-ти.

Лили Асенова и Никита. София. Борисов сад. 1953

А Светлане Балашовой заметил:

> … о любви, которая налетает как вихрь. Да, мне удалось изведать подобное чувство в Болгарии. Оно меня не пугает и оставило у меня наилучшие ощущения[105].

Разлука навсегда

Никита оставил немало незаживающих ран в сердцах у женщин, но и сам был ранен, скрывая это под маской холода. Мы еще вернемся к сердечной жизни Никиты. Народная мудрость говорит, что первая любовь всегда несчастна (если, конечно, она настоящая). Вот и тут конец был печален. Когда наконец-то Лобановыми было получено разрешение на отъезд из Болгарии, разлука с Лили оказалась неминуемой. Расставаясь, молодые люди резали по живому, рана кровоточила у обоих, накануне отъезда она встретились, а провожать Никиту на вокзал Лили не пришла…

Он долго не мог забыть ее. Через несколько лет узнал, что она вышла замуж за дипломата. И однажды, расхрабрившись, приехал в тот город, где был аккредитован ее муж. Подробности этой встречи он не рассказывает. Может, был отвергнут? Может, после этого и стал мстить женщинам, вымещая на них — но и на себе тоже! — боль неутоленности первого глубокого чувства?[106]

Глава IX

«ЗАТЯГИВАНИЕ АГЕНТА МАРИНЫ»

Кристаллы, лилии, орлы и цветы

Но вернемся. Никита жил своей отроческой жизнью, где было больше темного, чем светлого, но и светлое бывало. Например, дивные летние естественно-научные экскурсии летом 1949–1950 гг. в приморском пионерском лагере Варны под руководством профессора Александра Вылканова, где было ему необыкновенно интересны «чудеса света» — минеральные источники, червячки-планарии, умеющие восстанавливать часть тела, речные мидии, соляные сады-бассейны с пирамидальными, как бы «перевернутыми» кристаллами, водяные лилии, бородатые орлы, алпийские цветы всех цветов и, наконец, веселый детский быт и приключения!

> ... мы, мальчики, расположились в двух больших палатках, там, где на одном пространстве был и сад, и огород. Мы спали на деревянных кроватях на тюфяках, которые мы сами заполнили соломой, что доставило нам большое удовольствие... Как членам кружка юннатов нам выделили надувную резиновую десантную лодку. На ней мы плавали в море, чтобы измерять в обеденное время температуру морской воды в Варненском заливе. Однажды во время нашего ежедневного плавания Никита вдруг

заметил, что одна из камер лодки сдулась, т. е. что лодка слегка повредилась. Никита был «капитаном» и дал команду: «Все, кроме Света, в воду! Свет не умеет плавать и поэтому будет сидеть в лодке и держать палец на дырке, чтобы лодка не утонула! Курс на берег!!!»[107]

Никита-пловец

Спаслись, но больше измерять температуру воды их не пускали…

Никита был защищен отчасти эгоизмом молодости. Он жадно схватился за учебу, читал «умные» не по возрасту книги и проявлял незаурядные аналитические способности, он обнаружил высокий потенциал сопротивляемости — и минус (подорванное здоровье) успешно превращал в плюс, в подлинную победу над удручающими обстоятельствами, проявляя железную волю в борьбе за свое место в спорте. Он рано возмужал, проявлял интерес к прекрасному полу. Правда, чувствовал груз своей излишней рациональности, трудность влюбиться безоглядно. Но и это было преодолено в вихре первой страстной любви. И наконец, возвышенное и деятельное пристрастие всей его жизни — геология, азарт поиска, красота камней, наслаждение их обладанием, эстетика любования — именно здесь зачатки его коллекционирования. Он обретал себя и рано начал понимать, что означает слово «достоинство», об этом рассказывает его одноклассник, друг, известный болгарский писатель Любомир Левчев.

В гимназии я сидел на одной парте с мальчишкой по имени Никита. У него была жестокая белогвардейская судьба. Он отсидел год в тюрьме, облаченный в мешок из-под картошки… После освобождения — из-за развившейся дистрофии — целый день проводил на улице вместе с чистильщиками обуви, зарабатывая на кусок хлеба… Но унижения не сломили в нем чувство достоинства.

Разговаривал на четырех языках, однако некоторые наши уроки оставались для него неясными. Спрашивал меня, например, что значит «*О, неразумни юроде, поради что се срамишъ да се наречешъ бóлгаринъ и не четишъ по свои Азикъ*» (О, неразумный юрод, отчего ты стыдишься нарекаться болгарином и не читаешь и на своем языке)?

Мне стало стыдно, и я не мог ему толком объяснить.

— Почему?! Да потому... что у нас нет истории.

— Не понимаю. Ведь Болгария хранит прошлое нескольких народов.

— Э-э-э, тебе легко так говорить. Ты ведь князь Лобанов-Ростовский!

— Быть князем совсем нелегко. Особенно сегодня. Мои предки стали князьями, потому что стремились стать ими. Никто не подарил им этого княжества. Присоединили княжеский титул к своему имени. Утвердили его. И уже никто не может отнять его у меня. Могут арестовывать, освобождать из тюрьмы, но мое княжеское достоинство остается во мне.

В сущности, это должно быть кредо для каждого. Для нации также[108].

Тьма сгущается

Это была тяжелая, но реальная жизнь. А рядом с Никитой происходили ужасные события, которые уничтожали и уничтожили жизнь его матери — возле нее расплывалось *зловещее пятно болгарской госбезопасности*. Надвигался ужас абсурда.

И сейчас тяжело перечитывать материалы, которые ныне передала Никите Болгария. Тем более тяжело об этом писать. А самое ужасное — их убожество, их обыденная тупая примитивность, за которой — тень Ада.

Убив мужа Ирины Васильевны, болгарская госбезопасность, курируемая, успешно обучаемая и «просвещаемая» советскими органами, постепенно понимает, что Ирина-то остается в своей среде «обломков и недобитков». И стоит поднажать на несчастную нищую женщину, не знающую, как прокормить сына и себя, и они

Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская. София. 1942

получат бесценный материал о жизни и настроениях русской белоэмиграции в Софии. Они решили придумать «схему», как «затянуть» в доносы Ирину Васильевну. А она в то время сначала — в тюрьме, а потом еле сводит концы с концами, безумно беспокоится о судьбе сына. Вот простое, обыденное, ужасное в своей бесприютности письмо из тюрьмы к Никите.

Дорогой мой Никитушка!

Так была рада тебя видеть сегодня. Благодарю тебя за всё, что ты мне принес. Поблагодари непременно всех тех, кто мне прислал еду и чулки. Поблагодари милую няню за вчерашнюю еду. Ужасно обидно, что вчера открыли коробку [алюминиевая посуда, в которой разрешали передавать пищу заключенным и которую возвращали при следующей передаче] и взяли письма. Я была уверена, что коробку не откроют, но дело вышло иначе. Ничего особенного в письмах не было. Надеюсь, что не будет неприятностей. Очень прошу тебя, мальчик, покуда не получишь ключей, не старайся ломать чемоданы, чтобы их открыть. В синем чемодане у меня уложены простыни, а также и белая материя, из которой можно тебе сделать белье и рубашки. В зеленом чемодане уложено твое одеяло. Смог ли ты найти шерстяное синее одеяло? Дедушке я дала пять или шесть простыней, и ему не нужно так много. Ты мог бы взять себе, если в инвалидном доме [где жил дедушка Иван Николаевич Лобанов-Ростовский] их не украли[109].

И вот, капкан. Ирина на свободе. Призрачной. За ее действиями наблюдают. Ждут, когда она минимально оступится под влиянием нищеты. И ведь дождались!

Василий Васильевич Вырубов был строг к дочери в ее детстве и юности, но это не означает, что он не мучился и не страдал, узнавая подробности ее жизни в Болгарии. И помогал чем мог. Его письмо министру МВД Болгарии Антону Таневу Югову 28 июня 1949 г. — это крик отчаяния человека, отбросившего ложную гордость и готового обращаться к кому угодно, чтобы спасти дочь. Обращения то «господин министр», то «товарищ министр» говорят о том, как несчастный отец взволнован.

Господин Министр!

Мне более 70-ти лет; все это время я с нетерпением ждал приезда дочери и внука из Болгарии; потеряв надежду их увидеть, я решился обратиться к Вам и от всего сердца попросить Вас дать возможность выехать моей дочери, Ирине Васильевне ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ, и ее сыну, моему внуку, Никите Лобанову-Ростовскому. Моя дочь живет в Болгарии 15 лет. Она вышла замуж в Париже, но должна была уехать с мужем в Софию, чтобы не оставить без поддержки родителей мужа, которые постоянно проживали в Болгарии. Родители мужа теперь оба умерли, и причина пребывания моей дочери в Болгарии отпала сама собой...

Здесь, в Париже, моя дочь имеет много родственников и друзей; в Софии она совсем одинока, и ей трудно жить одной с сыном. Я уже человек старый, у меня одна радость в жизни — это моя дочь и ее сын, мой единственный внук. Я вдовец; моя жена умерла, когда моя дочь была совсем ребенком; ее воспитывала сестра моей покойной жены, тетка моей дочери, которая живет в Париже и которая, как и я, с нетерпением ждет племянницу и внука. Товарищ Министр, я уверен, что Вы поймете нас, и горячо желаю свидеться со своей дочерью и жить с ней вместе после стольких лет разлуки...

Мне немного лет осталось жить; очень Вас прошу, Товарищ Министр, дать мне возможность порадоваться дочери и внуку в мои последние годы.

Примите, Товарищ Министр, заранее мою искреннюю глубокую благодарность. Василий Вырубов[110].

Не сработало! У Державной сигурности (то есть КГБ Болгарии) другие планы на Ирину. Ее планируют завербовать, поскольку она — внутри круга белоэмигрантов и может поставлять ценную информацию об очень многих. Для этого находят, чем ее «зацепить», а также находят и самое больное место, чтобы запугать и вынудить сотрудничать. Лишенные продуктовых талонов белоэмигранты не могли выжить, не продавая понемножку личное имущество. Это очевидно прежде всего сотрудникам органов. Кстати, точно так выживали лишенцы в 20-е гг. в России, был даже «дворянский рынок» на Смоленке в Москве, барахолка, по сути… Так, чтобы как-то прокормить Никиту, она, получая во французском посольстве стрептомицин — лекарство для лечения туберкулеза, которого не было в Болгарии, — продает его понемногу. Продает немного долларов, полученных от отца. Вот этот «хитрый ход», лежащий на поверхности, и предлагают «разработчики операции», подсылают провокатора.

> С нашего ведома 13.04.1951 наш информатор договорился с Ириной доставить ему 80 г стрептомицина по 2 тысячи левов за грамм для больного, работающего в 3-м Партийном квартале…
>
> По болгарскому законодательству, статья 36, этот незаконный заработок наказуем смертной казнью или пожизненным заключением, а также штрафом до 500 тысяч левов[111].

Самое интересное — сделка-то не состоялась. А наплевать. И тут статью найдем — «был бы человек, а статья найдется».

> Продажа не состоялась, потому что у покупателя не было денег. Лобанова предложила купить часть стрептомицина за 50 тысяч левов. Законодательство предусматривает смертную казнь за договор о спекуляции, даже без ее реализации[112].

Разрабатывается циничный, жуткий в обыденности изложения план, как Ирину арестовать к вечеру, отвезти в участок, задавать всю ночь вопросы, познакомить со статьями, которые ей будут инкриминированы, а затем ударить самым сильным аргументом.

> ... ей было сказано, чтобы она рассказала о своей разведывательной и вражеской деятельности. Она отказалась говорить на эту тему, утверждая, что она ничем таким не занималась. Просила помочь ей, задавая конкретные вопросы. До 3:30 Лобанова не созналась ни в каких ей предложенных обвинениях. Поэтому мы приступили к разоблачению ее преступлений по продаже лекарства стрептомицин без письменных улик. А затем и по продаже долларов. Одновременно ей был показан кодекс, где она сама прочитала 36-ю статью закона, которая предусматривает смертную казнь за совершенные ею преступления. Ей было сказано, что французскому посольству грозит большой скандал при разоблачении ее спекулянтской деятельности. Также разоблачение отразится на будущем ее сына Никиты, который есть единственное, что у нее осталось в жизни. Это ее сильно расстроило, и она призналась в своих преступлениях, сообщив незначительные данные, которые нам уже были известны. Мы воспользовались этим моментом, чтобы ей сообщить, что она может смягчить свое положение... Вербовка началась в 23.00, а закончилась в 6.00 утра[113].

И ей дают оперативный псевдоним Марина. А она наивно считает, что может играть свою игру с Сигурностью, не сообщая ничего существенного. И действительно, несколько месяцев пишет всякие мелочи, рецепты, сообщает про игру в бридж, подобно этому:

> ...графиня Игнатьева сделала комплименты Наташе за вкусный ужин. Ей особенно понравился салат из цветной капусты, а госпожа Перминова попросила Наташу рассказать ей, каким соусом она его заправила. На десерт был шоколадный крем, который всем понравился[114].

Но 5-й отдел не дремлет. Они подсылают в то же общество другого агента, который сообщает совсем иные сведения. И тут они решаются «доломать» Ирину Васильевну.

Оперативное предложение разоблачить и втянуть агента Марину

Совершенно секретно. 3 января 1952 г.

... По сей день, по итогам проведенной нами проверки, Марина не только не доносила ничего существенного, но даже и не передавала то, что говорилось в ее присутствии. Так, например, через мероприятие «Места» был записан полный разговор с объектом «Инвалид» (граф Николай Игнатьев) и присутствующими там лицами. Об этой встрече Марина нам донесла, что объекты имели положительное отношение к народной власти и что они считали справедливым приговор, вынесенный по процессу против Дарины Кристич. Это показание не отвечает правде...

План затягивания...

Встреча начнется, как и прежде, ее рапортом. Затем постепенно разговор перейдет на тему ее искренности к нам.

После того, как Марина начнет твердить, что всегда была искренна, тов. Пиперков ей прочтет ее рукописный донос относительно посещения квартиры объектов 17 ноября 1951 г.

Тогда тов. Пиперков ей скажет, что мы проверили ее донос, но что у нас совершенно иная информация. Тогда ей будет прочтен предварительно подготовленный рапорт...

Если агент станет твердить, что прочитанное неправда, мы ее заставим подписать заявление о прекращении ее связи с органами госбезопасности. После этого ей скажут, что ее отдадут под суд.

Если агент Марина станет нас упрашивать и убеждать, что это не имеет значения, и уверять, что в будущем будет работать честно и правильно, то тогда заставим ее подписать заявление с конкретными ее обещаниями... [115]

Вот так они ее мучают и истязают, а через 9 месяцев приходят к тому же выводу:

> ... она плохо работает на нас и не передает нам интересные данные, несмотря на то, что явно имеет возможность... [116]

За ней устанавливают особо тщательную слежку. Чтобы тотально знать ее действия, предлагают

> Разузнать, можно ли вселить в ее квартиру доносчика. Ответственный Н. Андонов. Срок: 10 ноября 1952 г.[117]

Прямо так и пишут: «вселить доносчика». Никита получил эти страшные документы о событиях, которые свели в могилу его мать, и имел мужество опубликовать их. Но мы скажем: во всякие времена — свои подвиги. Ирина Васильевна совершала огромные человечные поступки для эпохи сталинизма, находясь в пасти огнедышащего дракона, решившись скрывать фразы, опасные для судьбы говорящего, и даже попытавшись играть на:

> ... всё-таки мой отъезд во Францию повлияет на прием Болгарии в ООН[118].

Они ей на это, мол: «наивно связывать сотрудничество с нами с принятием Болгарии в ООН», — а сами-то учитывали влияние ее брата Николая Вырубова, друга генерала де Голля в ООН, знали, что не всё так просто, что за самодеятельность могут запросто «слететь» с карьерного места, а то и хуже. Старались изнурить ее, запугать до тьмы в глазах, сломать. А главное, растлить, размазать всмятку личность, вызвать «нравственное удушье» (как писали в XIX в.). Чтобы, разлюбив и не уважая себя, человек тем более перестал ценить и свою жизнь, в итоге став их послушным орудием. И, видимо, ответственные товарищи не могли сразу «свернуть эту историю» или расстрелять немедленно нерадивого «агента Марину» (брат ее мужа, князь Николай Иванович, был арестован в начале ноября 1951 г. и помещен в ужасный лагерь Белене, это тоже был очередной «стимул» для «работы»). Возились. Старались. Напрягали убогую фантазию. Но в целом, конечно, это был «отложенный приговор» для Ирины, растянутое во времени убийство. Она заболевает раком, который, как известно,

следствие непреодоленного стресса. Он и свел ее в могилу через 5 лет, в 1957-м, ей не исполнилось и 46 лет. В Париже. Когда всё, казалось, было уже позади. А Никита в 21 год остался круглым сиротой — ни отца, ни матери. Тяжко…

Но в те времена Ирина Васильевна не перестает сопротивляться. Она пишет очередное письмо в органы с просьбой отпустить ее, гражданку Франции, в Париж.

Каждая строчка — душераздирающий крик

Товарищу Крушарскому. 28 января 53 года у меня была операция рака груди… В апреле мне придется возобновить облучение, после чего будет вторая операция. Мой рак — результат тяжелых и постоянных душевных депрессий. Врачи искали причину заболевания. Я сказала, что уже семь лет мечтаю вернуться с сыном к моему отцу в Париж. В Софии мы живем в трудных материальных и моральных обстоятельствах…

Ирина Васильевна с братом Николаем Васильевичем Вырубовым. Флёри. Франция. 1953

Я так много пережила за последнее время, мой мозг работает днем и ночью и не дает мне заснуть. Самое главное для меня лекарство — это вернуться в семью, где в Париже нас ждет мой отец...

Мой сын обедает в школе, а я уже забыла, что значит обед и ужин. Каждые сутки я ломаю голову, где нам найти деньги на существование. От всего сердца надеюсь, что будет вынесено решение в нашу пользу. С уважением, Ирина Лобанова[119].

Третий побег Лобановых. Николай Вырубов и Ромен Гари

Ничем бы это всё не кончилось, коли не возникла внезапно таинственная фигура друга Николая Вырубова, столь любимого в России писателя Ромена Гари. Но в тот момент он выступал вовсе не как писатель. Итак, третьему побегу способствовали герой Второй мировой войны Николай Васильевич Вырубов и его товарищ военного времени. Этот побег в 1953 г. выглядел как вполне легальный отъезд на поезде. Но ему предшествовали многочисленные официальные и тайные действия. Были безнадежные обращения Лобановых с просьбой выпустить их из страны. Хлопотами брата Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская получила французский паспорт, в который был вписан сын Никита. А Роменом Гари был придуман дипломатический ход. Пользуясь своим колоссальным весом в качестве героя войны и друга де Голля, он задерживал во французской зоне Вены два электровоза, заказанных болгарами в Европе. Гари намекнул болгарской стороне, что техника пойдет в сторону Болгарии только в том случае, если «французские граждане» отправятся в противоположном направлении. В сущности, Ромен Гари выкупил мать и сына за два электровоза[120]. Никита рассказывает:

Расскажу о Ромене Гари, который очень интересен как политическая личность и как писатель. Он был очень популярен при жизни во Франции, и сейчас его читают, главным образом, те книги, которые вышли не под его именем,

а под псевдонимами, то есть те, которые он писал для денег. Вряд ли в Англии о нем что-либо знают. Вообще, эти две страны, Франция и Англия, редко переводят произведения друг друга. Ромен Гари имел на меня огромное жизненное, практическое влияние.

А спасал нас Ромен Гари раньше, в сентябре 1953 г. Нам страшно повезло. Он взял риск на себя позвонить коменданту Французской зоны оккупированной Вены, разделенной на четыре оккупационные зоны, и попросить задержать локомотивы, купленные Болгарией. Ведь Николай Васильевич Вырубов и Ромен Гари провели всю войну вместе, в Добровольческой армии генерала де Голля. Но я не знаю, насколько дядя Коля повлиял на Гари в этом его решении…

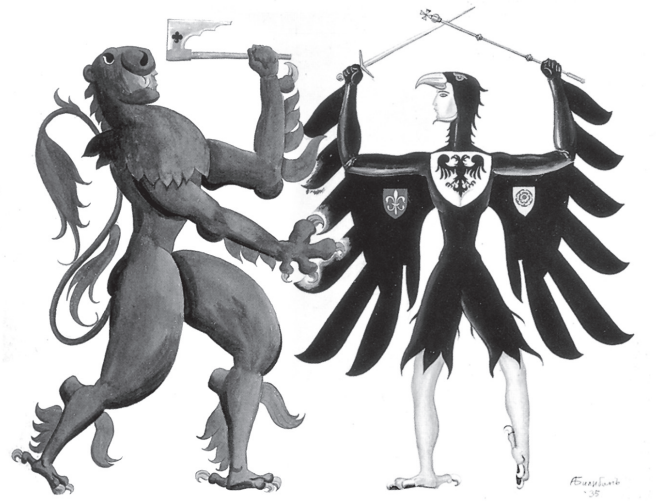
Когда же я увидел его впервые в Болгарии, он произвел на меня странное впечатление. Ведь во французском посольстве в Софии он был по важности фигура № 2 после самого посла Жака Париса, но внешне ничем не напоминал дипломата. Он ходил в военной форме без погон, и когда встречал представителей местной власти, отвечал им тем же жестом приветствия, что и они, но в пародийной форме. Дело в том, что болгарские коммунисты, встречая друг друга, поднимали кулак вверх, тыльной стороной ладони назад. А Ромен Гари тоже поднимал кулак вверх, но зеркально, костяшками сжатых пальцев вперед. То есть отчасти получалось так, что он махал им кулаком. Но как будто «в рамках традиционного приветствия». Он отдавал себе отчет, что его «крыша» — сам де Голль, он — герой войны, и позволял себе делать все, что хотел. После войны де Голль вообще переформировал Министерство иностранных дел Франции, вышвырнул оттуда тех, кого считал неподходящими, и поставил на все посты тех, с кем воевал, на кого мог положиться. Тогда я даже не знал, что он писатель, воспринимал его только как дипломата, чиновника. И я общался с ним только по делу[121].

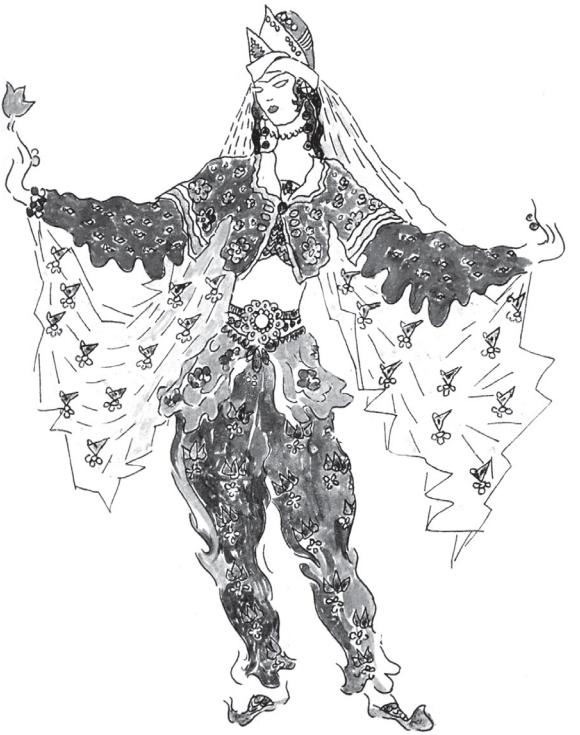
Прощание и новый мир

Итак, паспорта получены, билет приобретен, на вокзал пришли друзья Никиты. Лили, как ни высматривал, он так и не увидел.

— До свиданья, Никита, прощай, Никита, не забывай нас!

Рельсы стремительно убегали, комок боли застрял в горле. Он мог только стараться скрыть ее и подавлять волей и рациональностью. А рациональности в нем всегда было хоть отбавляй. Глубокая чувствительность, заложенная в характере Никиты, соседствовала с ней и, полагаю, приносила Никите психологические сложности на протяжении всей жизни. Но здесь рассудочность была на руку, помогла переключиться мыслями на то, что впереди, сравнительно легко «въехать» в новую, неизведанную жизнь.





Часть IV

ДРУГОЙ МИР. ЮНОСТЬ

Глава X

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Психологический переезд

Я прекрасно помню, что для меня явилось первым ощущением свободного мира. Мы приехали в Белград поездом *Orient-express* в 10 часов вечера. На перроне мальчишки кричат: «Кока-кола, оранжата». Вот это было символом запретной территории, символом того, что мы вырвались! Потому что кока-колу на советское пространство не допускали, только пепси-колу, ибо один из крупных производителей колы, хан (князь) Шура Макинский*, был агентом ЦРУ, и я это узнал потом из газеты «Нью-Йорк таймс», а Советский Союз знал об этом, вероятно, раньше меня. Кстати, для пепси-колы придумали бартерную сделку, очень выгодную обеим сторонам: пепси в Союз, а из Советского Союза в обратную сторону шла русская водка…

Очень ясно помню себя, в первую неделю после приезда, стоящим у окна в комнате моей крестной и увидевшим проезжающий грузовик. В первую секунду возникло недоумение: а где же красная звезда и номер сзади? Потому что

* Макинский Александр Павлович (1900/2–1988), хан (князь) из иранской семьи, родственной иранским шахам и находившейся на русской службе; учился в Училище правоведения; в эмиграции вице-президент экспортной компании «Кока-Кола».

у каждого грузовика в Болгарии сзади была красная звезда и свой номер. Мне потребовалось время, чтобы психологически переехать в другой мир, столь серьезен был отпечаток прежних реалий[122].

Париж встретил его 18-летие

Не всё давалось легко. Первое время Никита жил в квартире деда, доставшейся ему, как говорилось, от родственника, князя Георгия Евгеньевича Львова, в квартире № 4 на рю де Сез в 9-м районе Парижа, между Оперой и Мадленским собором. До этого Никита встретился с дедом всего один раз, когда ему было 2 года, в 1937 г. Василий Васильевич приезжал к дочери в Болгарию, а потом они вместе поехали в Париж — делать Ирине Васильевне операцию на глазу… Иногда случались «драматические коллизии».

Мы с матерью до этого жили в коммуналке, и два раза в неделю я ходил в турецкую баню. Там вас мужчины с силой трут шерстяной перчаткой, счищая эпидермис. Приехав в Париж к деду, я позвонил лакею и попросил меня помыть. Он меня вымыл, а дед сказал: «Ты как обращаешься с лакеем? Это не его обязанность — тебя мыть». Я невинно поинтересовался: «А к кому я должен обратиться?» — «Да сам мойся» — был ответ[123].

Каким Никита увидел деда?

У него был облик барина. Чтобы представить себе, как он выглядел и держал себя, могу привести Вам в пример физика Петра Капицу, жившего в Кембридже в 1920-х — начале 1930-х, или Алексея Толстого, дружившего с моим дедом, с которым и я встречался в Париже. Дед был исключительно умен, обладал замечательной памятью, в свое время закончил математический факультет университета с золотой медалью, стал общественным деятелем. В отличие от многих в эмиграции он был тем, кто в царские времена в России назывался бы «левым» — он не был монархистом.

Он остался бы в РСФСР, если бы Ленин с помощью лживых обещаний, силами матросов, стоящих на ступеньках Смольного, не совершил свой переворот. Вот после этого они вместе с князем Львовым и уехали из России…[124]

Дед Василий Васильевич Вырубов

Дед был ему интересен! Но у них сложились «дипломатические» отношения, без особого тепла, которое Вырубов и вообще не склонен был проявлять ни к детям, ни к внуку.

Он был выдающимся человеком. А я, да, был его внуком. Как к внуку он относился ко мне очень доброжелательно. Но тогда я ничего не знал из того, что составляло содержание его жизни. Он со мной не мог разговаривать — не о чем было говорить… Незачем делать усилия и терять время, когда его постоянно окружали люди, раньше служившие в царском и Временном правительстве, или его друзья, или артисты, с которыми ему было о чем разговаривать! За обедом постоянно присутствовали интересные для него люди. Я для него был незаметен… Я часто оказывался наедине с ним, но никакого примечательного разговора, никакого особого события не состоялось. Ровные взаимоотношения, больше ничего. Потом я уехал в Оксфорд, однако посещал его на каникулах, жил у него в загородном имении, в отдельном маленьком домике, входившем в ансамбль строений на этой территории. Но дружеских отношений не было[125].

В столовой деда собирались выдающиеся политические российские фигуры прошлого, все — разных политических взглядов. Никита слушал молча, внимательно, впитывал. Но не только с политиками познакомился он в Париже. В 1950-х гг. в квартире Вырубова останавливалась Мура Будберг, знаменитая возлюбленная Максима Горького и Герберта Уэллса, столь незабываемо описанная Ниной Берберовой в документальном романе «Железная

женщина». Бывали деятели искусства, встречи с которыми продолжались и позже.

Лифарь часто бывал на квартире у моего деда… Серж вращался в кругу выдающейся русской интеллигенции Парижа… Лифарь — уникальная личность: родился в Киеве, утвердился во Франции и стал известен на всех континентах. Это не каждому удается. Он был изумительным танцовщиком. Какую бы партию он ни исполнял — всё являло гармонию. Лишь появившись на сцене, Лифарь, как и Нуреев, уже сам по себе казался произведением искусства. Малейшее его движение, одухотворенное колоссальной внутренней силой, любой жест, наполненный смыслом, был поразителен и прекрасен. Но, помимо этого, Лифарь был также общественным деятелем, писателем, коллекционером и просто обаятельным человеком. Когда он находился в комнате, то вы ощущали мощную энергетику, сравнимую разве что с энергетикой Рудольфа Нуреева. Лифаря нельзя было не заметить. Кроме того, он слыл очень хорошим рассказчиком и оратором.

Вот пример. Франция решила назвать площадь с левой стороны Парижской оперы — *La Place Diaghilev* (площадь Дягилева). В день открытия, 7 мая 1965 г., моросил дождь. Организаторы построили маленькую трибуну, похожую на амвон в церкви. Присутствовало несколько композиторов французской импрессионистской «могучей кучки» и горстка балетоманов. Лифарь поднялся на трибуну и произнес изумительную речь — прочувствованную, с пафосом. Было очевидно, что если бы он стал политиком, его легко могли бы выбрать либо в парламент, либо в сенат. Я рассказываю об этом, чтобы подтвердить многогранность его характера…

Существует анекдот про Лифаря. Однажды Лифарь, забыв театральный пропуск, не мог пройти в Парижскую оперу мимо новобранца-жандарма, который исправно нес свою службу. На слова: «Я директор театра, Серж Лифарь», — жандарм ответил: «Не знаком» (*Connais pas*)! Лифарь отошел, разбежался и элегантно перепрыгнул через чугунную ограду *Palais Garnier*. На что жандарм воскликнул: «Теперь

я знаю, кто такой Серж Лифарь» (*Maintenant, je sais qui est Serge Lifar*)![126]

Сколь мы заслушивались эмигрантскими романсами в России в 1990-х гг., как только это стало возможно, как интенсивно старались приблизить ту часть русской культуры, которая в советское время была для нас недосягаема! А для Никиты этот мир открылся в 1950-х гг., и он принялся вслушиваться в русские мелодии.

Ценное музыкальное наследие эмиграции, бесспорно, ее романсы, которые, я полагаю, еще в советское время, вопреки всем запретам, были востребованы в довольно широких слоях населения. Я жил в среде, которая уехала из РСФСР. Цвет русской культуры находился за его пределами, 90 процентов русской интеллигенции уехало из страны. Так что оставшаяся в СССР интеллигенция была, по преимуществу, еврейской… Я жил в своей среде и не знал другой. Я не только слушал эту музыку, но и знал ее исполнителей.

Мы были знакомы с цыганской семьей Димитриевичей*. У моего деда со стороны матери, В. В. Вырубова, было достаточно средств, чтобы после Второй мировой войны порой приглашать их к себе в деревню под Парижем. Алеша и его сестра Валя пели нам вечерами. А потом, в зрелые годы, Алеша переехал в Аргентину, где пел моему дяде Васе Вырубову. В то время я занимался в Аргентине бурением нефти, а в период отпусков жил у дяди, у которого встречался с Алешей. Увы, он стал наркоманом и пел слабовато.

Юл Бриннер** был другом дяди Николая Вырубова, брата моей матери. Юл играл на гитаре в «кабаке Денисова», а дядя был вышибалой. Денисов — друг моего деда, русский

* Известный ресторанный певец и музыкант Алеша Димитриéвич (1913–1986) часто выступал вместе с членами своей семьи: матерью, тремя братьями и двумя сестрами.

** Алеша Димитриéвич дружил с Юлом Бриннером (Юлий Борисович Бринер (1920–1985), известный американский актер русского происхождения), который выступал вместе с ним в ресторанах, записал пластинку и даже, вопреки реальности, публично заявлял, что цыгане в его роду.

купец, бежавший из РСФСР и вложивший все свои деньги в спортивную ловлю семги в Швеции. Он купил полкилометра берега реки, оснащенного первоклассной установкой для ловли семги «на мушку», и это ему приносило очень большой доход.

Поляков*, брат художника, играл на гитаре в кабаке «Шехерезада». Весь городской русский фольклор был в разгаре, когда я попал в Париж после войны. А вот Вертинского услышать не удалось, только на пластинках, поскольку он вернулся после войны в Советский Союз раньше, чем я попал во Францию. А сейчас — через полвека — меня, пожалуй, мог бы раздражать декадентской вычурностью «*лиловый* негр Вам подает манто». Впрочем, должен сказать, я заметил, что в Сан-Франциско встречается именно такой, лиловый оттенок у темнокожих. И даже в таком шедевре, как «Прощальный ужин», мне слышится несколько приторный «акцент» — это произведение сейчас мне кажется уже старомодным. Но я ведь не читатель, не писатель, я деятель[127].

Впервые — живопись Серебряного века!

Через год случились два судьбоносных события: Никита поступил в Оксфорд. И еще было одно впечатление, столь сильное, что оно определило позже одну из самых важных сторон деятельности Никиты. В январе 1954 г. театральный критик Ричард Бакл организовал в Лондоне выставку, посвященную Дягилеву. Никита только что поступил в Оксфорд, и его крестная мать Екатерина Ридлей, внучка графа Бенкендорфа, последнего посла русского царя в Англии, повела его на эту выставку. Тогда он впервые увидел живопись Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова.

* Владимир Георгиевич Поляков (*Volodia Poliakoff*, 1887–1985), певец и гитарист, исполнитель русских и цыганских песен и романсов; муж певицы Вали Димитриевич (Валентина Ивановна Димитриевич, 1905–1983). В 1979 г. художник Михаил Шемякин финансировал запись его пластинки «Цыганские песни из России», известной сейчас среди любителей под названием «Что так грустно, взять гитару…». Брат Серж Поляков, сначала тоже исполнитель романсов, стал в эмиграции известным художником-абстракционистом.

В Софии… не было музея. В детстве я не видел помещения, где бы висели картины на стенах… Меня привели на выставку, где были выставлены работы художников, работавших с Дягилевым. Их было 42, из которых 22 было русских. И последние доминировали. Что это значит? Они были лучше по качеству и ярче остальных. По крайней мере, это было моей иллюзией. Несмотря на то, что я не имел опыта и не был знаком с живописью, я загорелся. В отличие от человеческих отношений, где для их «возгорания» необходимы феромоны, в этой влюбленности главной составляющей является интеллектуальное и эмоциональное притяжение к той красочности… которая была у художников «дягилевского окружения»[128].

Я был поражен красотой того, что мне пришлось тогда увидеть: этой театральностью, буйством лубочных цветов, всей этой «русскостью», что имела такое важное значение для моих все-таки «не западных» глаз. Как зачарованный смотрел я на эти работы и как-то в один миг решил, что в моей жизни обязательно настанет такой прекрасный день, когда подобные работы станут моими[129].

Мне было ровно 19 лет. Тридцать лет спустя, с помощью моей первой супруги Нины, мне полностью удалось осуществить мои юношеские мечты, что для меня является необыкновенным жизненным удовлетворением[130].

Природа коллекционера

Первая жена Никиты, Нина, как-то сказала о том, что коллекционеры счастливы в своем одиноком мире, погруженные в свою страсть собирательства. Никите с детства надо было непременно что-то собирать.

Да. Это инстинктивное чувство, присущее человечеству, но, конечно, в разных дозах. Уже примитивный человек в древнейшие времена догадался что-то собирать,

копить — например, в целях пропитания. Во всех нас живет в разных дозах стремление к накоплению. И это связано с желанием обладать. Для меня коллекционирование — основная часть жизни. Я начал собирать, когда мне было 11 лет, почтовые марки и старинные монеты, разыскивая монеты повсюду, где придется, иногда даже находя на раскопках. Когда затем я увидел у соседа Святослава Петрусенко собрание минералов, я загорелся геологией и в тот момент ликвидировал все, что у меня было собрано до того. Продал, а часть отдал. И начал собирать минералы, которые я никогда не покупал. А собирал только те, которые находил сам, участвуя в наших геологических походах. Когда же мы уезжали из Болгарии, мне пришлось во второй раз раздать свое собрание. А в третий раз, в 1954 г., как известно, я загорелся коллекционированием в Англии, увидев русскую театральную живопись. Вот таковы мои этапы коллекционера[131].

Глава XI

ОКСФОРД

Счастливые совпадения

Как же было поступить Никите в Оксфорд, учитывая разницу программ? А помог случай. Неизвестный меценат учредил стипендию для «беженца из Восточной Европы». Была организована комиссия, которая рассматривала заявления. Никита подал заявление на специальность «геология». Комиссия прагматично рассматривала геологию как всегда востребованную в стране. Таким образом, Никита Лобанов был выбран из числа претендентов. И учился только на отлично, исполненный благодарности и ответственности. Однако в принципе такой подход Никита считал излишне прагматичным.

Никита. 1954

Я говорю об излишнем прагматизме именно в контексте деятельности образовательного учреждения, которое, я считаю, должно быть мотивировано исключительно только

интеллектуальными способностями поступающего. Если уж давать кому-то деньги на обучение, то нужно дать тому, кто сможет ими воспользоваться и достичь как можно больше в жизни. На том заседании присутствовал один из величайших мыслителей Англии, русский еврей сэр Исайя М. Берлин. Он тоже принимал участие в решении, мотивированном меркантильным образом! Вот что меня поразило. «Дадим ему субсидию для обучения на этом факультете, потому что если будет экономический спад, инженер сможет стать слесарем, электриком, нежели сидеть на государственном обеспечении…»[132]

Сэр Исайя Берлин

И тут мы замедлим повествование, остановившись на фигуре философа, общение с которым было столь существенным в становлении Никиты.

С Исайей Максимовичем я познакомился сначала на обеде в Оксфорде в 1954 г. у моей крестной, Кати Ридлей-Бенкендорф. Знакомство перешло в дружбу, чему помогло следующее обстоятельство. В Париже *Avenue d'Iena* идет от Триумфальной арки, как и другие пять проспектов, подобно тому, как располагает свои пальцы лапа утки. Они все связаны с историей Франции. Дом номер 52 на *Avenue d'Iena* — особняк герцогини де Муши. Один из самых престижных адресов Парижа. Мой дядя женился на ее дочери, графине Сабин де Ноай, и поэтому проживал на одном из этажей 4-этажного дома. А в особняке рядом, номер 54, жил барон Гинцбург. Его дочь Алин была подругой герцогини де Муши и моего дяди Вырубова. Через них я попал в ее круг знакомых. Когда я приехал в Оксфорд в 1953 г., она была замужем вторым браком за известным физиком Штраусом, они жили в Хеддингтоне, на окраине Оксфорда… Когда на обед заказывалось вино, Штраус давал ключ лакею, чтобы он пошел в погреб за вином, а затем отбирал ключ и возвращал себе в карман. Даже лакею не доверял ключи от

винного погреба. Алин не выдержала его скупости и развелась. И у нее завязался роман с Берлиным. У Берлина (как и у Сталина) были затруднения с поврежденными связками левой руки, и он был очень полным человеком. Так что в смысле физической привлекательности я просто не мог для себя их сопоставить — она была спортивная, подтянутая, элегантная, привлекательная, очень богатая и чрезвычайно умная. Алин наполовину или даже мажоритарно владела гостиницей «Риц» в Париже. Зато Берлин был настолько обаятелен как человек, взволнованный, с повышенной сексуальностью, что это качество делало в нем незаметными все его недостатки. Да, еще дело и в тембре голоса — живого, одновременно глубокого, мягкого и трепетного. Приехал из Риги эмигрант-еврей, «наш человек» — и все увидели в нем блестящий ум, сочетающийся с особенной человеческой доброжелательностью. Это естественно соответствовало его натуре. Единственный случай в Оксфорде, когда на его лекциях — в самом большом зале, люди стояли на лестнице — настолько они были увлекательны. Не вмещала людей аудитория. Он же получил титул сэра от королевы Елизаветы, ибо на приемах королевы его всегда сажали рядом с ней. Потому что он заводил такие интересные разговоры, что мгновенно благоприятно располагал к себе людей. Знаете, он был подобен Высоцкому или Евтушенко, которые проявляли в выступлениях артистический дар.

Я помню, у Евтушенко был вечер в Софии, который устроил поэт и писатель Любомир Левчев. После двухчасового выступления мы пошли ужинать. Евтушенко за столом от нервного истощения после того, как выложился на вечере, положил лицо на тарелку и так и заснул. Я испытал неудобство, но что делать?.. Так и Исайя Максимович, выступал как актер, блестяще.

Большинство моих ужинов с Берлиным проходило в присутствии Жени Ламперта* и его супруги, моей крестной,

* Евгений Ильич Ламперт (1914–2004), философ, филолог, исследователь православной культуры. Ученик прот. Сергия Булгакова; в Париже был секретарем и учеником Николая Бердяева.

Екатерины, внучки царского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа. Речь заходила о философах, прежде всего это был Бердяев, которым занимался Женя Ламперт, велись разговоры о русской литературе. — В то время я был абсолютной невеждой в этих темах. Сидел и слушал[133].

А первый ужин с Берлиным сыграл в жизни Никиты исключительную роль.

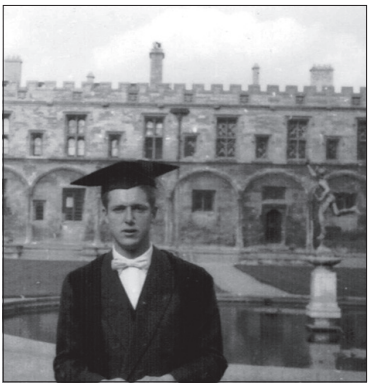
У меня осталось незабываемое впечатление от нашей беседы. Во время ужина Берлин мне сказал:

Оксфорд, несомненно, место чрезвычайно привлекательное для молодого студента. Это естественное человеческое свойство — сходиться вместе, беседовать, в общем, приятно проводить время. По устройству жизни оксфордские студенты просто заходят на огонек поболтать. Таким образом, можно провести время приятно и для некоторых очень интересно. Но если человек хочет что-то в жизни сделать, оставить след какой-то, то неизбежны жертвы. Среди студенчества это приводит к непопулярности, ведь нужно целеустремленно избегать вечеринок, встреч и бесед. Ежели заниматься самым главным, т. е. учебой, приходится сидеть в библиотеке или в своей комнате, грызть гранит науки.

Поучение Берлина, ей-богу, соответствовало моему тогдашнему положению, поскольку я изучал геологию. Слова Берлина оставили во мне глубокий след. И когда человек такого масштаба дает тебе добрый совет, поневоле прислушиваешься. Я впрягся и зубрил. Дело доходило до того, что я оставался в Оксфорде на каникулы и учил. Мне необходимо было компенсировать недостаток знаний — результат марксистского обучения в болгарской школе. Естественно, я занимался не только зубрежкой. Следуя совету Берлина, я обзавелся и широким кругом друзей и подружек[134].

Латынь

Первую половину 1954 г. Никита провел между Парижем и Оксфордом, зубря физику, химию и латынь для вступительного экзамена в Оксфордский университет. Латынь была для него совершенно неизвестным предметом, и католический священник стал заниматься с ним.



Никита — студент Оксфорда

Лампертs в своем доме сдавали комнаты студентам. Среди них был Миша Кульман, сын Марии Кульман, основательницы Пушкинского дома в Лондоне. Я к поступлению в Оксфорд так хорошо изучил латынь, которую в Софии мне никогда не преподавали, что утром за завтраком мы с Мишей Кульманом, который тоже жил у Лампертов, разговаривали по-латыни! Так что я, к счастью, здорово преуспел, читая и Цицерона, и Цезаря. Помню и сейчас, как начинаются «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря: «*Gallia est omnis divisa in partes tres*»… Я помню, как отправил дедушке Василию Васильевичу Вырубову телеграмму на латыни, начиналась она так: «*Carus avus! Successus!*» — Дорогой дед! Успех! — я был по-настоящему счастлив, когда сдал экзамены в Оксфорде[135].

Минералогический музей в Оксфорде

Я увлекался минералогией с 14 лет, а может быть, раньше… К счастью, столица Софии является бывшим дном озера, окруженного горами. И в этих горах в те времена все леса были вырублены. А были каменные карьеры, которые взрывали, и тогда открывались породы — в них можно было напасть на пегматитовые жилы, где находились чудные кристаллы. Этим мы занимались каждые выходные. И я знал

достаточно, по крайней мере в минералогии, чтобы мне удалось попасть в Оксфорд. До того, как я поступил на геологический факультет, я посетил Минералогический музей, и один из преподавателей, который потом меня учил, сопровождал экскурсию по музею. И я делал свои комментарии по поводу минералов и других ископаемых, окаменелостей животных и растений, он увидел, что я знаю и интересуюсь, а не просто поступаю ради диплома. Это тоже помогло мне поступить[136].

Учителя

В Оксфорде система исключительна тем, что вам назначают преподавателя, который является вашим индивидуальным учителем. Вы можете ходить на лекции или не ходить, но встречаться и заниматься с ним вы обязаны не реже одного раза в неделю. По обоюдной договоренности это может случаться и чаще. Встреча длится час-полтора. За это время он дает вам указания, какие книги в данную неделю прочитать и что написать, причем речь идет обо всех предметах, связанных с основной специальностью. В моем случае — с геологией. Но, разумеется, вспомогательных дисциплин, скажем физики, мы не касались — только основных. Это очень дорогой подход. Но он дает возможность выявить в регулярных беседах, есть ли у вас «смекалка», «сечете» ли вы в основных предметах, то есть сделать выводы о профессиональной пригодности и способностях ученика. В конце первого года, по результатам бесед, вас могут попросить уйти…

Мы всегда встречались в преподавательской гостиной. Во время беседы пили обычно шерри, а иногда портвейн, и обсуждали текущие учебные проблемы. Мне очень повезло, что моим руководителем был профессор Пол Кент. Позже я учредил стипендию его имени на изучение органической химии. То есть финансово обеспечил ставку имени профессора Кента для тех, кто ее достоин.

У меня сложились очень хорошие личные отношения с тьютером. В течение 50 лет мы постоянно встречались

с профессором Кентом один-два раза в год. Последний раз в прошлом году — ему исполнилось 90 лет. А пять лет спустя после окончания Оксфорда я посетил Кента в его загородном доме, купив ему большой горшок с растущими цветами. Его супруга сказала, что впервые за все годы выпускник догадался привезти цветы. У меня были такие теплые отношения с профессорами и потому, что геология была не только моей профессией, но и моим хобби, моим интересом и даже частью моей жизни, как я Вам говорил раньше. А затем это случилось с живописью, и ее собирание также стало частью моей жизни. И с другими преподавателями-геологами у меня были дружественные отношения. В частности, одна из причин, по которой я сознательно поступил в Оксфорд, а скажем, не в Кембридж, была следующей — кафедрой геологии заведовал профессор Вагер, создатель теории дифференциации застывшей лавы. Он заметил по экземплярам пород одной горы, что породы всегда располагаются в определенной последовательности — одна под другой. Когда лава всплывает, в котле жидкой лавы первыми остывают тяжелые металлы, например медь, а самые легкие поднимаются наверх. Верхние пласты из-за эрозии часто стираются, и потому, например, так редок малахит. Ведь малахит — это «ржавчина» меди, она всегда наверху. А вот в России, кстати, на Урале этот слой не стерся из-за эрозии, так как залегал глубоко. Оттого на Урале много качественного малахита. Эта теория очень способствовала экономической целесообразности в поиске полезных ископаемых, позволяла быстро вычислить, в каком примерно слое находятся ископаемые, соответствующие искомому минералу[137].

«Крайст-Черч»

Меня приняли в «Крайст-Черч» — это один из колледжей, из которых состоит Оксфордский университет, и количество колледжей постоянно растет (на сей день их 39). «Крайст-Черч» — единственное подразделение Оксфорда, которое не называется колледжем, потому что

исторически «Крайст-Черч» был частью церкви, основанной кардиналом Уолзли, — до того времени, как Англия приняла англиканство.

В первый год все студенты (150 человек) обязаны жить в колледже. Затем они поселяются в городе у аккредитованных университетом арендаторов. В «Крайст-Черч» меня приняли по рекомендации князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского, профессора-византолога. Жилые помещения в колледже распределяются в июне по мере принятия новых студентов. Я же сдал вступительные экзамены только в сентябре и потому оказался без места. Мне повезло, ибо один из священников скоропостижно скончался, освободив квартиру во втором подъезде, справа от башни, на втором этаже[138].

Товарищи и быт

Товарищи по университету приняли меня очень радушно, потому что я сразу вошел в круг аристократов, друзей моей крестной*. Я никогда не почувствовал никакого пренебрежения. На уровне привычек, быта, того, что «ранит» или просто задевает при разнице культур, ничего не показалось труднопреодолимым. Ведь мир «русских европейцев» когда-то был единым пространством жизни со всей Европой. Нужен был только язык. И смекалка.

Потому сегодня мне повсюду просто. И находиться, и общаться. Некоторую неуютность в России я чувствую потому, что часто законодательство до сих пор является рычагом власти, а не охраной жителя. И в ближайшие тридцать лет это следует с трудом преодолевать[139].

Бесценны живые, цепкие, точные воспоминания Никиты об Оксфорде.

* Катерина Ридлей (*Katherine Ridley*), внучка последнего царского посла в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа (1843–1916).

Оксфорд — тогда и сегодня

В контексте огромного военного долга Великобритании США в 1950-х гг., военный режим выдачи продуктов по талонам продолжался. Сахар, яйца, сыр были лакомствами, которые я привозил из Парижа, побывав там на студенческих каникулах… В подъезде, где была моя квартира, жили два студента: индус — на первом этаже и я — на втором. Я подружился с индусом и его другом — студентом махараджей Дрангадра, который приезжал на автомобиле «Бентли» со своим водителем-сикхом, носившим тюрбан.

В колледже нас обслуживал *scout* (скаут = 'слуга'), в чьи обязанности входило: будить нас в 7 утра, чистить ботинки, по желанию подать завтрак в гостиной и отправить одежду на чистку и глажку. Также была горничная, которая застилала постель и убирала комнаты. Большинство студентов ходили на завтрак в столовую, но обеспеченным студентам скаут приносил завтрак — он накрывал его на столе комнаты, в которой студенты жили. За это нужно было заплатить ему 6 пенсов, что составляло одну сороковую фунта. За 6 пенсов в главной гостинице Оксфорда «Рандольф» можно было купить чашку чая с сахаром.

В столовой за завтраком привилегированные студенты сидели как возможно далеко от входа, около стола, за которым сидели преподаватели. В столовую нужно было ходить в рубашке и темном пиджаке, поверх которого обязательно носилась короткая роба без рукавов (*sub fusc*, от лат. *sub fuscus* — 'темно-коричневый'), длина которой равнялась длине пиджака черного цвета. Магистры и преподаватели носили робы с рукавами (*gown*). Я был один из немногих, так называемых «привилегированных», которые приходили на завтрак. Вместе с Никки Гейджем (*Nicky Viscount Gage*), чьи родители владеют знаменитым домом-имением Фёрл (*Firle House*) в графстве Сассекс. С ним вдвоем мы занимались получасовой зарядкой, начинавшейся бегом по парку, а затем наступало время гимнастики. В столовой, проголодавшись, мы охотно уплетали плотный английский завтрак,

который состоял из овсянки, копченой селедки (*kippers*), белого тоста с крупно нарезанными дольками апельсинового варенья (*thick-cut marmalade*), черного чая с молоком и сахаром. Шутили, что в чае было столько сахара, что ложка в нем стояла.

Среди студентов высшего общества учеба не была в моде. Поступали в Оксфорд главным образом для забавы. В результате, после экзаменов в конце первого года, 25% студентов отсеивались.

Единственная библиотека, открытая до 10 вечера, содержала книги по химии, и в ней за четыре года я протер две пары брюк. Сегодня же любой желающий может получить ключ от нужной библиотеки в своем колледже и зубрить всю ночь.

Общение с девочками в студенческой комнате разрешалось до 6 вечера. Интимные отношения были запрещены, но целование в губы между мальчиками на танцах терпелось. Это, наверное, соответствовало склонностям части преподавателей.

Ныне быт в Оксфорде коренным образом изменился. На выход студенты носят «универсальную форму», состоящую из майки и дырявых джинсов. Среди студентов и преподавателей царит диктатура политкорректности. В колледже можно спать с кем и когда угодно. Доминируют меньшинства гомосексуалов и лесбиянок, которым политкорректное большинство не смеет противоречить. Главу «Крайст-Черча» (*the Dean*) уволили с поста за то, что он погладил по голове прихожанку. Несмотря на то, что он выиграл тяжбу против колледжа, ему пришлось уйти, что обошлось колледжу в 500 тыс. фунтов. Этот случай описан в многочисленных газетах. Никто из администрации «Крайст-Черч» не пострадал за то, что они истратили полмиллиона фунтов колледжа, защищая свою политкорректность. Как и вся страна, Оксфордский университет вместо того, чтобы стремиться к высшему, уверенно сползает вниз, к наименьшему знаменателю. Сегодня практически невозможно попасть в Оксфорд даже за деньги, окончив

элитарную школу Итон. Предпочтение отдается не белым, не привилегированным, а товарищам рабочего происхождения с низкими оценками — лишь бы заполнить квоту «разнообразности». Как я рад, что меня там нет.

Оксфордские клубы — только для мужчин

Часть студенческой жизни в Оксфорде была связана с клубами. Высшее общество принадлежало к трем клубам: «Гридайрон» (*Gridiron*), «Буллингдон» (*Bullingdon*) и «Лодерс» (*Loder's*). Последний был открыт только для студентов «Крайст-Черч». Это был мужской клуб, где можно было общаться и выпивать. Обряд принятия кандидата в «Лодерс» заключался в том, что нужно было выпить кубок портвейна. Этот кубок был сделан из серебра в форме дамы в кринолиновой одежде. В него переливалась бутылка портвейна. Несмотря на то, что я отказался, меня приняли, ибо все знали, что я непьющий. Мой сверстник, лорд Ферно, выпив кубок, упал в обморок, и пришлось вызывать скорую помощь. Кандидатура члена должна была быть всеобще одобрена.

В конце учебного года, после ухода старших студентов, в клубе оставались только недавние новобранцы — Джейкоб Ротшильд и я. Чтобы продолжить существование клуба, нам нужно было одобрить новых кандидатов. Мы попали в тупик, ибо мы вместе не могли согласиться на кандидатов, предложенных каждым из нас. Чтобы выйти из положения, мы произвольно решили, что каждый из нас одобрит по шесть кандидатов другого.

Каждый клуб имел свой галстук. Галстук «Лодерса» был в чередующиеся широкие полосы черного цвета и цвета яичной скорлупы.

Самый известный оксфордский клуб — это «Буллингдон». Его галстук — с широкими белыми и голубыми полосками — носит нынешний премьер-министр, члены кабинета министров и многие депутаты. И так было веками. Несмотря

на то, что часть времяпровождения членов клуба сегодня не одобряется современным общественным мнением. Кроме еженедельной верховой охоты, игры в крикет и скачек, каждый семестр члены клуба праздновали торжественный ужин. Снималось то помещение ресторана, где хозяин собирался делать ремонт. По окончании ужина вдребезги пьяные гости били всю посуду и разрушали часть мебели. Это было подобно тому, как Петр Великий веселился в доме Джона Ивлина в Гринвиче во время своего пребывания в Лондоне. За многовековое существование клуба я был единственный человек, который никогда не присутствовал на этих ужинах.

Форменная одежда клуба — темно-синий фрак на белой шелковой подкладке с желтым жилетом и желтыми носками, с голубым галстуком-бабочкой.

В 1950-х гг. клуб «Гридайрон» существовал на квартире в доме на главной торговой улице Оксфорда и был открыт только в обеденное время. В те времена еда в Англии была изумительно безвкусной. Спасали индусские рестораны. Первый приличный итальянский ресторан в Оксфорде, где подавали спагетти и никакой пиццы, появился в 1954 г. Для меня преимущество, в смысле питания, было то, что так же, как и в клубе «Уайтс», был скромный шведский стол, помимо приготовленных заранее блюд. Мой постоянный выбор был: копченая макрель и многомесячно выдержанный сыр чеддер с хлебом. Клуб был напротив чайной сети «Лайонс корнерхаус» (которая больше не существует). После обеда мы с Питером Зиновьевым, тоже геологом, до того времени, как вернуться в лабораторию, шли в эту чайную и покупали там чай за 2,5 пенса. В отличие от других ресторанов, сахар стоял на столе бесплатно. Мы растворяли в чае почти такой же объем сахарного песка, каков был объем чая, таким образом запасаясь адреналином и энергией на послеобеденные занятия. По дороге в лабораторию мы часто заходили на 15 минут в музей Ашмолеан и изучали одну-две картины.

Галстук «Гридайрона» темно-синего цвета с повторяющимся узором в форме решетки для барбекю.

Во все эти три клуба в те времена женщины не допускались.

Визит в Оксфорд Булганина и Хрущева — политическая дискриминация

Весной 1956 г. новые лидеры Советского Союза Булганин и Хрущев приняли приглашение британского правительства и решили поехать на Запад, чтобы посмотреть собственными глазами, что там происходит. Со времен Ленина никто из советских вождей «за рубежом» не бывал, за исключением Сталина, который побывал на конференциях в Тегеране и Потсдаме (под Берлином), но, кроме конференц-залов, он ничего там не видел.

В апреле Булганин и Хрущев навестили Оксфорд и осмотрели колледж «Крайст-Черч». За два дня до визита власти колледжа сказали мне, что я должен уехать из Оксфорда в день визита. Помимо этого, с меня взяли обещание не предпринимать никаких действий, которые могли бы нарушить гармонию визита советских лидеров в Оксфорд.

Никита в Оксфорде. 1955

Отношение студентов к событию описал один журналист: «Хрущев был с Булганиным… В Оксфорде оба были восторженно приняты студентами, которые скандировали: “Poor

old uncle Joe" ("Бедный дядюшка Джо"). С легкой руки Уинстона Черчилля шутливое прозвище "дядюшка Джо" так и закрепилось за И. В. Сталиным. Он об этом знал и поначалу слегка обижался, а потом привык.

Оба советских лидера, не понимавшие ни слова по-английски, счастливо улыбались и дружелюбно приветствовали студентов, которые продолжали весело скандировать одну и ту же фразу "Poor old uncle Joe". Улыбки моментально исчезли с лиц русских лидеров, когда им сообщили о содержании озорных выкриков хором "коварных" английских студентов»[140].

Оксфорд и искусство. «Я сам себя стал посвящать в искусство…»

В Оксфорде Никита провел 4 года, ему повезло, что один из его соучеников, геолог Питер Зиновьев, разделял его интерес к искусству, к живописи и музыке.

Почти ежедневно после обеда, по дороге в лабораторию, мы заходили в музей Ашмолеан на 15–20 минут и останавливались перед одной-двумя картинами. Позже я сам себя стал посвящать в русское театральное искусство, когда начал его собирать[141].

Из приятелей-студентов на меня, несомненно, влиял Питер Зиновьев, тоже эмигрант, который был геологом и старше меня. Он мне очень помогал в изучении минералогии. Он любил музыку, играл на рояле и впоследствии стал профессиональным исполнителем современной музыки. «Нью-Йорк таймс» посвятила целую страницу его некрологу, когда он скончался. Мы много вместе слушали музыку. Когда вы занимаетесь петрографией, то есть смотрите породы под микроскопом, — вы часами их изучаете. И это может стать занятием, в конце концов, монотонным и скучным. У Зиновьева тогда был проигрыватель, с магнитофонной лентой, на котором мы слушали Моцарта и Баха. Очень хорошо

подходил нашим занятиям почему-то Концерт Моцарта для кларнета (*насвистывает тему*). Оперу слушали мало, главным образом — камерную музыку. Иногда Дворжака, например. В музыке главное открыл для меня еще в Болгарии Данчо Иванов, впоследствии известный певец. В отличие от других студентов, каждую субботу и воскресенье мы с Питером Зиновьевым тайком ходили в здание геологического факультета. Что значит тайком? — На выходные всё было заперто. Но можно было пластмассовой карточкой как-то открыть дверь. И мы входили — никого нет, простор! Сидишь себе спокойно над микроскопом, пьешь горячий чай и слушаешь хорошую музыку. К счастью, мой приятель интересовался учебой столь же серьезно, как и я[142].

Испытание бытом

Главным образом, голодал я в Болгарии. Да, приходилось и в Оксфорде. Потому что денег было мало. Потому я и разболелся в годы учебы, подхватил пневмонию с плевритом, и последствия этой болезни остались на всю жизнь… Холодные комнаты — тяжело. В те времена, после войны, — а в Англии сильнее, чем в других местах, — просто ничего не было. Ведь Англия задолжала огромные деньги США (которые окончательно выплатила только в 2015 г., через полвека). Например, я привозил мясо из Франции, когда бывал на каникулах. А чтобы в комнате было отопление, нужно было положить в ячейку монетку. Которой часто не хватало. Кроме того, сильная влажность и частые дожди — всю зиму[143].

Климат Англии испортил его здоровье. К тому же он недоедал, ведь в Англии даже девять лет спустя после Второй мировой войны сохранялась карточная система, мясо и сахар свободно не продавались. Сахар — только на столах немногих ресторанов. И Никита пользовался этим. Часто ему хватало денег только на стакан чая. И он засыпал сахара настолько, насколько он мог раствориться в жидкости — получался насыщенный сироп, которым растущий организм как-то мог утолить голод. Не здесь ли корни

будущего диабета? Но нежную и благодарную память Оксфорду Никита пронес сквозь всю жизнь. Здесь сформировались и его взгляды на достоинство, образ жизни и обязанности аристократа.

Дары Оксфорду

В память о подаренной стипендии в 2012 г. Н. Д. Лобанов-Ростовский на свои деньги создал в университете факультет планетарной геологии. А в благодарность и память о своем учителе — профессоре органической химии докторе Поле Кенте — он создал постоянное место преподавателя органической химии имени доктора Пола Кента. Факультету геологии Оксфордского университета он подарил написанный маслом портрет основоположника современной геологии Чарльза Лайелла[144].

Его спросили: а каким должен быть аристократ? И он ответил

Аристократ отличается чувством обязанности перед предками и потомством. Неся ответственность перед ними, нельзя опозорить фамильную честь. Это мотивирует выработку в характере таких качеств, как честность, принципиальность, благородство, верность слову, мужество, справедливость, умение владеть собой. К этому надо добавить такие эстетические качества, как вкус, стиль и шик. Амбиции для аристократа не являются мотивировкой к действию и правилом поведения, что приводит к чувству внутренней свободы, когда нет зависимости от моды на данный момент и внешней оценки.

Образцом аристократизма среди послевоенных политиков Великобритании был Гарольд Макмиллан. Мы общались в маленьком лондонском клубе *Bucks*, неподалеку от аукционного дома *Sotheby's*. Клуб был недалеко от его дома и рядом с местом моей работы. Он пользовался уважением у большинства населения и воплощал все качества

аристократа-политика. В *Bucks* можно было зажигать в столовой сигару в 14 часов. Макмиллан почему-то начинал курить в 13:50. Никто никогда ему не сделал замечания по поводу того, что он раскуривал «гавану» на 10 минут ранее дозволенного. Остался у меня в памяти его афоризм о непредсказуемости завтрашнего политического дня, ибо многие планы нарушаются непредвиденными событиями: *Events, my dear, events*.

Сегодня нет аристократа по рождению или поведению в качестве лидера стран. Популизм или диктатуры не позволяют такой личности попасть на верхушку. — Да, например, до недавнего времени таким был лорд Питер Карингтон — министр иностранных дел при Маргарет Тэтчер. Он подал в отставку из-за того, что не отнесся серьезно к угрозе нападения Аргентины на Мальвинские острова. Страна оказалась не готова к этой войне. Карингтон морально чувствовал свою ошибку и ушел из правительства. Потом он стал главой аукционного дома *Christies*. Моя бывшая должность в *Christies* — советник председателя правления по русскому искусству и делам в СССР. Поэтому мне приходилось каждую неделю встречаться с лордом Карингтоном. Прекрасно одетым, в шелковых рубашках, чрезвычайно вежливым, мне с ним было легко и приятно общаться. Встречи длились 10 минут. Он слушал, не перебивая, 5 минут. Затем отвечал 3 минуты. А в оставшиеся 2 минуты допускал реплику. Встречи всегда имели свое заключение: «да» или «нет». Такие образцы есть в каждой стране: в Германии, в Скандинавии, во Франции, в Италии.

Я стал реально ощущать себя аристократом, когда эмигрировал из Болгарии в 1953 г. в Париж. Лакей моего деда, у которого я проживал, ко мне обращался: «Ваше сиятельство». А среди французской аристократии (окружение моего деда и дяди) ко мне обращались: «Cher Prince». Затем в Оксфорде меня звали «князь Лобанов-Ростовский». Этому именованию способствовало то, что князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский до того, как стал в 1895 г. министром иностранных дел Российской империи, служил 4 года послом в Лондоне (1879–1882). И среди интеллигенции Оксфорда об этом знали.

У меня отношение к людям, которых бы я считал классово ниже себя, не менялось в жизни. Это по сей день удивляет мою жену Джун, как я свободно и с интересом беседую с лондонскими таксистами — были ли они афганцы, румыны, нигерийцы или ирландцы. У меня сегодня с ними общий язык и свобода в общении. Так же и с таксистами в Москве. Дистанции нет.

А общаюсь я с друзьями, с которыми сошелся в школе и университете, в социальных кругах общества в Европе, с друзьями обеих супруг, с теми, с кем разделяю общие интересы по искусству, и с бывшими коллегами по работе[145].

Гардероб аристократа

Стиль Никиты сформировался

Я думаю, в детстве. Мой отец всегда элегантно одевался и старался привить это мне. Я смотрел, как отец одевался, и это осталось у меня в памяти[146].

Позже для меня образцом был дядя, Николай Васильевич Вырубов. Я ему подражал. Он всегда ходил в свежей рубашке, в костюме, всегда был прибран, даже когда ему было за 90 лет и болезни его одолевали. Он всегда был подтянутым, в любых условиях[147].

Гардероб аристократа — это элегантность, которая предполагает изысканность в одежде, что у мужчин характеризуется хорошим кроем, чистотой линий, качеством ткани, строгостью стиля, где все элементы одежды сочетаются друг с другом, тщательно подобраны друг к другу. Элегантный мужчина не должен быть заметен. Только те, которые причастны хорошему вкусу, видят джентльмена.

В Англии пословица гласит, что джентльмена узнают по ботинкам

По внешнему аспекту, ботинки, сделанные по заказу, всегда плотно закрыты в месте шнуровки. То есть у них нет свободного пространства между зашнурованными частями,

берцы плотно пригнаны друг к другу. Таким образом, средняя часть никогда не открыта. Второе и внутреннее отличие. Многие марки обуви, которые продаются в магазинах, шьют ботинки и на заказ. Различить это можно очень просто. Ботинок, сделанный по заказу, имеет внутри эмблему, но на ней не написан размер сапога. В любом другом все номера написаны. И второе — внутри, сбоку, написан номер заказчика чернилами от руки.

У Никиты английский стиль одежды

Абсолютно верно. Французы почти не носят двубортные пиджаки, у них другого покроя пиджаки и воротники рубашек. В Англии представители высшего общества часто носят двубортные пиджаки.

Покрой воротника

...менее раскосый и более вытянутый... А американские рубашки имеют воротник на пуговицах потому, что в Нью-Йорке жуткая жара, сопровождаемая высокой влагой. Поэтому рубашки специально делаются из очень тонкой ткани и воротник не может держаться без пуговиц.

Белые рубашки только по торжественным случаям

На деловые приемы надеваю рубашку в полоску, а просто так — в клетку.

Галстук

Официального американца от англичанина отличает направление полоски на галстуке, если галстук в полоску. Последние 150 лет так было. Возьмите, скажем, трех американских президентов, и вы увидите, что направление полоски на галстуке у них одинаково. Возьмите британских премьеров — скажем, Энтони Идена, и посмотрите направление полосок у них.

Мода

Мода не влияет на одежду аристократов. Они придерживаются принципов, установленных в Англии в конце XIX в., о которых я только что упоминал выше. Классический покрой одежды и ботинок не изменился для мужчин за последние сто лет. Есть английская пословица, гласящая: «Я слишком беден, чтобы покупать дешевые вещи»… я ношу костюмы и ботинки, которые мне сшили 50 лет тому назад. Я продолжаю ходить в ботинках, которые мне сделали в Аргентине в 1962 г., и ношу фрак и костюмы, сшитые еще в Оксфорде в 1950-х гг. Как ни странно, я уменьшился в размере с тех пор. Некоторые костюмы начинают на мне висеть.

Внешний вид важен. Как в русской поговорке: по одежке встречают, по уму провожают.

В путешествиях

Я стараюсь путешествовать с сумкой не более 15 килограмм. Один пиджак, одни брюки и один костюм. Иногда я даже в костюме езжу, потому что приходится из аэропорта сразу ехать на мероприятие. Иногда я беру с собой одни ботинки — черные, если у меня только официальные встречи. Если есть частные встречи, то я путешествую в коричневых ботинках и везу с собой черные.

Беру с собой колодки. Они у меня алюминиевые, очень легкие. Очень удобно. К сожалению, в Европе и других странах сервис в отелях не самый лучший, и химчистка работает долго, там нельзя сдать рубашку в 11 вечера и получить ее чистой в 7 утра. Такое было возможно 70 лет тому назад. Чтобы не возить с собой в поездки много сорочек, у меня выработана следующая технология. Покуда я принимаю вечерние водные процедуры, я замачиваю рубашку в теплую воду. Потом намыливаю воротник и рукава и их стираю. Затем полощу и полностью мокрую рубашку застегиваю на все пуговицы и вешаю сохнуть на вешалку над ванной. Я для этого вожу с собой в поездки плечики из проволоки, которые очень легкие. Хорошего покроя рубашка на утро выглядит

практически отутюженной. Это не относится к моим поездкам в Юго-Восточную Азию — в Гонконг или Сингапур. Там сервис на высоком уровне.

Никита Дмитриевич член самого закрытого и респектабельного лондонского клуба White's

По заявке нельзя попасть в «Уайтс». Кто-то из членов клуба должен сделать рекомендацию. В контексте того, что членство зависит от единодушного согласия всех членов, то кандидат должен, в их понимании, разделять их установку на жизнь и иметь положение в обществе.

Технически это происходит следующим образом. В библиотеке «Уайтс» лежит большая книга, в которой инициатор рекомендации вносит предложение на принятие нового члена. Это предложение должно быть подтверждено вторым членом. За этим идут письменные выражения одобрения или отвержения. Человек может стать новым членом клуба, только если нет ни одного возражения. Предложил меня в Уайтс сэр Иэн Рэнкин (на сегодняшний день бывший супруг моей жены). Подтвердителем был лорд Джейкоб Ротшильд. Все мы были в Оксфорде членами клуба «Буллингдон», и обычно почти все члены потом становятся членами *White's* или *Brooks's* или *The Turf*.

Престиж

Членство в «Уайтс», в принципе, в высшем обществе Великобритании дает тот же престиж, что и в номенклатуре СССР давало членство в ЦК. Лично мне членство в «Уайтс» было удобно тем, что этот клуб находился вблизи места моей работы, там я мог вкусно покушать в обеденное время в компании интересных людей.

Будни и правила

В «Уайтс» не принято заговаривать с кем-то, кто читает газету в библиотеке.

Там обедают и ужинают, читают газеты, разговаривают о рыбной ловле и охоте (70%), после обеда некоторые играют в настольные игры.

Общение более свободно, ибо англичане не начинают общение, не будучи представлены друг другу

Да, совершенно верно, более свободно, поскольку в контексте «Уайтса» большинство членов знакомы, будучи выпускниками Охбриджа (Оксфорда и Кембриджа). Исключение составляют *ex officio* послы немногих стран, как Франция и Германия, и иностранные члены, кем был и я.

Иногда члены клуба числятся под своим именем, а не под наименованием, связанным с титулом.

В целом в клубах высшего сословия люди очень мало общаются. Они говорят на светские темы у бара и потом за обедом. Но после этого они пьют кофе, курят сигары, читают газеты и мало общаются. Вы же помните, как это выглядит в клубе *Travellers* в Париже?

Политику не обсуждают. Говорят обычно на нейтральные темы: спорт, охота и рыбная ловля.

«Роллс-ройс» для члена White's — это неприлично

Да, лет десять тому назад, когда после 18:30 можно было парковать машины перед *White's*, там никогда не было таких машин. Это считается плохим вкусом, это для нуворишей. «Ягуары», «Бентли» и «Роллс-ройсы» иногда имеются в имениях для местного транспорта. Не для Лондона.

Уровень White's в Лондоне?

Boodle's, да, конечно, и *Guards* — клуб гвардейских офицеров, и *Buck's Club*. В интернете, наверное, есть описание их.

Важен «ля класс», как говорят французы?

Не во всех аристократах он проявляется. И всегда так было, и всегда так будет. Важно поведение и отношение

к окружению. Ровное отношение ко всем вокруг. Плюс выраженное эстетическое начало.

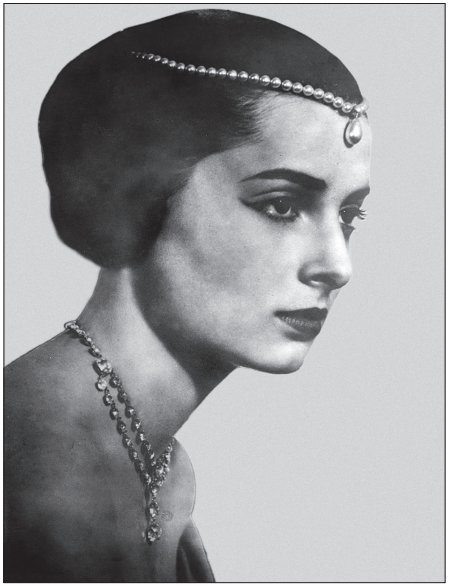
Поэтому Георгий Гогенцоллерн не может соответствовать тому, на что они с его матушкой претендуют, даже если бы он был признан как наследник престола президентом России. Никита Михалков очень правильно отметил в своей телевизионной передаче эти его внешние признаки, сравнив его с Митрофанушкой.

Аристократ — это умение работать, в том числе руками

Если Вы помните, в «Войне и мире» старший Болконский занимался физическим трудом каждый день. В Англии большинство аристократов — помещики. Многие из них в наши дни сами управляют своим имением. Они получают большие субсидии, если занимаются хозяйством сами с целью предохранения природы. Сегодня богатейшие люди, которые владеют десятками тысяч гектаров в Соединенном Королевстве, зарабатывают на субсидиях большие деньги.

Роскошь

Для меня роскошь — это когда другие делают за меня то, что отнимало бы у меня время. А время — самое ценное, что я пока имею, и приходится жестко с ним распоряжаться. Мне необходимо заставить себя отойти от дел и уделить внимание близким. Роскошь в жизни не нужна, но если уметь ее ценить, то в ее окружении можно себя чувствовать хорошо. С годами роскошное окружение всё меньше и меньше влияет на образ жизни. Возрастает желание уменьшить жилье, как говорят в России — жилплощадь, а также количество людей, с которыми общаешься[148].



Елизавета Павловна Карагеоргиевич, принцесса Югославии

Никита и Елизавета Карагеоргиевич. 1957

«Еще раз про любовь»

В 1955-м у Никиты начался страстный роман с сербской княжной Елизаветой Павловной Карагеоргиевич, он сильно влюбился и три года пылал.

> Еще бы! Предполагаю, что и она, иначе бы не приезжала в Оксфорд. Мы расстались, потому что я был молод, денег не имел, был совершенно неперспективным женихом. Ее отец, князь Павел, был бы для меня идеальным тестем, потому что он был очень значимым коллекционером искусства — мирового класса. Его большое собрание стало основой музея изобразительного искусства в Белграде. Я дружил с ее матерью, которая была сестрой герцогини Кентской. Так что у нас было много общего. Но денег у меня не было! — И у нее не было. И это было препятствием. Да. И дед мой, Василий Васильевич Вырубов, почему-то не очень был воодушевлен этим романом[149].

В середине лета 1957 г. умирает мать Никиты, что стало для него ужасной трагедией. Теперь он совсем одинок. И дед начинает смотреть на Элизабет по-другому. А Никита *почувствовал* угасание романа. Был удручен, печален и уязвлен.

В дневнике Никиты есть запись:

> **26.04.1958**. *Дедушка почему-то мне советовал жениться на Элизабет, если я или она меня еще любит, так он находит, что в моем случае гораздо лучше жениться рано в жизни. К сожалению, теперь Элизабет меня больше не любит, а я ему этого не мог сказать. Я ее видел почти каждый день, но, по-моему, мы оба чувствовали, что это была обязанность для нас обоих. Не имея денег, я никогда на ней не женюсь, — а всё-таки хотелось бы, так как мало православных и хороших девушек в Париже…* [150]

> Через известное время она меня бросила. Я болел в то время и ужасно выглядел, лежал в госпитале, где она меня навещала. Может быть, она испугалась моего вида. Это был предлог… Увы… [151]

Экзамены сданы. Диплом бакалавра получен. Но образование нужно продолжать, считает Никита. Чтобы получить степень магистра, он сдает экзамены в *National Science Foundation*, получает стипендию и поступает на геологический факультет в Колумбийском университете.

Глава XII

НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК!

1958-й. Ему 23 года

Гарлем

Мое первое впечатление, которое я не забываю… такси везло меня из аэропорта в Колумбийский университет на 126-й улице Манхэттена. Чтобы туда попасть, нужно проехать через Гарлем. В один момент таксист остановился на светофоре, и черная проститутка легла на капот. Я, конечно, был очень удивлен и спросил: «Что происходит?» Водитель ответил: «Не обращайте внимания; это проститутка, ищет клиента». Но это было настолько необычно, что я до сих пор это помню.

После Англии это был абсолютно другой мир. Очень привлекательный. Дружелюбный. Интересный. Стимулирующий…

Шел расцвет Соединенных Штатов после войны. Вся Европа была бедная. Соединенные Штаты находились в «экономическом буме». Было огромное количество резервов в казне, т. е. лишних денег, которые страна одалживала всему миру. Все обедневшие страны были готовы принимать доллары. А США убеждали весь мир принимать форму демократии *made in USA*. В Соединенных Штатах было много рабочих мест. Желающие работать были востребованы. Так что для меня эта страна оказалась благодатью по сравнению с Европой.

Быт, климат, ощущения… Фирменная уха Лобанова!

Климат в Нью-Йорке паршивый. Летом жара. В июле и августе душно. Влага 90%, а температура 30–35°С. Зимой дует холодный северо-океанский ветер. Зато весна — апрель, и осень — сентябрь / октябрь — лучшие времена года с красивой природой за городом. Я, главным образом, питался фруктами, потому что они были изумительно дешевые. Калифорния тогда снабжала четверть населения мира своими овощами. Мое фирменное блюдо для гостей было — уха из копченой семги. Тогда у меня было очень мало денег! В магазинах, которые называются «деликатесными» и где продавали копченую семгу, ее резали очень тонкими слоями на деревянной доске. Кожу и голову выкидывали. Я договорился со своим земляком Рубовым, у которого была «деликатесная» лавка на 79-й улице, мне их сохранять. Головы и кожа семги составляли основу моей ухи. Туда я добавлял картошку, лук, морковь, много укропа и варил в большой кастрюле. Приглашал, скажем, 20 человек. Все нажирались этим супом. Пили дешевое белое и красное калифорнийское вино, которое продается в больших бутылках в галлон (3,5 литра). Вот какая была моя основная еда.

Памятные места

Мои памятные места относятся к периоду 1950–1960-х гг. 65 лет тому назад. Я поселился в здании, которое в переводе называется Международный дом, т. е. *International House*, на 500-м *Riverside Drive* и *West* 123-й улицы. Очень удобно, потому что здание вблизи университета. Это маленький «остров покоя», который на юге граничил с кварталом Гарлемом, а на севере — с пуэрториканско-кубинским Бронксом. *International House* и все здания вокруг Колумбийского университета были необычным островом между этих двух, населенных не белыми, но очень больших и значимых, районов Нью-Йорка.

Сами здания Колумбийского университета не менее внушительны, чем Рокфеллеровский центр (*Rockefeller Center*). К северу от университета расположен очень значимый комплекс, который называется Клойстерс, на *West* 146-й улице. Остановка метро «190-я улица» в районе Вашингтон Хайтс, 40 минут езды от центра Манхэттена по бродвейской линии. «Клойстерс», филиал музея «Метрополитен», посвящен искусству, архитектуре и садоводству средневековья. Это место, которое стоит посещать размеренно. Три сада музея вдохновлены необыкновенными окружающими предметами и элементами архитектуры. Сады представляют место, где можно наблюдать природу в спокойном и гармоничном окружении. В саду растут ароматные травы, такие как шалфей, лаванда, тимьян и орегано, а также очаровательные цветы средневековой эпохи. По-русски «Клойстерс» значит «монастырь», «кельи», по-французски — «клуатр». Комплекс построен из камней, привезенных из многих монастырей, купленных во Франции, демонтированных и перевезенных в Нью-Йорк. Джон Рокфеллер купил все камни уже в Нью-Йорке и построил из них конгломерат из пяти монастырей. Этот замечательный остров покоя, красоты и тишины был местом отдыха, куда я ездил на метро с 126-й улицы, где было мое общежитие. Изюминка архитектуры с чудным видом на Гудзон кажется как-то неуместной в этом испанском районе. Комплекс расположен квадратом вокруг сада. Есть крытые галереи, окружающие внутренние дворы со всех четырех сторон, где монахи могут гулять, когда плохая погода, или сидеть. Туда иногда я ходил душевно отдыхать от Гарлема.

Другое любимое мной место в Нью-Йорке — это здание Испаноязычного общества Америки (*The Hispanic Society of America*), по адресу *613 West 155 Street*, в верхнем Манхеттене. Между 155-й и 156-й улицей — малоизвестная жемчужина испанского искусства. Будучи на севере Манхэттена, в запущенном районе, в 30 минутах езды на метро из центра Манхэттена, этот музей не располагал к наплыву посетителей. Музей содержит «гвозди» испанского классицизма: Зурбаран, Веласкес, Гойя. В эту коллекцию входит знаменитый

портрет герцогини Альба кисти Гойи; она пальцем показывает на землю между своих ног, где видна большими буквами подпись *Гойя*. По-испански картина называется «A sus pies» (‘У ее ног’), мол, Гойя у ее ног. Я сочетал посещение Клойстерс с визитами в Испанский институт. Часами наслаждался шедеврами мировой живописи и графики.

Волшебная квартира

Общежитие было дорогое! Месяца через четыре мне посчастливилось встретить моего хорошего друга по Оксфорду — Тима Рэтбоуна (*Tim Rathbone*), который тоже очутился в Нью-Йорке. У его бабушки была квартира на *Central Park West*. В очень знаменитом здании, которое называется *Dakota*. С видом на парк. По случайности я встретился с Тимом на одном светском балу, который устраивала для молодых людей мать Бобо (Бокары) Лежандр. Это было в ее усадьбе на острове *Fishers Island* к северу от Нью-Йорка. Там был цвет американской молодежи. Мне на балу было безумно скучно. Чтобы собраться с мыслями, я пошел в библиотеку курить сигару. Там никого не было. И вдруг туда вошел человек, сел напротив меня в другом конце комнаты и закурил. Я посмотрел пристально, а это была большая комната. И вдруг увидел, что это мой лондонский друг по Оксфорду, который по тем же причинам уединился на перекур! Почему-то ни Тим, ни я не знали, что мы оба в Манхэттене. Я ему рассказал, что я приехал учиться на магистра в Колумбийский университет. Он ответил, что приехал искать работу и проживает в квартире своей бабушки, которая сама уехала из Манхэттена в свой особняк на Ойстер-Бэй (Устричная бухта). Это городок на Лонг-Айленде. Тим предложил мне въехать к нему и делить расходы. Я отказался, не имея возможности платить половину аренды. На этом мы закончили разговор.

Месяц спустя мы встретились, когда его мать приехала навестить его в Нью-Йорке. Она подошла ко мне и попросила, чтобы я, пожалуйста, поселился с сыном. Она хотела,

чтобы я следил бы за его моральным поведением. Тим был исключительно красивым и обаятельным человеком. Он привлекал людей. В этом «контексте» и женщины к нему липли. Он был очень дружелюбен, любил поесть, покурить и выпить. А я тогда был серьезным студентом, на тусовки не ходил и, главным образом, учился. Мать его это знала еще по нашим оксфордским дням. Тогда я часто отказывался от приглашений на вечеринки к Тиму. Так что его мать считала, что я имею на ее сына хорошее влияние. Она уговорила меня переехать из *International House* к Тиму за треть цены. Так я поселился в этом знаменитом здании на улице *Central Park West*, на углу с 72-й улицей — по адресу *1 West 72nd Street*. Квартира на 1-м этаже с видом на парк. Высокие потолки, элегантная.

В «Dakota» потом жил Джон Леннон

Это здание было построено по шаблону здания «Олбани» на Пиккадилли в Лондоне, предназначенное для помещиков и аристократов, живших обычно в деревне, но приезжающих по той или иной причине в Лондон. Чем «Дакота» отличается от иных зданий Манхэттена и по сей день? Тем, что лифты там настолько широки, что позволяли карете въехать в лифт и подняться до этажа, где проживает жилец. Это редкостно. Поэтому «Дакота» был и есть очень известный архитектурный объект Манхэттена. Почему здание называется «Дакота», не объясняется в книге о Джоне Ленноне, недавно опубликованной в России. Дом облицован песчаником триасового периода, содержащим гематит, т. е. окись железа, которая придает камню темно-красный цвет вина. Песчаник этот добывается в месторождении штата Дакота. Выбор облицовки следовал стилю «Олбани», которое тоже облицовано подобным песчаником (*Torridonian sandstone*), который привозили из Шотландии.

Мне изумительно повезло! Был студентом и жил в «Дакоте»! Где живут только миллионеры! Есть несколько фотографий. На одной Тим Рэтбоун сидит в халате в гостиной.

Никита. Лондон. 1980

20 лет спустя он вернулся в Лондон, где 16 лет служил депутатом от партии консерваторов и главой Комитета по Европе в парламенте. Его отец тоже был депутатом, после гибели которого на войне против немцев его вдову, мать Тима, выбрали депутатом в том же регионе. Еще есть фотография — вид стены в гостиной. На верхнем ряду эскизы Сергея Судейкина к балету «Петрушка». Я их купил у купца Семена Якимовича Болана. На третьем фото — картина Николая Сверчкова. Жених похитил возлюбленную из дома, и за ними погоня. Это первая картина русской живописи, которую я купил в Нью-Йорке в 1959 г. за $100 у русского торговца книгами по фамилии Тютчев, проживавшего в *Sea Cliff, Long Island*.

Жил я очень весело! На Тима я мало как мог влиять. Он работал, у него была зарплата. А я на свою стипендию еле-еле проживал. Вот пример, насколько у меня не хватало денег. Я пригласил на встречу принцессу Изабель де Франс (*Isabelle de France*), дочь претендента на французский престол графа Парижского Анри-старшего. У меня было 25 центов. Кружка пива стоила 5 центов. Мы сходили в бар на Третьей авеню, где я ей откровенно сказал: вот что у меня есть. Мы выпили по кружке. Затем я пошел пешком домой, потому что тогда метро стоило 10 центов. Вот как я влиял.

«Он был хорош собой»

Так говорили. Наверное, потому и соглашались на такие условия. Если дочь графа Парижского пошла со мной провести час в баре на Третьей авеню, видимо, что-то ее

привлекло! Но, конечно, тот факт, что мы были аристократами, способствовал взаимопониманию и отношению между нами. Несмотря на то, что у меня денег не было водить кого-либо в рестораны. И мы остались с ней друзьями навсегда. А позже и первая моя жена Нина с ней подружилась. Изабель де Франс вышла замуж за графа Талли Шенборн-Буххайма. Они живут в огромном замке в полутора часах езды от Вены. У них пятеро детей и много внуков.

Девушку-американку, которая пригласила меня к себе на бал, звали Бобо (Бокара Лежандр). Она приехала ко мне в Международный дом на кадиллаке с водителем. Оттуда нас доставили в аэропорт в Нью-Джерси, где она арендовала маленький самолет, который отвез нас на *Fishers Island* на севере от Нью-Йорка. Там находилось имение матери Бобо. Бобо дружила с Джейн Фондой и меня познакомила с ней. Как и с Деби Кондон, дочерью агента отца Фонды, которая жила с родителями в «Дакоте». Так мы и тусовались — либо в «Дакоте», либо на квартире у Джейн.

Мы ходили к Джейн, она играла на гитаре и пела. Приятельницы были американки, а мое отношение к ним было таким же, как у моего друга по Оксфорду. Они нам были неинтересны. Да, они были очень красивые девочки, но скучные. Мы попали в среду высшего класса Америки, но нам с ними было скучно. Поэтому у нас не завелся роман ни с одной, ни с другой.

Джейн Фонда

Очень красивая и приятная девочка. Она тогда не была звездой, дебютировала в театре. Была известна как дочь талантливейшего отца. Интересовалась современной живописью. Мы с ней коротко тусовались, пока она играла и пела. Я сидел и слушал. Любовался ее «архитектурой». Хорошо сложена. Прекрасна. Я просто обожал сидеть тем теплым летом в Нью-Йорке. Жара, она сидит на подоконнике и играет на гитаре. Я наслаждался.

Но не было желания посидеть и поговорить на темы балета, музыки, на общественные темы. Может быть, я не сошелся с ней, потому что не видел ничего, что меня бы интересовало. Не было того интеллекта, который я искал в людях. То есть, наверное, я не разделял ее интересы, а она мои. Когда Бобо и Джейн было 18–20 лет, они меня не интересовали как личности и поэтому были неперспективны для долгого общения.

С годами всё это изменилось. Мы все выросли. Каждый из нас оставил свой след на планете. Я с Джейн Фондой потерял контакт, когда мы уехали в Париж. Я запомнил ее молодой девочкой, а не зрелой женщиной. Потом она стала политической активисткой, и очень успешно, но в ее квартире на *East* 60-й улице политики не было. Занимались текущими светскими делами.

О, всё зависит от женщины. Я в то же самое время дружил с японкой-пианисткой Кикуко Накамурой, которая замечательно играла на рояле… Это были мои эксперименты интимности с разными этносами. Расстался с ней, потому что в те годы поставил себе задачу жить 2–3 месяца с каждой этнической группой на планете, чтобы знать, как сексуально отличаются женщины!

Бокара Лежандр, героиня светской хроники

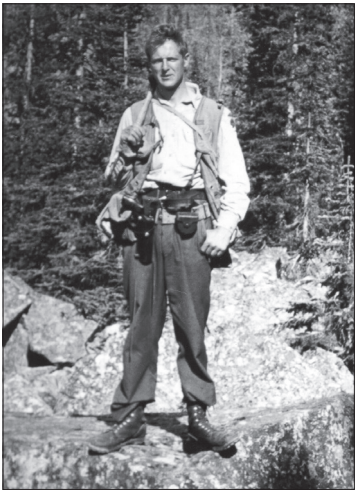
Очень щедрая, добрая, богатая, у нее была масса-масса положительных черт. У Бобо было чудное имение на юге, где мы охотились на куропаток. Бобо Лежандр могла поддерживать связь со мной исключительно из-за своей эксцентричности. Она говорила друзьям, что родилась от русской княгини-эмигрантки и что ее мать — Гертруда Станфорд-Лежандр — ее удочерила. Этому способствовал характер Бобо. Она была, по темпераменту и по внешности, похожа на испанку. С присущими испанкам добротой, теплом, щедростью и авантюризмом. В отличие от строгого характера ее отца. Она многим знакомым помогала денежно. В 20-летнем возрасте жила на широкую ногу[152].

Глава XIII

МУЗА СТРАНСТВИЙ

Ветер перемен

В 1960 г. Никита получает диплом магистра, некоторое время работает преподавателем на кафедре минерологии в университете, но эта работа не соответствует его мощному темпераменту, страсти к беспрерывным и многогранным действиям, жажде перемещений и перемен. При первой же возможности перейти на полевую работу, которую он должен был совмещать с преподаванием, он уезжает на бурение нефти в Аргентину.



Никита. Монтана. 1954

Никита умел прислушиваться к умным советам.

05.04.1958. Оксфорд. *Сегодня, как всегда, встал в 8 ч. и пошел вниз готовить завтрак, состоящий, как и все остальные дни, из яиц и бекона, рассыпчатого риса и винограда с ореховым кремом, чай. Вчера обедал у Леона Багратуни в Дедингтоне… У него обеды часто очень*

интересные. Всегда разнообразные люди, и он старается их смешивать… К счастью, там был один отставной геолог из «Шелл», с кем я, в общем, провел весь вечер. Он во мне зажег желание ехать в Аргентину и работать с маркизом Андре де Гане, сказав, что там очень интересная геология[153].

И потом всю жизнь, и по сей день, он будет стремиться летать в разные страны и континенты, испытывая почти «кислородное голодание», когда регулярные полеты по какой-то причине прерывались.

Конечно, если бы я в глаза ему сказала, что он — романтик, Никита Дмитриевич лишь иронически усмехнулся бы, не удостоив ответом: Ну, какой он романтик? При железном плане каждого дня, расчерченной по минутам жизни на годы вперед, при рациональности, которую он превратил в нечто большее, нежели подход к событиям, а в кредо своего бытия. Но я продолжаю думать, что он романтик, по крайней мере, путешествий, апологет новых ландшафтов и новых встреч, гостиничных номеров и запаха дорогих кожаных чемоданов. Восторг новизны — вот что его захватывает. Потребность, чтобы кипучий мозг решал неизведанные задачи, оказавшись в новых условиях. Размеренная комфортность быта с годами приобрела в его глазах известную привлекательность, но не вытеснила тягу к странствиям.

По заданиям моих работодателей я занимался разведкой нефти в Аргентине, алмазов в ЮАР, никеля в Венесуэле, ртути на Аляске[154].

«Среди скал Аргентины, в снегах Аляски и под солнцем Южной Африки». Два года в экспедициях

Буэнос-Айрес встретил его зноем и отсутствием дождей. Патагония, куда он был направлен, раскинулась без края, насколько охватывал глаз. Равнина поросла мелкой травой и кустами, среди которых изредка проносились страусы, и в траве шелестело какое-то зверье. Экспедиция вела разведку на нефть. У Никиты был ряд

буровых, отстоящих друг от друга на несколько километров. Для передвижения ему выделили смирную лошадь. Его работа заключалась в описании керна и отборе проб.

Свободного времени оставалось много, и он верхом делал экскурсии по окрестным местам. Исключительно для журналисток сообщаю, что змей, анаконд, тапиров, леопардов Никита Дмитриевич не встречал. Буровая производит много шума работающими механизмами, и звери, если они были, в ужасе разбежались. Недаром один англичанин сказал Джеральду Даррелу, приехавшему в Аргентину ловить диких животных:

— Да ведь пампа — это одна сплошная трава. Трава, дружище, и больше ничего, одна трава и кое-где коровы.

В следующем году он провел еще одну экспедицию — в Венесуэлу. Искали никель. Полевой сезон отработали удачно и глубокой осенью вернулись в Нью-Йорк.

Всё шло хорошо. В университете его уважали коллеги. Часто были приезжие геологи из разных стран. Иногда их поручали встречать Никите. Однажды была группа из СССР. Мило беседовали ни о чем, затем гости спросили что-то о геологии Нью-Йорка. Никита в свою очередь спросил их, зная, что они из Казахстана, что-то о рудниках Джезказгана. Реакция его собеседников была непредсказуема — его обвинили в сборе разведывательной информации. Советский стукач дал ему такую характеристику: «Это не геолог, а просто шпион!» За вымышленной подписью в газете «Известия» появился соответствующий материал[155].

Он всегда вспоминает геологическую службу с благодарностью, она помогла ему сориентироваться в жизни и выбрать дальнейшую работу. Начинал он с младшего геолога и окончил ее старшим. Главный вывод, который помогла ему сделать геологическая работа, — те, кто разведывает месторождения, никогда не владеют ими. Чтобы закончить этот период, скажем, что Никита еще принимал участие в поисках ртути в Тунисе и на Аляске, железа в Либерии, на алмазных разработках в Южной Африке[156].

Нина и Никита. Париж. 1962

В Аргентине Никита успешно охотился, но однажды навсегда оставил это занятие, когда взглянул в глаза близко подошедшей оленихе, которую держал на мушке. Не смог убить. Это случилось в имении лорда Стирса, деда Иэна Рэнкина, оксфордского друга. В эти годы буйного единения с природой и ее наземными и подземными богатствами Никита любил и рыбачить, но всё это осталось позади, ибо и эта жизнь осталась позади, а в другой жизни были как иные обязанности, так и иные увлечения.

А в Аргентине он заказал ботинки, в которых ходит и по сей день, более полувека. Впрочем, и в дальнейшем продолжал заказывать ботинки у аргентинского сапожника, у которого сохранились колодки еще его деда Вырубова. Вернулся в Нью-Йорк. И тут ждала его встреча.

Странная девочка

Пожалуй, главным в моей американской жизни стала встреча с Ниной Жорж-Пико, разделившей не только мою судьбу, но и страсть к коллекционированию.

В 1925 г. Троцкий, желая продемонстрировать миру достижения советских музыкантов, послал за границу двух замечательных артистов: Натана Мильштейна и Владимира Горовица. Оба остались на Западе… Я был знаком с Мильштейном и как-то был на ужине у его дочери. После ужина мы с английским археологом Иэном Грэмом уютно устроились на диване и обсуждали очень интересовавший нас тогда вопрос о почве в Индии (латеритах). Вдруг к нам присоединяется какая-то девочка и зачарованно слушает наш весьма специфический разговор. Это было необычно, и мы продолжали разговаривать уже втроем. Когда все расходились, я предложил проводить ее домой. Она ответила: «С удовольствием. Но я живу напротив».

Это была резиденция французского посла. А странной девочкой была его дочь Нина… Моя будущая жена. Свадьба состоялась в Париже в 1962 г.[157]

Никита искал друга, соратницу, сподвижницу. И первые годы так и было, он не ошибся.

Когда в 1960–61 гг. я работал геологоразведчиком на разработках месторождений нефти в полупустыне Патагонии в Аргентине, мне мой дядя Арсеньев* послал книгу, посвященную матери Ромена Гари, «Обещание перед рассветом», чей образ оставил во мне особое впечатление. Она была образованным и одухотворенным человеком и одновременно владела умением выживать. Именно эта ее черта дала мне направление, как искать себе спутницу жизни. Я не искал супругу, я искал спутницу, соратницу, с которой смог бы разделять и трудности, и радости. И если бы меня расстреляли, а были бы дети, то она, подобно матери Ромена Гари, смогла бы, проявив те же качества, выжить и отстоять то, чем обладала. Вот это событие своей внутренней жизни начала 60-х я помню конкретно. Отчасти поэтому я выбрал своей супругой Нину[158].

* Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977), философ, историк культуры, поэт.

Никита был очарован ее умением хозяйствовать, готовить и принимать гостей, разделять его интересы. Нина оказалась страстной и пылкой в любви, Никита пленялся ее эротичностью, гибким телосложением, мечтал запечатлеть ее прелесть на холсте рукою гения, Сальвадора Дали. Почти удалось, но в последний момент помешала неприязнь жены Дали, Гала. Никита относился к ней с предубеждением, в те годы он придавал значение правилам и приличиям, ему претила открытая связь Гала с молодым французом, и она прекрасно чувствовала это отношение.

> Маркиза де Куэвас, урожденная Рокфеллер, жена маркиза Куэваса, который содержал «Нуво балле рюс де Монте Карло маркиза де Куэваса»... каждое Рождество приглашала часть русской колонии, и непременно Сальвадора Дали с Галой. И на одной тусовке — видите, мне знаком современный русский язык! — я сделал Дали предложение: «За 10 минут вашей работы я вам отдаю свою зарплату за месяц в банке, чтобы вы нарисовали грудь моей супруги». У нее были конической формы, очень красивые, как это называется, сиськи, и я хотел их увековечить. И Дали согласился... И вот мы ужинаем, переходим в гостиную за сигарами и кофе, а Гала вдруг идет на меня, машет кулаком и кроет матом: «Как ты мог предложить такое моему мужу?! Он будет 2 часа готовить масло, 10 минут рисовать, и получит всего 50 тысяч долларов?!» А на Дали было жалко смотреть, он шел за Галой, как собака, которая чувствует, что провинилась. Он подошел ко мне и попросил: «Levez moi ma promesse...» — «Верните мне мое обещание...» И мне пришлось из сострадания согласиться...[159]

И отец Нины, вспоминает Никита, был ему

... более чем интересен. Он был послом Франции при ООН, а затем заместителем генсека ООН. Это способствовало получению постоянных приглашений для нас на дипломатические приемы. Гийом Жорж-Пико (*Gillaume Georges-Picot*) был изумительный человек. Как это подтверждается его

статусом во Франции. Министерство иностранных дел назначает пять дипломатов, которые после отставки пожизненно остаются послами. По-английски это называется «Ambassador of France», по-французски — «Ambassadeur de France». Они не ходят на службу, делятся мнениями, и их посылают в командировки по особым поручениям. В этом статусе его послали на переговоры с Мао Цзэдуном. Дело в том, что в 1968 г. де Голль на восемь лет опередил Киссинджера и Никсона, послав Жорж-Пико к Мао Цзэдуну наладить дипломатические отношения. Почему он его выбрал? Потому, что Жорж-Пико служил послом в Нанкине при Гоминьдане. Мао знал его как посла у Чан Кайши. Как и Генри Киссинджер, Жорж-Пико, как всякий хороший дипломат, имел то, что по-английски называется «empathy» (‘сочувствие’), то есть он мог войти в положение и понять точку зрения собеседника, но при этом не обязательно соглашаться. И Мао, и Чжоу Эньлай почувствовали это. Потому у них наладилось приятное человеческое общение, и они договорились о создании дипломатических отношений[160].

Они прожили вместе колоссально плодотворные годы, более 30 лет, постепенно в их жизни стали появляться трагические ноты, оба повзрослели по-своему, как это бывает в ранних браках, и перестали соответствовать друг другу. Забегая вперед, эту историю Никита здесь доскажет до конца. Он сожалел, что первый брак был столь ранним. Но когда я спросила, влюбился ли он в нее или она была «якорем спасения» от одиночества, постигшего Никиту после смерти матери, — я имела в виду одиночество как отсутствие семьи, — то он мгновенно, горячо и темпераментно возразил.

Нет. Какое одиночество?! У меня всегда была туча знакомых, я прекрасно жил в Нью-Йорке, в замечательных условиях, в шикарном, самом элитарном доме Манхэттена. И я влюбился. И она влюбилась! Наверняка! Несмотря на то, что до нашей свадьбы у нее уже было предложение руки и сердца, — она была и помолвлена с бароном Жанссеном, сыном главы огромной фармацевтической компании

в Бельгии. Первые годы были счастливыми, и для меня, и, полагаю, для нее.

Самое сильное ощущение того, что всё испортилось, у меня произошло, когда мы переехали в Лондон. Потому что в Нью-Йорке я работал — чтобы не преувеличить — не менее 12 часов в день, у меня почти никогда не было свободного времени. В банке я заведовал странами с разными часовыми зонами, поэтому был занят круглосуточно. И у меня не хватало времени обращать внимание на взаимоотношения с Ниной. Работа же в Англии для меня казалась такой комфортной, как будто я попал в санаторий. Я заканчивал рабочий день в шесть часов. Ну, иногда оставался, если нужно, до семи-восьми вечера. Но у меня появился избыток времени. И тогда я стал часто бывать с Ниной. И стал замечать, что она постоянно стремится меня «исправлять-улучшать». Я надену галстук — она часто скажет: «этот галстук не подходит тебе, нужен вот такой». Или: «У тебя сегодня мятый костюм, пожалуйста, переодень его». Или: «Эти ботинки не подходят». Это очевидные детали. Но их было множество. Переизбыток. В застольях, которые у нас часто бывали, потому что Нина очень хорошо готовила, — скажем, два раза в неделю мы принимали у себя и два раза в неделю бывали у других, — Нине всегда было необходимо оставить последнее слово за собой: Она права! — и я вообще перестал разговаривать. Даже как-то перестал социально жить. Она этого не почувствовала, нет, продолжала ту же линию. И продолжает до сих пор. Так что, когда я захожу ее проведать, скажем, раз в месяц, я лишь сижу и слушаю. Ее не очень интересует, что я делаю, чем занят в настоящий момент. Она хочет доминировать и говорить-говорить-говорить. А стоит мне высказать что-то свое, в ответ я получаю упрек, что не то и не так говорю или делаю. Значит, продолжение совместной жизни на каком-то этапе стало невозможным. И я сказал: или я уйду, или сойду с ума.

Хотя мы не только обсуждали, но и часто ходили к психологу, чтобы найти какой-либо приемлемый выход. Я заметил, что даже психолог был в недоумении…[161]

Для него это было — освобождение, для нее — трагедия? И она до сих пор не простила, как мне кажется…

Может быть, — говорит Никита. — И Нина так и не нашла спутника, который мог бы выдержать ее «поврежденный» характер. Притом, что интеллектуально она изумительно интересный человек. С ней было очень интересно. У Нины потрясающая память, она как энциклопедический словарь. У нее высокие общие интересы. Она очень помогла систематизировать наше собрание. И при этом мы никак бы не смогли накопить определенное количество денег для покупки наших листов, если бы мы не жили на ее зарплату — а на покупку коллекции я тратил свою зарплату. Так что я очень, очень обязан ей, несомненно[162].

Взгляд на иные миры. Стать консультантом банка?

Благодаря профессии геолога я посетил интересные места, накопил много знаний о мире — не только о полезных ископаемых глубоко в недрах, но и о природе и людях на поверхности. Я работал сначала два года в поисках нефти, потом три года консультантом по добыче железных, никелевых и ртутных руд и алмазов. Сначала я был в Патагонии, в самый южной части Аргентины, где мы вели разведку нефти. После этого я поехал в Либерию на огромные залежи итибарита — тип железной руды. Там я столкнулся с тем, что многим в XX в. кажется немыслимым, — каннибализмом. Кстати, я подружился в Оксфорде с молодым студентом из Либерии. Мы вместе готовились к экзаменам по физике. Он рассказывал мне о каннибализме в своей стране. Я ему не очень доверял, но, когда я приехал в Либерию, я в этом лично убедился. Наш лагерь был расположен близ одной деревушки, состоящей всего лишь из нескольких хижин. Это было в начале 1968 г. ООН тогда занималась исследованием вопроса каннибализма в Либерии.

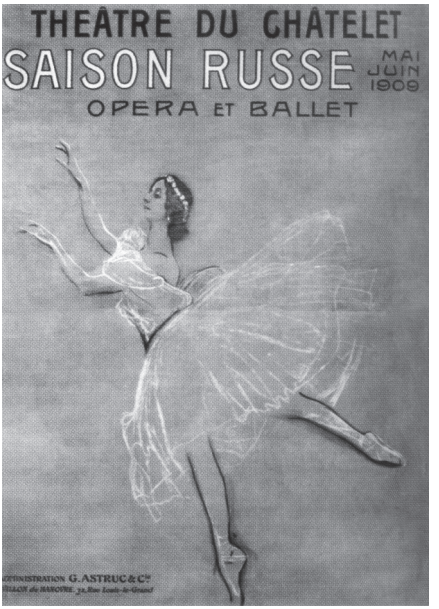
Помню, что, когда они спросили вождя племени, где у них кладбище, тот ответил: «У нас нет кладбища, потому что наш народ не умирает». Ежедневно в столице Монровии, куда мы ездили на отдых каждые две недели, в газетах писали о находке трупов без сердца, печени и других органов. Это на самом деле был ритуальный каннибализм, который тогда всё еще существовал. Впрочем, не только в Либерии были такие, для сегодняшнего дня неприемлемые обычаи. Позже я поехал на Аляску, где мы разведывали месторождения ртути. Из Аниака мы летели на маленьком двухместном аэропланчике. Наш аэроплан забрал тело индейца, убитого несколько дней тому назад. Я был удивлен, что не было никакого расследования убийства. Мне сказали, что на весь район есть единственный полицейский и он не может заниматься такими делами.

Потом я приехал в Техас, снова разведывать ртуть. На юге Техас клином входит в Мексику. Регион называется *Pan handle*, «Ручка сковороды». На границе с Мексикой, вблизи от города Терлингва, были копи по добыче ртутной руды (циннабарита). Через два дня после моего приезда убили мексиканца, управляющего шахтным лифтом. Расследования не было. Только один полицейский отвечал за огромную территорию административного района Пекос (*Pecos County*), и никто не согласился давать показания. Без свидетелей не было и следствия. Извините, что занимаю Вас такими темами, но это часть моих воспоминаний как геолога, и именно эта часть запомнилась мне больше всего. Потом я поехал в Даллас, где я работал для компании «Сан Ойл». В Далласе я снял комнату у русских эмигрантов-евреев. Они мне сказали: «Если возникнут проблемы, не жалуйтесь в полицию. Мы Вам поможем решить проблему через наемного убийцу (киллера)». И сообщили тариф за убийство негра, еврея и белого человека. Такова была реальность Далласа, в штате Техас, в 1960-х гг. Расизм по-прежнему был законным и глубоко укоренившимся. Когда я пытался пить воду из автомата с холодной водой в коридоре, один из чиновников остановил меня

и предупредил: «Этот автомат только для черных, не пейте из него». Это некоторые из подробностей моих путешествий. Этот этап моей жизни закончился, когда я перешел в другую отрасль с более высоким окладом и другим стилем жизни — в банковское дело и инвестиции. Тогда и сейчас высшему руководству в банках платили непропорционально выше по сравнению с профессиями, требующими интеллектуального труда и таланта. Я переключился на эту новую для меня деятельность[163].

Часть V

ЗРЕЛОСТЬ


THEÂTRE DU CHÂTELET
SAISON RUSSE
MAI
JUIN
1909
OPERA ET BALLET
G. ASTRUC & Cie

Глава XIV

ФИНАНСИСТ

Письмо друга

Обоюдная страсть к коллекционированию набирала обороты. Денег явно не хватало. Он по-прежнему любил геологию. И недавно сказал: «Я продолжаю мыслить в контексте геологии. И самое главное, что я оставил большую часть своего состояния для создания факультета планетарной геологии в Оксфорде, а не для создания факультета бухгалтерского дела! Вот значительное доказательство»[164]. Но он получал 500 долларов. И этого было явно мало. Никита вновь решается на крутой поворот.

У своих друзей он стал спрашивать совета: где надо устроиться, чтобы зарабатывать больше? Первый серьезный разговор был с князем Георгием (Джорджи) Васильчиковым. Г. И. Васильчиков — брат Марии Васильчиковой, принимавшей деятельное участие в антигитлеровском сопротивлении, автора знаменитого «Берлинского дневника. 1941–1945». Он работал переводчиком в штаб-квартире ООН. Никита, зная, что Васильчиков получает 1500 долларов в месяц, спросил его — не лучше ли ему стать тоже переводчиком? Ответ Джорджи был отрицательным: «Ты всю жизнь останешься переводчиком и будешь получать всё те же полторы тысячи». Это не подходило[165].

На него произвели впечатление и повлияли слова его оксфордского коллеги Оливера Фокса-Питта:

> «Существует три способа достижения данной цели: брак по расчету, работа в престижном инвестиционном банке (куда люди попадают благодаря связям) или начать работу в любом банке и построить карьеру снизу до верха!» Хитроумным был этот Оливер, не случайно его фамилия — Фокс (Лиса)! Князь Никита Лобанов избрал последнюю из этих трех возможностей и вернулся в Нью-Йорк, где начал работу в банке и одновременно записался на вечерний факультет банковского дела в Нью-Йоркском университете. И поистине — карьера в банковском деле ему удалась.
>
> Свободно владея несколькими языками, он стартовал как помощник руководителя международного отдела *Chemical Bank* (сегодня *Morgan Chase Bank*) в Нью-Йорке. Затем он стал младшим вице-президентом финансовой корпорации *Prudential*. Был вице-президентом и банка *Wells Fargo Bank* в Сан-Франциско, в котором возглавлял европейский, африканский и ближневосточный отделы. Оттуда в 1979 г. он перешел на работу в Международный банк финансов и развития в Лондоне, в котором был первым вице-президентом. В Лондоне он стал и консультантом в известнейших аукционных домах, продающих шедевры искусства, — «Кристис» и «Сотбис». А потом работал в мощной алмазной компании «Де Бирс» — с 1988 по 1997 г. Ну, чтобы проникнуть в круг перекупщиков алмазов, князь Никита воспользовался связями — туда его ввел бывший секретарь его деда Василия Вырубова в Париже[166].

Факультет банковского дела. Вновь железная воля, трудолюбие и… воображение

Как далась Никите смена специальности? Он не любит рассказывать о своих внутренних сложностях. Однако у него удалось кое-что выудить. На вопрос: что нужно для успеха в этой области, усидчивость, трудолюбие, креативность? — он ответил так:

Тедди Доу, директор «Де Бирс»;
Н. Д. Лобанов-Ростовский и сэр Филипп Оппенгеймер. Москва. 1988

Нужно и то, и другое. Воображение нужно для удачливого бизнесмена. Потому что можно быть просто успешным бизнесменом, на основе одного упорного труда. Но нельзя быть неординарным в области бизнеса без воображения. Образ успешного бизнесмена, по крайней мере в Соединенных Штатах, — это человек, приходящий на работу между 5–7 утра и уходящий домой после 6 вечера. Мой двоюродный брат Юрий Александрович Трубников, купивший себе завод под Парижем, приезжал на работу раньше кого бы то ни было! Ведь по французской традиции он должен был, как хозяин, поздороваться и пожать руку каждому из сотрудников. Нужно очень желать этого в жизни, чтобы так вкалывать постоянно. Так что воображение и трудоспособность — две одинаково необходимые компоненты для неординарного успеха[167].

Однако и труда, и пота, и усидчивости было вложено немало. И самоограничение потребовалось.

Я видел, что в капстранах, например в США, если вы хотите иметь значительные деньги, в те годы их нельзя было

заработать, будучи инженером. Ни одна из нефтяных компаний в США не возглавлялась геологом. Изредка во Франции и Германии главой такой компании мог стать геолог, но только тот, который получил дополнительное образование. А в Америке — главами были или бухгалтеры, или адвокаты. Поскольку я строил свою жизнь для того, чтобы жить в Соединенных Штатах, я понял, что нужно изучить азбуку бухгалтерии и финансовых дел. Бухгалтерия настолько скучна. Абсолютно неинтересна! Это прагматическая наука. Что значит прагматическая? Вы должны принимать как аксиому, что такое-то правило является на данный момент образом действия. Как это происходит и в юриспруденции, куда я никогда бы не пошел, чтобы снова окунуться в эту «стерильность», или в систему богословия, где вы принимаете аксиомы, с моей точки зрения, совершенно не соответствующие действительности… Рациональным подавлять чувства — когда надо — это необходимо[168].

Зато околофинансовая жизнь с ее хитросплетениями увлекла Никиту

Очень. Я настолько увлекся работой, что, если бы еще представилась такая возможность, я бы продолжал делать свое дело даром, просто даром. Потому что я стал состоятельным человеком и мне было безразлично, заработать или нет еще какую-то сумму. Да, я был влюблен в эту специальность! Мне было интересно встречаться с большими личностями. Когда вы одалживаете деньги государству, вы ex officio, по необходимости, встречаетесь с высшим руководством стран, деятельными и интересными людьми. Например, на мой взгляд, выдающимся человеком был Владимир Алхимов, глава Центробанка СССР[169].

Глава XV

УСПЕШНЫЙ ЛИДЕР В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ И… РАНЕНАЯ ДУША

Графологический анализ Никиты

Когда Никита значительно продвинулся по служебной лестнице, банковское начальство озаботилось тем, чтобы получить достоверный портрет сотрудника. И получило, наняв графолога. Вот так сложилась личность Никиты в зрелом возрасте. С людьми, наделенными способностью и изощренным умом разыгрывать масштабные партии на много лет вперед, нелегко их близким. Да им самим с собою нелегко. Сложность психологической структуры вызывает неизбежные противоречия внутри самой структуры. По-моему, очень точный анализ.

01.11.1979. Отчет

Графологический анализ Н. Д. Лобанова

Наш отчет был основан на анализе почерка господина Лобанова, полученного нами в декабре 1978 г. Обобщенные выводы являются результатом анализа некоторых пяти необычных начертаний, которые существуют

Никита Дм. 2015

в почерке людей, принадлежащих к высшим эшелонам бизнеса и промышленности.

Господин Лобанов обладает высоким интеллектом и наблюдательностью, острой аналитической и критической проницательностью. Эти качества он сочетает в себе с органичным пониманием сложной организационной структуры и владеет тщательной методологией решения проблем. Это делает его систематическим исследователем, провидцем, аналитиком и находчивым организатором. Все это дает ему большое преимущество в решении деликатных проблем «важных клиентов», а также в принятии решений по конкретным корпоративным вопросам, касающимся политики и прибыли. Его артистичная оригинальность и находчивость повышают его способность решать разнообразные проблемы. В противном случае при его нетрадиционном подходе он мог бы потерпеть неудачу. За его гладкой культурной, тихой речью и вежливыми манерами скрывается железная воля, хитрость и решительность. Все это будет полезно для банка при сделках со сложными операциями и с различными международными клиентами.

В своем повседневном поведении господин Лобанов очень официальный, сдержанный, сильно контролирующий себя индивид, который порой кажется и безразличным. Это связано с его принципом не включать других людей в свои личные дела, а также с его неприязнью к проявлению эмоций и настроения. (У него есть и то, и другое, даже немного меланхолии.) В решении своих повседневных задач он перфекционист, с высокими стандартами...

Господин Лобанов настолько искусный дипломат, что должен ненавидеть проявление своих навыков и таланта в социальном общении... Зива Шварц[170].

А вот другой графологический анализ, сделанный в двух вариантах одним человеком с разницей в 5 лет и касающийся глубоких личных струн и мотиваций Лобанова-Ростовского

1-е мнение графолога Энтони Соара по представленным образцам почерка

17.01.1997

Тема: Никита, 62 года

Лицо, пишущее эти строки, — сильная деятельная личность с широким взглядом на мир.

Его острый ум, теплая общительность и природная практичность обеспечивают детальные и точные реакции на любые интеллектуальные, социальные и материальные требования, которые предлагает окружающая его жизнь.

Заложенная в нем потребность порядка, истоки которой коренятся в необходимости трудиться с раннего детства, сочетается с независимостью ума и сильной потребностью в самоутверждении.

Эти качества развили в нем способность не только организовывать и планировать свое время, реализовывать свои возможности самым дисциплинированным образом, но и мотивировать других и руководить людьми.

Кроме того, эти свойства позволяют ему предстать во внешнем мире, когда это необходимо, в отстраненной манере спокойной невозмутимости, пребывая в какой-то мере независимым от колебаний общего мнения.

Такое проявление личной независимости, конечно, не обязательно отражает душевное равновесие внутри себя.

В его натуре существует определенная двойственность, которая время от времени требует, чтобы ее примиряли.

Например:

- Ему нравится побыть на своей территории и в уединении, где можно расположиться и остаться в одиночестве, но в то же время есть и желание завязывать эмоциональные отношения.
- Он идеалист с воображением и высокими устремлениями, требующими интеллектуальной подпитки, но есть также приземленный практицизм и тяга к физиологическому миру ощущений.
- Он наслаждается беседой в обществе, но ему нелегко открыто довериться другим на эмоциональном уровне.
- Он искушен в житейских проблемах, но врожденная осторожность и его тревожная чувствительность по отношению к многочисленным ситуациям иногда могут препятствовать, а не способствовать четкому движению к достижению целей.
- У него есть сильная потребность выразить себя и оставить свой след в мире, но есть также принципиальное осознание своих обязанностей и сдерживающих требований окружающего его общества.

Необходимость выстраивать равновесие полярных свойств может привести к внутреннему беспокойству, а иногда и к непредсказуемости поступков (даже для себя).

В целом, однако, он способен хорошо воспринимать новое, брать на себя ответственность, если это необходимо, и встречать трудности с мужеством и уверенностью.

В социальном плане он, скорее, индивидуалист и непримирим к контролю со стороны окружающих. Однако среди людей, с которыми ему приходится иметь дело, он все-таки предпочитает твердых и прямых, а не нерешительных и слабых. Тогда он понимает, на какой почве находится, и может лучше контролировать свое поведение.

В его взаимоотношениях с людьми выявляется его душевная щедрость, так что по отношению к тем, кто ему близок или за кого он чувствует ответственность,

он будет проявлять терпение, заботу, поддержку, будет им защитником.

Хотя он может быть решительным и напористым, сам он ценит более мягкую и юмористическую сторону своей природы.

Всякая догадка о притворстве или лести будет ему неприятна, а если он решит, что его только терпят или что его доверие было обмануто (по умыслу или по предполагаемому им недостатку сообразительности), то он может быть критичным, холодным, враждебным и/или неуступчивым, защищаясь.

Он постарается не «зацикливаться» на прошлых разочарованиях.

Подводя итог:

Это одаренный, культурный человек, сочетающий в себе физическую энергию, тепло в общении и эстетическую восприимчивость. В нем, одновременно рациональном и живущим по интуиции, сочетается огромное разнообразие устремлений.

Он умеет выстроить систему приоритетов, когда для достижения нужных ему целей требуются единомышленники.

Человек независимого ума, он может стать грозным противником, ценным союзником и верным другом.

2-е мнение графолога Энтони Соара по представленным образцам почерка

2002 г.

Тема: мужчина, 67 лет, пишет также кириллицей

Автор рукописи обладает сильным, творческим умом. Но также внутри него происходят сильнейшие эмоциональные конфликты. Корни этих эмоций частично проистекают из его ужасного детства. Может быть, это даже главная причина стрессов. Тем не менее не нужно пренебрегать унаследованным им темпераментом (биотип).

Несомненно, он по натуре энергичен и подвижен. Активность его проистекает не только от нервного беспокойства, которое также избыточно, но и из естественных причин. Нервное беспокойство присуще ему, даже если бы его детство и отрочество были бы совершенно счастливыми. Даже учитывая его несчастное детство, он всё равно был бы легкоранимым и властным. Однако, не испытав этих детских переживаний, он меньше бы испытывал мучения и был бы менее трудолюбив. Его кипучий темперамент, на фоне его жуткого детства, породил в нем честолюбие и волю, а также способность к самоанализу и развил воображение.

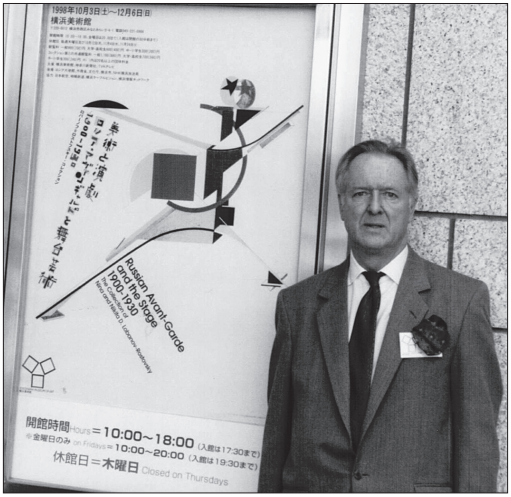
Отрицательное воздействие вышеуказанного сочетания отражается на его отношениях с людьми. И еще сильнее — в отношениях с партнером в его интимной жизни. То есть в отношениях, связанных с эмоциями. Ныне он страдает от того, что разорван между двумя противоположными чувствами: его неодолимой потребностью быть любимым — и его раздражительностью. Его неизбывные разочарования детства и отрочества оставили неизлечимый отпечаток на его характере.

Его работа и увлечения — самая важная часть его жизни. Но когда события происходят не так, как ему хотелось бы, всякий раз накопившийся гнев находит выход во взрыве. Присущий ему в этих случаях самоконтроль не очень действенен.

У него есть моральные идеалы, может быть, их больше, чем нужно. Но его подсознательные эмоциональные побуждения не всегда соответствуют его сознательным намерениям.

Он уважает социальные нормы. Он властный. Более всего его пугает стать зависимым. Это противоречие — стремление соблюдать ограничения норм и властная независимость — усиливает его раздражительность.

Он предприимчив и непрестанно восприимчив, а также чрезмерно деятелен, в первую очередь вследствие темперамента и во вторую — в связи со своей целеустремленностью. Его трудности в области деятельности



Никита Дм. на фоне афиши выставки из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Иокогама. 1998

проистекают в основном из-за его неловкости в человеческом общении. Кроме того, приходя в состояние напряжения и неудовлетворенности, он всякий раз ищет разные новые занятия. Его зависимость от внешних факторов жизни столь сильна, что именно она формирует его горькое мироощущение. Он не склонен к уединению и философскому мышлению.

Его самый острый конфликт с самим собой (решение которого помогло бы ему управляться со всеми вышеупомянутыми трудностями) — это его любовная ситуация. Он мужчина / самец и считает своим правом требовать своего. В своих отношениях с людьми он одинаково неуклюж как с женщинами, так и с мужчинами. Он приспосабливается с помощью того способа, что контролирует своих близких, и, следовательно, у него возникает сильное чувство эмоциональной неуверенности, когда это не получается. Остается впечатление, что эти трудности, интимные и социальные, бесконечно разъедают его. Он не спокоен, ни душой, ни телом.

Чтобы достичь состояния, близкого к счастью, ему, прежде всего, нужно примириться с самим собой. Так как он не философского склада ума, он нуждается

в дружеском совете, но не в частной консультации и еще меньше в психотерапии. Если речь идет о женщине, то она должна быть характером посередине — от мягкого к решительному, уравновешенного, но не покорного. Ему нужна женщина, которая живет сама по себе, свободна и довольна жизнью. Похоже, что устойчивая связь без необходимости совместной жизни была бы наилучшим решением, по крайней мере на данном этапе жизни.

Помимо того что вся его душевная и эмоциональная сфера истерзана, это человек большой культуры и больших возможностей[171].

Никита и Вечная женственность

Кипит в руках Никиты всякое дело, и жить ему интересно, и жизнь его полна, он путешествует с супругой, он азартно выискивает живописные находки, встречается с самыми разными людьми. А внутри — сложно, сумеречный лес. И супруга нередко в веселых собраниях знакомых показывает ему знаком на угрюмо опустившиеся уголки губ — мол, немножко помягче, немножко повеселей взгляни вокруг себя.

Есть такие очерки о Никите, талантливую проницательность которых определила стихия чувств, владевшая автором. Таков точный «отчет» об интимных поисках героя, написанный журналисткой и писательницей Светланой Балашовой, он подсвечен изнутри лучистой и требовательной энергией неравнодушия. И еще в этом рассказе — неповторимая атмосфера времени начала 1990-х гг.

«Очень чувственный мужчина, — подумала я. — Чувственность голодного? Нет, не то... Надежда на чудо? Но мужикам она неведома. Только дуры-бабы верят в это...»

А голос его продолжал подрагивать, вибрировал вкрадчивыми интонациями, ласкал вместе с тем знакомым до чертиков огоньком жадного мужского интереса в глазах. Мне это нравилось. Волновало, как всякую женщину. И немного смешило. Но я продолжала с серьезным

видом задавать свои вопросы. Хотя почти не вникала в его ответы. Полагалась на магнитофонную запись.

Когда я его попросила по телефону об интервью, он с напускным безразличием спросил:

— Неужели кому-то интересна жизнь бандюги, зэка, озлобленного белоэмигранта, вышвырнутого из страны?

— Еще как интересна, иначе зачем мне клянчить у вас интервью!

— Интервью-то Вы можете взять, да кто его напечатает?! Нас, изгоев, чураются, как чумы!

— Теперь другие времена! Перестройка! Моим статьям о русских эмигрантах газета отводит целую полосу.

Но на встречу согласился. И, как мне показалось, весьма охотно. На другой день заехал за мной в гостиницу.

— Симпатичная квартирка. Сколько платите за нее?

Эта непосредственность мне понравилась: «Даже не пытается скрыть своей практичности, как лицемерно сделал бы всякий из наших благовоспитанных русских! Впрочем, на Западе практичность не зазорна...»

— Совсем недорого для центра! — заключил он, узнав о стоимости номера. — Ко мне скоро должна приехать из Москвы одна дама. Вот я и поселю ее здесь.

Я рассчитывала на встречу в каком-нибудь кафе. А он, к немалому моему удивлению, пригласил к себе домой. В машине продолжал бурчать.

— Перестройка! Очередной фортель коммунистов! Разве они добровольно расстанутся с властью?! Хрущев тоже пытался перестроиться. А что из этого вышло? Нет, не верю!

— А вот Солженицын поверил и даже собирается возвращаться на родину. Освобожденный Сахаров стал депутатом Верховного Совета и почти на каждом его заседании громит коммунистов...

— Ну и что из этого? Пока только болтовня!

— Но и это прогресс! Какой вы, однако, нетерпеливый! Москва не сразу строилась! Разве не обнадеживает организованная Горбачевым в Москве встреча с русскими эмигрантами? Вы ведь тоже были в числе приглашенных.

— С тех пор прошло два года, а отношение к нам по-прежнему настороженное!

— Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы выбить из сознания людей рабское чувство.

— Значит, не дожить нам до истинной свободы в России!

— Не дожить! — засмеялась я. — Но хоть наши внуки и правнуки порадуются ей!

— Да, если они будут! — мрачно изрек он. — У меня, к сожалению, нет детей!

Жил он тогда в одном из самых фешенебельных районов Лондона — *Kensington Park Garden*. Он провел меня в гостиную, пронизанную полуденным солнцем. В этом ренуаровском свете смягчился и его облик. Потеплели глаза — большие, голубые. Засветились добротой, которую, как я поняла позднее, он, словно Кощей, старательно прячет от чужого глаза. А взгляд стал кротким, с изумленно-наивным выражением — точь-в-точь как у отрока Варфоломея. Потом я еще не раз подмечала этот его взгляд и уже знала — он прикрывается им, как ширмой, в минуты неудобства, растерянности, душевного дискомфорта. Волосы с отливом зрелой пшеницы дополняли нестеровский образ.

«Может, и подрагивающий голос тоже от нерастраченной целомудренности?» — усмехнулась я про себя.

Переместившееся солнце скользнуло лучом по стене. И тут же с нее брызнул ответный свет висевших на ней картин. Они полыхали многоцветьем русской осени, неистовством ее зрелой чувственной красы, огнем расплавленного железа. Червонным тонам подпевали изумрудная зелень, лазуритовая синева, виолет фиалок.

— Какая красотища! — воскликнула я. — Это и есть Ваша знаменитая коллекция?

— Совсем незначительная ее часть. Но зато самая ценная, самая любимая. Ее мы никогда не выставляем. Она всегда с нами.

— До чего же хороша эта танцовщица!

— Вы о Клеопатре говорите? Эскиз Бакста для костюма Иды Рубинштейн к балету «Клеопатра».

— Я ее себе совсем другой представляла.

— Кого — Клеопатру или Иду?

— Клеопатра именно такова, каковой она, наверное, и была — знойная, неудержимо влекущая. А вот Иду помню по картине Серова иной — тонкое, удлиненное, томно-изломанное, резкого штриха тело...

— Серов писал ее раньше. А Бакст в 1909-м — в расцвете ее женственности.

Рядом с Клеопатрой — другая танцовщица, похожая на нее костюмом, томной позой, откровенностью неги.

— «Танцующая еврейка», — пояснил он. — Эскиз к тому же балету. Рядом с ней — Пери.

— Видите, у Пери — та же, как Вы выразились, влекущая поза, та же аппетитная округленность форм... Чувственность созданных Бакстом образов — пожалуй, самое притягательное в его творчестве.

— Именно этим он Вас и привлекает? — насмешливо спросила я.

Он, кажется, не понял насмешки и простосердечно признался:

— Да, этим прежде всего. А еще — щедростью красок, пышностью рисунка. Зрелищностью. Художника даже упрекали, что зрелищность оформляемых им спектаклей подавляет музыку. Но именно этим он потрясал публику.

— И много в Вашей коллекции работ Бакста?

— Всего 45.

— Только и «всего»?! Здорово он потряс Вас!

— Больше не сумел отыскать, как ни старался, — он снова не почувствовал иронии.

Я решила еще немного подразнить его:

— Интересно, как Вы воспринимаете саму Клеопатру?

— Воспринимаю таковой, каковой она и славится, — распущенной, похотливой, жестокой!

— Какой кошмар! — с притворным ужасом воскликнула я. — Неужели Вы не чувствуете трагизма этой роковой женщины?!

— Трагизма? — удивился он. — В чем же он состоял? Можно говорить только о трагизме ее жертв!

— А как Вы думаете, что сделало ее жестокой? Может, отчаяние от невозможности полюбить, найти достойного себе, своей любви? Разочарование в мелкости, зауряднности и скучности мужской натуры?

Он с любопытством взглянул на меня:

— Феминистка? Философ в юбке?!

— Но не синий чулок! — весело рассмеялась я.

В это время тихо открылась дверь в гостиную и вошла женщина.

— Гостья не желает чаю? — спросила она.

— Спасибо, с удовольствием.

Женщина исчезла, словно тень, так же бесшумно, как и появилась. Меня озадачило, что хозяин не представил ее мне. А он, как ни в чем не бывало, продолжал прерванный разговор.

— Значит, по-вашему, желающий женщину мужчина — скучен, мелок и зауряден?

Он, кажется, не на шутку оскорбился за мужскую половину человечества и решил ее защищать.

— Конечно же, — улыбнулась я. — Он даже хуже гоняющегося за самкой животного! Потому что самец в этом случае руководствуется инстинктом продолжения рода. А в мужчине говорит одна похоть!

— Что же, по-вашему, мужчина не способен любить?

— Нет, почему же, некоторые наиболее, как ныне говорят, продвинутые способны на это чувство. Но они — лишь приятное исключение. Всё остальное — заблуждение, помрачение мозгов от неистового зова плоти или же просто любовь к арифметике...

— Арифметике?!

— Ну да. Прибавление единичек к донжуанскому списку. Кстати, еще один вопрос на эту тему, — я взглянула на часы. — Время-то бежит. А мы отклонились от предмета нашего интервью!

Дверь снова отворилась. Женщина безмолвно поставила на стол поднос с чаем.

— Я слушаю Вас... — произнес он, несколько раздраженный ее новым вторжением.

— Да я о Дон Жуане... Он-то, по-вашему, кто? Тоже похотливый, развратный человек?

Он озадаченно помолчал.

— Мужчина — совсем другое дело. Он по натуре полигамен. Впрочем, как и женщина. Петр Великий понимал это и даже издал указ, запрещающий монашенкам принимать обряд ранее сорока лет.

— Вот как?!

— А разве философ в юбке не догадывался об этом?

— Нет, отчего же! Жизнь в том убеждает. Но на Дон Жуана у меня свой особый взгляд. Дон Жуан и Клеопатра — родственные натуры. Оба одержимы жаждой любви. Оба ищут идеал. И оба не могут его найти. А бесконечная смена партнеров — это всего лишь вешки на пути поиска.

Он задумался. А потом с улыбкой сказал:

— Здесь Вы, пожалуй, правы. Такой взгляд мне нравится.

— Я в этом и не сомневалась! — парировала я. — Но вернемся к теме интервью.

На его лице вдруг появилась недовольная гримаса. Он кинул сердитый взгляд в сторону библиотеки. Я тоже оглянулась и увидела там, у стеллажа, ту самую женщину, уже дважды входившую в комнату. Она делала вид, что ищет какую-то книгу. Но явно прислушивалась к нашему разговору.

— Что тебе? — спросил он ее по-английски. — Ты нам мешаешь!

— Чем же я мешаю! Мне нужна книга.

— Разве нельзя было повременить?!

— Уже поздно. Пора обедать, — сухо ответила она и демонстративно вышла из гостиной.

Я почувствовала себя неловко.

— Полагаю что это Ваша жена? Вы забыли представить нас друг другу.

— В самом деле?! Простите.

— Разве она понимает по-русски?

— Понимает, но не говорит. Мать у нее была русская, отец француз. Родилась в Париже, жила в Америке. Там я с ней и познакомился.

— Ваша супруга права. Я действительно засиделась. Может, в другой раз продолжим?

— Хорошо, — согласился он. — Давайте встретимся завтра вечером. Скажем, в шесть часов. Вас это устраивает?

Жена вышла проводить меня. Заставила себя улыбнуться и даже расщедрилась на комплимент:

— You are a charming lady!

— Thank you! — ошарашенно ответила я. — I am sorry for keeping your husband for so long...

После хождения по музеям я вернулась в гостиницу без ног. Хотелось плюхнуться в кресло перед телевизором, вытянуть натруженные ноги и позабыть обо всем на свете. Я подошла к телефону и набрала его номер.

— Только что вернулась, совершенно вымотанная. Может, отложим встречу?

— Нет! Я Вас жду! Берите такси и приезжайте!

— Но мне еще нужно поужинать — с утра ничего не ела.

— Не тратьте на это время. Я свожу Вас в паб и накормлю. Такси я Вам оплачу! Стоянка рядом с Вами — у *Victoria-Station*! — тон был решительным, не допускающим никаких возражений.

— За такси я и сама могу заплатить! — оскорбилась я. — Ладно, сейчас соберу себя по косточкам и приеду.

День был субботний, и очередь за такси у *Victoria-Station*, какой даже в Москве на привокзальной площади не увидишь! «Мог бы и заехать за мной! Неужели не знает, что по субботам такое столпотворение?!» После пятнадцати минут ожидания поняла, что раньше часа не удастся взять машину. Спустилась в подземку, проехала две станции и, выйдя наружу, поймала таксометр.

Он был один в доме. Куда упрятал жену, не стала спрашивать. Сразу же повел меня по комнатам показывать

остальные картины своей коллекции. А они висели повсюду — в кабинете, спальне, столовой, на стенах длинного коридора и даже в ванной — большом, как салон, помещении.

— В ванной-то зачем? Ведь рисунки могут пострадать от влаги?

— Они защищены стеклами, к тому же есть вентилятор. Эти эскизы к опере «Садко» хорошо вписываются в интерьер ванной. Всё в зеленом — иллюзия морского дна.

«Что ж, дело хозяйское. У каждого свои прихоти!» — подумала я.

— Остальные работы мы храним на складе. Но и там они не залеживаются — постоянно путешествуют по выставкам...

— Вам это приносит доходы?

— Лично нам только убытки. Для нас это чисто просветительская деятельность — знакомить мир с русским декоративным искусством его самого великого, уникального периода — Серебряного века. Всем этим ведают импресарио. Мы же с женой ездим лишь на открытие организуемых ими выставок.

В кабинете он показал мне почерневшие портреты предков. Но кто есть кто — не мог объяснить.

— Как они к Вам попали?

— Дед сумел вывезти из России.

— Как же ему это удалось?

— Он старательно подготовил побег. Наняли телегу, все ценное укрыли сеном. Дед с сыновьями переоделся в крестьянскую одежду. Так доехали до границы с Румынией, не вызывая подозрения у свирепствовавших на юге революционных шаек. Там на берегу Дуная их ждал заранее уговоренный катер. Румыны было заартачились. Угрожали тюрьмой. Дед сумел откупиться. Из Румынии перебрались в Болгарию. Остальное Вы уже знаете...

Разговор продолжали в гостиной. Хозяин забыл о своем обещании накормить меня. А я судорожно сжимала поющий от голода желудок, стараясь, чтобы он

не услышал этих звуков бунтующей утробы. Зато свою забывчивость он компенсировал предложением отвезти меня обратно в гостиницу...

Статья о русском доме в Лондоне вышла, как я и обещала, на целой полосе. Он радостно благодарил. Началась проза общения. Через переписку — длинные письма от меня и лапидарные, деловые строчки от него. Эпистолярное искусство явно было для него старомодным понятием. И довольно расточительным занятием для практичного, знающего цену каждой минуте человека. При встречах же — а их было немало за истекшие пятнадцать лет — я больше ни разу не видела света в его глазах, не слышала взволновавшего меня тогда в Лондоне подрагивающего голоса. Всегда одинаковый — размеренный, спокойный, до умопомрачения деловой и с крепко-накрепко запертой душой. Ни дать ни взять — сфинкс. Проникнуть в его психику, казалось, невозможно. Какие знания и тайны боитесь выдать вы случайно? Но как он ни таился, одна из его слабостей была очевидной — слабость к женскому полу. Я давала ей другое определение, вкладывая в него то самое собственное понимание донжуанства как извечного стремления человека поймать синюю птицу. В расхожем же смысле донжуан — мужчина, который никогда не отказывается от возможности урвать то, что попадается на его пути. «Возраст женщине не помеха», — заливается в арии герой оперы Моцарта. В каждом фрукте есть свой аромат. Жажда изведать ароматы всего мира — пожалуй, и есть главнейшая черта донжуанской натуры. Подобная всеядность вовсе не исключает способности донжуана к сильным увлечениям.

Социалистическая принцесса

Именно такую всепоглощающую страсть и испытал наш герой лет пятнадцать тому назад. Он увлекся молодой женщиной с романтическим ореолом социалистической принцессы. Она, бесспорно, была хороша собой.

Смуглая брюнетка с тонким, гибким телом, излучающим такой мощный поток чувственных флюидов, что мужчины, подобно кобелям, бегали за ней стаей.

Но она держалась королевой, знала цену своей красоте и уму. Ее давно уже обхаживал туповатый сыночек самого Первого. Она издевалась над ним, выставляя его в самом неприглядном свете, демонстративно выказывала ему свое пренебрежение. Но ничто не помогало. Он ходил под ее окнами, подстерегал у подъезда, забрасывал цветами. Это ее забавляло, но конечно же и тешило тщеславие. Как-то раз с компанией дружков он нагрянул к ней домой. Родители были на даче, так что дым стоял коромыслом. Незаметно, один за другим, дружки испарились, и она один на один осталась со своим воздыхателем. То ли выпила больше положенного, то ли мгновенное затмение разума стало тому причиной, но случилось то, что уже давно видел в своих мечтах слабоумный недоросль. Отрезвев наутро, она пришла в ужас. Выставила за дверь этого недоумка. Замкнулась, перестала появляться в компании, не отвечала на телефонные звонки. Через месяц обнаружились результаты минутной слабости. Делать было нечего, и она согласилась стать его женой. Свадьбу сыграли всем свадьбам на диво. И заточили красу ненаглядную в золотую клетку — резиденцию Первого. Ни шагу без надзора, ни единой встречи без разрешения. Но самое страшное — скандалы, дикие, безумные, которые ежедневно чинил полоумный пьяница-муж молодой жене. За то, что не подпускала к себе, за то, что возбуждала жадные взгляды других мужчин, за постоянное унижение своей особы, насмешки и ту откровенную ненависть, которую читал в ее глазах. После рождения сына семейная жизнь совсем разладилась. Кончилось тем, что у нее отобрали ребенка, а саму ее выставили за границу, где она осваивала вторую профессию — кинокритика в одном из элитных вузов. От кавалеров по-прежнему не было отбоя. И супермены, и американские миллионеры, и дяди с солидными постами. Но она искала достойного. И обрела — киношную знаменитость. Он сулил ей

золотые горы. Не какие-то там американские миллионы, не золоченую клетку, в которой держал ее муж. Что стоит звон презренного желтого металла в сравнении с посулами ее именитого режиссера!

Обещавшего ей куда более достойную ее красы оправу — главные роли в своих фильмах и их неминуемую спутницу — славу мировой кинозвезды! Вот эту женщину, затмившую своими похождениями знаменитых авантюристок мира, и осмелился возжелать наш герой! Он начал на нее атаку в очень благоприятный для себя момент — она переживала очередное крушение своих надежд. Ни главных ролей, ни ожидаемого предложения руки и сердца от своего режиссера она не получила. На родине тоже ничего не светило — пала власть всесильного Первого, распоясавшаяся желтая пресса на все лады перемывала косточки всей семейке сброшенного тирана, в том числе, и ей. Так что предложение богатого, как ей говорили, князя подоспело вовремя. Она согласилась поехать с ним в Лондон. А он поселил ее — принцессу, привыкшую к дворцам и роскошным апартаментам! — в той самой скромненькой квартирке второразрядного пансиона! Какая оплошность! Какое пагубное незнание стратегии завоевания женского сердца! Причем не какого-нибудь, податливого как воск на мужские ласки! А сердца гордого, неприступного, которого добивалась целая армия куда более достойных мужчин! Намного привлекательней его — хотя наш герой в молодости был красавцем, да и теперь все еще привлекал женские взоры холеной аристократичной интересностью! Но ей-то в отцы годится! Главное же, пожалуй, — в нем отсутствовало качество, что так нравилось ей в мужчинах: безрассудство страсти, желание бросить к ногам возлюбленной все сокровища мира, исполнять ее малейшие прихоти, капризы.

Впрочем, это всего лишь плод моих рассуждений. Ведь чего греха таить, большинство женщин предпочитает именно такой способ покорения их сердец! Жизнь великих куртизанок — лучшее тому свидетельство. А как там было у них на самом деле — можно только гадать.

«Старый скряга!» — могла бы презрительно сказать принцесса, сесть в первый самолет и отправиться завоевывать Америку. «Милый, ты замечательный любовник, и я испытала с тобой незабываемое блаженство. Но ведь ради меня ты не бросишь жену, а мне, как ты сам понимаешь, надо устраивать свою жизнь. Купи мне, пожалуйста, самолетный билет в Америку. Попробую найти там счастья».

Возможно, именно по второму сценарию и развивались дальнейшие события. Наш донжуан — человек разумный, очень разумный. Притом чрезмерно гордый. Удерживать принцессу не стал. Бесспорно, это было ударом по его самолюбию — не привык он к тому, чтобы женщины оставляли его. Он долго и мучительно пытался унять боль уязвленного тщеславия. И вполне вероятно — неизжитого до конца искреннего чувства. Что же касается распаленной страсти, постарался быстро заглушить ее очередной интрижкой с какой-то русской редакторшей, не столь прихотливой и избалованной.

Дабы поскорее одурманить ее, он пригласил новую зазнобу на сей раз не в Лондон, а в Париж — предел мечтаний каждого русского! И она, само собой, тут же растаяла. Сами понимаете — он был для нее как принц для Золушки! Да он и на самом деле принц — чистокровный, расовый! Только и теперь принц поместил возлюбленную не в «обалденной» гостинице, а в мансарде своего парижского приятеля — снобствующего французского искусствоведа, которую тот снимал для своей студии. «Так будет удобней и безопасней для нас обоих — ведь я еще не разведен, да и ты замужем. Я человек известный, и в гостинице нас могут выследить». Вполне разумное и приемлемое объяснение, согласилась она. После московских коммуналок эта квартирка показалась ей чуть ли не раем — отдельная комната с широкой люлей, кухонька с холодильником и плитой, душ. К тому же так романтично! Мансарды — обитель художников, поэтов, музыкантов, парижской богемы! Это она знала по французским романам. Притом в центре города, рядом

с Оперой, на Сен Антуан! Обедали в бистро — а это так *à la française*! Так экзотично! От этого словечка веет русской историей! Она помнила, что название этих забегаловок осталось со времен пребывания русской армии в Париже после победы над Наполеоном. Солдаты шумной ватагой вваливались в заведение и кричали гарсонам: «Быстро! Быстро подавай!» Пару раз он всё-таки сводил ее вечером в ресторан. А это уже совсем шик! В общем, они чувствовали себя свободно, как фанера над Парижем. Он, конечно, не понял, почему фанера, но она популярно объяснила ему, что сие означает на нынешнем наречии.

Одним словом, амуры развивались по всем канонам жанра, не создавая особых проблем. Напротив — так удобно иметь и в Москве возлюбленную, с которой можно немного развеяться от опостылевшей семейной жизни. Она же, как всякая женщина, лелеяла надежду, что рано или поздно он женится на ней. Вряд ли у него были такие намерения. Но тем не менее наш герой стал серьезно помышлять о том, чтобы окончательно расстаться со своей супругой. Неукротимого мустанга не удержать никакими узами! Постоянная слежка, сцены ревности и нежелание выпустить на свободу доводили его до бешенства. В конце концов, взял и съехал на отдельную квартиру. И зажил по-холостяцки. И глаза снова засияли молодецким задором. Серьезным же препятствием для развода явилась коллекция, которую долгие годы собирали вместе! Как разделить это бесценное сокровище? Ведь его главное достоинство именно в единстве, являющем волшебную панораму удивительного явления «Русский модернизм».

Но вот все мытарства позади. И развод получен. И материальные проблемы с бывшей женой решены. И в новый брак вступил. Но конечно же не с той безродной москвичкой, а с истинной английской леди! Милой, воспитанной, очаровательной, хотя и не первой молодости, но с телом восемнадцатилетней девушки! И новый дом приобрели — в респектабельном лондонском квартале.

Обставили его в изысканном аристократическом стиле. Казалось бы, на этом «хеппи-энде» можно поставить точку в истории поиска донжуаном вечной возлюбленной. Ан нет! Разве есть на земле предел совершенства? Разве известен в истории донжуанства хотя бы единый случай обретения истым сердцеедом своего идеала? Будь это так, давно бы исчезли и эти дивные россказни о его похождениях, и сам образ неугомонного ловца непостижимой синей птицы стерся бы из памяти человечества!

Говорят, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. А нашему герою удалось это! Счастливый молодожен разыскал в дебрях Америки презревшую его некогда принцессу и вновь обрушил на нее свою неутоленную страсть. Верно, что в этой реке текут уже не те воды — помутнели, лишились прежнего завораживающе искрометного блеска, поблекли, потеряли свою живописность ее берега. «Ошибаетесь, — строго заметил герой, прочитав эту заключительную притчу из сказа. — Груши вкуснее, когда созреют!» Принцесса так и не смогла стать королевой. Влачит нищенскую жизнь дворцовой изгнанницы. Но и принц уже не тот. И кто знает, что продолжает влечь его к этой некогда блистательной женщине — нежное чувство или же пробудившаяся в нем жалость к этому щедро наделенному природой существу, потерпевшему крах всех иллюзий. Если же восторжествовало милосердие, желание опекать горемычную Клеопатру, разве не достоин восхищения этот человеческий порыв! Сам же он объясняет непрервавшуюся связь с ней иначе: «Своих подруг не бросаю. Расстаемся, но всегда остаемся друзьями».

Поиски продолжаются. В жизни неутомимого донжуана появилась новая женщина. Она охотно приезжает к нему по его первому зову. Куда бы ни позвал! Ее главное достоинство — молодость! А это именно то, что нужно ему, чтобы до конца жизни не иссяк пыл вечного покорителя женских сердец! Что в нем нужно ей — это уже не столь важно...

Совсем недавно мне удалось, наконец, исторгнуть из него мнение о любви, браке, родстве душ и прочей «мещанской чепухе». *«Категорию идеальной любви я оставляю поэтам романтической школы и рыцарским романам. Мне просто не довелось увидеть это идеализированное состояние у любой здравомыслящей пары».* Столь же категорично и о духовной близости: *«Уж очень много у нынешней цивилизации соблазнов для раскрытия любой личности, что очень мешает родству душ. Даже птички поют по-разному. А человеки — тем более...»* В юности князь был чемпионом Болгарии по плаванию стилем брасс на 100 и 200 м. Изваянное спортом тело — великолепная модель для статуи Дон Жуана. Пора, пора бы увековечить в мраморе образ этого вечного покорителя женских сердец.

Вот таков он, многогранный, всеядный, ничему человеческому не чуждый, Никита Великолепный![172]

Неуловимый и ускользающий

Никитомания — это наваждение охватывало разных женщин, чаще это были талантливые и оригинальные личности, тем тяжелее оказывался груз чувства, которое если и приподнимало над всем сущим на короткий миг, зато потом придавливало к земле. Автор приведенного выше отрывка — печальный и проницательный свидетель любовных поисков Никиты. Не удержусь, чтобы не привести фрагмент той, кому выпало счастье-несчастье быть ненадолго соучастницей его полетов в беспредельное. Острый кусок льда из бокала с виски в горле и накипающие горячие слезы в уголках глаз — вот впечатление, которое оставило во мне искреннее и беззащитное повествование некоей Юлии, сраженной чувствами к некоему «г-ну С…» (оставим эти псевдонимы для него и для нее, придуманные автором), «последняя пуговица души которого никогда не была расстегнута». Что чувствовал сам герой и, вообще, чувствовал ли что-либо, остается загадкой. Всегда в этих повествованиях о Никите есть молчаливый зазор, некая впадина, закупоренная обычной мужской жесткостью и присущей

нашему герою сверхрациональностью: да ничего особенного не чувствовал, дуры-бабы, проходной роман. Но почему-то не все красавцы побуждают интеллектуальных и эротичных красавиц писать столь отчаянно горькие повествования. Что-то тут не так. Ведь это же странно, вызывать такую отчаянную любовь, оставаясь ледяной глыбой? — А есть у Никиты некий «второй план», зашоренная чувствительность, которую герой подавлял, даже грубо отбрасывал, ибо она ему откровенно мешала в жизни. Об этом и графолог Зива Шварц сообщила urbi et orbi. Но именно эта подавленная чувствительность роковым образом ощущалась дамами, она и влекла. Однако, почувствовав эмоциональную связь, Никита, как гладкая рыбка, выскальзывал из нежных и любящих рук и, нырнув на дно, отправлялся в очередное большое деловое мужское плавание. Он в сексе всегда бывал как юный бог, раскован и всевидящ, он психологически оставался мощным и суровым, но боялся и боится эмоциональной привязанности. Так сказались в нем его ранние потери. Его неразгаданная мужская хрупкость камнем ложилась на сердце покоренных им дам. Увы.

«*Ранимый… непроницаемый и холодный, как асфальт на Пятой авеню*», — напишет Юлия, его недолгий друг. Еще бы! Такой красавец! Немыслимо породистый, элегантный, воспитанный, интеллектуальный. Это проблема тех женщин, которые влюбились потому, что никогда не видели никого подобного рядом с собой. Не с чем сравнить. Сплошное изумление. — Не совсем, скажу я, это и его проблема, его груз. Может быть, не удалось этой даме войти в чувствительный резонанс с героем, оставить в его сердце живую боль, но психологический портрет, благодаря своим страданиям, она составила проницательно верный. Итак, ее рассказ…

> В Берлине открывалась интернациональная художественная ярмарка. Владельцы галерей, художники и собиратели искусства съехались со всего мира в молодую столицу Германии. Художник Женя Шеф пригласил меня сопровождать его — я охотно согласилась. Прогуливаясь по гудящим многоязычием залам и павильонам, здороваясь беспрестанно то с одним, то с другим, раздавая направо и налево воздушные поцелуи, он представил меня мимоходом одному седовласому джентльмену,

Никита Дм. Санкт-Петербург. 2015

американцу с русскими корнями, занимающему высокое положение в деловых кругах Америки. Господин находился здесь со своей супругой-американкой, но его короткий и строгий взгляд притязательного и строгого знатока женщин и женской красоты, брошенный на меня, на секунду выдал мне его досаду по сему поводу. Вечером Женя затянул меня контрабандой на званый ужин во французский ресторан, где собрались российские художники и любители русской живописи. Рядом со мной сидела супруга господина, столь меня очаровавшего. Я с большим усердием и вниманием развлекала ее легкой беседой. Господин внимательно на меня поглядывал, а после ужина взял супругу под руку и, пожелав всему обществу доброго вечера, откланялся, даже не взглянув на меня. Казалось, на этом история должна была закончиться. Но как-то пару месяцев спустя Женя, послав своим друзьям по электронной почте новый анекдот про Вовочку, указал в числе прочих получателей и его адрес. Мне в руки приплыл шанс из Интернета, посланный через сателлит! Небесный провайдер... Сию минуту я написала ему короткое письмо. Часом позднее у меня зазвонил мобильный: он хотел меня видеть!

Две недели спустя я летела к нему на встречу. Безработная, несчастная, одинокая русская эмигрантка, сидела я в роскошном дорогом отеле, от которых давно уже успела отвыкнуть, в ожидании его. Он прилетел рейсом из Бостона и в сопровождении портье вкатывал свои костюмы и чемоданы. И вот он стоял передо мной в шикарном номере отеля — красивый, стройный, подобранный, с интернациональным лоском, с именем, которое давило на меня своей значительностью. Я робела. Я ни на минуту не забывала, что я — бедная и заблудшая, а он — Король Солнце. Я с удивлением констатировала, как изменила меня моя трудная жизнь. Я была другим человеком.

С первого мгновения я любила его. Я боготворила его, и сердце мое постепенно расцветало, наполнялось радостью. Я училась у него. Я видела многие его недостатки, но мне они не мешали. Я была снисходительна к его тщеславию и самомнению, ибо для меня он был ходячей российской историей. Расставаясь с ним, ожидая, когда и в какой точке мира он вновь назначит встречу, я с изумлением изучала в Интернете ветви его родословного дерева, берущего начало в XIII в., рассматривала фотографию его супруги на приеме в Белом доме и тихо восхищалась, как превосходно он выглядел в своем черном фраке... Мое сердце замирало, глаза блестели, голова была прозрачной и невесомой. Есть в жизни обстоятельства, когда мы добровольно и с готовностью выпускаем из рук поводья, отдавая ход событий на волю любимого человека, и только и думаем, как бы увидеть его, хоть на минуту, только и ищем самозабвенно, сгорая от нетерпения, его звонка, чтобы в ту же минуту бросить все, еще день назад казавшееся важным и неотложным, — и тотчас же бежать к нему. Любовь — единственная болезнь, прививка против которой не защищает от рецидивов, не образует антител и не предохраняет от нового заражения. Он не любил меня. Он жил в другом мире. Слишком близко к солнцу. Я была для него приятным, волнующим развлечением.

Мой седовласый господин никогда не жил в России, но факт, что он происходил из старинного княжеского рода, упоминаемого Толстым в «Войне и мире», играл большую роль в моем восприятии этого человека. Его язык сегодня был английский, мой язык сегодня был немецкий. Но у нас был общий язык, который я почти забыла. Ведь годы работы над диссертацией, писавшейся на немецком, окончательно выбили остатки русского из моей головы. Общаясь с ним на ломаном русском, я бесконечно сожалела, что так запустила родной язык. Он бранил меня за это... Я думала, что как-то все это так странно, что судьба послала мне его после того, как я заключила с ней перемирие и договор. Но для чего?.. Я отдавала себе отчет, что никакого будущего эта любовь иметь не может. Что рано или поздно мы расстанемся. Я не ожидала ничего помимо того, что само шло мне в руки. Я всем сердцем принимала и вбирала в себя то счастье и ту боль, которые обрушивает на нас любовь, не строя никаких планов, не загадывая, когда же он меня бросит, не спрашивая себя, сколько любимых у него было и еще будет, не пытаясь искать в его глазах и словах какой-то скрытый смысл или тайный намек. Я не гадала на картах, не размазывала кофейную гущу, не читала гороскопов. Я ни разу не спросила его, любит ли он меня. Я ни разу не потребовала, заламывая руки и падая в обморок, полюбить меня, верно и до самой смерти! Я не рыдала, видя его холодные глаза. Я просто наслаждалась любовью, посланной мне небом, ничего не требуя дополнительно ни от неба, ни от него... [173]

Москва, 1999-й. Москва встретила... бурным цветением. Старые липы на бульварах источали пряный аромат, березы кудрявились нежной зеленью, голубыми озерцами разливались на клумбах васильки... взял такси, отправился в гостиницу «Савой», поселился, как всегда, в номере 525, в самом конце коридора, там было спокойнее.

Недружелюбие, которое он всякий раз испытывал, приезжая в этот город, поражало его. К этому трудно

было привыкнуть. Поездки в Москву отнимали много сил. Беспокойное напряжение не покидало его, даже когда оставался один, закрывшись в номере гостиницы. Беззаконие русских законов являло собой предмет анекдотов там, дома. Здесь смеяться над этим совсем не хотелось... Это ли не мой дом, моя родина, страна моих предков... Что такое родина? Любимая, теплая... Язык, на котором говорил с матерью? Место, где выдали паспорт? Прописка? Воспоминания детства? Иль то, чем детство разрушено...

Москва стояла грубая, возбужденная, шатающаяся, потная, продирающая залипшие после тяжелого, кошмарного сна глаза, опухшая, не знающая в какую сторону устремить свой расплывчатый, мутный взгляд... Воздух, серый, пропитанный пылью и выхлопными газами... Старые, громыхающие проржавевшей жестью «лады» и «москвичи» пыхтели на разбитых, в пробоинах, дорогах. «Фольксвагены» и «опели» козыряли блестящими боками и в нетерпении гудели, застрявши в пробках, требуя проезда; элегантные «мерседесы»и «джипы паджеро», властно гудящие мощными моторами, мчались, как колесницы небесные, разрезая поток машин, по поспешно освобождаемой левой полосе, загоняя в пот тех, кто медленно реагировал...

Встреча, о коей договорился он с берлинской журналисткой, должна была состояться в холле гостиницы. Их переписка протекала в деловых рамках, но ее письма, в которых она просила осветить то или иное событие прошлого, касающееся его рода, — письма выспрашивающие, будоражущие, захлебывающиеся от энтузиазма и удивления, — освежали его, он уже их почти ждал. Спускаясь по лестнице, фон Сторофски почувствовал, что слегка взволнован. Смешно, право. Девчонка... с веснушками. Князь не любил веснушек.

Журналистка уже сидела в холле, уставившись в газету «Die Zeit» вот уже минуту, не перелистывая, не спуская глаз с одной и той же строчки. Заметив это, фон Сторофски почувствовал удовлетворение, но и еще большее

напряжение. Отчего оно происходило, уже не было времени анализировать. Лишь удивился, откуда это легкое, приятное, как пузырьки в шампанском, волнение. «... сядемте в то кресло, там поспокойнее... Что желаете выпить? Разрешите пригласить Вас. Как — не пьете за работой? Позвольте, позвольте... Да, как исключение, для меня... Я рекомендовал бы вот это чудесное французское вино, *Cotes du Rhone*... Конечно... гулять так гулять... Да, и работать не забудем. Давайте покалякаем...»

После короткой паузы, бросив быстрый взгляд на часы, фон Стороффски учтиво улыбнулся, давая понять, что разговор окончен. Тон его сделался враз сухим, официальным...

Он сидел в номере гостиницы, просматривая план деловых встреч на оставшиеся до отъезда домой дни. Обед у американского посла, прием в Кремле, «Спартак» Григоровича. Сегодняшний ужин с председателем Внешторга закончился раньше обычного. Спать не хотелось... Фон Стороффски встал вновь, подошел к приотворенному окну, закрыл его плотно. Прохладно, однако... Вчера был в Рождественском монастыре, у фамильной усыпальницы, прошелся потом по Мясницкой, красивый особняк, дед мрамор в Италии заказывал. Как будто время выстрелило в него, холодно стало... Бежать скорей отсюда, пока ненароком дверь опять не захлопнется и не останется он замурованным здесь навечно... С новой силой растревоженные нахлынули воспоминания детства: рассказы отца о побеге семьи из революционной России. России, вставшей на дыбы, — словно проснувшийся после изнуряющей, мучительной спячки медведь, сидевший долго запертым в клетке, забытый пирующими хозяевами, сделавшийся диким, страшным, кровожадным от того, что забывали его должным образом покормить, меду да воли дать...

Эмбрион в мирском пузыре, забытый в холодной Вселенной намерзся, на всю свою жизнь намерзся... До сих пор мерзнет, холодно... Выжил... Злость заставила выжить. Душу с тех пор раскрывать разучился. Веру выплюнул, вместе с выбитыми зубами. Любить?.. Один,

вновь один, как когда-то, на нарах; уже забывать начал, как чувствуется — когда любовь... На Западе любили сильных и богатых. Он, представитель своего рода, должен был таким стать. И имел женщин, знавших, как этого достичь. В Нью-Йорке выучил финансовое дело... Освоил их язык... Встав на ноги, он уж ни в ком не нуждался. Да, он уж ни в ком не нуждался... Солнце в его жизни светило мягко, приятно...

Не хотелось больше штурмов...

Она сняла трубку мгновенно, не дав и первому гудку прогудеть, как будто ждала все время у телефона. Встретились в баре, заказали бутылку французского вина, играла приятная музыка. Журналистка, весела, молода и опьянительна, игриво, с элегантной нарочитостью, чудно выставляла ножку в длинном разрезе юбки... Она сама предложила ему подняться наверх. Если не взяла с собой паспорт, то, очевидно, ничего из этого не получится? Она поспешно выдернула паспорт, быстрым рывком, щелкнув застежкой сумочки. Фон Стороффски подал его рецепционистке. Та, поджав губы и строго оглядев смутившуюся Юлию, пролистав его не спеша, протянула его было назад, ядовито ухмыляясь наивности этих иностранцев. Но, напоровшись на взгляд фон Стороффски, сделавшегося в момент обжигающе-ледяным, осеклась, лишь кивнула безмолвно головой.

В последующие три дня его пребывания в Москве Юлия без помех приходила к нему в номер. Они гуляли по Арбату, посетили Загорск и окрестности, где она, предложив пройтись полями, принялась собирать васильки, любовались Москвой с Воробьевых гор, куда почти поминутно подъезжали свадебные экипажи и вывалились, растекаясь вдоль балюстрады, многочисленные компании... Им обоим было ясно без слов, что уж, видимо, не увидятся больше, что это — одна из бесчисленных встреч в отелях мира, ничего не значащих, быстро забываемых, сразу, выйдя за порог гостиницы. Приятное приключение, освежающее, как бокал шампанского перед ужином, предлагаемый за счет отеля, как сауна перед

сном, как полчаса в бассейне перед завтраком, *all inclusive, no receipt please**...

Женева, 2000-й. «...Дорогая Юлия, спасибо за манускрипт, Вами посланный. С интересом прочел первую часть новеллы... А у Вас неплохо получается... Я, знаете ли, скоро буду в Европе... по делам банка встретиться в Женеве... если, конечно... Сообщите... лучше по электронной почте...»

...Она бежала по булыжной мостовой, в одной руке карта города, другой тянула за собой подпрыгивающий на камнях чемодан. На такси не было денег. *Rue de la Servette*, *Quai Turrettini*, *Rue de Rhone*, *Credit Swisse* — стоп!.. Вот. *Hotel des Bergues*. Слава богу, нашла...

Быстро развесив вещи в шкафу, наскоро приняв ванну, Юлия принялась ходить по комнате. Сейчас он придет. Он уж, должно быть, на подходе. Кажется, кто-то постучал в дверь? Нет, никого нет. Запаздывает...

...Вот уж на тридцать минут опаздывает.

...Вот уж час, как сидит она в кресле, силясь вникнуть, что пишут в глянцевом журнале...

«...проходи, Костя, будь добр, покалякаем. Разрешите представить вас друг другу. Константин Колосовский, мой старый приятель. — Юлия Долгарева, журналистка, живет в Берлине. С Костей мы случайно встретились в банке, совершенно неожиданно. Мир, как известно, тесен», — дополнил он, обращаясь к Юлии, как бы извиняясь.

За последующим ужином втроем в ресторане *L'Omnibus* у берега Роны фон Сторoффски объявил ей, что первоначально запланированные два дня свидания с нею он вынужден сократить. Завтра утром покидает ее, необходимо с Костей уладить одно дело, но она может остаться. Номер в отеле наперед оплачен, Женева — красивый город, погуляет, ознакомится...

* 'Все включено, квитанция не нужна' (*англ.*).

Юлия лежала рядом с ним. Он спал крепким, молодецким сном, укрывшись до подбородка одеялом. Все окна были плотно закрыты, он и здесь, в Женеве, точно так же, как тогда, в Москве, перед тем как ложился в постель, тщательно закрывал все окна. Говорил, что холодно. Через занавески просачивался мягкий свет уличных светильников, желто-оранжевый, как плоды манго. Осторожно, чтобы не разбудить его, она встала с кровати, подошла к окну. Спящий город был великолепен. Чугунные трехрожковые фонари мерцали теплым светом, вытянувшись цепочкой, как янтарное ожерелье, обрамляя своим загадочным светом черный атлас реки, придавая зданиям и мостовым таинственную, почти сказочную ауру... Она тихо прошмыгнула в постель, вытянулась. На площади *Philibert Berthelier*, мимо которой давеча проходила с ним, начали бить часы на башне — низким, старческим боем. Полночь...

Она лежала неподвижно, слушая его дыханье. Раскинувшись во сне, он безмятежно положил на нее руку. Ей было неудобно, но она боялась пошевелиться, чтоб не потревожить его сон. Так лежала она, не решаясь заснуть, слушала бой часов, один удар, два... Он, прижимаясь к ней во сне, переместился почти полностью на ее половину, ей было мало места, левая рука и нога свесились, но она лишь вдыхала полной грудью запах его здорового тела, тихонько прижималась к нему, обнимая его, спящего, осторожно, чтоб не разбудить, закрыв глаза, наслаждаясь этой безоговорочной близостью, боясь заснуть, чтобы подольше насладиться им. Было уже далеко за полночь, но сказка не исчезала...

Три удара, четыре... По меньшей мере, до наступающего утра он будет с ней. Это было счастьем... Счастье может длиться часами — невероятно...

После завтрака, поспешно застегнув небольшой кожаный чемодан, он, отвлекаемый многочисленными телефонными звонками, не успев попрощаться, кивнул лишь ей небрежно головой; нажимая на кнопку лифта, плечом прижимая телефон к уху, послал ей воздушный поцелуй...

Она стояла у окна. Всё? Он уехал... Вот так, просто взял и уехал? И она должна жить дальше, как ни в чем не бывало?.. А что, собственно, «бывало»? Ничего ж и не бывало... Да нет же, этого не может быть! Она не насмотрелась на него, не надышалась им еще, как мог он ее вот так просто оставить?.. Словно опомнившись, рванулась она из комнаты, вслед за ним, чтоб еще хоть секунду побыть с ним, обнять его на прощанье, бросилась, не дожидаясь лифта, вниз по лестнице, наскочив внизу на услужливого портье, спешившего придержать ей тяжелые двери, почти сбивая его с ног, выскочила на улицу, забежала за угол...

...Нет... Его уже нигде не было видно...

...Враз обессилев, почувствовав невероятную пустоту и усталость, поплелась, ни на кого не глядя, назад, к отелю... Банальность, классическая банальность — один любит другого, который не любит этого первого, — что может быть банальнее... Она бросилась на постель, где он лежал недавно, и разрыдалась. Встав затем, утерев слезы, стояла потом долго еще у окна и смотрела в небо, как он улетает... Всё... Палящее солнце криво усмехалось с высоты. Пустая, изможденная, вышла она в город. Женева лежала приветливой, ласковой... Откуда он здесь взялся, господи? Этот строгий, холодный, великолепный, из серого камня дом Божий, затерявшийся меж бесчисленных банков — соборов живота и тщеславия?.. Ну, пойдем, зайдем... Католический... да какая разница? Господь — он и везде — Господь. Лет десять назад последний раз в церкви была — с туристической группой. Где это было? Не помнит уже... А чтоб молиться — никогда не молилась... Народу было немного. Она, широко, с размахом перекрестившись три раза, упала на колени. Господи, помоги, Господи... Слезы капали, она наклонила лицо к земле. Любовью Бог одарил — у него и утешения искать...

И еще случайная встреча в Лондоне...

...Раним ...отчего он так раним? ...как скрипка Страдивари, — боишься до него неверным словом дотронуться,

или резким смехом, или лишним жестом. Хочется поближе, но не решаешься, и замираешь, затаивая дух, отстраненная ледяным пламенем. И вдруг засветится слабо что-то теплое внутри, и он вдруг таким мягким сделается, и замираешь, зачарованная этим светом, и боишься, что опять погаснет, и вот уж в самом деле рассеялось таинство, как не бывало... и он, словно очнувшись, опять просовывает голову в кокон леденящей учтивости, в непроницаемую униформу вежливости, и вот уж опять начеку, опять неприступный и блестящий, и опять горяче-холодный душ... и трепещешь, подпаленная... Глаза у него всегда грустные, даже когда смеется... Плачет ли? Не могу его плачущим представить... Непроницаемый и холодный, как асфальт на Пятой авеню. Не проглядишь, что в душе происходит. Почему-то он никогда не дарил мне цветов... и холодно как-то всё ему... [174]

Я почти ежедневно писала ему письма, посылая их по электронной почте. Я почувствовала жгучую потребность перечитать Бунина, Чехова, Толстого. Оттого, что мой любимый был столь недосягаем, я, чувствуя огромную надобность выплеснуть наружу все эмоции, начала писать. Я писала по-русски...

Год спустя, закончив работу над своей первой вещью, написанной по-русски, я почувствовала, что мне стало свободнее дышать, что любовь к этому мужчине уже не занимает все мои мысли. Наша дружба плавно, как на парашюте, опустилась на землю и постепенно сошла на нет. Он так и не решился расстегнуть последнюю пуговицу своей души. Я оглянулась и поняла — он появился в моей жизни, чтобы привести меня назад, к русскому языку, и вперед, к тому, что я начала писать. Я выходила на свою орбиту. Я и Универсум. Весь мир лежал передо мной[175].

Глава XVI

РОМАН С ЖИВОПИСЬЮ

Начало

Но вернемся к колыбели коллекционирования. Ибо, когда Никиту спросили, кто он больше по своей сути: общественный и государственный деятель, меценат или коллекционер, он ответил не задумываясь — коллекционер.

> ...картина Николая Сверчкова. Жених похитил возлюбленную из дома, и за ними погоня. Это первая картина русской живописи, которую я купил в Нью-Йорке в 1959 г. за $100 у русского торговца книгами по фамилии Тютчев, проживавшего в *Sea Cliff, Long Island*[176].

А Нина в качестве свадебного подарка преподнесла мужу эскиз А. Н. Бенуа к «Петрушке». Нечего и говорить — о лучшем подарке он не мечтал! Так был заложен фундамент замечательной коллекции, которая ежегодно пополнялась и к 1980 г. насчитывала около 600 произведений, а к концу 1996 г. — 1100. В ней есть почти все имена, вписанные в историю русской сценографии. Перед нами проходит картина сложных явлений и художественных исканий, характерных для искусства

конца XIX — начала XX в. Это дает возможность воспринимать декорационное искусство как один из наиболее существенных компонентов русской культуры. Нет только мастеров, которых Никита Дмитриевич не приобретал сознательно, например Р. Эрте. На то есть свои причины — он кажется ему очень женственным. В собрании нет В. Кандинского — он не работал в театре[177].

Новаторство

Собирательство авторских эскизов театральных постановок Серебряного века было подлинным новаторством Нины и Никиты. В Западной Европе 1950–1960-х гг. разрозненные листы эскизов к театральным постановкам русского театра Серебряного века не имели ни ценности, ни цены. Никому в голову тогда не приходило собирать их. Никита Дмитриевич рассказывает, что новаторский художник Ларионов, постаревший и обнищавший в Париже, продавал свои работы и графику своей жены Гончаровой по два доллара. Тогда стесненным в средствах супругам Нине и Никите Лобановым-Ростовским было доступно купить такие лист-два (живописные работы ценились тоже невысоко, от 20 до 200 долларов, но это было в те поры для собирателей невозможно дорого). В эмигрантской среде они неустанно вели поиски людей, причастных к «Дягилевским сезонам», находя в их частных архивах то один, то другой эскиз к когда-то легендарным постановкам театра Серебряного века. Так стало формироваться собрание, куда попадали первоклассные образцы русской театральной живописи.

Поначалу материала для изучения ее стилей и направлений не было никакого. Никита внимательно штудировал книгу Сергея Константиновича Маковского, знаменитого издателя и редактора журнала «Аполлон» в Санкт-Петербурге, «На Парнасе Серебряного века», она стала путеводной звездой Нины и Никиты. Ну, и по программкам, случайно найденным у букинистов. Программки позже вошли в собрание наряду с живописными произведениями на холсте и картоне, плакатами и эскизами костюмов и декораций к спектаклям, которые ставились в начале XX в.

Нина и Никита Лобановы-Ростовские
на фоне афиши выставки из своего собрания.
Музей личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина. Москва. 1994

Мы развили бурную детективную деятельность. У нас было две зарплаты — моя, инженера-геолога, и ее — журналиста, на одну мы жили, на другую — собирали. Мы отыскивали имена русских художников в старых театральных программах и афишах, потом — в телефонных книгах. Находили детей, братьев, сестер, друзей, любовников и любовниц…[178]

В 1958 г. я купил эскизы Ларионова и Гончаровой всего по два доллара за штуку (для сравнения: на эти деньги можно было купить десяток газет или двадцать кружек пива). Разбираясь в живописи, можно обрести ценнейшие вещи в дешевых развалах… Зная, что я человек небогатый, художники или их родственники отдавали мне свои работы задешево. Почти все свои средства я вкладывал в живопись. К счастью, Нина, любя театр и русское искусство, поддержала мое увлечение. Кстати, первые 10 лет нашей совместной жизни большую часть мебели для нашей нью-йоркской квартиры мы сделали собственными руками или взяли с улицы. Когда американцы хотят сменить мебель, они просто выставляют ее на улицу. Ночью специальные грузовики всё это увозят. До их приезда можно обзавестись приличной обстановкой[179].

Довольно скоро Никита Дмитриевич сформулировал для себя некие постулаты коллекционирования.

Собирательство — необыкновенно сильная страсть.

— Коллекционеры обычно отличаются художественным свободомыслием.

— Они всегда должны знать о предмете своего собирательства чуть больше, чем знают о нем другие.

— Не стоит собирать то, что сегодня считается модным, ибо цены на предметы искусства — процесс циклический, они в разные эпохи то поднимаются, то падают. Пример — Бакст. В середине XX в. его работу можно было купить за 20–30 долларов, тогда как в 1920-е такую же — за 10–15 тыс. долларов, таковы же цены и сегодня, учитывая инфляцию.

— Произведение искусства следует приобретать у «источника», а не у посредника. В первом случае вещь получает свою уникальную историю, что важно для коллекционера.

— Собирание живописи — плохое вложение капитала: с учетом инфляции многие шедевры стоят столько же, сколько стоили полвека назад. Прибыли никакой, а расходы на страхование, хранение, перевозку — серьезные. Для коллекционеров процесс созидания коллекции затмевает финансовые сложности.

— В коллекционировании преобладают эмоциональные решения в отличие от рациональных решений в бизнесе[180].

Предпочтения Нины и Никиты в принципах составления коллекции

Были и небольшие расхождения в приобретениях. О них — послушаем Нину:

Да, [вкусы] немного отличались. Мы сходились в том, что нужно собрать как можно больше русских художников, работавших для театра. Но мне всегда хотелось собрать максимум эскизов к одному спектаклю. Никита же действовал как коллекционер марок, у которого

в альбоме отведено место под каждую страну. Он хотел по одному эскизу от каждого художника. Самое худшее, что он сделал, — не предупредив меня, продал серию эскизов Бенуа к «Щелкунчику». У нас была примерно половина его акварелей к этому спектаклю — они просто великолепны (не сравнить с нынешним кошмаром от Михаила Шемякина, который теперь показывают в Мариинском театре — его директор вообще не любит балет, только оперу). Мы их купили у наследников Бенуа. Никита продал их, чтобы приобрести всего один рисунок Марка Шагала — эскиз костюма к балету «Алеко», поставленному в Мексике. Всё потому, что у нас не было ни одного Шагала.

Но в чем-то Никита был прав: научное значение нашей коллекции именно в ее большом охвате — от «Мира искусства» до 1930-х гг. включительно, вплоть до ужасной «Победы над Солнцем» Малевича. Я терпеть не могу Малевича. Это не театральный дизайн. Ему даже никто не подражал. Это тупик.

Иногда Никита шел мне навстречу. Например, мне нравится балет «Петрушка», который тоже оформлял Александр Бенуа. У нас есть эскизы костюмов всех 135 персонажей этого спектакля! Плюс все варианты занавеса. Это единственное, что я оставила у себя, не передала музею[181].

И Никита благородно и охотно определяет роль Нины в их общем деле:

Наше собрание многим обязано Нине… Один я бы не смог создать собрание. У Нины строгий научный подход, она хорошо разбирается в живописи, умеет работать с архивами, разыскивать данные о том, что мы приобрели. Затем мы вместе старались подобрать документацию, вести научную работу. Приходится читать много специальной литературы об искусстве… У Нины верный вкус. Я подошел к живописи, основываясь на цветовом ощущении. И не понимал тогда, что лучше, что хуже. Думаю, что мое первоначальное

невежество даже помогло созданию коллекции. Если бы я хорошо разбирался в искусстве, то стал бы собирать голландцев XV–XVII вв. Но чувствовать, скажем, рисунки Рембрандта с первого взгляда дано не каждому, этому надо учиться, как игре на музыкальном инструменте[182].

Как я понял, что стал серьезным коллекционером в 30 лет?

Я думаю, было два кардинальных момента. В 1965 г. к нам в квартиру в Нью-Йорке пришел Джон Мак-Кендри, куратор отдела графики в музее Метрополитен. У нас на лестнице — мы жили на верхнем этаже в маленьком доме на углу Лексингтон-авеню и 94-й улицы — висели эскизы Экстер, купленные у художника-киевлянина Семена Лиссима, а также работы Коровина, Бакста и Бенуа. Он остолбенел от того, что увидел, и сказал, что это шедевры в своем жанре и он хотел бы показать их в музее Метрополитен.

Выставка в Метрополитен состоялась в 1967 г. У нас было порядка 250 работ, из которых 107 были показаны в музее Метрополитен. Это было в первый раз, когда коллекционер, не пожертвовав произведения музею, при жизни был представлен в музее Метрополитен со своей коллекцией.

А второй раз, когда мы уже в 1969 г. переехали на 79-ю улицу у Мэдисон-авеню. Там жил директор музея современного искусства Альфред Барр. По рекомендации его супруги мы переехали в эту многоэтажку. Барр первый написал книгу о современном искусстве, создав его родословное дерево, включая Малевича. Увидев, что висело у нас на стенах и лежало под кроватями, он подтвердил качество и значимость нашего собрания. До этого интерес к нашему собранию был только у коллекционеров. А Мак-Кендри и Барр были искусствоведы мирового класса. Их мнение весило много. В 1965 г. мне было 30 лет. Я начал коллекционировать 9 лет до того. Я начал покупать Судейкина в Нью-Йорке в 1958-м.

Я покупал то, что мне нравилось, часто покупал эмоционально. У нас были разногласия с супругой Ниной по поводу

значимости произведения. Но это мое невежество и сделало нашу коллекцию довольно обширной. Потому директор театрального музея в Петербурге называет наше собрание из 980 работ «музеем в музее». Оно дополняет их собрание[183].

Воспоминания о собрании Никиты Дмитриевича полно прелестных, поучительных, веселых или печальных деталей, которые дарила сама жизнь и которые делали приобретение еще более ценным и значительным для собирателей.

До сих пор исследователи спорят о хронологических границах Серебряного века. Наиболее убедительным мне кажется практический метод Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, который представляет работы нового стиля в театральном искусстве — с момента зарождения его до угасания. Хронологические границы подтверждены в «Энциклопедии театрально-декорационного искусства» Джона Боулта и представляют собой период с 1890-х гг. (впрочем, граница варьируется от 1870-х или 1880-х гг.) до начала 1940-х гг. Ф. Ф. Федоровский, художник Большого театра, первый вестник новой эстетики.

Ф. Ф. Федоровский

По поводу немыслимых историй приобретения у меня имеется две. Один раз удача улыбнулась мне в Париже. Я стоял перед витриной книжного магазина на левом берегу Сены и рассматривал программку «Русских балетов». Обложку украшал эскиз костюма Федора Федоровского к «Хованщине» Мусоргского. Этот художник жил постоянно в России, и я полагал, что его работ нет за пределами СССР. Пока я стоял, ко мне бочком подкатил старик и спросил, не интересует ли меня Федоровский, а услыхав утвердительный ответ, предложил приобрести несколько его работ. Я согласился, и он повел меня по все более сужающимся улочкам, пока мы не достигли тупика. Я начал подумывать, не собираются ли меня ограбить. Но тут старик зашел в гараж, я последовал за ним — на затянутой паутиной полке лежала куча эскизов костюмов к «Хованщине». Старик попросил 10 долларов

за эскиз, и я купил все. Позднее в Большом театре я слушал «Хованщину», шедшую в оформлении Федоровского[184].

И понеслось. Находки навсегда оставляли след в сердце Никиты:

Да, я испытываю различные переживания в зависимости от степени неожиданности соприкосновения с желанным произведением искусства[185].

М. Ф. Ларионов

В 1964 г. в галерее «Кощей» на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке хозяин и торговец скульптурой, знающий мои интересы, показал мне декорацию Ларионова к балету «Шут». Ему ее привез знакомый на продажу. Когда я увидел акварель, у меня замерло сердце от неожиданности и радости, ибо работы Ларионова в Нью-Йорке редко встречались. Главным образом, они были в Париже и разошлись при жизни художника[186].

Много раз и многим людям рассказывал Никита о своей любимой находке, всякий раз стараясь передать свежее до сих пор ощущение восторга.

Я прихожу к антиквару Роботу Каши на 74-й улице Ист в Манхэттене. Графика лежала у него в ящиках. И вот он вынимает из ящика лист декорации Ларионова к балету «Шут». — Это я понял мгновенно, в полсекунды. Я не поверил своим глазам. Это величайшая вещь! Я был в обмороке, я был в восторге оттого, что смог купить за доступную мне цену редкую, красивую работу Ларионова… Я знал Ларионова, знал его живопись, часто бывал у него дома. Мне не удавалось у вдовы покупать значительные вещи из-за высоких цен. А тут — одна из ключевых работ Ларионова, да и мне по карману![187]

Если говорить о том, кто же мне ближе других, я отвечу определенно. Ларионов. Несомненно, он основоположник

модернизма в России, чрезвычайно одаренный человек. Он мне очень близок. Если бы я решил какую-нибудь живописную работу повесить у себя дома, то это был бы Ларионов и Бакст. Не Сомов, например, поскольку Сомов слащав. Да, хороший художник. Но я взгляну с такой стороны: если бы его и не было в России, она бы не обеднела. Борисов-Мусатов — «художник слишком для женщин». Да!.. Но он чудный по сочетанию цветов, по композиции. Очень приятный художник. Мы же говорим о том, что мне близко. Серов — гениальный художник. Но он не новатор. Та живопись ценится выше, которая привносит в мир нечто совершенно новое. Серов — замечательный художник, и как раз из тех, произведения которых я хотел бы повесить у себя дома. Но он не принес принципиального нового в живопись. А с картинами Ларионова, Бакста, например, висящими у меня в столовой, я разговариваю, пусть даже это звучит для читателя как небылица. Я вхожу с ними в общение[188].

С. Ю. Судейкин

Был 1959 г. Никита Дмитриевич, будучи студентом, работал переводчиком в Колумбийском университете. Отложив небольшую сумму из своего скромного заработка, он купил несколько эскизов костюмов Сергея Судейкина к балету И. Ф. Стравинского «Петрушка». С тех пор Судейкин, как первая любовь, пользовался особой привязанностью у Н. Д. Лобанова. Надо сказать, что и стоил Судейкин сравнительно дешево — 25 долларов за рисунок. Искусство Судейкина было ярко декоративно. Это наложило отпечаток на последующие симпатии Никиты Дмитриевича — его всегда тянуло к праздничности и «крику» в живописи, которые обусловлены преобладанием в колорите красных тонов[189].

Расскажу об одной из встреч с композиторами Николаем Набоковым и Игорем Стравинским. За столом сидели Игорь Стравинский, его супруга Вера, Николай Набоков, его сын

Иван (который пригласил мою первую супругу Нину и меня) и его супруга Клод, урожденная Жокс, дочь французского посла в Москве, а затем председателя Сената. Это был 1972 г. Встреча состоялась в ресторане возле «Линкольн-центра» в Манхэттене.

А надо заметить, что Вера Стравинская некогда была женой художника… Когда Иван представил меня Вере, сказав: «Это Никита Лобанов-Ростовский», — Вера ответила: «Встречались» — и загадочно улыбнулась. Причиной этому было, что пять лет до того, на выставке ее живописи на стекле в галерее «Хаттон» на Мэдисон-авеню, хозяин галереи представил меня Вере, которая сказала: «Да, мы не знакомы». Когда господин Хаттон отошел, я перешел на русский язык и сказал ей: «Это не совсем так. Я заочно с Вами знаком очень интимно». В ответ лицо ее резко изменилось. Я пояснил: «Я бывал у Вашей преемницы Джин. Среди работ Судейкина, которые я думал у нее купить, я видел альбом набросков, 60 на 40 см, в котором на 20 листах Судейкин изобразил интимные уголки тела Веры в самых разнообразных ракурсах». Вера расхохоталась и сказала: «Да, помню, помню». Этот альбом, как и часть архива Судейкина, я передал в СССР — в ЦГАЛИ — в 1970 г.[190]

П. Ф. Челищев

В 1965 г., будучи в Афинах, мы с моей первой супругой Ниной зашли в кафе «Петроград» на улице Стадиу, 29. Все стены просторного помещения были увешаны картинами. Мне показалось, что некоторые из них очень напоминают русских театральных художников — в частности, Павла Челищева. Я подошел к одной из них, убедился, что это действительно так, и попросил позвать хозяина кафе. Оказалось, его зовут Николай Яковлев. Он был не только владельцем кафе, но еще и сочинителем популярных песенок — одним из известных тогда в Греции композиторов. Я спросил, откуда здесь все эти картины, и он ответил, что от самого Челищева и что их у него очень много. Челищев эмигрировал через

Константинополь и Афины, вот поэтому его работы и «застряли» у Яковлева. Он показал нам комнату над кафе, где лежали груды великолепных работ русских театральных художников, а на стенах висели три акварели Кандинского. Всё, что мы увидели в той комнате, он был готов продать за 10 тысяч долларов. Таких денег у нас тогда, увы, не было, и единственное, что мы смогли купить, был театральный эскиз Челищева[191].

Помимо Ларионова, Судейкина самыми любимыми для Никиты и Нины стали Бенуа и Бакст. Да Никита Дмитриевич был и большим другом всего круга Бенуа, включая Серебряковых и Черкесовых.

Л. С. БАКСТ

Первая купленная работа

Это бегущая Ида Рубинштейн в роли Клеопатры. Большинство эрогенных зон у нее четко выражены. Это одна из характеристик театральных эскизов Бакста. Он подчеркивал эрогенные зоны со всех ракурсов: ноги и ступни, как в японских костюмах к «Фее кукол», или задницу, как в «Синей султанше», или же грудь, как у Иды Рубинштейн. И в этом — подсознательное желание обладания. Мужские фигуры у Бакста тоже очень привлекательны — Нижинский, например, в роли беотийца в балете «Нарцисс» и в роли фавна в балете «Послеполуденный отдых фавна»…

Племянницы Бакста, Мария и Берта, относились к унаследованным работам Бакста довольно небрежно, считая их присутствие в своих маленьких квартирках обременительным. Поэтому они очень охотно продавали то, что у них было, немногим желающим…

Мне очень повезло с «Синей султаншей» Бакста

— эскизом костюма Шахерезады. Он был выставлен на аукционе «Сотбис», но на лицевой стороне нет подписи

Бакста. Я сказал представителям «Сотбис», что готов купить эту работу до начала аукциона по стоимости резерва. Собственник согласился: в сделке был, в общем, двусторонний риск. Работа могла не принести ему тех денег, на которые он рассчитывал, а тут он сразу получал наличные. И вот я прихожу с картиной домой, вскрываю раму и вижу на обороте работы имя зятя Бакста — Жоржа Разаматта, его торгового представителя. «Синяя султанша» была сделана для журнала «Иллюстрасьон». Редактор попросил Бакста не подписывать работу: чтобы подпись не мешала целостности восприятия репродукции. Впоследствии я купил этот номер «Иллюстрасьон» и скоро повезу его в Питер — подарить Театральному музею, чтобы его сотрудники знали эту историю. Кстати, в «Султанше» идеально изображены задние эрогенные зоны — деликатно, привлекательно, изумительно интересно…

Динамика, элегантность, цветовая гамма

В живописных и театральных произведениях Бакста изумительная динамика. Поэтому я собиратель театральной живописи: она не статична…

В Баксте большинство понимающих в искусстве сразу видят гения. Он выделяется своей элегантностью, цветовой гаммой и динамичностью. А по сравнению с этими художественными качествами, скажем, статичный Добужинский скучен — да, его эскизы академически хороши, но в его работах нет эротики, они не заставляют работать воображение. Посмотрите на эскиз костюма Пери для Трухановой. Фигура статична, но это статичная динамика, в напряжении тела вы чувствуете движение. То же самое было у Нуреева — движение чувствовалось даже тогда, когда он стоял на сцене.

Типичного динамичного Бакста вы узнаете за 10 метров. К тому же он ввел в русскую живопись сезанновское сочетание цвета — красный с желтым — синее с зеленым. У него удивительная гамма, появляются даже лубочные или оранжево-желтым.

Береника.
Худ. Лев Бакст. 1913

Удачливый художник

Другая характеристика удачливого художника (приведем в пример Уорхола) — это то, что Бакст и Билибин — единственные русские художники в Париже, у которых в эмиграции были помощники. У Билибина — Кирилл М. Катков, у Бакста — Семен Лисим. Бакст обычно работал над лицом, а всё остальное делали подмастерья. Потом ставилась печать. На этих больших, красивых, эффектных работах он хорошо зарабатывал. Они покорили Запад после 1909 г…

Какой бы я сделал акцент в выставке Бакста

Вот вы поднимаетесь к Белому залу [выставка Л. Бакста в ГМИИ имени А. С. Пушкина в 2016 г., включившая работы из собрания Лобановых-Ростовских]. В 1984 г., когда наше собрание тут выставлялось, вдоль этой лестницы висели вырезанные из фанеры и раскрашенные костюмы Бакста

Эскиз костюма Клеопатры для Иды Рубинштейн.
Худ. Лев Бакст

в человеческий рост. Я их подарил Театральному музею в Питере. Сейчас можно было бы сделать то же самое. Был бы эффектный ход. Я бы подобрал более типичные для Бакста работы, которые производят впечатление шока. Есть два плаката, которые на самом деле — один плакат, очень редкий, трехметровый. В мире их осталось, может быть, три экземпляра. Они представлены здесь в противоположных сторонах коридора на втором этаже — это страшно обидно, по крайней мере мне, который понимает, насколько редкая это вещь. А внимание людей привлекают обычные плакаты — скажем, по два метра каждый. Но в них не заложено того впечатления шока, как от огромного плаката «Мученичество святого Себастьяна».

Люблю у Бакста

Эскиз бегущей Иды Рубинштейн. Если бы меня посадили в тюрьму второй раз, я бы попросил эту картину к себе

в «келью». Считаю, что в этой работе абсолютно выражен его талант. Успех дягилевских сезонов, в частности, и в том, что в этой среде появился Бакст. Да, сначала был «Павильон Армиды», который оформил Бенуа. Но «Шахерезада» в оформлении Бакста стала фурором, покорила Париж.

Шахрияр уходит, а Шахерезада лежит обнаженная с левой стороны сцены — я вам пошлю эскизы на эту тему… чтобы люди поняли, насколько это было шокирующе. И конечно, пышные цвета — по сравнению с тусклыми цветами барбизонской школы или школы русских передвижников!.. А тут Бакст, Гончарова появляются, изысканность Бенуа с чудными цветами… Россия не может себе представить, насколько русское искусство и музыка покорили тогда Запад — началось это со спектаклей Дягилева в 1908 г…

Главное у Бакста

— Уникальное новаторство в театральной живописи. Вся мода конца 1910–1920-х гг. была русской: с одной стороны, Бакст в Париже, а с другой — Судейкин, Ремизов и остальные, которые попали в Нью-Йорк с театром-кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева и там создали моду на русскость — шубы, шляпы…[192]

СЕМЕЙСТВО БЕНУА — ЧЕРКЕСОВЫХ

Александр Николаевич Бенуа был бесспорным лидером, новатором новой эстетики, создавший в ее свете журнал «Мир искусства», а объединение «Мира искусства» дало миру таких лидеров, как, например, Сергей Павлович Дягилев, который сделал эту интереснейшую страницу русской культуры достоянием мировой. В этом качестве он особенно привлекал внимание Никиты Дмитриевича. Послушаем, как он сам рассказывает об этом.

Мне неоднократно доводилось встречаться с представителями разных поколений знаменитой семьи Бенуа. Это

были глубоко интеллигентные одаренные художники, тонко чувствовавшие искусство, но в житейском плане зачастую совершенно не приспособленные к суровой реальности. Я приложил все усилия к тому, чтобы не было разбазарено их бесценное семейное художественное наследие.

Мне кажется, некоторые подробности жизни этой семьи могут представлять интерес для читателей. Хотя бы потому, что они объясняют, почему одни Бенуа живут в Италии, а другие — в Париже.

Александр Бенуа

Мои записки не претендуют на обстоятельность или исследовательскую глубину. Но, очевидно, имеют право на существование — как малые зерна величественной мозаики русского искусства. Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) был необычайным человеком, и мне страшно жаль, что не довелось встретиться с ним лично. Пока он был жив, я не встречался с ним, опасаясь попасть в неловкое положение: в то время я сам нуждался в деньгах и думал: «Ну, пойду к нему — и что он от меня получит?» Похожее соображение помешало мне познакомиться с Серебряковой. Бенуа сумел выработать собственный стиль, но на том и остановился. Он как бы навсегда остался в начале Серебряного века и поэтому выбирал для оформления только те постановки, которые отвечали его классическому вкусу. Единственной большой уступкой модернизму было оформление «Петрушки», благодаря которому он так хорошо известен вне России. Как художнику ему, может быть, не хватало живости стиля и проницательности, но как оформитель он умел внести в спектакль упорядоченность и гармонию, что всегда приводило к превосходным результатам на сцене.

Александр Бенуа принадлежал к небольшому числу по-настоящему цивилизованных людей. Что я этим хочу сказать? Среди русских много поистине удивительных личностей, разбирающихся в разных отраслях человеческих знаний. Таким был, например, профессор Зильберштейн. Он очень много

знал. Эрудиция Бенуа была иной. Он был цивилизованным человеком в «европейском понимании», если так можно выразиться.

То есть мог на равных беседовать и с Сартром в Париже, и с Ороско в Мехико и не чувствовать себя с ними иностранцем. Знал очень много и очень хорошо и досконально во всём разбирался. По-латыни понятие «умный» происходит от глагола *intelligere*, 'понимать' — во всех западных языках это слово произошло от того же корня.

В уникальности Александра Бенуа можно убедиться, читая вышедший в России двухтомник его воспоминаний. Уверен, когда-нибудь выйдет и третий том. Говорю это с такой определенностью потому, что получил от Анны Александровны Черкесовой (1895–1984), дочери А. Н. Бенуа, так называемый «Революционный дневник».

Никто в семье не хотел, чтобы его публиковали при жизни членов семейства Бенуа. Я передал дневник Джону Боулту, и он положил его в банк на 50 лет. Кто мог подумать, что в России произойдут — и так быстро — столь радикальные перемены!

Поэтому я написал Боулту и попросил его аннулировать 50-летний срок. Он согласился. Затем мы сдали рукопись в издательство «Русский путь» в Москве. Записки Бенуа «Мой дневник 1916–1918» были опубликованы в сентябре 2003 г.

Александр Бенуа — наиболее продуктивный из русских театральных художников, живших вне России. «Петрушку» ставили 10 раз, каждый раз — по его новым эскизам. Жил он на улице Огюст Витю, в 15-м округе Парижа, неподалеку от завода «Ситроен» — здесь обитало большинство не очень состоятельных русских. Квартира была двухэтажной, внизу — студия Бенуа, наверху — спальня и столовая. Еще одна комната была на последнем этаже: там Александр Николаевич писал воспоминания, статьи, там же хранились его книги. Дружила семья Бенуа в основном с русскими. На воскресные чаепития всегда приходили Сергей Эрнст, Дмитрий Бушен, Иссар Гурвич. Приходил и Серж Лифарь, когда ему нужно было о чем-то поговорить, посмотреть эскизы Бенуа.

После кончины Александра Николаевича его дочь Анна Александровна Черкесова жила в этой квартире с сыном. Семья жила как-то по-особому, абсолютно «независимо» от Франции: здесь никогда не платили никаких налогов, но и никогда не получали никаких пособий. Когда Анна Александровна болела, звонила в советское посольство, и оттуда приходил врач. Даже если что-то случалось с электричеством, звонили опять же в посольство, приходил электрик и приводил всё в порядок. Семья Бенуа явно не сочувствовала господствовавшему в СССР политическому строю, но они были глубоко русскими людьми и остались таковыми.

Николай Бенуа

Николай Александрович Бенуа (1901–1988) — плодовитый художник. Он во многом напоминает отца, хотя, возможно, и менее талантлив. Впервые я встретился с ним в Милане в 1967 г., где он проживал на пьяцца Мария-Аделаида, 2. Он жил в великолепной квартире, оформленной в стиле барокко. И он, и его жена была на редкость щедрыми людьми. У Николая Александровича сохранилась огромная любовь к России, привязанность к родным. Так, свою часть отцовского наследства он оставил сестре Анне Черкесовой, с тем чтобы она по мере необходимости продавала эти работы (как я уже говорил, во Франции она не могла рассчитывать на какую бы то ни было помощь государства).

Николай Александрович был обаятельным и гостеприимным человеком. Мы довольно часто обедали в его доме. Когда француза спрашивают, хорош ли был обед, тот в знак утверждения отвечает: да, мы просидели два, три, четыре часа. У Николая Александровича, как полагается в Италии, на обед всегда подавали закуски, потом спагетти, затем рыба, курица или мясо. А после десерта — непременно шампанское.

За столом он всегда что-то рассказывал — он был чудесный рассказчик. Не могу сказать, что многое привнес в его жизнь, но, по крайней мере, убедил его в одном: чтобы

Никита Дм. и Николай Александрович Бенуа.
Милан. 1980

художника не забывали, он постоянно должен быть на виду. Недостаточно быть представленным на выставках, важно быть «продаваемым» на международных аукционах в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Таким образом можно понять, как к тебе относятся коллекционеры. На Западе славу художника делают именно они. Если мастер завоевал у них авторитет, на него появляется спрос, и тогда его начинают продавать аукционы. Мне кажется, в настоящее время из современных русских художников немногие имеют большую аукционную стоимость. Кроме Булатова, Кабакова или Шемякина мало кого знают. Где бы их ни выставляли на продажу, они всегда «держат уровень».

Николай Бенуа постоянно путешествовал, принимал участие в новых постановках, и у него практически не оставалось времени привести в порядок свои бумаги и мемуары. Его просили об этом, убеждали, но его снедало желание творить, видеть свои произведения на сцене — и времени ни на что другое не оставалось. Он был уверен, что проживет до 90 лет, как его отец и дед, однако умер в 87, за полгода до основания музея Бенуа в Петергофе.

История создания этого музея вызывает у меня тяжкие воспоминания потому, что, когда в 1984 г. Николай Александрович начал это дело, он повсюду получал отказы. Он и меня просил ему помочь. Я ходил куда только возможно — к Зильберштейну, Глазунову, Вознесенскому, меня выслушивали более или менее внимательно — и всё. Дело сдвинулось с места лишь в последнее время, когда был создан Фонд культуры и Николай Александрович сам приехал в СССР. Очень помогла ему в этом директор Ленинградского театрального музея Ирина Евстигнеева, а необходимый толчок в контактах дало общество «Родина». Я счастлив, что музей наконец создан. Сейчас я предложил Фонду культуры собрать письма Н. Бенуа — их очень много и у меня, и у других — и издать их. Очень хотелось бы, чтобы его бумаги не потерялись, не разлетелись по свету[193].

Жорж и Александр Черкесовы

Жорж Черкесов — прямой потомок декабриста Василия Ивашева и Камиллы Ледантю, чья трудная и счастливая история любви широко известна в России. Не менее славен отец декабриста — генерал Петр Ивашев, начальник штаба и друг Суворова. Младшая дочь декабриста, Вера, вышла замуж за известного издателя и просветителя Александра Александровича Черкесова. Силами супругов создана «Черкесовская библиотека» в Санкт-Петербурге, считавшаяся лучшей в 1860–1870-х гг. Ныне это — Центральная городская публичная библиотека Санкт-Петербурга. Жоржа, родившегося в культурной и просвещенной дворянской семье, жизнь поначалу баловала. Он стал живописцем и книжным графиком. К 1922 г. вышло 30 иллюстрированных им книг, вместе с Кустодиевым, Анной и Николаем Бенуа он расписал трактир «Ягодка» на Троицкой улице в Москве, создал декоративные панно для театра-кабаре «Сверчок на печи» на Невском проспекте в Петрограде. Он принимал участие в выставках современной живописи и рисунка в Петрограде, Пскове, выставке «Мира искусства», но в основном был «книжным художником». Далее его судьба и судьба его сына печальны. Рассказы Никиты Дмитриевича

очень домашние, личные, но больше ни у кого вы не встретите таких частных подробностей, которые особым светом освещают трагедию российских эмигрантов в середине XX в.

— Ах, — воскликнул Николай Александрович. — У Атечки была очень тяжелая жизнь. Первым мужем был Юрий Черкесов. Он отец Александра, которого мы зовем в семье Татан… Он абсолютно апатичный.

Я знал Александра Юрьевича Черкесова: увы, задав ему вопрос, вы не могли рассчитывать на ответ.

— Да, — отвечал Николай Александрович, — на него трудно рассчитывать… он хворает. Он очаровательный человек, добрейший, но он не по веку родился, совсем не деловой. Знаете, ведь отец покончил самоубийством.

— И Татан это видел?

— Они с отцом каждый день присутствовали при расстрелах, — отвечал Николай Александрович. — Каждое утро немцы в лагере… Их же ведь посадили в лагерь, потому что они, Черкесовы, оказались с советскими паспортами. Ведь во Франции было Сопротивление. Покушения на немцев. А немцы в отместку отбирали каждого десятого и его расстреливали. Получилось, что они попали как раз в эту группу отобранных. И присутствовали при этих расстрелах. Отсчитывали раз, два, три, четыре… Десятый!

Благодаря усилиям папы, который с немцами старался как-то договориться и в конце концов всё-таки договорился, Юрия Юрьевича Черкесова выпустили вместе с сыном. Но Юрий Юрьевич вернулся уже слегка рехнувшимся. То есть нервная система была уже нарушена и потрясена… Так что вы уж не очень сердитесь на мою родню, — сказал Бенуа, — таковы обстоятельства жизни[194].

З. Е. Серебрякова

Никита Дмитриевич упорно продвигал творчество Зинаиды Серебряковой, оценив эту необычайно талантливую художницу в те времена, когда ее в Европе еще никто не знал. Он назвал ее

Екатерина Серебрякова, Александр Серебряков (дочь и сын художницы) и Нина Лобанова-Ростовская в мастерской Зинаиды Серебряковой на рю Кампань-Премьер. Париж. 1986

и подобных ей по уровню Наталью Гончарову, Александру Экстер, Веру Мухину «женщины-гиганты по таланту в русской живописи». Он подружился с ее дочерью Катей, покупает у нее работы матери, старается, чтобы они попали на аукцион «Сотсбис». Несколько лет неудач не останавливают его, и вот в 2001 г. на аукционе «Русская баня» продана за высокую и адекватную цену 626 тыс. долларов. Лиха беда начало! Так он дает новую жизнь забытой русской художнице…

К слову сказать, многие годы Лобанов — консультант и «Сотбис», и «Кристис». И оба аукциона со временем стали «гоняться» за его коллекцией. Однако же она ныне — в России.

Никита и аукционы

Они содействуют популярности и утверждению живописцев. Вот пример. Есть изумительно талантливая русская художница Зинаида Серебрякова. В 1960-е гг. спроса на ее «обнаженных» не было. Ее работы вообще не появлялись на рынке. Мне пришлось очень долго убеждать ее дочь Катю

дать несколько работ Серебряковой на аукцион «Сотбис» — не для получения денег, а для того, чтобы люди узнали о существовании художницы. Тогда в 1967 г. эти работы стоили 600 фунтов. Сегодня эти же работы стоят 600 тысяч фунтов! Таков же был мой подход к живописи Николая Бенуа. Ведь русских художников не знали в мировом контексте. А благодаря аукциону «Сотбис», его каталогам, которые распространяются по всему миру, попадают в музеи, к коллекционерам и рекламирует имя художника, работы Серебряковой теперь знают. Аукционные дома создают рейтинг и вообще объявляют миру, что есть такой художник. Коллекционеры принимают его или отвергают. Но, по крайней мере, о нем становится известно. Замечу кстати, что в 1964 г. я предложил подарить музею в Филадельфии работы Экстер. Мне ответили очень любезно письменно, что, мол, «благодарим за предложение, но не можем принять, потому что мы ее не знаем»[195].

А. А. Экстер

Основоположница конструктивизма в русском театральном оформлении и графике, Александра Экстер обязана художнику Семену Лиссиму и скульптору Владимиру Издебскому тем, что смогла выжить в парижской эмиграции в тяжкие годы Второй мировой войны и послевоенной разрухи. В частности, Лиссим внес Экстер в списки благотворительной организации «Кейр» (*Care*), и по ее адресу стали регулярно поступать продуктовые посылки. Экстер была давней любовью их общей киевской юности. Издебский тоже старался переслать ей посылки с вещами и консервами, пользуясь помощью той же организации. До конца жизни Экстер переписывалась с обоими своими друзьями, делясь горестями и печалями эмигрантской нищей жизни.

От Лиссима мы с моей первой супругой Ниной узнали, что она ушла из жизни в 1949 г., в пригороде Парижа Фонтене-о-Роз. А ее наследие — в соответствии с завещанием Экстер — было отправлено по почте Лиссиму в Нью-Йорк.

Однако мы были уверены, что кое-какие ее работы должны были оставаться в Париже. И когда в 1965 г. оказались на несколько месяцев в Париже, занялись их поисками.

В один прекрасный день мы отправились на автомобиле в Фонтене-о-Роз, безуспешно расспрашивали об Экстер в местных лавочках, удача ждала нас в мэрии, где хоть и не хотели давать последнего адреса «мадам Жорж Некрасовой» (то есть Экстер), но сдались при виде журналистского удостоверения Нины.

В доме нас тоже не ждало никакое открытие, зато дали адрес владелицы дома Иветты Анзиани. С ней мы и вступили в переписку, подробно восстановив для себя жизнь Экстер в эмиграции и получив сведения о ее творческой деятельности. Побывали и у сестры милосердия, ухаживавшей за Экстер, — ее небольшая квартира вся была заполнена работами художницы.

Но купить ее работы у меня не получалось, пока я не встретился с Лиссимом под Нью-Йорком в городке Доббз-Ферри на берегу Гудзона. У нас с Ниной тогда были весьма скудные средства, и Лиссим, зная это, а также ценя наш интерес к русской театральной живописи, пригласил нас к себе домой и устроил своеобразную выставку — но только из театральных работ, не включив абстрактные произведения маслом. И предложил… выбрать 10 работ, заплатив за каждую сколько сможем. Второго показа не будет! Выбирать следовало тщательно. Я выбрал и предложил за каждую по 30 долларов — хотя и таких денег у нас не было, но меньше предлагать было неприлично. Лиссим дал нам еще и рассрочку на два года. Заметьте — в 1989 г. на аукционе «Сотбис» работа Экстер из собрания Костаки ушла за 1 миллион долларов. Когда Семен Лиссим вышел на пенсию, он решил переселиться в солнечную Флориду, а работы Экстер решил не брать с собой, а продать. Предложил мне за 15 тыс. долларов, но в начале 1970-х такая сумма была для меня неподъемна. В результате энергичных поисков купить коллекцию с кем-то пополам, наконец, нашелся партнер — искусствовед Наков, который загорелся и организовал поддержку двух галерей, парижской и американской. А те дали

деньги на покупку, организовали реставрацию — и вот, в 1972 г. состоялась первая ретроспективная вставка Александры Экстер в Париже. А ведь еще в 1964 г. мы с Ниной выставили в музее Метрополитен часть коллекции — тогда никто и знать не знал такую художницу, выставлять ее отказались!

У Лиссима я купил и письма Экстер, в которых она рассказывала о лишениях во время войны, нищенской жизни эмиграции. Я передал их в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ) в 1970 г., вместе с архивом художника Сергея Судейкина, который я купил у его вдовы. Письма и ныне там находятся. Теперь этот архив описан и опубликован в Путеводителе по РГАЛИ за 1998 г., выпуск 7, и доступен всем интересующимся, я надеюсь. Меня огорчает, что книги о русских художниках выходят чаще за пределами России, чем в России. Среди иностранных авторов, занимающихся темой русского искусства, самый продуктивный — американец Джон Боулт. Он пишет по крайней мере по одной книге в год… [196]

А самым значимым произведением, которое купил Никита Дмитриевич, он считает «Даму на котурнах» Михаила Врубеля.

Дора Зиновьевна Коган, советско-израильский искусствовед, говорила, что с него начался весь модернизм в России, — замечает он.

Можно много было бы привести интересных рассказов Никиты Дмитриевича из нередко «детективных» историй приобретения предметов коллекции, ведь в ней 150 возрожденных имен русских художников Серебряного века. Но пора двигаться дальше. А в итоге приведем оценку Дж. Боулта, лучшего знатока собрания Лобановых.

В коллекции представлены в хронологическом порядке ведущие направления русского искусства 1890–1930-х, включающие символизм, кубофутуризм, супрематизм и конструктивизм. Не говоря о значении коллекции с точки зрения искусства и оставляя в стороне вопрос о ее

материальной ценности, художественная ее ценность определяется в первую очередь качеством произведений: их рассматривать — праздник и для глаз, и для чувств. Первоклассные работы Гончаровой, Поповой, Челищева и многих других художников, охватывающие 50-летний период, создают перспективу, позволяющую зрителю лучше понять закономерности художественного развития русской живописи... Коллекция Лобановых представляет собой... сокровищницу художественных ценностей, которые могли быть обречены на забвение и разрушение[197].

Коллекция вернулась на родину

...коллекцию русской театральной живописи я собирал в течение всей своей жизни, посещая русских художников, разбросанных волей исторических обстоятельств по всему миру... она... представляет не только художественную, но и историческую ценность, как уникальный документ.

Рад, что ныне судьба моего собрания картин связана с Россией. Она была приобретена Фондом «Константиновский», хранится в Театральном музее в Петербурге и продолжает путешествие по всему миру, а я остаюсь гидом на выставках своей коллекции[198].

Первая выставка в СССР

Состоялась в 1984 г.

В связи с 50-летием установления дипломатических отношений между США и СССР американский посол в Москве Артур Хартман решил устроить выставку коллекции Н. Д. Лобанова в посольстве. В свою резиденцию в Спасо-Хаузе он пригласил на вернисаж супругов Нину и Никиту Лобановых для проживания. Но КГБ отказал в визе, вернисаж прошел без них. Пришлось брать туристическую путевку,

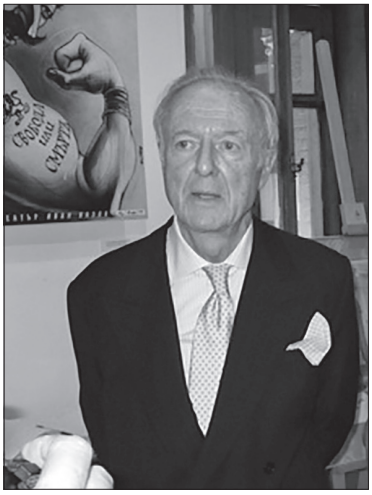
а после делать второй вернисаж. Первая выставка в России была маленькой — всего 50 работ, но она пробила дорогу второй большой фундаментальной экспозиции, до нее было еще четыре года[199].

О другой выставке, 1988 г. в ГМИИ, расскажем ниже, в связи с И. А. Антоновой. А сейчас о триумфе через почти 30-летие выставочной деятельности Лобанова в России.

Выставка из коллекции Лобановых-Ростовских «Прорыв»!

***Русское театрально-декорационное искусство. 1870–1930.* Москва. Музей имени А. А. Бахрушина. 11.12 2015–15.02.2016**

На рубеже 2015–2016 гг. с грандиозным успехом прошла выставка, представлявшая работы из коллекции Лобановых-Ростовских. Люди стояли в очередях в слякотную и дождливую погоду, возвращались вновь в залы бахрушинского музея. Увы, она замалчивалась. И была слишком краткосрочной — всего два месяца. Слава Богу, ее каталог представляет собой по-настоящему научную энциклопедию художников и их работ, представленных на выставке[200].



Никита Дм. Выставка «Прорыв». Музей имени А. А. Бахрушина. Москва. 2015

Князь Лобанов-Ростовский вернул русскому театрально-декорационному искусству Серебряного века подлинную цену.

Выставка «Прорыв» при почти полном отсутствии прессы собрала значительное количество посетителей. И не раз я услышала в залах: «Неужели эта выдающаяся выставка рассеется

по запасникам Москвы и Петербурга? Это же хрестоматийное собрание! Путеводитель по Серебряному веку!»

В результате неустанных трудов Никиты Дмитриевича, щедрых даров, продуманных проектов отношение в европейском мире к русским художникам поменялось. Лобановы показали свое собрание в 50 музеях Европы, Японии и США. В 1966 г. выставка из коллекции Лобановых-Ростовских в Метрополитен-музее Нью-Йорка собирала тысячи посетителей. После нее за четверть века в США состоялось 30 выставок.

Кроме того, у супругов-коллекционеров была концепция, которую сам Никита Дмитриевич немногословно и ясно объясняет, тяготея к строгости мысли. Во-первых, Серебряный век увлекает собирателей не только открытиями в живописи, но необыкновенно мощным развитием всех направлений жизни в России. Он считает этот период вкладом России в мировую культуру. Во-вторых, театрально-декорационная живопись у русских художников этого периода — Бенуа, Коровина, Малевича, Экстер и пр. — не стала чем-то второстепенным по отношению к станковой. В ней самодостаточно проявились художественные инновации эпохи, она сумела выразить *все* течения, сложившиеся в искусстве. В-третьих, эта живопись динамична, и что особенно восхищает — динамична даже в своей статике, мимолетности и эскизности. А в-четвертых, она радует глаз. «Эта живопись красива, ею хочется любоваться, это для меня было важно», — говорит Никита Дмитриевич.

Коллекция перешла в собственность санкт-петербургского Музея музыкального и театрального искусства. Выставка «Прорыв» включала 200 экспонатов из коллекции Лобановых-Ростовских, хранящихся в санкт-петербургском Театральном музее и московском Музее имени А. А. Бахрушина. К коллекции были добавлены экспонаты из фондов этих музеев. Выставка колоссальна по материалу, претендуя на полноту охвата этого явления. Куратором выставки стала известный искусствовед Светлана Джафарова. Здесь мы видим работы Врубеля и Лисицкого, Билибина и Экстер, Бакста и Гончаровой, Шагала и Кандинского, получившие всеобщую известность и публикуемые всюду — от обложек журналов до ресторанных меню. Но тут же многие впервые увидят не менее интересные произведения Федоровского, Сологуба, Бобышова. Есть даже такие раритеты, как рисунки драматурга

Эрдмана, кинорежиссера Эйзенштейна, театрального режиссера Акимова. В эти дни в Бахрушинском музее было светло от красоты, тесно от изобилия и уютно.

Важно и то, что мы увидели не только работы художников, но и афиши, программы — они представляют как бы мгновенный снимок бегущего времени. Как остро и выразительно воспринимаются сегодня две как будто заурядные афиши времени начала 30-х гг.: спектакль «Радость», где буквы из бетона, которыми выложено это легкое слово, тяжелым грузом придавили бумагу, и спектакль «Страх», где последняя буква слова кровавой струйкой стекает вниз листа…

В Бахрушинском была воссоздана *энциклопедия* Серебряного века, присутствующая в коллекции Лобановых-Ростовских, как утверждал Джон Боулт: вся история русского искусства модерн, от неорусского стиля и символизма, через кубофутуризм и супрематизм, до конструктивизма и социалистического реализма. «Идея объединения очень серьезна, и выставка получилась невероятно масштабной: более 600 произведений живописи, графики, афиш и макетов. Никто ранее подобного пути не проходил», — сказал тогдашний директор музея Д. В. Родионов.

> На выставке была представлена стремительная смена более двадцати «измов»... экспонировались... эскизы ста лучших художников в трех небольших залах главного здания Бахрушинского музея. Такого количества театральных шедевров, кажется, никто никогда не собирал вместе. Небольшие размеры самих произведений и ковровая развеска блоками с потолка до пола напоминали мозаичное панно. Выставка с высокими стенами без окон и перегородками в центре залов, окрашенными в разные оттенки от сиреневого до алого, черного и белого, которые соответствовали тому или иному стилю и направлению, могла восприниматься как необычная шкатулка со сверкающими драгоценностями[201].

«Я всего лишь выполнил долг русского человека перед Россией, в которой не был рожден», — цитирует Никиту Светлана Балашова и продолжает: — Да, выполнил долг

перед отчизной, сохранив для нее то, что, казалось, кануло в вечность, разнеслось революционным вихрем по белу свету, пылилось в сундуках, на чердаках, в развалах букинистов, а случалось, в виде неких «пустячных» картинок анонимных авторов по стенам убогих таверн…[202]

В этом случае музей А. А. Бахрушина выполнил не только просветительскую, но ту функцию учебно-университетского музея, которую, например, хотели в свое время придать Музею изящных искусств императора Александра III (ныне ГМИИ имени А. С. Пушкина). По нашему мнению, выставка была вполне достойна не только малотиражного каталога, а общеупотребительного для российских гимназий, художественных училищ и вузов учебного пособия с соответствующим грифом министерства: «Энциклопедия Лобановых-Ростовских по театрально-декорационному искусству Серебряного века»…

Глава XVII

ПРЯНЫЙ И ХИТРЫЙ ВОСТОК

Покорение

Вернемся в 1960-е гг. Новый барьер Никитой преодолен на пути к солидному и прочному финансовому положению и статусу в обществе. В 1963 г. скучные дисциплины освоены в Высшей школе бизнеса при Нью-Йоркском университете, которую он с самого начала совмещал с работой в банке. Никита прошел все ступени банковского работника.

С 1967 г.: помощник вице-президента компании «Пруденшиал».

С 1970 г.: вице-президент и заведующий отделением по Европе, Африке и Ближнему Востоку в «Уэллс Фарго банк».

С 1987 г.: работа в алмазной компании «Де Бирс».

Таковы «этапы большого пути» к вершинам банковской стратегии.

Казалось бы, теперь жизнь Никиты стала респектабельной — и одновременно размеренной, спокойной, предугадываемой? Нет, не такова его натура. Открывается новая глава приключенческого романа. Вот как он сам говорит об этом периоде.

> Я много где трудился и много с кем вел дела. Контакты обширнейшие... От премьер-министра Ирана Аббаса Ховейда, а затем Джамшида Амузегара, до члена ЦК и посла СССР в Лондоне Леонида Замятина; от руководства компании «Де Бирс» до афганских полевых командиров, в числе

которых был и знаменитый позже террорист Усама бен Ладен (он, как и многие другие афганские и пакистанские полевые командиры, был клиентом нашего банка).

С кем я только не встречался… Шпионы из ЦРУ, из КГБ, из английской разведки, коммерсанты, банкиры всех видов и мастей, торговцы оружием, бриллиантами, нефтью… Я знал Галину Брежневу и однажды даже умудрился оказать ей ценную услугу. Я дружу с герцогом Кентским и его братом, принцем Майклом. В университетские годы дружил и до сих пор дружу с их сестрой, принцессой Александрой, гостил в их имении «Копинз». А также и с принцессой Маргарет, сестрой королевы. Я встречался с Юрием Андроповым…[203]

К Андропову мы вернемся чуть позже, а сейчас — рассказ Никиты о хитро устроенном финансовом мире Востока, об его контактах с Усамой бен Ладеном и других удивительных вещах, о которых читатель точно не узнал бы ни от кого другого! Друг Никиты, видный политический деятель Румен Петков, председатель болгарской партии «АБВ», метко нарисовал важную его черту: «Вы славитесь тем, что говорите на темы, на которые не принято говорить. И некоторые Ваши суждения многим не подходят, включая меня самого». Вот и тут Никита Дмитриевич рассказывал только о личных впечатлениях и прямо высказывал личные мнения, кого бы и как они ни задевали.

«Да, я с Усамой работал»

Мы столкнулись с ним в Саудовской Аравии. Я работал ростовщиком в банке в США, а он был самым большим «сарафином» — менялой денег в Дахране. В 1960–1970-х годах некоторые такие менялы были мощнее местных банков в странах Ближнего Востока, таких как Кувейт или Саудовская Аравия. Если вам надо было перевести значительное количество долларов в тот же день (это называется «федеральные фонды»), то единственным менялой, который мог это осуществить в городе Дахран, был Усама. Мы работали с ним очень активно… Вначале он работал с отцом в их

обменной конторе в Джеде. Но после того, как он разошелся с семьей, он открыл свое самостоятельное дело на восточном побережье в Дахране.

А вы знаете, что семья бен Ладенов из потомков древних евреев? После того, как Моисей с иудеями пересек Красное море, чтобы бежать из Египта, одно из племен Авраама отделилось от Моисея и пошло прямо на юго-восток, вдоль Красного моря, до побережья Аденского пролива. Это побережье называется Хадрамаут. Они там осели. Во время войны Северного Йемена, которому помогал Египет против Южного Йемена, занимающего Хадрамаут султаната Лахдж, султан Южного Йемена потерпел поражение. Это и следовало ожидать, ибо коалицией египетских и северойеменских войск издалека командовал последний маршал Советского Союза — Василий Иванович Петров. Часть более предприимчивого населения Южного Йемена эмигрировала в Саудовскую Аравию, и большинство людей поселилось в городе Джедда. В 1960-х годах одна из пяти ведущих семей в Джедде была персидского происхождения, одна — из местных хиджази — это выходцы из бывшего королевства Хиджаз, управляемого до 1925 г. хашимитской династией и аннексированного домом Аль Сауд, а три остальные — выходцы из Южного Йемена.

Король Ибн-Сауд признавал их красные паспорта султана Южного Йемена и давал им возможность работать. Они начали работать, как многие, менялами, ибо Джедда — это порт около Мекки, куда направлялись правоверные со всего мира. Всем паломникам нужно было менять деньги, а также, когда деньги кончались, нужен был посредник, кому можно было продать личное имущество. Отец Усамы преуспел — основал самую успешную строительную фирму на Ближнем Востоке, которая процветает и по сей день. Отец не ладил с Усамой, ибо, как говорят, Усама сильно переживал социальное неравенство в стране, где тысячи родственников Ибн-Сауда делят нефтяные доходы страны и раздают только мелочь своим подданным.

Как я уже говорил, Усаме пришлось уехать из Джедды — на западном побережье, в Дахрам — на восточном

побережье Саудовской Аравии, которое напротив Ирана и преимущественно заселено шиитами. Здесь он утвердил себя как удачный и процветающий меняла денег… Усама был уважаемым человеком. В финансовых кругах вам скажут, что он — один из самых исполнительных людей, на него можно было положиться. Никакая разведка не смогла вникнуть в его финансовые дела. Во всех этих странах деньги пересылаются менялами не в обычном порядке, а через знакомых, родных, используя засекреченные инструкции…

Никита не боялся иметь с ним дело

Саудовская Аравия — это теократическая диктатура. За каждым иностранцем там слежка. Наподобие СССР в 1930-х гг. Поэтому «топтуны» следят, но и охраняют…

Мир исламского Востока и его психология

…находится в наступательном развитии и процветании. Меня этот мир интересовал как объект древнейшей культуры. А также и профессионально. Будучи банкиром, я наблюдал, как исламские страны на Ближнем Востоке оказались большим очагом неиспользованных долларов. Всем банкам нужны «лишние» вклады, чтобы их затем давать напрокат и зарабатывать на ставках. Это случилось после того, как Иран инициировал повышение цен на нефть. В 1974 г. шах Мохаммед Пехлеви увеличил цену на нефть в четыре раза. Президент Никсон и госсекретарь Киссинджер не предприняли никаких усилий удержать Саудовскую Аравию, чтобы она не последовала шагу Ирана. Поэтому цены на нефть продолжали расти. Производители нефти относительно отсталых и бедных стран Ближнего Востока начали чрезмерно богатеть с этой поры…

Среди моих обязанностей в банке было руководство отделом Ближнего Востока. От Марокко на севере Африки до Пакистана. К сожалению, я не говорю по-арабски

в отличие от графа Петра Петровича Шереметева. Знание арабского позволило графу Шереметеву заработать тогда свои первые большие деньги в Саудовской Аравии. То, что с ним случилось, очень интересно… Он был на переговорах в Саудовской Аравии относительно большого контракта на строительство жилья. Его визави в его присутствии переговаривались между собой по-арабски, не желая давать ему этот заказ. Он прервал их разговор и обратился к шейху, сказав ему, что говорит по-арабски. Шейх был настолько удивлен откровенностью графа, что дал ему контракт на массовое строительство жилых домов. Это пример отношения восточного мира.

Мне было интересно понять хотя бы часть исламской психологии. Для этого я погрузился в священный Коран. И перелистывал его ежемесячно. Знание Корана дает возможность беседовать с любым мусульманином…

Архитектура исламской мечети для меня — наиболее близкий вид мусульманского искусства. В юношестве в Софии я ежедневно ходил на тренировки по плаванию, в центральную баню. Она построена поверх источников горячей воды в центре Софии возле мечети *Banya Bashi*. Я часто заходил в мечеть и восхищался ею, большим пространством для молящихся. Ибо им нужно место, на котором все вместе они могут стать на колени и поклониться Всевышнему. Плюс множество куполов, освящающих внутренность мечети. Строитель этой мечети, построенной в 1566 г., Мимар Синан, будучи инженером-строителем, а не архитектором, благодаря своему гению стал главным и незаменимым архитектором султана Сулеймана Первого. Много лет спустя мне посчастливилось увидеть его блестящие достижения в Стамбуле, включая мечеть Сулеймана Великолепного…

Я постарался побывать во всех главных мечетях исламского мира, начиная на западе с хаджа и мечети в городе Кайруан, в Тунисе, до шиитской святыни имама Резы в городе Мешхед в Иране. Туда вход запрещен неправоверным. До золотой решетки у гроба имама меня провел знакомый сараф. Мы оба шли в толпе, молвя суру Корана. В Мекку я не посмел сходить. В 1970-х гг. таксисты рисковали проводить

туда неверующего за 50 долларов. Я знал, что, если меня поймают, мне невозможно будет оправдаться по анатомическим причинам. А выйти из саудовской тюрьмы без наказания почти невозможно даже при «крыше» местного олигарха. Зато в шиитской мечети 3-го исламского халифа Али, зятя пророка Магомеда, в городе Мазари Шариф доступ был относительно свободен. Есть два гроба халифа Али. Иракцы уверяют, что после убийства Али был погребен в городе Наджаф, в Ираке. А афганцы утверждают, что белый верблюд донес тело Али до Мазари Шарифа, где оно хранится в огромной Синей мечети.

Афганистан

…был для меня наиболее близкой исламской страной. Я там бывал четыре раза в год в 1970-х гг. и имел много друзей среди местного населения и членов королевской семьи. Главным магнитом в стране для меня была скульптура Гандара. Я с ней познакомился в музее *Guimet* — это музей Востока в Париже — в 1953 г. Надя Жорж-Пико, мать моей первой супруги Нины, обратила мое внимание на эту скульптуру, несмотря на то что в те годы эта скульптура не была востребована коллекционерами. Она считалась гибридной, ибо это — результат производства ремесленников и скульпторов, оставшихся в Афганистане после ухода армии Александра Македонского из Индии. Эти скульпторы, создавая бюсты Будды и скульптурные темы буддийской мифологии, строили лица и тела по канонам греческой скульптуры, добавляя местные акценты, такие как усы или одеяние…

Афганистан — неперспективная, неуправляемая страна. Зато очень интересно наблюдать ее издалека, ибо там постоянно что-то происходит. Наблюдать, как она саморазрушается, с европейской точки зрения. Афганистан — не монолитная страна —это конгломерат национальностей, племен и языков. Подобно Египту и Израилю, она не может существовать без ежегодного дарения ей капитала извне. Но, в отличие от Египта, — это искусственная страна,

Нина, проводник, Никита. Афганистан

созданная великими державами, как буфер между амбициями России и Англии. При любом режиме внутренние противоречия приведут к разделу страны, наверное, при помощи оружия. Для начала узбеки и пуштуны разделят страну. Затем Пакистан будет продолжать поддерживать дестабилизацию страны. В дальнейшем Китай и Россия вмешаются. Стабильность в Афганистане могла бы дать ей возможность получать транзитные деньги от трубопровода из Туркменистана в Индию, которая является единственным потенциальным массовым потребителем туркменского газа. Это было бы идеально для всех трех стран…

Тегеран

Это — большой город у подножия горы, где было интересно жить. Светская жизнь была насыщена приезжими, теми, кто желал воспользоваться неожиданно разбогатевшей страной. Я люблю иранскую пищу. Как, например, «челу кебаб кубиде» — шашлык с помидорами и с изумительно вкусным иранским рисом. Даже в те годы Иран запрещал вывоз больше одного килограмма этого риса. В магазинах *Duty-free* в аэропорту продавались мешочки с рисом весом 500 граммов, как лакомые подарки улетающим…

Фезенджан, тушеная курица с гранатом и грецкими орехами — еще одно фирменное блюдо Ирана, которое продолжает быть моим выбором в персидских ресторанах. В 1970-х гг. эта страна напоминала Россию 1914 г. Изумительный рост экономики, обогащение элиты при отсутствии значительного улучшения быта у крестьянства. Постепенная изоляция иранского шаха от реальности, которая, после его заболевания раком, возросла и сделала шаха неэффективным правителем. Он был окружен, как и Брежнев, людьми, которые ему говорили то, что, как они считали, ему будет приятно слышать… У нас было много друзей в Тегеране среди коллекционеров ковров, таких как Парвиз Танаволи, и коллекционеров портретов каджарского периода, таких как Фарман Фармаян. Во время наших частых поездок в Иран Нина регулярно присутствовала на вечерах клуба коллекционеров ковров. Его главным локомотивом была Дженни Хаусго, супруга корреспондента «Файнэншл таймс». Мои знакомые сарафы — менялы — открыто говорили о своем недовольстве режимом и монархом и ждали его кончины. Несмотря на то что наш банк очень доходно работал в Иране и иранские депозиты в банке превышали одолжения банком Ирану, я противился открытию представительства банка в Тегеране, предвидя падение шаха. Это мне удалось сделать только незадолго до моего ухода из банка, когда в 1979 г. мы переехали в Лондон…

В 1976 г., будучи в Тегеране с президентом нашего банка Диком Кули, мы навестили американского посла Ричарда Хелмса. До этого Хелмс возглавлял ЦРУ. Целью визита было узнать его мнение о состоянии Ирана в контексте значительных кредитов, предоставленных банком частному сектору, иногда с гарантией от религиозных исламских фондов. Хелмс, не стесняясь, говорил о его бессилии уведомить президента и администрацию США о гибельной ситуации в стране. Его шифровки в Вашингтоне игнорировали. Практически связь между США и Ираном велась посредством военных ведомств обеих стран. По аналогии отношений СССР и Италии в 1960–1970-х годах. Тогда все значимые экономические дела велись через итальянскую

компартию. Итальянские послы — Пьеро Винчи, друг моего отца по Софии, а за ним и Фердинандо Салео, с которым до этого мы дружили в Нью-Йорке, жаловались на то, что им нечего делать в Москве. Каждый из них делился своим желанием как можно быстрее закончить назначение в Москве, ибо они теряли профессиональное время, будучи в роли протокольных пешек. Пагубное решение Никсона, который, как и шах, верил в мощь иранской армии и крепкую хватку разведки Савак. Они полагали это достаточным для того, чтобы предотвратить любой переворот, но представления оказались необоснованными. После визита к послу США нас принял на обед в своем кабинете премьер Амузегар. Я заранее его предупредил, что Дик Кули мало ест в обеденное время и пьет только водку. Ничего другого. Мне было неудобно сказать, что я непьющий, и пришлось уплетать первоклассную икру, не запивая.

О коррупции

Мы дружили с премьер-министром Ирана Джамшидом Амузегаром. Он был давний знакомый отца Нины. Говорил он по-французски и по-английски. Однажды Нина обедала одна с ним в ресторане гостиницы «Интерконтиненталь», где мы обычно останавливались, будучи в Тегеране. После обеда, в лобби гостиницы, Марио Дурсо, наш друг по Нью-Йорку, подошел к Нине и предложил ей десять тысяч долларов, если она познакомит его с Амузегаром. По нынешней стоимости — это сто тысяч долларов. Марио работал в частном банке в Нью-Йорке. Доступ к премьеру мог ему открыть доступ к государственным финансовым делам. Конечно, Нина отказалась от его предложения. Затем он стал зам. министра внешней торговли в Италии. Лидером взяточников была Ашраф, старшая сестра шаха. Через нее проходили все крупные контракты, с которых она брала десять процентов. Ее экстравагантный образ жизни был очевиден и подтверждал баснословные расходы.

Политики европейского типа

Могу отозваться только о двух премьер-министрах Ирана, с которыми я был знаком. Это Амир Аббас Ховейда и Джамшид Амузегар, о котором я упомянул выше. Оба учились за рубежом. Оба говорили на многих языках. Одевались элегантно, на европейский манер. Я не был на государственных приемах и не видел их в роскошных служебных мундирах с многочисленными орденами. Они могли бы быть удачливыми политическими деятелями, например, во Франции или США.

Ховейда, будучи интеллектуалом и полиглотом, чувствовал себя совершенно уверенным среди интеллектуалов и мировых лидеров. Как и, в меньшей степени, Амузегар. Во время встреч с ними у меня не было ощущения, что я имею дело с восточными людьми. Владение английским языком без акцента в разговорах не напоминало об их национальности. Однажды в самолете «Боинг-747», на тогдашней авиалинии *PanAm* я очутился в ночном рейсе из Тегерана в Нью-Йорк вместе с Амузегаром, в бизнес-классе. Вместо того чтобы лететь в кресле первого класса, Амузегар расположился на четырех сиденьях в средней части бизнес-класса. И так спал, удобнее, чем в кресле первого класса. А два охранника сидели по обеим сторонам через проход. В Нью-Йорке он останавливался в гостинице *Pierre*, на углу 61-й улицы и 5-й авеню. Он меня приглашал наедине на обед в гостиницу, зная, что я, как муж дочери его друга, его не подведу, ибо он чувствовал себя политически уязвимым…

Амузегар был непопулярен среди масс из-за того, что он старался провести необходимые разумные финансовые реформы, которые сокращали расходы казны. Не был взяточником. И шах его удалил с целью отвлечь недовольство народа, вследствие чего Амузегар уехал в США. Это спасло ему жизнь, в отличие от Ховейды, который, несмотря на уговоры близких, не бежал из страны, думая, что суд его помилует. Новые власти отомстили ему за статью, в которой Ховейда характеризовал имама Хомейни в самых отрицательных тонах.

Династия хашимитов, управляющих Иорданией

Я хорошо знал младшего брата короля Иордании — Хусейна, принца Хасана бин Талал. Он был необычным многогранным человеком. Его дед, Шариф Хуссейн бин Али, был из рода хашимитов — прямой потомок пророка Магомеда. Он был эмиром Мекки, а затем, в 1916 г., стал королем Хиджаза. Семья эмира охраняла Мекку с 1901-го по 1921-й. Как потомок пророка Магомеда (вечная ему память) и будучи престолонаследником до 1999 г., он пользовался доверием и уважением в исламском мире. Нас объединило то, что он учился в школе *Harrow*, где учился мой отец, а в университете он был в колледже *Christ Church* в Оксфорде, где я учился четыре года. Плюс у нас был общий интерес к Ближнему Востоку: для меня — профессиональный, в качестве ростовщика в странах Ближнего Востока, а для него — научный. Этот регион был темой его учебы и диссертации на звание магистра в Оксфорде… Беседовали мы [на темы современной политики], в том числе о возможных вариантах решения израильско-палестинского вопроса.

Хасан был оптимистом. Он отдал много времени и сил на мобилизацию лидеров множества стран, дабы заручиться их давлением на Израиль, чтобы убедить Израиль согласиться на признание Палестины как независимого государства и вернуть палестинцам оккупированные Израилем палестинские территории… Зная, что еврейское лобби и количество голосов еврейских избирателей во многом решают политику США в делах на Ближнем Востоке, я выражал свое сомнение. Израилю необходимы палестинские земли для того, чтобы селить там растущее население страны. Этому Израиль придает легитимность постоянно, напоминая о том, что Иудея и Самария территориально входят в понятие Земли обетованной и даны Израилю Господом Богом, как указано в Ветхом Завете. За последние семьдесят лет, несмотря на ежегодные разные предложения об урегулировании конфликта, вопрос остается нерешенным. И не будет решен, пока США являются военно-доминирующей страной, а исламский мир не добьется военной мощи, превышающей возможности Израиля.

Как известно, последний иранских шах называл себя «царем царей» и организовал самый дорогой в истории праздничный банкет по случаю 2500-летия Ирана. На этот банкет съехалось большинство монархов и руководителей государств, кроме английской королевы, которая отправила к «царю царей» свою дочь Анну и своего супруга Филиппа — герцога Эдинбургского. Да, этот банкет был самым грандиозным банкетом всех времен. Это подтверждает каталог Гиннесса о мировых рекордах. Поводом к такой безграничной экстравагантности было глубокое чувство неадекватности шаха. Да и ощутимое неуважение традиционных монархов Европы к нему. Плюс накопившееся унижение Ирана от наглой эксплуатации нефтяных богатств, главным образом, со стороны Британии и США. Вот почему он хотел всем доказать, кто ныне «шахиншах»… Этот праздник был неразумным жестом честолюбивого и униженного монарха. Никому из его окружения не удалось его переубедить этого не делать. Николаю Подгорному выпала доля представлять СССР на этом банкете, о чем он оставил свои воспоминания. Здесь стоит, наверное, вспомнить о чувстве меры.

Не потомственный шах

Началось это с того момента, как иранский парламент сверг с престола потомственного монарха Ахмада-шаха Каджара в 1925 г. и посадил на его место армейского генерала Резу Хана в качестве нового шаха Персии. Его отец был сержантом в русской армии. В 1935 г. Реза переименовал страну в Иран. В 1941 г., в результате вторжения советской и британской армий в Иран, шах Реза был свергнут с престола. На место шаха посадили его сына, Мохаммеда Резу. Спустя 12 лет, в 1953 г., совместными усилиями ЦРУ и МИ6 был свергнут Мосадек с поста премьер-министра Ирана за то, что он национализировал нефтяную индустрию. Руководителем свержения на месте был Кермит Рузвельт — внук президента Тедди Рузвельта и старший оперативник ЦРУ. Как и его начальник, Аллен Даллес, брат госсекретаря

в администрации Кеннеди, с которым мы были знакомы, Кермит был приятным человеком и интересным собеседником. Мы с ним общались в конце 1950-х и 1960-х гг. на острове Нантакет — это час полета на север от Нью-Йорка. Нина была дружна с семьей замдиректора ЦРУ, Джейми Эндрюса, у которого она провела годы войны, будучи эвакуированной из Франции в Вашингтон. Эндрюс имели дачу на острове, на берегу океана, где мы ежегодно проводили летние каникулы и уик-энды. Рузвельт часто навещал Эндрюса или же мы часто ходили к нему на дачу неподалеку. Меня удивляло несоответствие в моем воображении его благообразного, элегантного, светского облика с деятельностью подпольного террориста в Тегеране. Эти произвольные вмешательства великих держав в судьбу Ирана глубоко морально ранили шаха Мохаммеда и побуждали его свести счеты, показав всем, кто ныне самостоятельно правит Ираном… [204]

И вот еще захватывающие истории, рассказанные любознательным очевидцем Никитой.

Многие племена Ирана и Афганистана жили — да и некоторые сейчас продолжают жить — за счет контрабанды. Но, с их точки зрения, это не является криминальным занятием. Потому что для правоверного не существует концепции государственных границ. Эти племена с давних времен торговали друг с другом, минуя границы. Последние представляют, с их точки зрения, искусственное нарушение их жизненного ареала. Потому-то я очень уважал ведущих контрабандистов этого региона. В Карачи, например, я встречался с человеком, которому был вынесен приговор «kill on sight», то есть полиции был отдан приказ убить его на месте при обнаружении. Он был очень крупным торговцем зерном, рисом, золотом и прочим. Еще я дружил с одним из главных контрабандистов в граничащем с Афганистаном пакистанском городе Пешаваре — Хаджи Мохадом Авзалом. Тогда в Пешаваре мощь контрабандиста измерялась количеством грузовиков, которое можно было разместить в саду своего дома…

Подписание документов. Никита Дм. справа. «Сонатраш» (Алжирская государственная нефтегазовая компания). 1971

И вот «парковка» в саду дома Авзала в Пешаваре вмещала до 50 грузовиков. Я не шучу. Он, кстати, был очень забавный человек, однажды заключил пари с таможенным управлением в г. Равалпинди, прежней столицы Пакистана, что в какой-то день провезет золото через таможню аэропорта и, если его поймают, он заплатит таможне 10 тысяч долларов. Он провез килограмм золота. И его не поймали! Вам, возможно, трудно распознать, как он это сделал, ибо для этого надо немного разбираться в химии. Так вот скажу, не вдаваясь в подробности. Золото при реакции со смесью одного объема концентрированной азотной кислоты и трех объемов концентрированной соляной кислоты (эту смесь издавна называют «царской водкой», или *Aqua Regia*) растворяется и превращается в соль. Так вот хаджи Мохад превратил золото в соль в своем саду, растворил полученное в воде. Затем в этот таз с раствором погрузил свою джалабу (это такой традиционный белый халат) и, пропитав его, повесил сушиться на солнце. Затем надел его на себя и проследовал к таможенному посту, который находился рядом с аэропортом. Да, в те времена не было рамок с детекторами, так что все было, что говорится, шито-крыто — он через границу прошел…

Отправляясь обратно, опустил опять халат в воду, потом воду испарил, получил соль, а из нее «выжал» золото…

Коррупция не только в Афганистане. В Индии, например, без этого невозможно жить. Да что Индия, возьмите Италию, например! 40 % экономики этой страны — а она больше российской — основана на итальянском принципе *arrangiarsi*, то есть «договоримся» — с налоговым управлением, мафией, правительством, с тем или другим чиновником и т. д. И что? Приятные люди итальянцы, многое у них хорошо[205].

1970-е и первая половина 1980-х. Никита — банкир одного из крупнейших банков США *Wells Fargo*, а потом представитель британского *International Resources and Finance Bank* на Ближнем и Среднем Востоке

Помимо заданий работодателя моя инициатива тоже была. Я ведь зарабатывал деньги! И не только по приказу. Я как Стаханов — перевыполнял задания всегда!.. И сочувствовал этим племенам — афганцам, иранцам, пенджабцам, белуджи… Я просто был рад им помочь, принимая на их счета в нашем банке их деньги…

Источники денег, шедших через западные банки по системе «хавала», — нефть, наркотики и контрабанда

Так оно и есть. Но я бы сказал еще и о более серьезных деньгах, появившихся в этом регионе после того, как в 1973 г. иранский шах Реза Пехлеви многократно повысил стоимость нефти. И его тут же поддержал король Саудовской Аравии Фейсал Аль Сауд. А за ним последовали Эмираты. Это тогда взбесило США и привело к финансовому коллапсу во всем мире.

Вскоре был создан ОПЕК. Вашингтон начал было бороться против продажи нефти по столь возросшим ценам, но как? Ведь нельзя было столь быстро нарастить производство нефти в Венесуэле, России и других странах, чтобы сбить цену. Вот тут и посыпались эти огромные количества долларов на правоверных. Началось накопление богатств

в размерах, аналогичных тем, что двумя десятилетиями позже, в 1990-х гг., начали скапливаться в России у олигархов. Это и объясняет, почему наш банк *Wells Fargo* открыл филиал в Дубае — *Dubai bank Ltd*. Кстати, в ту эпоху там практически вообще не было исламских банков (работающих на принципах шариата). А те, которые там уже были — обычные британские и пакистанские банки, — платили проценты по депозитам. И вот этим бедным правоверным приходилось держать деньги в банках «гафуров», которые зарабатывали на хранящихся у них деньгах клиентов.

И вот тут возникли мы! Представляете, какой заработок у нас появился! Деньги, полученные от клиентов, как бы давались нам «на депозит», причем «бесплатно», не требуя процентов. Что давало нам большую маржу, когда другие брали у нас эти же деньги «напрокат», то есть в виде кредитов. Поэтому я и зарабатывал тогда большие деньги, хотя я и вкалывал по 12–14 часов в день…

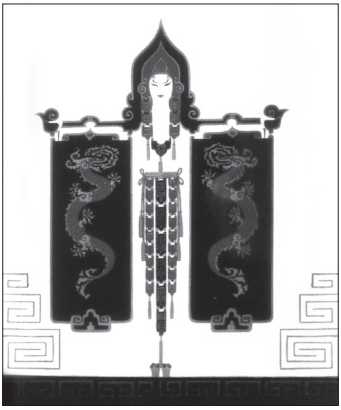
Будучи вице-президентом банка, отвечавшим за этот регион, я был как бы членом правления в своем банке, это как, например, быть членом политбюро ЦК КПСС. В те времена я мог одалживать до 10 млн долларов *за моей подписью*, свыше этой суммы требовалась еще и подпись моего куратора, а когда 100 млн и больше, требовалось решение Совета директоров. В общем, мы получали миллиарды долларов исламских денег, и мы на них очень неплохо зарабатывали. Кстати, тогда-то и кончилась эта бандитская деятельность контрабандистов в Эмиратах, они перешли от контрабанды к классическим, так сказать, видам бизнеса[206].

Личность и бизнес. Эрнст Абракл

Никита был бы не Никита, если бы и в сфере бизнеса не находил интересных людей, личности которых открывали для него новые горизонты жизни. При всей его закрытости общение, дружба, обмен мнениями, желание учиться у других — важнейшая его потребность. Он и здесь собиратель. Он умеет искренне восхищаться талантами, ценить людей. Предан душой старым друзьям.

Всегда старается не потерять их в коловращениях жизни, вопреки идейным, политическим, психологическим разногласиям, расстоянию, долгим разлукам. Чаще всего ему это удается. И вот новый персонаж.

> Очень ярким примером был председатель совета директоров банка Эрнст Абракл. Однажды мы поехали с ним в Анкару. И он попросил сходить с ним на рынок. Я удивился. Он внимательно изучал цены на продукты. Я задал вопрос: что Вас интригует? — Абракл ответил: Я сомневаюсь в статистике, опубликованной в печати. Мне важно видеть, что платит народ за продукты, и привести это в соответствие с его зарплатой. Меня этот пример навел на рациональный подход — сомневаться в финансовой пропаганде, а углубляться опытным путем в суть вопроса… Научился у него, например, тому, что стоит менять профессию каждые 10 лет. Этот же человек, Эрнст Абракл, был ранее президентом университета Стаффорда, а еще ранее — президентом рекламной компании. Его принцип был в том, что человек после 7–10 лет пребывания на том же месте перестает быть новатором, а становится менеджером повседневных дел, перестав быть локомотивом нового в своем деле. И потому нужно регулярно менять профессии, потому что каждая понуждает вносить в вашу деятельность нечто новое. И мне удавалось — по разным обстоятельствам, так складывалось — менять профессию примерно раз в семь лет[207].



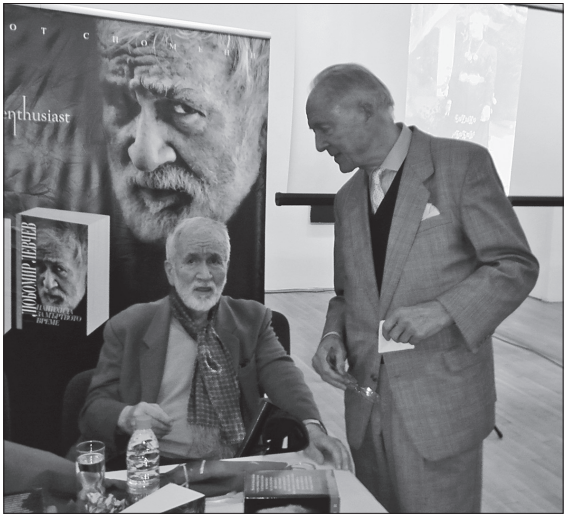
Глава XVIII

ДВЕРЬ ПРИОТКРЫЛАСЬ

Возвращение через 20 лет. Заём Болгарии

Жизнь протекала для него теперь в мире благополучия, дивно пахнущих кожаных чемоданов, прекрасных отелей, обедов в экзотических ресторанах с людьми иных культур, в приключениях по миру Востока, в увлекательной жесткой схватке с бизнесом, где Никита вдоволь мог проявлять дальновидную хитрость, смекалку, дерзать, самоутверждаться. Он привык к деловой, сухой манере общения. Такой Никита-банкир в элегантном дорогом костюме и обуви. Заполнила ли его душу каждодневная 14-часовая работа, вытеснила ли глубокие чувства? Нет, конечно. В этом загадка его природы: постоянные весы между акцентуированной, чрезмерной рациональностью — и тщательно скрытой горячей эмоциональностью, нежной памятью о родных местах, друзьях, подругах. Не будь этого сложно устроенного внутреннего мира, не было бы такой тяги у литераторов и журналистов писать его психологические портреты — невзирая на уже написанные. Итак, и Болгарию он, конечно, не забывал. И при первой возможности, вопреки своим страхам и опасениям, рискнул посетить ее и, по своей уникальной способности плодотворно содействовать улучшению, помог ей в своей банковской сфере.

Мне хотелось навестить Софию, чтобы встретиться с друзьями и бывшими соучениками. С этой целью на бланке



Любомир Левчев и Никита Дм. София. 2014

банка я написал письмо в консульство Болгарии в Нью-Йорке, спрашивая: «Если я приеду в Болгарию, то смогу ли уехать без затруднений?» Вскоре я получил положительное письменное подтверждение от консульства. Таким образом, я поехал в Софию в 1974 г. на переговоры с болгарским Внешторгбанком и центральным банком, который называется Болгарский национальный банк.

В мой первый визит, выходя из гостиницы, во вращающейся двери, я увидел моего школьного друга, члена ЦК Любомира Левчева. Мы спонтанно обнялись. В этот момент его телохранитель подумал, что я напал на Левчева, и кинулся на меня. К счастью, Левчев крикнул: «Постой! Это наш человек». Ныне, каждый раз, когда я вхожу в эту гостиницу, я вспоминаю слова Левчева «это наш человек»…

Я предложил устроить синдикальный заем Болгарии на 5 лет. Я понимал, что в данный момент страна не нуждается в деньгах. Но поскольку Болгария не одалживала деньги на международном рынке с приходом нового режима — с 1944 г., то у рынка не было оценки ее кредитоспособности. Поэтому был смысл создать ее положительную оценку в то время, когда деньги стране не были нужны: взять заем, аккуратно выплачивая его, и погасить долг в указанные сроки.

Несмотря на то, что генсек Тодор Живков был осторожным хозяином и зря денег не одалживал, мой аргумент убедил руководство страны, и сделка осуществилась. После того, как Живкова свергли с власти, коррупция стала быстро развиваться с пагубными для Болгарии результатами[208].

И как здесь не упомянуть мнение Никиты о современных отношениях его Родины Болгарии и его Отечества России?

К сожалению, это вопрос, который меня огорчает. Потому что часть представителей правительства России не считают Болгарию важной страной. Это я знаю из моих разговоров с ними. Я лично призвал министра иностранных дел России и других сановников уделять больше внимания Болгарии, опять же по прагматическим причинам. Потому что исторически Болгария — часть политической зоны влияния России. Это неизбежно. Как вы знаете, у России мало естественных границ (таких, как реки или горы). Поэтому России нужны буферные страны…

Нет необходимости в равноправных отношениях. Необходимы уважительные отношения. Болгарское правительство не прилагает достаточно усилий для сближения экономических отношений с Россией. Правительство может не любить или презирать русское правительство, и это может быть взаимно. Но положительный эффект экономического симбиоза очевиден! Выгода Болгарии от транзита нефти и газа через Черное море и Турцию в Европу — очевидна и неизбежна. И противиться этому, по внешне законным причинам, просто пагубно! Нет никакого смысла для Болгарии придерживаться политики США, которая старается вытеснить поставки русской нефти в пользу поставок нефти из США и арабских стран. То же самое касается туризма! Русские охотнее бы и чаще ездили в Болгарию, если бы Болгария ввела краткосрочные туристические визы, выдаваемые при въезде в страну[209].

Мечтаю о прагматических и деловых отношениях, основанных только на общих интересах обеих стран. Независимо от того, что народы России и Болгарии на протяжение шести

веков имели хорошие отношения, правительство Болгарии относится к России недружелюбно. Это мне кажется экономически невыгодным для Болгарии[210].

«Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам»

Никита сходит с трапа самолета в Буэнос-Айресе. 1962

А четырьмя годами раньше, когда Никите исполнилось 35 лет, он впервые вступил на землю своего Отечества. Сохранилась пленка документального фильма, запечатлевшая, как Никита спускается по трапу в сентябре 1970 г. Ах, если бы видел читатель солнечное, сияющее выражение его лица. Увы, если теперь эта дивная улыбка и появляется, озаряя его еще более красивое, более значительное, чем в молодости, монументально-скульптурное лицо, то в редкие минуты, из-под тени его обычной сумеречности. Он не раз возвращается мыслями к своему первому визиту, припоминая то одни, то другие подробности.

Я много раз в году бывал в Советском Союзе. Впервые приехал с женой еще в 1970 г., навестить усыпальницу Рождественского монастыря, где покоится прах нескольких поколений моих предков. С этого времени я бываю в Москве регулярно. Нужно ли говорить, что вся моя деятельность в СССР была «закрытой» и что меня плотно опекало КГБ, но… я ни разу не подвергался каким-то грязным провокациям в духе комедии «Бриллиантовая рука» с проституткой в отеле…[211]

В Советском Союзе в связях с номенклатурой коллекционирование сыграло несомненно важную роль. В 1970 г. нас с супругой Ниной, как коллекционеров, официально пригласили в СССР на две недели за государственный счет.

> Нас представили всем выдающимся коллекционерам в Москве, Ленинграде и Киеве. В Ленинграде и Киеве нас всегда сопровождал сотрудник из Москвы плюс местный сотрудник. Это дало возможность коллекционерам впоследствии легально встречаться со мной. Это было мое окно в Советский Союз. А встреча с интеллектуальной верхушкой СССР стала возможной после того, как наше собрание было показано в Пушкинском музее в 1988 г. Тогда стояли очереди у входа в музей, а рекламные плакаты с эскизом Трухановой Бакста из нашего собрания были развешены по всей Москве. Это дало мне дополнительную рекламу для доступа к советской интеллигенции[212].

Про займы СССР и прочую полезную деятельность Никиты на благо отечество — чуть позже. А теперь — Зильберштейн.

И. С. Зильберштейн

Илья Самойлович Зильберштейн. Литератор и искусствовед, серьезный исследователь, по-настоящему работавший в архивах и с архивными материалами, умевший дать им жизнь в публикациях. Доктор искусствоведения. Наверное, разведчик. Наверняка успешно востребованный спецслужбами. Но при этом — личность! Человек, глубоко понимавший и чувствовавший искусство, ценность искусства для России, обладавший безупречным художественным и литературным вкусом. Он основал эпохальное издание «Литературное наследие», был неутомимым редактором его 98 томов на протяжении полувека. И сегодня содержание этих томов — ценный источник по истории культуры, к нему будут вновь и вновь обращаться исследователи. Ему были позволены поездки за рубеж, когда никто не был «выездным». Он использовал их для того, чтобы вернуть России забытые шедевры. И вернул более 20 тысяч артефактов и документов государственным архивам и музеям. Увидев коллекцию Лобанова, он оценил ее как «лучшую и грандиозную из зарубежных коллекций этого рода». Как только стала возможной публикация о Лобанове, в 1986 г., Зильберштейн написал о коллекции огромную статью

Никита Дм. и супруга И. С. Зильберштейна Наталия Борисовна Волкова на фоне бюста Зильберштейна. Холл Музея личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина. Москва. 2016

и опубликовал для всей страны — в многотиражном и популярном журнале «Огонек»…[213]

Директор ГМИИ Ирина Антонова вспоминала, как приехала к Зильберштейну, когда он решил отдать всю свою коллекцию ГМИИ, ставшую основой Музея личных коллекций при ГМИИ. Ее поразили белесые пятна на обоях, которые оставили картины, квартира выглядела сиротливо. И она предложила оставить себе его самое любимое — Зильберштейн твердо отказался. С этим человеком судьба предопределила встретиться Лобанову. Вместе они инициировали создание Музея личных коллекций, открытого в 1994 г., и ходатайствовали перед И. А. Антоновой. Когда стало понятно, что музей откроется, Никита передал ему в дар уникальное собрание фарфора 1920-х гг. Так что основа этого музея — дары двух коллекционеров, Зильберштейна и Лобанова. А идея-то у них зародилась еще во второй половине 1980-х гг.! К счастью, Илья Самойлович упоминается в официальных источниках как инициатор музея — увы, Никита Дмитриевич до сих пор — нет…

Никита не забыл старого друга, в прессе предлагал присвоить музею имя Ильи Самойловича, в 2016 г. на его средства в холле Музея личных коллекций установлен бюст И. С. Зильберштейна.

Благодаря знакомству с Зильберштейном и его приглашению в СССР Никиту узнали в стране как коллекционера

Этим я обязан искусствоведу и коллекционеру Илье Самойловичу Зильберштейну. Мы познакомились в Париже в 1967 г. Я тогда был послан банком из Нью-Йорка на работу на 6 месяцев в Париж, а Зильберштейн был командирован из СССР на аукцион, на котором продавалась библиотека Дягилева, часть которой унаследовал Серж Лифарь и которую он продавал. Познакомила меня с Зильберштейном Атя (Анна), дочь Александра Бенуа. Побывав у нас дома, Зильберштейн ознакомился с нашими приобретениями в области русской театральной живописи… От Зильберштейна искусствовед Дора Зиновьевна Коган узнала наш адрес и написала мне, что пишет книгу о художнике Сергее Судейкине, и просила фото тех его работ, которые имелись у нас. Завязалась переписка, в результате которой я понял, что этот художник важен для России и никак не важен для Нью-Йорка, каким бы ни был он удачливым художником в Америке, купил у вдовы Судейкина, певицы Джин Палмер, его архив и переправил его в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) в Москву. После чего в 1970 г. произошла наша поездка в Москву с первой супругой Ниной, и тогда я выступал в Москве и в Ленинграде с сообщениями о нашем собрании[214].

А вот и другой рассказ о незабываемом сотрудничестве.

…он проживал в гостинице на *Quai Voltaire* [набережной Вольтера], и мы с Ниной туда поехали. Мы сразу же наладили дружеские отношения и пригласили его к себе на ужин в следующее воскресенье, дабы показать ему наши парижские приобретения, главным образом работы А. Н. Бенуа. Будучи диабетиком, Илья Самойлович за ужином мало что кушал. Пил чай. Увидев, что Нина и я серьезно увлечены «Миром искусства» и, в особенности, театральной живописью, Зильберштейн нас всячески поощрял и поддерживал. Ему очень захотелось иметь портрет Бунина работы Бакста, который

я купил у госпожи Константинович (*madame Constant*, племянницы Бакста), а также карандашный рисунок — портрет Есенина работы А. Н. Бенуа, который я купил у его дочери Анны Черкесовой. Мне было жалко с ними расставаться, и я их ему не дал.

Гораздо позже, когда он опубликовал в «Огоньке» свои впечатления от поездки во Францию и множество статей под названием «Парижские находки», одну из них он посвятил нашему собранию, где фамилия собирателя не указана.

Зильберштейн, извиняясь, прямо сказал, что КГБ ему запретил указывать имя коллекционера. С 1970 г. я ездил по делам банка по крайней мере раз в год в Москву и всегда встречался с Зильберштейном. Илья Самойлович мне предложил подарить портрет Бунина и Есенина, а за этот жест он брал на себя уговорить КГБ снять запрет на употребление моего имени в его статьях. Я согласился. Илья Самойлович пошел на Старую площадь, на основании моего устного согласия, и вернулся довольный, несмотря на то что ему долго пришлось уговаривать генерала. В следующий приезд я привез и передал Илье Самойловичу оба портрета.

В Париже Илья Самойлович разыскивал (среди множества другого) тексты статей, которые Константин Коровин публиковал в газете «Возрождение». В редакцию газеты во время войны упала бомба, и архив был разрушен. Коровину не удавалось жить на доходы от продажи живописи, и потому он писал увлекательные рассказы в газете для дополнительного заработка. Илья Самойлович вслед за «Александр Бенуа размышляет» собирался издать книгу «Константин Коровин вспоминает…». Часть статей ему удалось найти, но большинства он не имел.

В своих поисках театральной живописи я искал следы покойного А. К. Коровина, чей стиль очень напоминает работы отца, как по палитре, так и по творчеству. Михаил Бенуа (заведующий Русской Частной оперой Марии Кузнецовой в Париже) мне дал адрес вдовы Алексея Константиновича (1897–1950), у которой была двухкомнатная квартира в 16-м квартале Парижа, у нее осталось мало работ мужа, я все купил. А на вопрос: есть ли у нее

еще что-нибудь? — она указала на большой пакет, весом 5 килограммов: «Это вырезки статей его отца, хотите их?» Я тут же их купил и поблагодарил судьбу за то, что она меня привела туда, ибо спустя месяцев 6 после моего визита она скончалась. Я отвез в Москву пакет со статьями и передал их Илье Самойловичу. Таким образом, у него очутился почти весь подбор, и он смог опубликовать книгу (Константин Коровин вспоминает… М.: Изобразительное искусство, 1971, 1-е изд.)[215].

«Для меня значимость Зильберштейна в этом»

Еще в 1970 г. мы разговаривали с профессором Ильей Зильберштейном о значимости Дягилева. Он понимал значимость Дягилева и знал, что за границей о нем и его значении для популяризации русской культуры написано уже семьдесят девять книг[216].

… много было сказано об исключительной деятельности Ильи Самойловича как писателя, литературоведа и издателя. Ему удалось опубликовать свыше семидесяти пяти книг. Одновременно он собрал коллекцию изобразительного искусства, включающую больше трех тысяч предметов. Но самое важное, с моей точки зрения, — это создание Музея личных коллекций. Представьте себе: в тоталитарном коммунистическом государстве правительство и частное лицо сошлись для создания Музея личных коллекций — это противоречит доктрине марксизма-ленинизма, которая не предвидит частной собственности, и потому совместная деятельность государства и частника концептуально невозможна. Ведь в СССР коллекционеров считали спекулянтами.

Музей был создан с целью — принимать частные коллекции произведений искусства и предоставлять дарителю место в музее, пропорциональное количеству его даров. При этом не налагая на него никаких дополнительных финансовых обязательств. Государство взяло на себе все расходы по содержанию музея. Это было возможно только при

коммунистической системе. Во всех других странах дары музею сопровождаются денежной компенсацией дарителя за необходимость ухода за ними и хранение. Вот вам пример: нью-йоркский Бобби Леман (пайщик банка *Lehman Brothers*) подарил Метрополитен-музею свою коллекцию импрессионистов, а помимо этого, двадцать пять миллионов долларов, чтобы музей перестроил для нее помещение, и еще столько же — на уход за картинами. До недавнего времени Лувр облагал дары «налогом» — фактически музей делал дарителю одолжение, принимая от него дар. Мне очень обидно, что ГМИИ имени А. С. Пушкина не пользуется этим уникальным Музеем личных коллекций и его не рекламирует, а даже наоборот — половина помещения ныне используется как склад. Судя же по новому названию — Отдел частных коллекций, — нынешняя администрация переименовала «музей» в «отдел» с целью в конце концов покончить с достижениями Зильберштейна.

Мои любимые работы из коллекции Зильберштейна

В его кабинете висел портрет Кати Серебряковой работы ее матери Зинаиды Серебряковой — он здесь на выставке у входа. И картина Александра Бенуа «Петр Великий на прогулке», которая также находится в начале экспозиции.

В кабинете Зильберштейна множество эскизов стояли у стены, а иные, над исследованием которых он, наверное, работал, лежали на письменном столе. Я всегда удивлялся, как Илья Самойлович разбирается в этом изрядном беспорядке. Он уверял, что знает, где и что находится[217].

Отечество плотно вошло в его жизнь…

А каким он виделся своим друзьям в эти годы? Ушли ли печали, обиды, травмы? Нет, не ушли. Их только слегка припорошило российским снежком, да и научился Никита преодолевать тяжелые воспоминания систематическим трудом, придумывая

себе и продумывая новые и новые планы, упорно стремясь к их реализации. Из воспоминаний его друга на протяжении полувека, русско-болгарской писательницы и журналистки Светланы Балашовой-Мрачковской:

> Как я заметила, Никита Дмитриевич не очень-то охотно говорит о прошлом.
>
> — Прошлое меня действительно мало интересует, — мрачно замечает мой собеседник. — Стараюсь не вспоминать его — слишком оно было жестоким, озлобило меня, исковеркало. Мое прошлое — это прошлое зэка со всеми вытекающими отсюда последствиями...
>
> Познакомившись с Н. Д. поближе, я поняла, чем вызвана его колючесть, порой переходящая в агрессивность. Он напоминает ребенка (да простит он мне это сравнение), который после долгого сиротства неожиданно обретает мать. Родина его предков долгое время отторгала его. И вот теперь, когда Россия наконец повернулась к нему лицом, принимает его как желанного гостя, устраивает выставки картин из его коллекции, печатает статьи о нем, он все еще не может освободиться от чувства недоверия, боязни, что вот-вот все это кончится, двери захлопнутся, и он снова останется сиротой в деловом, внешне дружелюбном, но в сущности холодном западном мире.
>
> — Здесь, на Западе, — признается он с горечью, — люди интересуются лишь процессом делания денег. Погоня за ними — цель их жизни. Я тоже делаю деньги. Не скрываю — с молодости это стало моей целью. Деньги я зарабатывал, чтобы иметь возможность собирать русское искусство и пропагандировать его... [218]

Тридцать выставок русского искусства из коллекции Лобановых — по всему миру, с 1966 г. Ради чего? — Для вящей славы искусства своего Отечества.

> Я спросила Н. Д., приносят ли им эти выставки коммерческую выгоду?

— Нет, пожалуй, только расходы. Мы показываем их с единственной целью — пропагандировать русское искусство на Западе. Работы представителей художественного объединения «Мир искусства», творивших в России и за рубежом, малоизвестны и в Советском Союзе. Огромный интерес к двум нашим выставкам — в Ленинграде и Москве — убедительное тому свидетельство.

Прошу хозяина показать его домашнюю галерею. Осмотр начинаем с прихожей, окрашенной в охряно-красный цвет.

— Где бы мы ни жили, стены передней в нашей квартире всегда такого цвета — он хорошо оттеняет эскизы Александра Бенуа к балету Стравинского «Петрушка». В нашей коллекции представлено сто костюмов к этому балету и все варианты декораций — всего 126 работ, вместе же с эскизами к другим постановкам Бенуа у нас более 250 его рисунков.

Обратите внимание на этот, изображающий Стравинского в Риме. Это целая композиция: здесь представлен и сам Дягилев с переданной ему Стравинским партитурой «Петрушки». А вот расписка Стравинского о получении денег за «Петрушку» и «Жар-птицу», выданная ему Дягилевым 31 декабря 1915 года. Портрет Дягилева работы Ларионова, как видите, выполнен на бланке костюмерши Каринской. Еще один рисунок Ларионова с изображением Дягилева, лежащего в постели номера «Гранд-Отеля» в Париже... Американский балетмейстер Джоффри поставил в Нью-Йорке балет «Петрушка» по цветным репродукциям с эскизов нашей коллекции. «Нерусскими» экспонатами в ней являются этюды Пикассо к балету «Треуголка» и одна литография, подаренная мне Лифарем. В семидесятые годы я прилетел в Париж покупать его дягилевскую коллекцию. Мы не сошлись в цене. Чтобы показать, что не сердится за несостоявшуюся сделку, он подарил мне эту графику. На ее обороте надпись: «Сержу Лифарю от Пикассо».

В коридоре висят работы Челищева к балету Николая Набокова «Ода», рисунки Судейкина, Чехонина и очень

«любопытная вещица» — эскиз Малявина «Ленин и Троцкий». Лобанов приобрел его на аукционе «Сотбис». Рядом — карикатура Маяковского.

В домашней галерее Лобановых мое внимание привлекло редчайшее собрание силуэтов пушкинской эпохи, выполненных Федором Толстым.

— В Эрмитаже хранится около пятидесяти силуэтов, у нас — двадцать, — объясняет Н. Д. — Последним их владельцем был Александр Бенуа. Они экспонировались на Пушкинской выставке в Париже, организованной в 1937 г. Лифарем. Впоследствии перешли к хорошему знакомому семьи Бенуа — парижскому антиквару И. С. Гурвичу, приходившему каждое воскресенье к ним на чаепития. У этого антиквара я и приобрел лет двадцать назад эти работы.

В гостиной висят чопорные портреты предков хозяина. Кто они, кем приходятся — Н. Д. не сумел мне объяснить. Тем самым еще раз убедив меня, что к прошлому своего рода он действительно не проявляет особого интереса. Но в прошлом русского искусства он поистине нашел свой Клондайк: собирание коллекции, организация выставок, многочисленные статьи на русском и английском, посвященные отдельным художникам и направлениям, интервью различным изданиям, которые он дает с удовольствием, — на все хватает времени. Он пытался меня убедить, что рассказывать о нем нужно только через его коллекцию[219].

Глава XIX

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ

Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн

А сейчас отвлечемся немного… Трогательная многолетняя дружба связывала Никиту Дмитриевича с бароном Фальц-Фейном. Этот удивительный человек, никогда не забывавший русские корни. Род его матери — славные генералы и адмиралы Епанчины, род отца — русские немцы, приехавшие в Россию в эпоху Екатерины Великой, создавшие извесный всему миру заповедник Аскания-Нова. Эдуард Александрович, попавший в эмиграцию в 1918 г., стал спортсменом-велогонщиком, спортивным журналистом. Затем, поселившись в Лихтенштейне, занимался туризмом, открыл магазин сувениров. Со временем он стал вкладывать заработанные деньги в благотворительность, а главным занятием стало возвращение культурных ценностей России. Он подарил полотна Репина, Коровина, Бенуа, документы, исторические архивы…

Понятно, сколь он был близок Никите Дмитриевичу. Барон был долгожителем, ушел в лучший мир, когда ему исполнилось 106. В последние годы Никита вместе с журналистом и балетоведом Оксаной Карнович сделал с Эдуардом Александровичем несколько прекрасных интервью, составив отдельную страницу истории о его жизни[220]. Разумеется, Никита не умеет дружить «просто так», его кипучая деятельность вовлекла барона в несколько интересных предприятий в пользу России, например:

Никита Дм. у Эдуарда Александровича Фальц-Фейна в гостях на 100-летнем юбилее. Вадуц. 2012

В свое время я уговорил барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна купить на аукционе *Sotheby's* «архив» царского следователя Соколова, расследовавшего гибель царской семьи, за счет правящего князя Ханса-Адама II Лихтенштейна. Эдуард Александрович убедил князя Лихтенштейна выкупить его и затем обменять на архив Княжества Лихтенштейн, вывезенный Красной Армией в 1945 г. из Австрии. У Соколова всё четко написано. Он был честным человеком и лицом незаинтересованным. Если он сказал, что собрал в пепелище кости двух детей, ему можно доверять. Алексей и Анастасия были худенькими, маленькими, их вполне могли сжечь на простом костре, как об этом сказано даже в незначительном, на первый взгляд, свидетельстве, которое нельзя исключать из делопроизводства. Так считал князь Алексей Павлович Щербатов, член Зарубежной экспертной комиссии, мой дядя, с которым я был близок в Нью-Йорке[221].

Вот что еще Никита рассказал о Фальц-Фейне:

Барон прожил больше века. За долгие годы жизни он проделал огромную работу по спасению и отправке на родину предметов русского культурного наследия. Но я думаю, его

самое большое достижение для родины то, что во время холодной войны он убедил большинство членов Олимпийского комитета проголосовать «за». И летние Олимпийские игры 1980 г. прошли в Советском Союзе. Это случилось благодаря его шарму и без никаких взяток, как это происходит в последние 20 лет. Олимпиада имела мировой успех. Потому, верю, имя барона навсегда останется и в истории советского спорта…

Мы постоянно говорили о меценатстве, это нас и сблизило. Мы оба занимались благотворительностью в пользу СССР, а затем РФ. Он был аскетом, тратил на себя очень мало, прислуги не имел. Когда приезжал в Лондон, жил в очень дешевых гостиницах. Иногда мне было стыдно туда заходить. Но зато он был очень щедр в своих дарениях и у него была моральная обязанность к своей родине, потому что его предки с обеих сторон помогли созданию Российской империи и служили Российской империи. Так что он продолжил своим меценатством то, что его семья делала в прежние века. Его меценатство для России было независимо от режима в стране. Он дарил и когда Россия называлась СССР, и после, когда это была Российская Федерация. Барон считал, что его родина — это нечто святое и независимо от режимов. Хотя наполовину был немец…

Барон был очень хорошим бизнесменом. Он открыл большой магазин сувениров в Лихтенштейне. Заказывал сувениры на тему Лихтенштейна в Тайване и продавал их, главным образом, японским туристам. У него в магазине было 5 японских продавщиц. Так что его дарения были из его личного кармана. Барон был чрезвычайно щедрым. Например, 40 лет тому назад он потратил 500 000 долларов на поиски Янтарной комнаты. Он передал в дар России выкупленную на аукционе часть библиотеки Дягилева — Лифаря. Также выкупил в Риме реликвии семьи Федора Шаляпина, подарив их затем музею Шаляпина в Петербурге. Передал в российские музеи несколько картин известных отечественных художников — Репина, Маковского, Коровина… Как говорил сам Эдуард Александрович, поступать так его побуждало

запомнившееся на всю жизнь напутствие отца — Александра Эдуардовича Фальц-Фейна: «От Родины нельзя требовать, ей надо отдавать!»…

Он плохо разбирался в искусстве. Зато барон был личностью необычной. Он сочетал в себе роль плейбоя с личным аскетизмом… Барон был уникальный человек — он занимался сексом и в 98 лет… Правильно жил… Он не курил, не пил, мало ел и ежедневно катался на велосипеде из центра Вадуца до своего дома, который расположен на горе под за́мком. На это нужен характер и воля, согласитесь… Все это держало его в замечательной физической форме до 106 лет. Он прожил бы, наверное, и дольше, если бы не этот несчастный случай с пожаром… [222]

И. А. Антонова

Но вернемся. Никак нельзя сказать, что Никита Дмитриевич всеъяден в дружеских и приятельских отношениях. Напротив. Очень требователен. Например, не захотел продолжить знакомство с четой Растропович — Вишневская, поскольку его покоробил тон, который позволила себе певица по отношению к мужу во время их общего обеда… Как объяснить многообразие дружеских связей с людьми из космически разных миров — от коммунистов до членов королевских семей? Вот как он сам объяснил это:

Всю жизнь меня сопровождали люди, которые становились моими близкими друзьями, именно друзьями, не просто приятелями. Помню — это было лет двадцать назад, — один француз на обеде в Лондоне объяснил, почему считает меня своим другом. Во времена Второй мировой войны он был участником французского Сопротивления. Он сказал:

«Если меня сегодня захотят арестовать, единственный человек, к которому я обращусь с просьбой меня “закамышить”, будет Лобанов, потому что я знаю, что он меня не предаст».

Никита Дм. и И. А. Антонова. Пресс-конференция на открытии выставки из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Москва. 1988

Меня это очень тронуло. Как человек, прошедший испытания в годы Сопротивления, он имел довольно четкие представления о людях. Его звали Филипп Доди, он был писателем. Как ни странно, он был одним из немногих французов, состоявших в коммунистической иностранной бригаде. С ним произошел один любопытный случай. Когда министр иностранных дел коммунистической Венгрии решил порвать с тем режимом, который царил тогда в стране, и бежать во Францию, то этот Доди пошел на прием к премьер-министру — консерватору и попросил у французской разведки содействия в этом деле. А надо сказать, что этот венгр был по убеждениям коммунистом и хотел вести переговоры только с коммунистами. И французская разведка помогла его вывезти через коммунистов-французов (а во Франции была очень сильная коммунистическая партия, 25% всех депутатов). Коммунистической партии принадлежали заводы и фабрики. Так что этого венгра определили работать на такую мебельную фабрику во Франции… Видите, мои друзья, в общем, люди различных убеждений, но наша дружба была основана на существенных человеческих принципах. Вы можете быть коммунистом, социалистом, кем угодно,

но если, условно говоря, вы воспринимаете законы Моисея, т. е. идущие из древности моральные заветы, то у нас с вами сразу же появляется что-то общее. Общие ценности значительно дополняют различные интересы[223].

И хотя барон Эдуард Фальц-Фейн и бессменный великий директор ГМИИ имени А. С. Пушкина Ирина Александровна Антонова знали друг друга, встречались, они были людьми из иных миров. Однако Никита Дмитриевич высоко оценил принципы, волю и человеческие качества и этого, совсем «из другого теста», жесткого, сильного руководителя и сказал однажды:

«С Антоновой я бы пошел в разведку»

Отчасти этим признанием заслуг Антоновой объясняются столь щедрые дары Музею изобразительных искусств имени Пушкина, которому Никита, среди прочего, подарил картину маслом Де Кирико и акварель Дуйсбурга. А Музею личных коллекций, помимо подборки советского фарфора 1920–1930-х гг., еще и живопись, и графику, и плакаты. В 1988 г. Антонова «пробила» первую выставку из собрания Лобановых-Ростовских в ГМИИ, а академик Д. С. Лихачев, побывав на ней, в благодарственном слове назвал Лобанова «деятелем перестройки». Вот как это было.

Если бы я был в траншеях на фронте и мне надо было выбирать кого-то, с кем идти в разведку, я бы выбрал именно ее. Потому что я и был с ней на «фронте». Когда заместитель заведующего Советским фондом культуры спросил: «Почему Вы хотите со мной встретиться?» — я ответил: «Оттого что Вы предложили показать наше собрание в Советском Союзе». Тот сказал: «Но я никогда не делал Вам предложения показать!» А это было не так! И я тут же при нем набрал телефон Антоновой. И они начали ругаться — хотя оба были партийными товарищами. И она действовала решительно, как мужчина, и «добила» его, выиграла этот телефонный раут, в результате которого в 1988 г. состоялась наша первая выставка в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Антонова

осмелилась показать наше собрание в Советском Союзе. И это было третье зарубежное собрание, показанное в Москве. Первой открылась выставка из коллекции Армана да Хаммера, как здесь говорят, друга Ленина. Второй была экспозиция из собрания барона Тиссена, может быть потому, что его заводы поставляли Союзу сталь. А третьей выставкой оказалась наша. Антонова в эти годы шла против течения. То есть она делала то, что в Советском Союзе не было в моде. Это не означает, что она не была лояльна советской власти. Но у нее были свои независимые принципиальные соображения по поводу развития отечественной культуры.

Однажды меня пригласили на Би-би-си в качестве переводчика снимать фильм о трофейном искусстве в СССР. И мы снимали сотрудников Музея изобразительных искусств, один из которых показал даже шкаф, наполненный этими артефактами. Затем идем к Антоновой, чтобы взять у нее интервью. Она нам сообщает: «У нас никаких произведений трофейного искусства нет!» Год спустя я спросил: «Ирина Александровна, как Вы могли так сказать, когда Ваш сотрудник указал даже на шкаф, где они находились?» И она мне ответила: «Никита, я директор музея и член партии. Мне было велено не признавать наличие у нас этих предметов. У меня было два пути: сказать "да", и тогда меня убирают из музея. Или ответить "нет" и остаться. Что важнее, выжить музею или самой "сохранять лицо"?» А ведь музей, как все знают, так успешно развивался, приобрел всемирную известность во многом благодаря организационному дару Антоновой. И за подобные решения я ее уважаю. Потому я сделал эти ценные дары[224].

Per aspera ad astra — любимая поговорка Никиты. Русский авангард

Часто бывает так, что для людей, настроенных на состязание, со временем самое состязание оказывается на первом месте, почти самоценно, а цель — на втором. Нет то — у Никиты. Да, *агон* — борьба, совершенно в античном понимании, конечно, присуща

Никита Дм. и Г. Д. Костаки.
Королевская академия художеств. Лондон.1983

А. И. Шлепянов с супругой у себя дома. Лондон. 2015

характеру князя. Но впереди всего — цель. И если она трудно или очень трудно достижима — он будет бороться за нее с безудержной энергией. Если увидит тщетность — бурно, но недолго пережив внутри небольшую драму, он непременно обратится к другому, не менее интересному предприятию, держа на заднем плане, на всякий случай, мысль о возможном возврате к старым проектам. Рациональность уживается в нем со страстностью увлечений. В истории же с коллекцией князь — бесспорный триумфатор, ибо ему удалось достичь изначальной цели — «пробить» ее присутствие в музеях России и в истории русской культуры. С большим знанием дела и обстоятельств рассказал об этом Александр Ильич Шлепянов, журналист, сценарист и коллекционер.

> Три замечательные коллекции знаменуют собой подвиг спасения искусства русского авангарда начала XX в.: Георгий Дионисиевич Костаки (Москва) собрал живопись и графику, Александр Яковлевич Полонский (Париж) — русскую футуристическую книгу и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (вместе с женой Ниной) (Лондон) — эскизы театральных декораций и костюмов.
>
> Без этих собраний мировое изобразительное искусство лишилось бы одной из самых ярких и самобытных своих страниц. Большевикам удалось бы затоптать

лучшее, что было создано художниками России, только потому, что они не пожелали втиснуться в прокрустово ложе «социалистического реализма», то есть унылой и бездарной советской пропаганды.

У всех троих складывались нелегкие отношения с невежественной и подозрительной советской властью. Костаки пережил, как теперь говорят, «наезд» властей и вынужден был отдать им лучшую часть своей коллекции, прежде чем ему (гражданину Греции!) позволили наконец выехать из СССР.

Полонского, когда он приезжал в Ленинград или в Москву, постоянно третировали агенты КГБ, он подвергался унизительной слежке, допросам, грубым попыткам вербовки. Обоим пришлось в большей или меньшей степени идти на компромисс с госбезопасностью и бюрократией.

Никита Дм. и художник Владимир Немухин в его мастерской. 2016

В отличие от них, Никита Лобанов-Ростовский, которому, в силу его княжеского титула и американского гражданства, приходилось ощущать на себе еще большее давление «классовой» ненависти пролетарской номенклатуры, показал себя за тридцать с лишним лет пребывания между двумя мирами — Западом и коммунистическим Востоком — удивительным, я бы сказал — уникальным, совершенно бескомпромиссным бойцом.

Мне случалось видеть не просто удивление, а буквально оторопь советских вельмож, которым Никита Дмитриевич прямо в глаза говорил, что они невежды, что они душат свободное искусство, что русский авангард начала века на десять голов выше, чем последовавшее

за ним дистиллированное соцреалистическое варево, что благодаря их усилиям Россия рискует превратиться во второсортную провинциальную страну. Привыкшие к лицемерию и подхалимажу зависимых от них людей искусства, чиновники объясняли себе смелость высказываний князя не иначе как какими-то несусветными связями «на самом верху». Им просто не приходило в голову, что человек может просто так, спокойно и уверенно, высказывать собственное мнение, противоречащее официальной доктрине...

При всех упомянутых трудностях и Костаки, и Полонский были в России в положении первых золотоискателей в Эльдорадо. Костаки достаточно было по каталогам старых выставок найти адреса наследников корифеев русского авангарда, и дальше покупка шедевров была уже вопросом техники. Дело в том, что Костаки, работавший завхозом в канадском посольстве, располагал твердой валютой, другими словами — доступом в магазины «Березка» с их вожделенным «дефицитом». За искусственные норковые шубы, джинсы или кожаные куртки в стране победившего социализма можно было получить в то время всё что угодно. Полонскому было еще проще: уникальные рукотворные футуристические книги с литографиями Малевича и Гончаровой, коллажами Розановой и Крученых, рисунками Зданевича можно было купить в обычном букинистическом магазине буквально за копейки. А если Полонский немного переплачивал, то букинисты накапливали для него такие книги в изрядных количествах. В этом смысле положение Нины и Никиты Лобановых было несравнимо более сложным. Поставив перед собой высокую цель спасти, сохранить и вернуть в культурный оборот произведения русских театральных художников, оказавшихся в эмиграции, они проделали работу, в которую с трудом можно поверить: одни, без помощников и сотрудников, не располагая ни каталогами, ни справочной литературой, наконец — почти не имея денег, они (геолог и журналистка!) сумели разыскать и приобрести на Западе тысячи эскизов декораций

и костюмов не только знаменитых художников, таких как Бенуа, Бакст, Ларионов, Гончарова, Серебрякова, Судейкин, Экстер, Коровин и Чехонин, но и таких, о которых Россия давно забыла или не знала вовсе — Пожедаева, Худякова, Барта, Бенатова, Сюрважа, Илью Зданевича, Терешковича, Соню Делоне, Лиссима — и еще десятки, если не сотни других.

Они спасли от забвения работы, которые иначе сгинули бы без следа, растворились на бесчисленных развалах, блошиных рынках, мелких аукционах и ярмарках, а то и просто сгнили бы на балконах и в подвалах равнодушных и неблагодарных наследников.

Сегодня их коллекция — одна из самых знаменитых в мире. Выставки коллекции театрально-декорационных эскизов из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских с огромным успехом прошли едва ли не во всех европейских столицах, в Нью-Йорке, в Сан-Франциско и даже, в конце концов, в Москве, и не где-нибудь, а дважды в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

И вот теперь, как наивысшая форма признания на родине — Российская академия наук в своем ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия» выпустила в январе 2005 г. книгу «Воспоминания (записки коллекционера) Никиты Дм. Лобанова-Ростовского».

Книга эта поразительная. Она не только бесценный источник познаний для искусствоведов, коллекционеров и просто для всех тех, кому дорога русская культура.

Эта книга — памятник великому подвигу бескорыстного служения искусству, безграничному энтузиазму, огромной энергии.

Это — памятник делу жизни, прожитой не напрасно[225].

Глава XX

НИКИТА, ФИНАНСЫ И СССР

Его инициативы

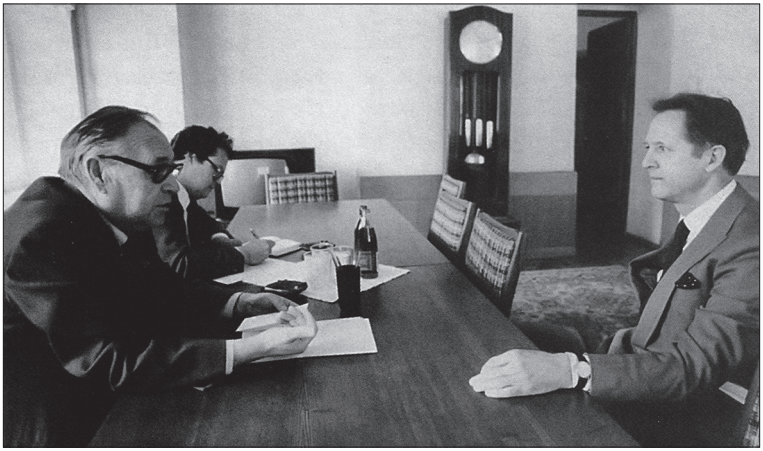
Тут нужно сделать некоторые пояснения. Зловещий заместитель академика Лихачева в Фонде культуры — партократ Георг Мясников, недоброжелательно настроенный не только к Лобанову, но и к Лихачеву. Вот что рассказывает искусствовед Анатолий Банников:

> В 1987 г. Советский фонд культуры решил издавать свой печатный орган «Наше наследие». Н. Д. Лобанов наладил связи между Фондом культуры и «Де Бирс», в результате которых академик Д. С. Лихачев и сэр Филипп подружились. Для создания хороших отношений с СССР «Де Бирс» решила финансировать издание журнала. Нужно сказать, что Фонд культуры возглавлял известный и любимый всею интеллигенцией академик Д. С. Лихачев. Первым заместителем его был назначен закоренелый партаппаратчик, бывший первый секретарь Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясников. Он выполнял роль надзирателя от партии за деятельностью фонда. В правление фонда входила и «первая леди» Р. М. Горбачева, которая скромно считала себя движущей силой культуры.
>
> В 1988 г. в Лондоне было подписано соглашение о том, что «Де Бирс» на развитие Фонда культуры дает

Заседание в Советском фонде культуры.
Слева направо: Р. М. Горбачева, член правления фонда; Г. В. Мясников, первый заместитель председателя СФК; А. А. Мельников, старший юрист СФК; С. В. Ямщиков, председатель клуба коллекционеров; Б. В. Егоров, заместитель председателя СФК; Н. Д. Лобанов-Ростовский, консультант «Де Бирс»; сэр Филипп Оппенгеймер, директор «Де Бирс».
Москва. 1989. Фото В. Ахломова

безвозмездно миллион долларов. Подписал его Г. В. Мясников. Зная наши партийные порядки очень хорошо, он попросил сэра Филиппа Оппенгеймера не переводить деньги в советский банк, а положить их на депозит в западный, что и было сделано. Жизнь подтвердила худшие опасения Мясникова — вся валюта со счетов российских банков была конфискована в начале 1990-х гг. во время очередного финансового кризиса.

С лета 1988 г. и по сей день Фонд культуры выпустил 60 номеров «Нашего наследия», и в каждом из них проводится непрестанная благородная работа, посвященная возрождению отечественной культуры, старым и новым коллекциям и рукописям, возвращению незаслуженно забытых имен и многому другому. В течение 15 лет это лучший культурологический журнал России. Есть в этом и непреходящая заслуга сэра Филиппа Оппенгеймера, Н. Д. Лобанова-Ростовского, Д. С. Лихачева, Г. В. Мясникова, В. П. Енишерлова, Р. М. Горбачевой и мн. др.[226]



Г. В. Мясников, А. А. Мельников и Н. Д. Лобанов-Ростовский на встрече в Министерстве культуры. Москва. 1987. Фото В. Некрасова

Чтобы оценить остроту борьбы Антоновой, приведем характеристику Георга Мясникова, данную Банниковым[227]:

> Преобладающей нитью в дневниках Г. В. Мясникова проходит мысль о вреде перестройки, ее ненужности, оплевывании «великих успехов» социализма, попрании «идеалов» и прочий партийный бред. Много страниц посвящено Д. С. Лихачеву, который показан как «капризный старик». Не брезгует он и откровенной клеветой. Так, в записи от 29.01.1992 г. сказано о том, что Фонд культуры якобы обязан «быть академическим, обслуживать научные и личные интересы академика Д. С. Лихачева, его камарильи, которая быстро набилась в президиум Фонда». Из этого ясно видно, что Г. В. Мясников был в фонде случайным человеком и в 1992 г. бесславно покинул его вместе с исчезновением КПСС[228].

Но не одна лишь эта инициатива Никиты Дмитриевича состоялась в закатные десятилетия СССР. Были и другие, гораздо более значимые. Лобанов-Ростовский постоянно содействовал устойчивому положению СССР, помогая получать займы у тех банков, где занимал руководящие должности, курировать стабильность рынка алмазов.

Моя работа в «Де Бирс» приносила выгоду всем: Советскому Союзу, самой компании, мне. Работа эта требовала деликатности, умения держать язык за зубами и последовательности в действиях. Однажды я в очередной раз сопровождал моего начальника, сэр Филиппа Оппенгеймера, в командировку в Москву. На той встрече обсуждали причины недавнего финансового фиаско: СССР, вопреки рекомендациям «Де Бирс», самостоятельно предпринял продажу алмазов бельгийским и английским фирмам, что предполагалось в контракте с «Де Бирс». Оппенгеймер предупреждал советских партнеров о том, что конъюнктура на рынке плоха, но Советы параноидально подозревали «Де Бирс» в нечестности, в занижении цен и практиковали собственные «независимые» демарши. В результате они теряли деньги. В тот раз они потеряли три миллиона долларов на сделке (а в 1989 г. потеряли сразу восемнадцать!).

Оппенгеймер выразил свое сочувствие и в письменной форме не рекомендовал выходить на рынок именно сейчас. *Red Directors* (‘красные директора’) глубокомысленно морщили лбы, важно кивали и чмокали губами.

Сэр Филипп закончил свою речь, после чего извлек чековую книжку, на которой написал «паркером» слово «*Gift*» (подарок), а в соседней строке — US $1 000 000.

Глядя в округлившиеся глаза потрясенных советских чиновников, сэр Филипп произнес:

— Это мое добровольное пожертвование ради сохранения наших добрых и деловых отношений.

Позже, на улице, в ответ на мое недоумение он лаконично заявил:

— Я не хочу начинать все сначала, когда этих олухов поувольняют!

И он оказался прав: «олухов» не уволили, мы, «Де Бирс», остались на рынке в качестве монополистов.

Много было всяких слухов про нашу компанию. Якобы мы добывали все контракты с помощью взяток и подношений. Заявляю: не было этого. Мы тщательно выстраивали стратегию работы с большевиками, всегда были очень аккуратны в связях, следили, чтобы не дай Бог, чтобы ни тени

подозрения… При плановой экономике СССР было необходимо уверенно знать, сколько денег в пятилетке они получат за проданные алмазы. Единственный в мире человек, способный и желающий пойти на этот риск, был Оппенгеймер. Ибо его личное состояние плюс желание держать монополию на алмазном рынке вели его на это сотрудничество[229].

Ю. В. Андропов

Я встречался с Юрием Андроповым, лично курировавшим алмазный бизнес в СССР, ведь это было стратегическое, на миллиард долларов в год, направление. Все беседы с ним были исключительно деловыми. «Да — Нет — Да — Спасибо — До свидания». В этих рамках. Председатель КГБ СССР не разменивался на пустословия. В общении он был довольно сухим. Лишь однажды Андропов пригласил меня на загородную вечеринку, где присутствовало всего человек шесть и где непринужденно обсуждали искусство, поэзию и слушали русские романсы под гитару. Возможно, это была форма выражения признательности за экономическую помощь Советам. Ведь это я устроил секретную встречу у нас на квартире в Лондоне, на которой присутствовали лишь трое: посол СССР в Великобритании, член ЦК, Леонид Замятин, сэр Филипп Оппенгеймер, глава по сбыту в Центральном офисе «Де Бирс» и… Ваш покорный слуга. Что обсуждали на той встрече? А Вам-то зачем?[230]

Из комических ситуаций, связанных опять-таки с Юрием Владимировичем, припоминаю такой случай. На одной из встреч я беседовал с Андроповым, и в этот момент к нам подошел Виктор Луи, всем известный как журналист, работавший под крышей КГБ на лондонские газеты «Evening News», затем на «Sunday Express». Луи также знал Андропова, поскольку неоднократно выполнял его личные поручения. В руках у Луи была дымящаяся сигарета. Андропов, не куривший и не выносивший запаха табака, так посмотрел на журналиста-кагэбэшника, что бедняга сначала едва не

проглотил окурок, а потом с силой вдавил его в свою ладонь! Убедившись, что сигарета потушена, он незаметно отошел. А что Андропов? Он даже бровью не повел. Да, такое было время… [231]

1980-е и 1990-е. Деятельность Никиты

В 1980-х гг. Никита Дмитриевич относительно часто встречался с руководителями КГБ, а затем и Генеральным секретарем ЦК КПСС Юрием Владимировичем Андроповым. Этот человек, любитель живописи, сам поэт, был в отношениях с Лобановым по-русски гостеприимен, внимателен, соглашался со здравыми доводами, хотя Н. Д. Лобанов и знал, что он непримирим к диссидентам.

Никита Дм. с сигарой

Настала перестройка. СССР испытывал большие финансовые затруднения. Руководство Союза, в лице М. С. Горбачева, брало у «Де Бирс» большие займы в форме предоплаты за алмазы. В 1990 г. оно заимствовало у нее один миллиард долларов под залог алмазов из Гохрана. Ни один западный банк, учитывая плачевное состояние СССР, не соглашался на такой большой заем,

но «Де Бирс» пошла навстречу. Было подписано кредитное соглашение. Однако правительство Н. И. Рыжкова и тут не смогло обойтись без хитрости — в залог они получили низкосортный материал, неликвиды, мелкие камни, которые на рынке не пользуются спросом. Горбачев, возможно, и не знал об этой хитрости[232].

Audiatur et altera pars

— гласит латинская поговорка. «Да будет выслушана и другая сторона». Мы не раз говорили о том, что мнения Никиты Дмитриевича не зависят ни от какой «тусовки», группировки или общественного мейнстрима, присущего данному «хорошему обществу». Они неудобны как англичанам, в окружении которых он живет, так иногда и российской интеллигенции, которая его искренне любит. Он не «подстраивается». Порой его соображения кажутся шокирующими. Но будущее не раз показывало верность его «трудноперевариваемых резонов». Как знать, не окажутся ли и эти соображения прозорливыми?

Экономические реформы Горбачева были пагубны для СССР. Независимо от Горбачева, распад СССР был неизбежен и предвиден на основе анализа, проведенного российским академиком Владимиром Квинтом еще в конце 1970-х. Его анализ был опубликован в австрийском журнале «Wohnpreise» в 80-х, на обложке журнала «Forbes», а затем в «Нью-Йорк таймс» в январе 1990-го — за два года до распада СССР. Он выдающийся стратег и возглавляет кафедру финансовой стратегии в МГУ в Москве. В те времена ни одна разведка в мире не предвидела распада СССР. Квинт же предугадал распад не по политическим причинам, а на основании анализа экономической реальности. Затраты на производство единицы национального дохода приближались, по его оценке, к полутора рублям. То есть страна проедала сама себя. Финансовые доходы СССР превосходили даже минимальные социально-экономические потребности населения страны в разы. В сущности, генсек Андропов знал часть этих

фактов и результаты анализа, ибо он располагал информацией о реальном состоянии СССР. Именно он назначил марксиста Горбачева провести необходимые реформы. К сожалению, свержение Горбачева Ельциным, который учредил «криминальную» приватизацию, оказалось фатальным. США настаивали на немедленной приватизации, т. е. на передаче в частные руки государственных производительных сил и ресурсов. Можно только сожалеть, что не был взят пример с Японии, когда частные предприниматели и государственные органы совместно восстановили страну после Второй мировой войны. Россия была «продана» за бесценок и роздана нынешним олигархам. Увы, Горбачев, да и Ельцин, не были достаточно осторожны, не понимали угрозы в лице своих соратников[233].

Быть может, у Никиты Дмитриевича нет особых дарований в понимании психологии людей, но у него есть другой колоссальный дар — чутье жизненных и общественно-политических и культурных ситуаций, интуитивное понимание последовательности событий, их хода и их возможного будущего. Его невозможно обмануть, прельстить, заманить в ловушку ситуаций. — Он это почувствует — и выскользнет, как редкая драгоценная рыбка.

В Советском Союзе у меня был очень хороший знакомый по имени Виктор Луи. После того, как он просидел 10 лет в концлагере, он стал приближенным человеком Юрия Андропова. Андропов тогда был главой КГБ, а затем стал генеральным секретарем КПСС. Андропов оценил интеллектуальные возможности Виктора Луи и использовал его как неофициального посла.

И с этим Виктором Луи… мы случайно однажды летели из Москвы в Лондон. Я поделился с ним тем, что получил предложение от канадской компании переехать в Москву, где мне дают вдвое большую зарплату. И он предупредил меня, чтобы ни за какие деньги я не переезжал в Москву, потому что я попаду в положение червя, которого две птицы клюют и тянут в разные стороны. Меня ожидали бы серьезные притеснения, поскольку и наши, и ваши захотели бы завербовать

меня своим агентом, а это не стоило тех денег, которые за это предлагают.

Для меня это было также подтверждением того, что Виктор Луи (читай КГБ) знал, что я не агент западных стран. При том, что в этом обвиняли меня журналисты[234].

Никита, балет и опера

Он, конечно, защитник красоты и искусства, великий ратник в их сохранении. Но еще и их пленник, не перестающий разговаривать с картинами, наслаждаться музыкой, лицезреть классические жанры русского балета и оперы — с детства несколько раз в неделю родители Никиты водили его на музыкальные спектакли, и эта потребность осталась насущной по сей день. Самое любимое его произведение — «Реквием» Моцарта, он выражает, по мнению Никиты, всю полноту, всю палитру возможных эмоций.

«*Князь держит спину, как будто всю жизнь занимался балетом*», — сказал один из его собеседников. Было бы неправильно хотя едва не упомянуть об особой странице его жизни — о встречах с Сержем Лифарем, с родственницей Ниной Вырубовой, о его оценках Рудольфа Нуреева и Марго Фонтейн в разных постановках, о дружбе с Юрием Григоровичем, Владимиром Васильевым и Марисом Лиепой. Здесь приведем лишь два небольших фрагмента из его оживленных и навсегда запоминающихся характеристик, раскованных и неожиданных, отсылая интересующихся к разделам «Балет» и «Опера» в его «Рюриковичах». И как всегда в рассказах князя, впечатления искусства вплетены в жизненные коллизии.

Я дружил с дирижером Большого театра Альгисом Жюрайтисом, который был «приемным сыном» известного московского коллекционера Якова Рубинштейна. По-моему, мы познакомились через Жюрайтиса в 1975-м, когда Большой был на гастролях в Нью-Йорке. Наше знакомство продолжилось, поскольку я приезжал в Советский Союз по крайней мере раз в год. Я, конечно, бывал у него в квартире. Помню, его супругу, актрису Маргариту Жигунову. Красивая женщина. Они жили в Брюсовом переулке. Прежде

Никита Дм. с В. В. Васильевым в киностудии во время съемок фильма-балета «Жизель». Локарно. 1985

Никита Дм. и Ю. Н. Григорович. Москва. 2014

это была квартира известной балерины Екатерины Гельцер. Многогранный и талантливый танцор, Марис был чрезвычайно привлекательным и убедительным. Самое простое доказательство его таланта — это то, что в балете «Спартак» он мог одинаково исполнить как роль Спартака, так и Красса. Марис был изумительным актером, мог передавать и волю, и духовность, и душевность. О его танце много написано. Это величина в балетном искусстве. Он обладал исключительной балетной техникой, а в сочетании с Васильевым в балете Юрия Григоровича «Спартак» останется навсегда непревзойденным Крассом…

Марис приехал в Софию с большой горечью. Потому что он не мог работать в Советском Союзе, где он был не востребован, где ему ничего не предлагали. Не предлагали и на Западе. Поэтому ему пришлось стать главой болгарского балета. Марису это было чрезвычайно трудно, потому что уровень софийских танцоров был низким. А Марис так бы много мог сделать на мировой сцене!.. Он два года руководил Болгарским Национальным балетом [1983–1985 гг.]. В Москве же дела у него шли плохо.

Мы с Марисом часто поднимались на гору Витоша до самой вершины. У нас происходили долгие беседы, во время которых Марис постоянно фотографировал. Когда я много

позже спросил Андриса: «Что же случилось с этими фотографиями?» — он ответил: «Все как-то пропало после его кончины»…

В Софии Марис чувствовал, что у него нет перспективы. Когда мы встречались в Софии, он производил на меня впечатление униженного системой человека. И, может быть, ему было не стыдно со мной обсуждать многие жизненные темы, потому что он знал, что ранее я видел его на вершине успеха… Мы подолгу гуляли по Софии, ходили в горы. Ему хотелось высказаться. Я его поддерживал как мог. Так что софийский период был для него трудным и горьким…

Он рассказывал о прошлом, но с сожалением. Он не видел для себя светлого будущего. В этом-то и была загвоздка…

В Софии был «сырой» материал. Марису приходилось учить людей азбуке, когда он пришел учить их литературе.

Письмо Мариса Лиепы — Н. Д. Лобанову-Ростовскому

[*Получено 12 окт. 1984 г.*]

Дорогой Никита!

Я безумно виноват перед тобой, что не ответил на твои послания. Как ты узнаешь, что впервые, но были оправдывающие меня обстоятельства, — то есть «Продолжение моего контракта». Это заняло у меня почти полгода. А мне надо еще быть здесь год. И это будет! Я «разделял и властвовал», как М. Л. Красс, и теперь надо расплачиваться. Жду тебя и люблю.

Твой Марис Лиепа

P.S. Смотрел вторую премьеру «Видение розы». «Успех огромный»[235].

Сэр Родрик Брэйтуэйт — посол Великобритании в России, был изумительно умным человеком. Иначе он не был бы на тех высоких постах в Англии. После того как он вернулся в Лондон из Москвы, он возглавил все разведки Великобритании. Он был очень образованным и обаятельным, но как только видел, что вы больше ему не полезны, он тихо от вас

отходил. Крутой карьерист. Его супруга Джил, которая уже скончалась, была очень приятная женщина, по профессии химик. У нас были общие знакомые, мы гостили у них, они бывали у нас. Это было во времена, когда я был на профессиональной верхушке, и он был заинтересован во мне.

Когда он был послом в Москве, мне удалось устроить в резиденции посла на набережной Мориса Тореза напротив Кремля камерную постановку оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», которую организовала частная компания *Pavillon Opera* под руководством Фредди Стокдейла. Ее спонсировал сэр Филипп Оппенгеймер, хозяин фирмы «Де Бирс», где я тогда работал.

На этом концерте в посольстве были члены правительства и творческой интеллигенции. На первом ряду сидел академик Дмитрий Лихачев, который, не удержавшись, крикнул: «Восхитительно!». Потом он рассказывал нам, как в царские времена помещики проводили такие концерты в своих усадьбах.

Брэйтуэйт написал несколько книг. Его книга «Афганцы» (Rodric Braithwaite. *Afgantsy*. London, 2011) должна быть настольной для любого специалиста по Афганистану. Единственного, чего нет в этой очень толстой книге, о чем я писал сэру Родрику, — объяснения, как Усама бен Ладен смог сохранить все свои деньги благодаря системе хавала[236].

Глава XXI

О, СЛАДКИЙ, КРАТКИЙ МИГ БЛАЖЕНСТВА!

Деревянный музей Лобановых-Ростовских в Филях

Настали 2000-е гг. Мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков обладал привлекательным качеством — он умел оценить значимость личности, интересовался необычными и талантливыми людьми и их проектами, шел навстречу, умел действенно помочь. В первое десятилетие XXI в. в столице были созданы удивительные культурные объекты, и грандиозные, и миниатюрные, — Мемориальный комплекс и Парк Победы на Поклонной горе, Музей Марины Цветаевой, Дом музыки, Школа Сергея Танеева (и там — Концертный зал «Танеевский»), Московский дом фотографии, восстановлен Казанский собор на Красной площади, храм Христа Спасителя, Воскресенские ворота. И даже если эти сооружения могут претить кому-либо в их архитектурных вкусах, опорное слово тут: *восстановлены*. Лужков был созидателем.

И вот так же он оценил вклад Лобанова в российскую культуру, его дальнейший потенциал в этом, и поступил прагматично, мудро и созидательно — помог организовать музей предков Никиты в московском парке «Фили». Вспоминает Светлана Балашова:

Лобанов написал одному из своих московских знакомых: «Вскоре буду в Москве, поскольку в Филевском парке мне выдана “изба”». Выдана-то не просто так, не за его красивые глаза, а согласно специальному постановлению Правительства Москвы: «На территории Парка культуры и отдыха “Фили”, в “Городе мастеров”, построить Дом-музей князей Лобановых-Ростовских и предоставить его княжеской семье взамен на возврат исторических семейных реликвий на родину...» Сказано — сделано: и построили, и предоставили, и торжественно, под звуки фанфар и народного ликования, открыли 2 сентября 2001 г. Цель была благороднейшей: с одной стороны, «показать историю Российского государства через жизнь и деятельность рода князей Лобановых-Ростовских», а с другой — бесплатно возвратить на родину княжеские сокровища. Лобанов отблагодарен за это назначением внештатным хранителем дома-музея при условии, что будет работать здесь, встречать гостей и проживать во время своих визитов в столицу России. А вдобавок, в день церемонии, — еще и званием Кавалера высшей награды Лиги ордена «Святого Императора Николая II» 1-й степени... [237]

Первое десятилетие XX в. — оно для всех было оптимистичным, открывающим свет в будущее, подающим надежды — на реформы, новые социальные институты, новые взаимоотношения государства и общества, воплощения гражданских инициатив и новую меру гражданской ответственности и гражданской заинтересованности. И для Никиты оно оказалось радостным, ни с чем не сравнимым чувством полета. И сказочного уюта в деревянном тереме среди зелени старинейшего парка Москвы, известного еще в XVIII в. Вот она, награда, облегчение исполненного долга и надежда, что память старинного рода, на Никите пресекшегося, не канет в Лету в своем отечестве. Десятилетие частых, постоянных поездок в столицу, жизнь ее общественными и политическими интересами, полнота бытия, жизнь по всему миру — и возможность всегда приземлиться в деревянной усадьбе милой и уже так хорошо знакомой

Москвы. Иллюзии… Тем сильнее был удар, случившеися в начале второго десятилетия XXI в. Вспоминает очевидец:

> Давно уже Никита Дмитриевич зазывал меня в гости в свою московскую «избу» в Филях, да за недосугом я все откладывала посещение. А ныне, в апреле выкроила время и, наконец, увидела его «усадьбу». Именно под таким названием: «дворянская городская усадьба», она значится в реестрах административной «единицы» «Парк Фили», громко именуемой также «Городом мастеров»... увидела почти сказочный «кремль», обнесенный деревянными, с башенками, стенами. Именно такие из *кремлевого*, то бишь крепкого строевого, дерева ограждали в древней Москве царско-боярский град. За тесовыми воротами, охраняемыми стражником — бодигардом на нынешнем наречии, — несколько деревянных коттеджей. Первый — с виду рубленая изба, а на самом деле каменный, обшитый деревом домище — именуется, для соблюдения все того же былинно-русского колорита, «Приказной избой». А в сущности — обитель дирекции. Тут и канцелярия, тут и жилые квартиры руководства — директора, его заместителя, официального хранителя Дома-музея Лобановых. Одним словом, терем-теремок. А кто в тереме живет, это не столь важно. Но живут хорошо — не как бояре в старину, а со всеми современными удобствами. Чуть ниже — другой терем. Он-то и является «усадьбой» князя...
>
> Еще в начале 90-х гг. судьба на каком-то застолье свела Н. Д. Лобанова с директором парка «Фили». Тот и поделился с ним спущенной сверху идеей — создать на его «облагораживаемой» территории усадьбу дворянского быта. Глаза у нашего смекалистого князюшки загорелись: «Давайте дом Лобановых устроим. Экспозицию беру на себя!».
>
> Долго ли, коротко ль дела двигались, но вот «хатка» и готова. Очень симпатичная получилась. С виду — рубленый деревянный, а внутри все тот же каменный

Никита Дм. и Е. А. Евтушенко на крыльце Дома-музея Лобановых-Ростовских. Парк «Фили». Москва. 2005

двухэтажный дом. Наверху — «барские» покои. В нижнем этаже — музей. Со всех сторон кремль обступает большой парк, а вернее, лес: деревья растут как бог на душу положит, ни ухоженных дорожек, ни аллей, ни цветников. Птахи заливаются, не нарушая, а обостряя глухую тишину этого теперь отнюдь не окраинного уголка Москвы. Красотища! Благодать божья! В ней наш великолепный герой совершенно преобразился — таким я его еще не видела: простой, земной, домашний и... в тапочках! Да, да, первым делом попросил меня переобуться в мягкие шлепанцы — их, как в музее, целая груда в корзине, — чтобы пол не портить. «Небось, дорогие узорчатые паркеты?» — съязвила я. Ан нет! — все те же сосновые доски, которыми обшиты и стены, только циклеванные, лакированные.

Провел в столовую: «Пообедаем! Я только со встречи вернулся. Вообще в Москве у меня проблема с едой. Хорошо, что часто приходится бывать на ужинах и коктейлях, а то просто беда — некому и некогда готовить». И тут же вытащил из холодильника какую-то снедь — готовые салаты, полуфабрикаты. Загремел кастрюлями, сковородками. Расставил на столе тарелки из специально заказанного, с родовым гербом, сервиза. «Спасибо,

я уже отобедала. Вы ешьте спокойно, а я пока дом осмотрю».

И пошла по комнатам со стенами, увешанными историческими портретами и гравюрами, собранными им в Лондоне (на сумму в 70 тысяч долларов) и привезенными для московского дома. «Жена хотела, чтобы ванная, как положено, была рядом с нашей спальней, — донеслось из столовой. — Но сделали по-своему, отдельно, в конце коридора — вот нелепость!» В кабинете большой, обычный — не письменный — стол. За ним он работает. За ним же собираются «рыцари круглого стола» — все те, кого Лобанов стремится увлечь своими грандиозными планами культурных преобразований России. Потом мы чаевничали — ароматный, душистый английский чай. Вприкуску с орехами — грецкими, фисташками, кешью, которые он с аппетитом поглощал.

«Покажите мне музей», — попросила я. Он нахлобучил старенькую шляпу — никогда, даже в морозы, не видела его в головном уборе, натянул плащ, раскрыл зонтик — на дворе моросил апрельский дождик, отпер своим ключом музейное помещение — ни дать ни взять скромненький музейный смотритель. Две комнаты с семейными реликвиями, документами в витринах. Третья — посвящена Романовым как напоминание о родственных узах Лобановых-Ростовских с царским домом: портреты царей, великих князей и княжон. Среди старых изображений предков Лобанова и новые, выполненные по заказу Никиты Дмитриевича. Бабки, дедки, сановники, военные. Красивые, породистые, осанистые. Мне здорово повезло — у Лобанова зазвонил мобильный... «Пока осмотрите экспозицию», — извинился хозяин. И оставил меня один на один с реликвиями...

По указу Его Императорского величества из Рязанской Духовной Консистории дано сие, на основании 1048 статьи <...>, изданной в 1876 г., в том, что по метрикам Рязанской церкви... села Лобанова, отставного ротмистра гвардии князя Николая Алексеевича

Лобанова-Ростовского сын Иоанн, кн. Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, первым браком, 24 лет…

— свидетельство о браке деда Никиты Дмитриевича с дочерью гвардии отставного прапорщика Дмитрия Ивановича Калиновского, Верой Дмитриевной, 20 лет. Той самой бабушкой, горе-предпринимательницей, которая в Болгарии, продав свои драгоценности, купила «угольное месторождение», оказавшееся… присыпанным землей возом угля.

Во втором зале, где представлены вещи самого Лобанова, его семьи и ближайших родственников — Вырубовых, Галаховых, доминирует большой живописный портрет Н. Д. — спокойный, уверенный и, можно сказать, умиротворенный сознанием выполненного жизненного долга. В самом деле, очень редко встречаются люди, которым удалось бы осуществить почти всё из задуманной грандиозной программы жизни. И этот дом-музей, обустроенный им с таким тщанием, ведь тоже частица его реализованных планов. Пусть лишь толика, но, по-моему, очень существенная. Возможно, и наиглавнейшая — ведь она зримое свидетельство плодов его трудов. Многое из его кипучей деятельности со временем канет в Лету забвения. А музей останется. И мне не совсем понятно, почему Н. Д. довольно небрежно воспринимает одно из своих важнейших (после его замечательной коллекции) осуществлений… Чувствуется отсутствие научного подхода в организации экспозиции. Возможно, нужно сменить ее акценты, дополнить собрание новыми, более значимыми и не только мемориальными экспонатами, снабдить их соответствующими пояснениями. Совершенно необходимыми, к примеру, для таких двух предметов ушедшего быта, как выставленные в витрине пишущая машинка начала века «*Toppedo*» и «допотопная» бабушкина швейная машина «*Singer*»… они вызывают жгучее любопытство школьников-экскурсантов, задающих один и то же вопрос: «А это что такое?»…

Жизнь его основателя представлена весьма хаотично и не во всем ее достоинстве и широте. Несмотря на множество любопытных, но не равноценных документов. Мое внимание привлекает выписка из метрической книги Русской церкви в Софии — о рождении и крестинах Никиты Дмитриевича: родился 6 января 1935, крещен 16/29 апреля 1935 протоиереем Николаем Владимирским. Его аттестат зрелости за № 47/17 — почти отличник, преобладают пятерки, общий успех 4,53 (по пятибалльной в то время системе), и что весьма показательно — лишь только по истории СССР удовлетворительно. Свидетельство от 18 октября 1955 г. о принятии его как студента Оксфордского университета прихожанином христианской церкви при вышеназванном университете. Несколько французских книг в старинных кожаных переплетах: Анатоль Франс, Виктор Гюго, Лассаль, Лафонтен... Их, наверное, читала мать Никиты — Ирина Васильевна, а потом и он сам. Вот пригласительный билет от королевы Англии и ее супруга герцога Эдинбургского на прием в Букингемский дворец по случаю визита В. В. Путина в Англию в июле 2003. А рядом — фотография: Лобанов при всем параде — во фраке с бабочкой — и декольтированной супругой Джун. К числу других подобных любопытных для обывателя документов и другое приглашение «Его сиятельства князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского» на V Международный Царский бал 2004 г. в Берлине, организованный Ириной фон Бисмарк и Александром Козулиным.

Среди архивалий обращает внимание поистине интересный, вопиющий по своему цинизму документ — купчая на души, выданная советским правительством Маргарет Рейсвиц, жене двоюродного дедушки Никиты — А. Н. Галахова. Узнав о горестном положении оставшихся после революции в Петербурге близких супруга, тетушка Грета решила их вызволить из беды и, воспользовавшись существовавшей тогда в Советской России возможностью выкупать людей, внесла в мае 1923 г. в советское

консульство в Берлине 100 тысяч марок, принятых, судя по распискам, в пользу Красного Креста. После этого 6 душ — будущую мать Н. Д., урожденную Вырубову, и ее родственников Вырубовых-Галаховых, выпустили за границу.

Дом Лобановых-Ростовских в Филях, бесспорно, не родовое имение, но тем не менее в нем удалось поселить ауру дворянских гнезд. С помощью духа ее прижизненного хозяина князя Никиты.

Рьяно взялись за ликвидацию

Музей в «Городе мастеров» на территории Филевского парка существовал с сентября 2001 г. до осени 2012 г. Новое правительство Москвы занялось благородной задачей — облагородить «легкие» столицы, превратить московские парки в истинные территории культуры и отдыха. В Парке им. Горького — любимом москвичами месте развлечений — это предназначение уже реализовано. Засиял он теперь новым блеском и содержанием! Взялись за реконструкцию и других зеленых зон Москвы. В их числе и парка «Фили». Проблем в нем оказалось много. Больших, серьезных. Рьяно принялись за их ликвидацию. Но что самое удивительное — с водой и ребенка выплеснули: Дом-музей князей Лобановых-Ростовских закрыли! Выходит, он тоже оказался проблемным?!

После множества обращений князя в мэрию Москвы с запросом о дальнейшей судьбе дома-музея в декабре 2011 г. он получил наконец весьма «учтивый» ответ из Отдела культуры Правительства Москвы. За подписью сотрудницы Е. Б. Струшковой: «Полагаем целесообразным, уважаемый Никита Дмитриевич, рекомендовать Вам вывезти экспонаты и личное имущество из помещения дома-музея...» Без вразумительного объяснения причин сего неумолимого приговора.

Сколько сил, труда и собственных средств вложил Н. Д. Лобанов на воссоздание этого образца «дворянского

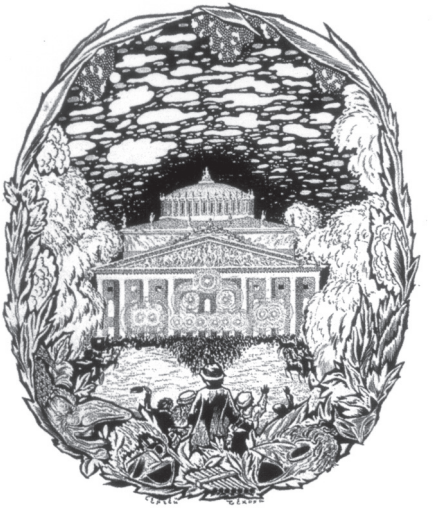
гнезда»! Наполнил два небольших зала экспонатами: старинными гравюрами, копиями и оригиналами 12 семейных портретов, книгами, фамильными реликвиями, копиями 50 театральных эскизов. Позволю себе повторить и иную их стоимость — в денежном эквиваленте — $120 000, выложенных князем из собственного кармана.

Истинные аргументы Синклита в пользу этого решения остались тайной Московского двора. Каковыми бы они ни были, контраргументы защитников музея, бесспорно, одерживают верх.

Когда-то, в Париже, кузен Лобанова, Юрий Александрович Трубников, сказал мне:

Чтобы иностранец мог составить истинное представление о России, он должен видеть не только ее художественные музеи и архитектурные достопримечательности, но и дворянские гнезда, отражающие складывавшуюся веками культуру быта просвещенных слоев русского общества. Как я мечтаю восстанавливать их!

С помощью дядюшки Н. В. Вырубова он сумел воссоздать одно из них — родовое имение Вырубовых в Клейменове на Орловщине, унаследованное от Фета[238].



Часть VI

СЕГОДНЯ

Глава XXII

УДАР, ЕЩЕ УДАР

Ох, нелегко

Ох, нелегко по талому снегу ранней неверной весной в 76 лет от роду вывозить на грузовике «обломки мечты» по тяжким дорогам — почти в неизвестность. Другой бы сломался, был бы опустошен, навек бы «завязал» с культурными начинаниями в России. Но не таков Никита — «гибкое дерево гнется, но не ломается». А даже и не гнется! Тут упертость в характере нашего героя, с которой так непросто бывает близким ему людям, играет главную роль. Он мне не раз любит повторять: «Выживать, выживать — любыми путями и способами». Сквозь разочарование, столь успешно скрываемое ото всех в мире, стальная решимость действовать дальше — вот его главный собственный жизненный проект. Внутри этого проекта — сказочная деревянная пристань в Филях — эпизод. Перевернул страницу. Нашел новое решение. (Кстати, на просьбу прислать материалы о музее в Филях с удивлением ответил: «Зачем ты об этом пишешь? Вчерашние щи». — «Но ведь жизнеописание!» — «Ах, да…» — легко так согласился, мол: «хочешь — пиши, я уже об этом забыл думать, вперед, только вперед»). Итак, решение найдено. И вначале всё «сладостно-радостно»…

Надо сказать, не был бы психологически устойчив, долголетен и неиссякаемо энергичен Никита Дмитриевич, не выдержал бы этих вечных качелей мытарств и взлетов, опирайся он лишь

Никита Дм. у озера Неро. Ростов Великий. 1997

на одну свою угрюмую, беспрецедентно сильную волю. Он весь из противоречий. Он умеет и бесконечно вновь очаровываться, здесь его детская солнечная сторона явственно дает о себе знать во все периоды его жизни. А кроме того: искренняя заинтересованность новыми знакомствами на каждом этапе (люди это чувствуют) — и вот он уже обрел новых поклонников, друзей, а главное — *соратников*. Он ведь Эней, вечный ратник и устроитель государственности в разных общественных ракурсах. Без *соратников* ему невозможно, но они и появляются без всяких на то его усилий — по судьбе. Так он обрел единомышленника в лице замечательного музейщика Елены Владимировны Ким. Она рассказывает:

> Никите Дмитриевичу пришлось искать новое место для размещения собрания музея, а это свыше тысячи предметов XVIII–XX вв. Тогда он обратился в музей Ростова Великого, города своих далеких предков, который он впервые посетил в еще сентябре 1970 г. Не сразу, но коллекция Музея князей Лобановых-Ростовских была перевезена из Москвы в Ростов и поставлена на учет в фондах Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Никита Дмитриевич продолжил свои дарения Ростовскому кремлю, тем более что в 2014 г. его руководство публично заявило о создании Музея князей

Лобановых-Ростовских на правах филиала в специально отведенном здании. Всего Н. Д. Лобанов-Ростовский передал Ростовскому кремлю около 15 тысяч предметов XVII — начала XXI в., имеющих значительную историческую и художественную ценность.

Передача нашим выдающимся современником столь значительного собрания явилась беспрецедентным событием в жизни Ростовского кремля последних десятилетий. В такой полноте семейные реликвии и архивы знатных российских фамилий Булатовых и Мордвиновых были переданы в 1886 и 1908 гг. К сожалению, свои обещания перед крупнейшим дарителем руководство Ростовского кремля (теперь уже бывшее!) не сдержало. Не смогли здесь подготовить к работе новый филиал, который не только стал бы органичным продолжением уже существующих экспозиций, но и дал бы импульс развития Ростовскому кремлю в целом[239].

Бывший директор ГМЗ «Ростовский кремль» Н. С. Каровская вручает князю Н. Д. Лобанову-Ростовскому ключ от Дома Шлякова, в котором планировался разместиться музей Лобановых-Ростовских. Справа вторая супруга Никиты — Джун Лобанова-Ростовская

Руководство не справилось с подготовкой здания в Ростове Великом

В 2012–2016 гг. в Музее-заповеднике «Ростовский кремль» с блеском прошли 4 выставки из коллекции, подаренной Лобановым-Ростовским. И чего тут только не было! Пир красок, наслаждение искусством, нашествие посетителей, присутствие прессы и TV и, наконец, торжественная передача символического ключа от музея — Лобанову. Бывший на ту пору директор, Н. С. Каровская, на славу «пиарилась», курила фимиам дарителю, «обещала моря и горы». Но… к назначенному сроку, как говорилось раньше, здание не оказалось приспособленным к открытию экспозиции.

Вероломство

Что делать руководству? — А перевести стрелки! Найти какой-либо ущерб в дарении, переключить внимание общественности на якобы негатив Лобанова, оставив несовершенство своей деятельности в тени. И новый удар был нанесен с обескураживающим даже в наши времена неблагодарным цинизмом! Цель — оклеветать. Но не только. Оскорбить публично так, чтобы пожилой человек больше близко не подошел к музею (так она посчитала, не зная характер Никиты!). Нанести репутационный урон. Как написал Фрэнсис Бэкон еще в начале XVII в.: «*клевещи, клевещи смело, от клеветы всегда что-нибудь останется*», — и эта фраза стала крылатой, не раз цитировалась, например Пьером Бомарше в «Севильском цирюльнике», — и хорошо известна как принцип действия интриганам и мошенникам всех мастей. Директор Каровская придумала публично объявить о трех якобы подделках из даров Никиты Дмитриевича.

Разумеется, аргументы заказанных Каровской «экспертиз» были безосновательными, со стороны же дарителя — вместе с дарами — были приложены заключения и отечественных, и зарубежных солидных экспертов.

Приведу один только пример, чтобы было понятно, на каких пустых домыслах строились эти антипрофессиональные «доводы».

В подаренном натюрмотре Жоржа Брака 1920-х гг. присутствуют титаново-свинцовые белила. Экспертиза на этом основании оценила полотно как поддельное, ибо — «следите за руками!» — ими в *русских* красках стали пользоваться с *1949* г. Объявили об этом даже в «сюжете о подделках» по TV, как бы напрочь забыв, что Брак — француз, а во *французских* красках титан в белилах использовался, как известно, с *1919* г.

И так — всё… Сведущие искусствоведы (например, питерский коллекционер А. А. Васильев) публично сообщили, что экспертиза недобросовестна и опирается на заведомый обман общественности.

Ростов Великий. «И вечный бой — покой нам только снится»

Очевидность настоящей травли, имеющей целью «замотать» обещанный музей, быстро понял депутат Государственной думы РФ от Ярославской области Анатолий Николаевич Грешневиков. Депутат всех созывов, начиная с первого, член Комитета Госдумы по экологии и охране окружающей среды, член Союза писателей России, за плечами которого множество плодотворных предприятий, например он активно включился в спасение музейного комплекса старинного города Мышкин. Результат ныне — налицо, любимый многими россиянами культурный и туристический центр… Его было «не провести на мякине». И он под стать Лобанову — несгибаемый и вечный ратник. Он инициировал множество писем — в самые высшие инстанции. Целое делопроизводство завел с помощью верной своей помощницы Наталии Борисовны Матюхиной. Еще одной нашей подлинной соратницы. И она вложила в эту переписку, в эту борьбу не только знания, квалификацию, корректность в исполнении, но и свое сердце, как она вкладывает его и во все другие запросы населения, адресованные ее депутату, за многие годы не приобретя деформирующего профессионального равнодушия. Редкий случай. Нет места здесь приводить эпохальную переписку, которая на наших глазах застывает как лава, отливается в «страницу истории». Приведем лишь одно из последних. Седьмой год Грешневиков не оставляет эту тему, хотя понятно, сколько других сложных дел в его «текущих папках».

Письмо депутата Государственной Думы
А. Н. Грешневикова
Министру культуры Российской Федерации
О. Б. Любимовой;
Губернатору Ярославской области
Д. Ю. Миронову;
Директору ФГБУК «Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник»
А. Е. Филяеву

25.06.2021

[Фрагменты]

Уже пятый год представители ростовской, московской, а также международной общественности обращаются ко мне как к депутату Государственной Думы от Ярославской области с просьбой помочь разобраться в ситуации, сложившейся в ФГБУК «Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник» (далее — Музей) с созданием на правах филиала Музея князей Лобановых-Ростовских.

<...>Так, в защиту Никиты Дмитриевича выступила директор Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства Н. И. Метелица, старший научный сотрудник Музея личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина А. А. Савинов и многие другие музейные и научные работники, коллекционеры, журналисты. Были соответствующие публикации и в ростовских и ярославских газетах. А в 2019 г. в трех номерах журнала «Мир музея» была опубликована посвященная Н. Д. Лобанову-Ростовскому и его дарениям в российские музеи статья, в которой, в частности, была дана принципиальная оценка действиям Каровской Н. С. и Сазонова С. В., что стало выражением мнения музейного сообщества.

В ситуацию с травлей Музеем выдающегося общественного деятеля и мецената Н. Д. Лобанова-Ростовского вынуждено было вмешаться Министерство иностранных дел РФ, о чем, в частности, в письме на мое имя сообщил министр С. В. Лавров. По этому же поводу в Минкультуры РФ отправляли свои запросы депутаты С. С. Говорухин, В. В. Жириновский, И. Д. Кобзон, С. М. Миронов. Представители общественности, среди которых известные деятели культуры, ученые, журналисты, направляли письма по поводу неприглядных действий Каровской Н. С. и Сазонова С. В. в адрес Президента РФ, Председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко, Председателя Комитета по культуре Госдумы РФ Е. А. Ямпольской, Заместителю Генерального директора — главному редактору Главной редакции ЭСМИ «Телеканал “Россия-Культура” (Россия-К)» С. Л. Шумакову.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. Есть интересная и разнообразная коллекция, есть пустующее уже более четырех лет здание, есть владеющие материалом ярославские и ростовские специалисты. Нет только Музея Лобановых-Ростовских, о создании которого говорили представители Минкультуры РФ и руководство Музея, засвидетельствовали СМИ, опубликовав фото- и видеорепортажи символической передачи дарителю ключа от Музея Лобановых-Ростовских.

Сейчас, когда приступил к работе новый директор Музея, а благодаря известному меценату, лауреату Государственной премии РФ О. А. Жарову в Ростове осуществляется масштабная программа реставрации и музеефикации города, просим вас вернуться к первоначальному плану создания на правах филиала Музея Лобановых-Ростовских.

Подчеркиваю, создание Музея Лобановых-Ростовских, посвященного княжескому периоду ростовской истории, потомкам ростовских князей, не потребует дополнительных финансовых инвестиций. Однако, в случае осуществления этого проекта, Музей князей

Лобановых-Ростовских займет свою уникальную нишу среди экспозиций существующих и готовящихся к открытию государственных и частных музеев, что увеличит интерес к городу и обеспечит приток туристов.

О принятых мерах прошу проинформировать Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского и меня.

С уважением А. Н. Грешневиков[240]

Свет в тоннеле? — 40 новых чемоданов

Сорок новых чемоданов с дарами Лобанова уже переправлены в Москву. Никита Дмитриевич, как всегда, надеется на лучшее. Вот что он недавно сказал в интервью «Ростовской газете»:

Мои непростые отношения с Государственным музеем-заповедником «Ростовский кремль», длящиеся уже более десяти лет — с декабря 2011 г., отражены во многих публикациях. Коротко напомню суть произошедшего. В 2014 г. Министерство культуры РФ выделило Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль» деньги на реконструкцию дома купцов Шляковых с целью разместить в нем мои дарения. Я получил письменное подтверждение этого в письмах первого заместителя министра культуры В. В. Аристархова и директора Ростовского музея Н. С. Каровской. На публичной церемонии 2 августа 2014 г. в музее, в присутствии журналистов и телевидения, Н. С. Каровская передала мне ключи от дома Шляковых, реставрация которого еще только планировалась.

А позже директор музея публично обвинила меня в дарении трех неподлинных картин. Это из 10 тыс. единиц, которые я подарил музею! Видимо, подобного рода «фантазии» успешно работают в некоторых сферах, потому что все ведущие телекомпании РФ тенденциозно «осветили» эту тему, не говоря о многочисленных статьях в прессе.

Между тем каждая подаренная мною картина сопровождалась сертификатами подлинности от ведущих

советско-российских искусствоведов и развернутыми отчетами технико-технологических исследований.

Депутат Государственной думы России от Ярославской области А. Н. Грешневиков, к которому регулярно обращались с заявлениями о царящем в музее беззаконии жители Ростовского и Борисоглебского районов, стал разбираться и в этом деле. Так, по его запросу председателю СК РФ А. И. Бастрыкину было возбуждено уголовное дело № 11801780008000269, призванное разобраться в истории с т. н. подделками. Однако уголовное дело было прекращено «в связи с отсутствием события преступления».

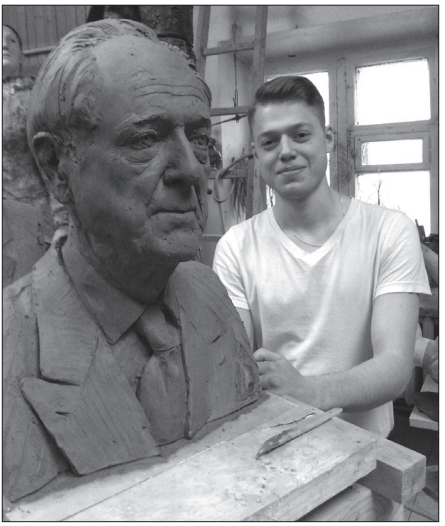
В годы необоснованных нападок меня поддерживали известные государственные и общественные деятели, представители науки и искусства, музейные работники. Особо ценю поддержку неизвестных мне ростовцев, которые обращались к депутатам и в Министерство культуры РФ с просьбой объективно разобраться в ситуации, сложившейся вокруг моих даров в Ростовский музей, выступали в мою защиту в соц. сетях.

Объективная информация регулярно появлялась в открытой ростовцами онлайн-петиции «Уволить директора Ростовского музея Н. С. Каровскую». Благодарю и редакцию газеты «Ростовский вестник», не раз публиковавшую мои статьи и информацию о моих приездах в Россию и Ростов.

В настоящее время покинули свои должности многие участники событий, связанные с историей моих ростовских дарений: в том числе директор Ростовского музея Н. С. Каровская и ее заместитель по научной работе С. В. Сазонов. Удалены с сайта Ростовского музея порочащие меня материалы, закрыта выставка т. н. подделок. Я, как и обещал в 2017 г., продолжил свое сотрудничество с Ростовским музеем, за что благодарен его нынешнему директору А. Е. Филяеву, а также руководителю проекта «Ростов Великий — духовный центр России» О. А. Жарову. Новая выставка в Ростовском музее на основе моих дарений состоится в 2023 г.[241]

А если бы всё сложилось?

Это будет музей дворянского быта, художественный музей, исторический? И то, и другое, и третье. Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского следует назвать заметной фигурой в истории культуры России. Таким образом, он оказывается одновременно и субъектом, и объектом музея.



Скульптор Дмитрий Астафьев лепит бюст Н. Д. Лобанова-Ростовского. 2016

Нам ценно знать, чем жили и дышали его предки. И так выстраивается и визуализируется временна́я вертикаль экспозиции. Не менее любопытна та часть музея, которая повествует об удивительной судьбе и личности Никиты Дмитриевича, демонстрирует, какие предметы художественного мира составляют область интересов самого князя, каков его «образ коллекционера». Так формируется синхронный срез в истории Лобановых. Идея его — показать, как воспитала Лобанова традиционная среда старой русской культуры, сохранявшаяся в эмиграции, как расширили его горизонты жизненные препятствия, как сформировал он себя сам. Итак, музей быта и музей истории, музей художественный и музей рода, наконец, музей индивидуальности. Тут место и семейному серебру Вырубовых, к роду которых принадлежала мать Никиты

Дмитриевича, и фаянсовой ночной вазе из дома лордов Сидней, и театральной афише, и фотографиям с автографом нашему герою. Эта многофункциональность обеспечит возрастающее со временем значение музейного объекта. Нам думается, этот проект имеет особую культурологическую ценность для России. Он останется единственным в своем роде[242].

Национальная портретная галерея. Бои ближнего значения. Рациональный подход к визуализации героев истории

А теперь князь занят реализацией идеи «Национальной портретной галереи». Более 10 лет пробивает лбом эту «стену». Ибо вопреки положительному решению о ее создании в высших эшелонах власти, «чиновники на местах» тормозят реализацию идеи НПГ с успешным рвением[243]. Ну, примерно так же, как затормозили идею его соратницы 1980-х гг. И. А. Антоновой, дерзнувшей воссоединить картины из собраний Щукина и Морозова, принадлежавших Музею западного искусства с 1928 г. и через 20 лет рассеянных между ГМИИ и Эрмитажем. Почему это ему так принципиально?

Важно — знать!

Национальная портретная галерея — моя мечта, но я понимаю, сколь это предприятие убыточно. И если бы я считал возможным в ближайшее время реальное осуществление НПГ, я бы не дарил портретов из своей коллекции посольствам и МИДам, а хранил бы их для галереи. Негативное отношение руководителей российских музеев к НПГ происходит потому, что они боятся лишиться доходов. Но это — не главное. Они боятся лишиться командировок в капстраны, когда они одалживают свои портреты Парижу, Нью-Йорку и Токио. И они забывают, что мое предложение — не расстаться с портретами, а только одолжить на время. Картины остаются на балансе местных музеев, а их периодически отдают на 6 месяцев Национальной

портретной галерее. Но это обстоятельство главы музеев утаивают в своих официальных возражениях и, конечно, борются за свои командировки.

Главное здесь — масштаб. НПГ в Лондоне в год посещает 1 миллион 400 тысяч человек, т. е. где-то 4000 человек в день. Это сравнимо с Эрмитажем. А в другие художественные госучреждения России ходят — ну, может быть, 300 или даже 500 человек в день. Все равно, несравнимо по масштабу, который бы был при наличии НПГ в России.

А основная идея — визуализация и, таким образом, индивидуализация героев российской истории для широкого круга российского населения, от древних времен — до наших дней. Она должна быть не спорадической, а повсеместной. И масштаб тут играет первостепенную роль. Несомненно. Это именно реально, рационально и весьма осязаемо.

Памятник героям Первой мировой войны

На Поклонной горе — огромный монумент, который виден каждому прохожему и проезжающему, нельзя его не заметить. Он меняет панораму. И там постоянно происходят церемонии, связанные с военными датами. У меня все-таки рациональный подход преобладает. Человек видит некое художественное воплощение события и поневоле начинает о нем узнавать и думать. До появления монумента героям Первой мировой войны в России вообще было запрещено разговаривать о ее героях и ее жертвах. А теперь память воплощена въяве.

Памятник народного единства в Севастополе

Со временем непримиримое поколение умрет. И если будущие поколения будут видеть историю, рассказанную в камне, скульптурную группу, которая огромна и видна в Севастополе со многих сторон, следовательно, они будут знать об этом историческом периоде и его последствиях.

Важно — знать. Диктатура в России и Германии лишь спорадически проявляется в том, что накладывает некие ограничения на действия человека. В Китае же правительство через Интернет и ТВ сознательно промывает мозги всему населению. Это беспрецедентный факт приведет к тому, что будущие поколения будут подсознательно настроены действовать как роботы и как хочет их правительство[244].

ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

О, их у него много, внешне неожиданных, резких, спорных, но внутренне обусловленных его своеобычной логикой, жизненным опытом и принципами. Как-то не вписываются ни в какую схему, традиционно представляющую или либералов, или «государственников», или «почвенников», или «прозападников»? Зато вписываются в систему умозаключений, представляющих его собственную личность. Да, другой кругозор — гораздо более широкий, нежели у обычного политического или общественного деятеля, включающий реальный опыт жизни на Востоке и на Западе. Можно бы и нужно составить целую книгу об этом, а сейчас лишь чуть-чуть, малую толику, чтобы вновь услышать его неповторимую интонацию.

Причины и факторы отсутствия гражданского примирения в России

— их всегда было и остается много. Но ведь Россия не единственная страна в мире, где произошел общенациональный раскол. Например, ЮАР долгие годы была расколота на два воинственных противоборствующих лагеря — приверженцев белого апартеида и Африканский национальный конгресс во главе с Нельсоном Манделой. Но здравый смысл в конце концов там возобладал, и произошло примирение между черным и белым населением. Примерно то же самое произошло и в Северной Ирландии, где дело доходило до военных действий между Ирландской

республиканской армией и английскими войсками. В конце концов Тони Блэр пошел на большие компромиссы, и примирение свершилось…

Даже тогда, когда перспектива примирения выглядит утопической, его, и при самых больших противоречиях, можно добиться. Если, конечно, есть желание. И примеры успешного примирения в истории мы не раз видели. В Англии в городе Ковентри есть университет, где преподают курс по теме Примирения. Он даже присуждает докторские степени тем немногим из студентов университета, которые углубленно изучают эту тему…

Когда миллионы белоэмигрантов оказались за пределами родины, большинство их них надеялись, что власть большевиков будет скоро свергнута и наступит другой режим. И знаете, один из представителей Дома Романовых в войну надел нацистскую армейскую форму и письменно призвал белоэмиграцию вступать в ряды германской армии. И было немало тех, кто последовал этому призыву. Но была и другая часть белоэмиграции, которая считала, что независимо от того, кто правит Россией, это их родина и нужно помочь ей справиться с нацистской армией. Среди таких людей был брат моей матери, абсолютный противник советской власти Николай Васильевич Вырубов. Он тут же отозвался на призыв де Голля, прозвучавший по радио, вступил в его армию и провоевал всю войну — от Северной Африки и Сицилии до освобождения Парижа, получив самую высшую награду Франции за военные подвиги. Так что был раскол среди эмиграции тогда, так же как, видимо, есть раскол среди населения России сегодня[245].

Старший брат, Китай?

Китай, в принципе не признающий в партнерстве равенства, будет неизбежно пытаться доминировать. И у него настолько возросшая мощь, что он уже не чувствует, почему надо себя сдерживать. Империи на подъеме себя никогда не сдерживали. Конечно, когда-нибудь Китай сгниет изнутри, но до этого еще далеко…

Федерализация Китая пока не предусмотрена Си Цзиньпином — он жестко стоит за унитарное государство. Но, как не раз показывала история, империи рано или поздно начинают распадаться изнутри. И не обязательно, что при этом кто-то нападает и т. д. Просто верхушка начинает распадаться. Это случилось с Римской империей. То же самое случилось с СССР при Горбачеве и ЦК КПСС.

России стать частью Евросоюза и НАТО?

Абсолютно необходимо! И те в Евросоюзе, кто противится этому, поступают глупо. Огромная экономическая мощь ЕС в случае вхождения туда России позволит как оживить российскую экономику, так и уберечь российским туда вхождением Евросоюз от распада, добавив российское первоклассное оружие, а самое главное, общими усилиями позволит уберечь Россию от поглощения Китаем[246].

300 лет Российской империи — праздник? Почему не празднуют?

Меня это крайне удивляет. Ведь официальная политика Российской Федерации строится на уважении к тем достижениям и границам, к которым русские императоры подвели страну к 1917 г. И мне, и многим выступавшим на конференции соотечественникам, это невнимание к такой значимой дате было абсолютно непонятно.

На конференции было предложено, чтобы в будущем году при возможно более благоприятной эпидемиологической ситуации — отметить это событие на более высоком уровне. Вообще, в России есть праздники, которые произвольно придуманы правительством, но они не отражают реальной истории страны. Я бы даже сказал так: у России нет настоящего национального праздника, подобного тем, что есть в США, Великобритании, Франции… А ведь из 56 стран Европы лишь Великобритания и Россия

существуют в пределах примерно той же территории и говорят на том же более или менее языке, что и тысячу лет назад. Так почему же не сделать главным праздником не искусственный день Народного единства, а по-настоящему значимый День крещения Руси!.. Тем более что достижения имперской России неоспоримы. Россия не покоряла другие народы, она включала их в свои пределы, приглашая знать с окраинных территорий в Москву, в правительство и т. д. Поэтому Российская империя так удачно развивалась, в отличие, кстати, от Британской империи, которая просто завоевывала другие страны, а местное население закабалялось. А в России как было? Знать из окраин принималась в Питере точно так же, как и этнические русские. В отличие от других империй, той же Британской например, где никто бы не придумал индийского махараджу сажать в палату лордов или делать депутатом парламента, или допускать в элитный английский клуб Бомбея или Дели. И эта тоже одна из причин, почему многие империи распадались, а Россия утверждалась, несмотря на все иные недостатки ее имперского устройства. И в этом, на мой взгляд, состоит главное достижение дома Романовых[247].

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ. БОДР, ОБАЯТЕЛЕН И… РАЗНОЛИК

Что можно сказать о нем ныне? Он бодр, целеустремлен, постоянно занят личными литературными и общественными проектами, обаятелен, противоречив и… разнолик, что неизбежно, на мой взгляд, для глубокой и оригинальной личности. Пережитые трагедии семьи навсегда остались горькой тенью в его сердце…

Общение с Никитой Дмитриевичем — подарок судьбы, и совместная работа с ним необыкновенно увлекательное и интересное занятие, столь он разнообразен. Предсказуем и неожидан, отважен, но и осмотрителен. Иногда может быть глубоко сердечным — а порой беспощаден. Никита Дмитриевич, случается, расчетлив до мелких деталей, а вдруг жертвует своими финансовыми

и личными интересами ради других. Он требователен к себе, к окружению, случается — капризен, а то авантюрен, но при этом — бесконечно честен. Подчас он — рискованно вольный на язык, но глубоко чопорный и благовоспитанный в душе. Бывает временами суров до одервенения, неумолим, а иногда — трогательный ребенок. Гневлив, но отходчив. Рассердившись всерьез, если имеет на то основания, застегивается на все пуговицы и становится старомодно вежлив — не пронять — «огонь во льду»! Но умеет и прощать… Этот ряд каждый из знающих Н. Д. Лобанова-Ростовского мог бы продолжить на свой лад. Вызывает самые разнообразные эмоции, кроме одной — скуки.

Никита Дм. вешает белье во дворе своего дома. Лондон. 2017

Увидев эту характеристику, друг болгарского детства Никиты Дмитриевича — Платон Васильевич Чумаченко с юмором написал мне: «Точнее, чем в полицейском участке».

«Прочитать» Никиту Лобанова до конца — дело неблагодарное. Его многокрасочная психологическая палитра позволяет искать и вновь выявлять тени и полутени, обнаруживать неясные оттенки или высвечивать четкие графические штрихи. Недаром художники пишут его портреты, скульпторы лепят, а кино- и тележурналисты так любят запечатлевать на видео его темпераментные рассказы, внезапные оригинальные ответы, резкие и прямолинейные суждения. С Никитой Дмитриевичем очень интересно. И слушать его, и работать с ним. Так я и стала участником его литературных проектов…

Что еще добавить о «человеке больших полетов»? Глубокая культура, которая досталась ему по праву рождения, еще и — плод его постоянного саморазвития и энергичного интереса к жизни и людям. Его вкус и мнения о художественных процессах и мире выставок полезны для всех, интересующихся искусством.

Государственный муж

А что главное для него самого сегодня? — Он по-прежнему человек дела и действия. А также подлинно государственный муж — и по уровню мышления, и по целям, которые он перед собой ставит, — подобно его предкам, министру юстиции Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому (1758–1838) или министру иностранных дел Алексею Борисовичу Лобанову-Ростовскому (1824–1896). Не умея освободиться от травм и печалей по поводу трагической судьбы самых близких ему людей — отца, матери, дедушки, он научился отделять это личное от своей общественной деятельности, не побоимся сказать, на благо Отечества. Разумеется, такого рода систематическая работа выработала в нем умение оценивать экономические и политические процессы современного общества. Отсюда — достоверность его прогнозов.

Заседание МСРС. Справа налево: Н. Д. Лобанов-Ростовский, граф П. П. Шереметев, Г. Л. Мурадов, С. П. Цеков. Ялта. 2008

Вопреки всем перипетиям жизнь его наполнена.

Освободился ли он от детских травм? Однозначно нет. Тащит их по жизни. Реализовался? Безусловно, да. Стал успешным не только в избранных профессиях геолога, финансиста, в своих

Никита Дм. на веранде своего дома. Лондон. 2017

увлечениях — коллекционерства, меценатства, не только в общественной жизни, в социальном плане, в благоустроенности жизни. Но и развивая данные природой внутренние способности — от спорта (чемпион Болгарии среди юниоров по плаванию брассом — как вызов бесконечным детским болезням) до почетного членства Российской академии художеств как признанного знатока искусства Серебряного века (ответ своей болгарской юности, в которой он не увидел ни одной картины, ибо в Софии картинных галерей не было). Его безупречная филантропическая деятельность создала ему мировое имя. И главным для него было, есть и будет дело!

Жизнь его — сплошное преодоление: себя, других, обстоятельств, судьбы. А спасают юмор и ирония — столь глубоко скрытые, что далеко не каждый ощущает их присутствие в его обычных и нейтрально сказанных фразах. Хочется сказать ему: «Никита Дмитриевич, Вы самый взрослый из нас и самый юный, наша поддержка и путеводная звезда! Дай Бог Вам здоровья, деятельного и энергичного долголетия, и главного для Вас — исполнения Ваших замыслов и планов!»

И столь характерная для князя реплика

Я хотел бы быть Лоренцо Медичи, чтобы жертвовать на искусство с безоглядной щедростью.

BALLETS RUSSES
NOVIKOVA

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* О престолонаследии / *Карнович О. А.* XX век русского балета Татьяны Лесковой // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София : Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 486.

[2] *Федорова Е. С.* Полвека меценатства // Мир музея. 2020. № 1, январь. С. 33.

[3] *Федорова Е. С.* Анна Сергеевна Вырубова. Вкус к жизни. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. С. 344.

[4] *Банников А. П.* Судьба на фоне коллекции. Собрание театральной живописи князя Н. Д. Лобанова-Ростовского // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 62–63.

[5] Письмо И. В. Лобановой-Ростовской к К. Н. Галаховой от 12 января 1939 г. // Архив Н. Д. Лобанова-Ростовского. Лондон. (Цит. по: *Банников А. П.* Судьба на фоне коллекции… С. 61–62.)

[6] Художники русского театра. Собрание Нины и Никиты Лобановых-Ростовских: каталог-резоне / Сост. Дж. Боулт. Т. 1. М.: Искусство, 1990; Художники русского театра. Собрание Нины и Никиты Лобановых-Ростовских: каталог-резоне / Сост. Дж. Боулт. Т. 2. М.: Искусство, 1994.

[7] *Федорова Е. С.* Никитиниана. К презентации книги Л. В. Довыденко «Дарить России». Москва, 2022 // Рюрикович. Штрихи прошлого. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023.

[8] *Пасичник Неонила.* Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский: нам нужно обрести гражданское согласие // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 38.

[9] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии: до и после 1917 года. Воспоминания матери. М.: Минувшее, 2020. Т. 1. С. 494.

[10] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии: до и после 1917 года. Воспоминания матери. М.: Минувшее, 2020. Т 2. С. 352.

[11] Там же. Т. 2. С. 238–240.

[12] *Федорова Е. С.* Испытания и побег князей Лобановых-Ростовских // Русская мысль. Лондон, 2021. Октябрь. С. 32–37, и на сайте Православие. ру: URL: https://pravoslavie. ru/141745. html (дата обращения: 14.09.2021).

[13] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии… Т. 1. С. 280–281.

[14] Там же. Т 1. С. 273–274.

[15] Там же. С. 275–277.

[16] Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Изд-во Сестричество во имя преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Федоровны, 2011. С. 329.

[17] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии… Т. 1. С. 173–174.

[18] Там же, Т. 1. С. 172.

[19] Там же. Т. 1. С. 292.

[20] Там же. Т. 1. С. 174.

[21] Там же. Т. 1. С. 146.

[22] Там же. Т. 1. С. 167.

[23] Там же. Т. 1. С. 226.

[24] Там же. Т. 1. С. 416.

[25] Там же. Т. 1. С. 418–421.

[26] Там же. Т. 1. С. 390.

[27] Там же. Т. 2. С. 118.

[28] Там же. Т. 1. С. 468.

[29] Там же. Т. 2. С. 552.

[30] Там же. Т. 2. С. 324.

[31] Там же. Т. 2. С. 184, 229.

[32] Там же. Т. 2. С. 508–509.

[33] Там же. Т. 2. С. 549.

[34] Там же. Т. 2. С. 552.

[35] Там же. Т. 2. С. 551–552.

[36] Там же. Т. 2. С. 566.

[37] Там же. Т. 2. С. 566.

[38] Там же. Т. 1. С. 169.

[39] Там же. Т. 2. С. 551–552

[40] Там же. Т. 2. С. 555.

[41] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский? София: Университетское издание «Св. Климент Охридский», 2020. С. 16–18.

[42] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. С. 10.

[43] *Иванюк В. Н.* Воспоминания о старом князе, старой княгине и о детстве Никиты Лобанова-Ростовского: интервью; запись Е. С. Федоровой. Август 2018 г. // *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии… Т. 1. С. 40–42.

[44] Письмо Н. Д. Лобанова-Ростовского сестре О. И. Лобановой-Ростовской // Архив Н. Д. Лобанова-Ростовского. Пер. с фр. Ирины Добкиной.

[45] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Судьба русской аристократии: мой дедушка князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский. Литературная запись Е. С. Федоровой // Русская мысль. (La pensée russe). Париж, 2019. Т. 113. № 9, октябрь. С. 42.

[46] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О Российской трагедии… Т. 1. С. 41.

[47] Там же. Т. 1. С. 256.

[48] Там же. Т. 2. С. 280.

[49] Там же. Т. 2. С. 281.

[50] Там же. Т. 1. С. 476.

[51] Материалы из архива Болгарской безопасности // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 215.

[52] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Исторические документы и личные впечатления. Летопись жизни Н. В. Вырубова // Герой французского Освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. Источники и исследования. Коллективная монография / Сост.: Н. Д. Лобанов-Ростовский, М. А. Трубникова-Муре, Е. С. Федорова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 351.

[53] *Вырубов Н. В.* Соратник Освобождения. Беседы с губернатором Паскалем Майосом / Пер. с франц. Николая Алексеевича Федорова; под ред. Е. С. Федоровой, М. А. Трубниковой-Муре // Герой французского Освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. Источники и исследования… М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 35.

[54] Там же. С. 78.

[55] Там же. С. 33.

[56] Там же. С. 68.

[57] *Вырубов Н. В.* Судьба семьи // Герой французского Освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. Источники и исследования… М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 222.

[58] *Белкова Гелия*. Русская фамилия Вырубовы // Герой французского Освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. Источники и исследования… М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 410.

[59] Там же. С. 410.

[60] Там же. С. 410.

[61] *Вырубов Н. В.* Соратник Освобождения… С. 78.

[62] *Кротов Яков, о.* Почему любовь к России объединяет верующих и неверующих // *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 306.

[63] *Подгорный Б. А.* В. В. Вырубов // Герой французского Освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. Источники и исследования… М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 322–323.

[64] Вырубов Н. В. Соратник Освобождения… С. 69.

[65] Там же. С. 23.

[66] Там же. С. 25.

[67] Там же. С. 24, 26, 28.

[68] Там же. С. 28–29, 38.

[69] *Вырубов Н. В.* Судьба семьи… С. 226.

[70] Материалы Болгарской Безопасности // *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 233.

[71] *Лобанова-Ростовская В. Д., кн.* О российской трагедии… Т. 2. С. 563.

[72] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание» // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 12–19.

[73] *Иванюк В. Н.* Воспоминания о старом князе, старой княгине и о детстве Никиты Лобанова-Ростовского: интервью; запись Е. С. Федоровой. Август 2018 г.

[74] Письмо Н. И. Лобанова-Ростовского сестре О. И. Лобановой-Ростовской // Архив Н. Д. Лобанова-Ростовского. Пер. с фр. Ирины Добкиной.

[75] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 14.

[76] Там же. С. 213, 567.

[77] Там же. С. 25.

[78] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 28.

[79] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 26.

[80] *Беляков Дмитрий*. Что такое русский князь // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 23.

[81] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский?.. С. 21–31.

[82] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 20.

[83] *Лобанова-Ростовская В. Д.* О Российской трагедии… Т. 2. С. 594–595.

[84] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 40.

[85] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 23.

[86] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 43–53.

[87] *Банников А. П.* Судьба на фоне коллекции… С. 67.

[88] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 23.

[89] Филипов Никола. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 55–56.

[90] Там же. С. 58–60.

[91] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 10–11.

[92] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 22.

[93] Там же. С. 24.

[94] Там же. С. 24.

[95] Там же. С. 24.

[96] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 10–11.

[97] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 26.

[98] См.: *Кормер В. Ф.* О карнавализации как генезисе двойного сознания // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 166–186.

[99] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 30.

[100] Там же. С. 20.

[101] *Ангелова Лилия*. Моя любовь к науке родилась в Болгарии // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 711.

[102] *Ларкина Людмила*. Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 277.

[103] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 32.

[104] *Галани Сергей*. Удавшийся побег. София: Лито-Балкан, 2021. С. 20.

[105] *Балашова-Мрочковская С. П.* Никита Великолепный // Рюрикович в эмиграции. М.: Полиграф-плюс, 2015. С. 120.

[106] Там же. С. 120.

[107] *Петрусенко Святослав*. Воспоминания. В пионерском лагере в Варне. Поход на Рилу // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 323–324.

[108] *Левчев Любомир*. Освобождение // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 743–744.

[109] Письмо И. В. Лобановой-Ростовской к сыну. 21.04.1947 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 232.

[110] Письмо В. В. Вырубова министру МВД Болгарии 28.06.1949 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 236–238.

[111] Материалы Болгарской Безопасности. Рапорт-предложение: вербовка И. В. Лобановой агентом в группу по активному расследованию предателей. 21.06.1951 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 240.

[112] Там же. С. 240.

[113] Материалы Болгарской Безопасности. Рапорт об осуществлении вербовки. 12.08.1951 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 243–244.

[114] Материалы Болгарской Безопасности. Агентурное донесение — прием у Робева. 29.11.1951 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 243–244.

[115] Материалы Болгарской Безопасности. Оперативное предложение… // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 247.

[116] Материалы Болгарской Безопасности. Рапорт: встреча с агентом «Марина». 20.09.1952 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 253.

[117] Материалы Болгарской Безопасности. Рапорт: план проверки искренности агента «Марина». 20.10.1952 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 255.

[118] Материалы Болгарской Безопасности. Рапорт: встреча с агентом «Марина». 20.09.1952 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 253.

[119] Материалы Болгарской Безопасности. Объяснительная записка от агента «Марина». 21.03.1953 // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 256.

[120] Побеги подробно описаны в книгах: Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский. Статьи, интервью, рецензии. М., 2015; *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010; *Гурвич Эдуард*. Дерзкие параллели. М.: Человек, 2012; *Горбовский А. А.* Рюрикович. Детство Никиты. М., 2004, и на сайте Сахаровского центра: URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/

[121] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 131.

[122] Там же. С. 32.

[123] *Смирнова Наталья*. Идейный князь // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 191–192.

[124] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 40.

[125] Там же. С. 41.

[126] *Карнович О. А.* Серж Лифарь. Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 367–368, 376.

[127] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 41.

[128] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Круглый стол, заключающий выставку «Прорыв» в музее имени А. А. Бахрушина // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 450–451.

[129] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Судьба — Коллекция — Россия // Новый журнал. Нью-Йорк, 2000. Декабрь. № 221. С. 42. (Цит. по: *Банников А. П.* Судьба на фоне коллекции… С. 109.)

[130] *Орлова Ольга*. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Возвращенные сезоны // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 213.

[131] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 53.

[132] Там же. С. 49.

[133] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности и любви в жизни князя Никиты Дм. Лобанова-Ростовского // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 423.

[134] *Ларкина Людмила.* Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским… С. 275.

[135] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 430.

[136] Там же. С. 423–424.

[137] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 39.

[138] *Дьякова Ксения, Багратион-Мухранская Карина.* Князь Никита Лобанов-Ростовский о своей выдающейся жизни, искусстве и британском обществе: «В Англии политика считается неприличным делом» // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 400.

[139] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 33.

[140] *Дьякова Ксения, Багратион-Мухранская Карина.* Князь Никита Лобанов-Ростовский… С. 400–405.

[141] *Ларкина Людмила.* Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским… С. 276.

[142] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 426.

[143] Там же. С. 426–427.

[144] *Ким Е. В.* Дары Соотечественника — на миллион евро // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 497.

[145] *Маруденко А. М.* Диалоги с князем Никитой Дм. Лобановым-Ростовским. Фрагменты книги // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 74–76. [Цит. в извлечениях.]

[146] Там же. С. 79.

[147] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 425–426.

[148] *Маруденко А. М.* Диалоги… С. 77–83. [Цит. в извлечениях.]

[149] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 427.

[150] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции // Рюрикович на переломе эпох. М.: Полиграф-плюс, 2020. С. 95.

[151] *Федорова Е. С.* О круге интересов … // Рюрикович. Житье-бытье… С. 427.

[152] *Пак Б. Б.* О музейном мире США и восприятии англичан России // Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 326–335. [Цит. в извлечениях.]

[153] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 93.

[154] Там же. С. 26.

[155] *Даренков Н.* Гиды или шпионы? // Известия. 1961, 18 января, № 15.

[156] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 96–98.

[157] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 44.

[158] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, а не созерцание»… С. 30.

[159] *Губин Дмитрий.* Дали. Петербург. Россия // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 294.

[160] *Пак Б. Б.* О музейном мире США… С. 345. [Цит. в извлечениях.]

[161] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 428–429.

[162] Там же. С. 430.

[163] *Мишков Христо*. Никита Лобанов-Ростовский: «Наука доставляет большее удовлетворение, чем деньги» // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 390–391.

[164] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 425.

[165] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 98.

[166] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 98.

[167] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 55.

[168] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности и любви… С. 424.

[169] Там же. С. 433–434.

[170] *Филипов Никола*. Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 99–100.

[171] Графологический анализ // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 316–320.

[172] *Балашова-Мрочковская С. П.* Дон Жуан в поисках вечной возлюбленной // Рюрикович в эмиграции. М.: Полиграф-плюс, 2015. С. 110–120. [Цит. в извлечениях.]

[173] *Гент фон Наталья*. Господин из Сан-Франциско. [Фрагменты] / Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 69–71.

[174] Там же. С. 72–147.

[175] Там же. С. 71–72.

[176] *Пак Б. Б.* О музейном мире США… С. 332. [Цит. в извлечениях.]

[177] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 112.

[178] *Смирнова Наталья*. Идейный князь… С. 186–187.

[179] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 95.

[180] Там же. С. 94–95.

[181] *Вагнер Екатерина*. Нина Лобанова-Ростовская: «Если бы у нас было больше денег, наша коллекция, возможно, была бы хуже» // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 703–704.

[182] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 101.

[183] *Маруденко А. М.* Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским 02.04. 2023 // Рюрикович. Штрихи прошлого. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. [Цит. в извлечениях.]

[184] *Орлова Ольга*. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Возвращенные сезоны // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 217.

[185] Там же. С. 217.

[186] Там же. С. 217.

[187] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 434.

[188] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 34–35.

[189] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 111–112.

[190] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Продолжатели событий // Русское зарубежье. Великие соотечественники. 100 судеб русской эмиграции в XX и XXI веках. М.: Яуза-каталог, 2022. С. 629.

[191] *Орлова Ольга.* Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Возвращенные сезоны // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 217–218.

[192] *Калашникова Елена.* «Типичного динамичного Бакста вы узнаете за 10 метров» // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 167–173.

[193] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Годы, события, люди. Семейство Бенуа // Мир музея. 2022. № 413. Январь. С. 25–29.

[194] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 137–138.

[195] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 50.

[196] *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Продолжатели событий… С. 631–632.

[197] *Bolt J.* Russian State Design. Mississipi, Mississipi Museum of Art., 1982. P. 1–2. (Цит. по: *Лобанов-Ростовский Н. Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция… С. 102.)

[198] *Пасичник Неонила.* «Считается неприличным демонстрировать свое богатство» // Рюрикович в XXI веке. М.: Полиграф-плюс, 2017. С. 176.

[199] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 132.

[200] Прорыв. Русское театрально-декорационное искусство 1870–1930. The Russian stage and theatre design in 1870–1930: каталог выставки: в 2 ч. / Гос. центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина; сост. Д. В. Родионов, С. Г. Джафарова. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2016.

[201] *Стародубцева Зинаида.* Потомки смогут это оценить: выставка-комета «Прорыв. Русское театрально-декорационное искусство. 1870–1930» // Сцена. 2017. № 3 (107). С. 51.

[202] *Балашова-Мрочковская С. П.* Никита Великолепный… С. 104.

[203] *Беляков Дмитрий.* Что такое русский князь… С. 28.

[204] *Маруденко А. М.* Диалоги… С. 87–98.

[205] *Верлин Евгений.* Стаханов Ближнего Востока: князь Н. Д. Лобанов-Ростовский о контрабандистах, коммунистах и авангардистах // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Из-во Захарий Стоянов, 2022. С. 309–311. [Цит. в извлечениях.]

[206] *Верлин Евгений.* Там же. С. 313–314. [Цит. в извлечениях.]

[207] *Федорова Е. С.* О круге интересов… // Рюрикович. Житье-бытье… С. 433–434.

[208] *Иванова Драгомира.* Князь Никита Лобанов-Ростовский. [Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским] // Златна възраст. София. 2020. 20 марта.

[209] *Василев Бойко*. Интервью Н. Д. Лобанова-Ростовского Болгарскому ТН-1 «Панорама». София. 06.03. 2020.

[210] *Иванова Драгомира*. Князь Никита Лобанов-Ростовский. [Интервью с Н. Д. Лобановым-Ростовским.]

[211] *Беляков Дмитрий*. Что такое русский князь… С. 28.

[212] *Маруденко А. М.* Диалоги с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским // Рюрикович. Штрихи прошлого. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. [Цит. в извлечениях.]

[213] *Зильберштейн И. С.* Дело жизни. Лучшая зарубежная коллекция русского театрально-декорационного искусства // Огонек. 1986. № 36. С. 24.

[214] *Катаева Нина*. «Хочу умереть бедным человеком, хочу передать свою коллекцию России» // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 285–286.

[215] *Банников А. П.* Судьба на фоне коллекции… С. 115.

[216] *Калашникова Елена*. «Типичного динамичного Бакста…» С. 173.

[217] *Калашникова Елена*. И. С. Зильберштейн и Музей личных коллекций // Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 379–380.

[218] *Балашова-Мрачковская С. П.* Русский дом в английской столице // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 10–11. [Цит. в извлечениях.]

[219] Там же. С. 16–17.

[220] См. серию «Рюрикович», в каждом томе есть материалы о бароне.

[221] *Пасичник Неонила*. Во имя и на благо России // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 276.

[222] *Гурвич Эдуард*. Про князя Н. Лобанова-Ростовского и барона Фальц-Фейна, про их любовь к родине, ну, и про секс… // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 335–346.

[223] *Федорова Е. С.* «Мне важнее действие, чем созерцание»… С. 47–48.

[224] Там же. С. 61–62.

[225] Русский нобель. 2013. № 3. С. 42–43; *Шлепянов Александр*. Клуб коллекционеров СССР. Между двух миров. Коллекционеры — авангард // URL: http://cometogether.org.uk/content/mezhdu-dvuh-mirov-kollekcionery-avangard (дата обращения: 20.06.2005).

[226] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 104.

[227] Там же. С. 104.

[228] *Мясников Г. В.* «Душа моя спокойна». Из дневников разных лет // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 87.

[229] *Беляков Дмитрий*. Что такое русский князь… С. 28–29.

[230] Там же. С. 28.

[231] Там же. С. 28.

[232] *Банников А. П.* Портрет на фоне коллекции… С. 103.

[233] *Димчева Анжела.* Князь Никита Лобанов-Ростовский: «Предвижу финансовый кризис в Европе с уходом канцлера Меркель» // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 799.

[234] *Филипов Никола.* Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?.. С. 108.

[235] *Карнович О. А.* Марис Лиепа // Рюрикович на переломе эпох. М.: Минувшее, 2020. С. 402–407.

[236] Из письма Н. Д. Лобанова-Ростовского — А. А. Новикову-Ланскому. 03.04.2023 // Архив Н. Д. Лобанова-Ростовского.

[237] *Балашова-Мрочковская С. П.* Дворянское гнездо // Рюрикович в эмиграции. М.: Полиграф-плюс, 2015. С. 121.

[238] Там же. С. 121–127.

[239] *Ким Елена.* Возрождение музея // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 603–603.

[240] *Грешневиков А. Н.* Письмо депутата Государственной Думы // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 589–590.

[241] Газета «Ростовский вестник». № 80 (16345). 13 октября 2022.

[242] *Федорова Е. С.* Коммуникация поколений в музейном пространстве: формирование исторических и эстетических представлений о российской дворянской культуре. «Род и личность» в музейном проекте Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. М.: Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2022. Т. 58. № 3. С. 93.

[243] О переписке с разными инстанциями см.: Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022, и новое издание серии: Рюрикович. Штрихи прошлого. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023.

[244] *Федорова Е. С.* О круге интересов, рациональности… С. 437.

[245] *Верлин Евгений.* Откровенный разговор с лондонским Рюриковичем о «красных» и «белых», путинской России, коммунистическом Китае, примирении, Крыме и музее в Ростове // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 303–304. [Цит. в извлечениях.]

[246] *Верлин Евгений.* «Русский империалист», меценат, синофоб. Князь Н. Д. Лобанов-Ростовский о коллекционировании, Китае и сущности Российской империи // Рюрикович. Житье-бытье многогрешного князя Никиты. София: Изд-во Захарий Стоянов, 2022. С. 323. [Цит. в извлечениях.]

[247] Там же. С. 324.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абракл Эрнст (Ernest C. Arbackle), Chairman (председатель) Совета директоров «Wells Fargo Bank» 11, 295,296
Аванта, мошенник, заключенный в тюрьме с Никитой 112, 113
Авзал Хаджи Мохад, контрабандист, для мусульман — торговец 292, 293
Авраам, пророк 292
Акимов Николай Павлович, режиссер 278
Александр III, имп. 279
Александр Македонский, древнегреческий полководец 285
Александр Невский, Св., князь Новгородский, полководец 61, 88
Александра Федоровна, **имп.,** супруга имп. Николая II 38, 40, 62
Алексеев Михаил Васильевич, генерал, участник Белого движения, создатель Добровольческой Армии 68
Алексей Николаевич, **Цесаревич**, сын императора Николая II 60, 311
Алёшка, красноармеец 64

* Аннотированный указатель составлен с целью — в соответствии с текстом книги — детализировать жизнеописания круга лиц, наиболее значимых для Н. Д. Лобанова-Ростовского, конкретизировать его генеалогическое древо, очертить сферы его интересов. В случаях, когда указываются родственники Н. Д. Лобанова-Ростовского или важные в его жизни личности, даются развернутые биографические справки. В кратких аннотациях мы сочли уместным указывать род занятий для, возможно, не очень известных читателю зарубежных деятелей, историков искусства, антикваров и пр.; для художников-эмигрантов обозначили факт отъезда на чужбину и страну проживания, поскольку Никита и Нина Лобановы-Ростовские составили всемирно известную коллекцию из находок, связанных с этими творцами первой волны эмиграции. Так же кратко называем сферу деятельности и для очевидно известных читателю фигур, чтобы избежать разночтений.

Али ибн Абу Талиб, зять пророка Магомеда 385
Алхимов Владимир Сергеевич, глава Центробанка СССР 216
Аль-Сауд, династия 282
Амвросий Оптинский (Гренков Александр Михайлович), преподобный, иеросхимонах, оптинский старец 42
Амузегар Джамшид, премьер-министр Ирана 280, 288, 289
Анастасия, **Вел. княжна**, дочь имп. Николая II 311
Ангелова Лилия, болгарская журналистка 369
Андонов Н., сотрудник болгарской сигурности (госбезопасности) 151
Андропов Юрий Владимирович, председатель КГБ СССР, генсек ЦК КПСС СССР 11, 281, 325–328
Анна, Королевская принцесса, дочь Елизаветы II 291
Антонова Ирина Александровна (1922–2020), директор ГМИИ им. А. С. Пушкина (1961–2013) 11, 276, 302, 313–316, 323, 355
Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), родственник Никиты, известный философ и историк культуры 80, 204
Арсеньев Юрий Сергеевич, брат Н. С. Арсеньева 80, 81
Асадулаев Хизри Газизович, художник [вклейка 4]
Астафьев Дмитрий, скульптор 354 [вклейка 8]
Ахмад Шах Каджар, шах Персии 291

Багратион-Мухранская Карина, журналист 370, 371
Багратуни Леон, товарищ Никиты по Оксфорду 200
Байер Жозеф (Josef Bayer), австрийский композитор [заставки: виньетки к главам, 17, 33, 56, 72, 85, 98, 108, 123, 137, 143, 159, 167, 192, 200, 213, 217, 250, 280, 297, 310, 321, 333, 345]
Бакл Ричард, английский театральный балетный критик 164
Бакст Лев Самойлович, художник. Эмигрант, жил во Франции [виньетки к главам 17, 33, 56, 72, 85, 98, 108, 123, 137, 143, 159, 167, 192, 200, 213, 217, 250, 280, 297, 310, 321, 333, 345; заставки 157, 166], [вклейка 18, 19]
Балашова-Мрочковская Светлана Павловна, русско-болгарская писательница, журналист, переводчик 141, 224–238, 278, 279, 307, 333, 334, 369, 372–375
Балиев Никита Федорович, антрепренер, владелец кабаре «Летучая мышь» 264, [заставка 30]
Балясный Константин Александрович (1860–1917), супруг Л. Г. Балясной. Адъютант Великого князя Сергея Александровича (1884–1889). В 1902–1906 орловский гражданский губернатор 40

Банников Анатолий Павлович, геолог, искусствовед 321, 323, 365, 368, 370–374
Барнс Мейнард, полковник США, взявший деньги за побег Лобановых и предавший их 106, 107
Барр Альфред Хамильтон (Alfred H. Barr), историк искусства; первый директор Музея современного искусства в Нью-Йорке 255
Барт Виктор Сергеевич, художник. Эмигрант, жил в Париже. В 1936 вернулся в СССР 320
Бастрыкин Александр Иванович, председатель СК РФ 353
Бах Иоганн Себастьян, композитор 180
Бахрушин Алексей Александрович, предприниматель, коллекционер, меценат 10, 13, 276–279, 370, 373
Белкова Гелия, филолог, журналист 367
Беляков Дмитрий, фотожурналист 368, 373, 374
Бемберги, семейство, аргентинские олигархи, землевладельцы 70
Бен Ладен Усама, международный саудитский террорист 10, 281–283, 332
Бенатов Леонардо (Левон Михайлович Бунатян), художник. Эмигрант, жил в Париже 320
Бенкендорф Александр Константинович, **граф**, последний посол Российской империи в Великобритании 164, 174
Бен-Ладен Мухаммед ибн Авад, отец Усамы бен Ладена 281, 282
Бен-Ладены, семья 282
Бенуа Александр Николаевич, художник, основатель «Мира искусства». Эмигрант, жил в Париже 10, 164, 250, 254, 255, 260, 264–267, 277, 303, 304, 306, 308–310, 320 [заставка 82]
Бенуа Анна Александровна, **Атя, в зам. Черкесова,** дочь А. Н. Бенуа 266, 267, 269, 270, 303, 304
Бенуа Михаил Альбертович, зав. Русской частной оперой в Париже 304
Бенуа Николай Александрович, художник, сын А. Н. Бенуа 10, 267–270, 272 [вклейка 3]
Бенуа, семейство 10, 264–269, 373
Берберова Нина Николаевна, писатель 161
Бердяев Николай Александрович, философ 169, 170
Берзин Роберт Юрьевич (1887, Венден, Лифл. губ. — 1950, Париж), врач, известный хирург, главврач больницы Красного Креста в Софии (1923–1933) 116

Берлин Исайя Максимович, сэр, английский философ 8, 168–170
Берта, Цыпкевич Берта Марковна (Разаматт в первом браке), племянница Бакста 260
Бетховен Людвиг ван, композитор 139
Билибин Иван Яковлевич, художник 262, 277 [заставка, 155]
Бисмарк Ирина фон, музыкант, продюсер, артистка музыкальных театров в СПб., с 1992 живет в Германии 339
Блок Александр Александрович, поэт [заставка 55]
Блэр Тони (Anthony Blair), сэр, премьер-министр Великобритании (1997–2007) 358
Бобышов Михаил Павлович, художник 277
Болан Семен Якимович, антиквар в Нью-Йорке 197
Болящий Иоанн (? — 1921), монах в тайном постриге, из крестьян, с молодости был парализован, жил при монастырях близ г. Лебедяни. Обладал даром пророчества и молитвенного утешения 44–47
Бомарше Пьер, драматург 348
Борис III, царь Болгарский 53, 88
Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович, художник 258
Боулт Джон (J. Bolt), искусствовед 256, 266, 274, 278, 365
Брак Жорж, художник 349
Брежнев Леонид Ильич, Генсек ЦК КПСС 287
Брежнева Галина Леонидовна, дочь Генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева 281
Брейтуэйт Джил, супруга **Р. Брейтуэйта** 332
Брейтуэйт Родрик (Rodric Braithwaite), сэр, посол Великобритании в России 331, 332
Бриннер Юл (Юлий Борисович Бринер), актер 163
Будберг Мария Игнатьевна, Мура, ур. Закревская, жена писателей М. Горького и Г. Уэллса 161, 162
Будда Шакьямуни, основатель религии буддизма 285
Булатов Эрик Владимирович, художник 268
Булатовы, дворянский род в Ростове Великом 347
Булгаков Сергий (Сергей Николаевич), о., религиозный философ, богослов 169
Булганин Николай Александрович, член Политбюро ЦК КПСС 8, 179, 180
Бунин Иван Алексеевич, писатель 249, 303, 304
Бунины, семья 37

Бушен Дмитрий Дмитриевич, художник 266
Бэкон Фрэнсис, философ, историк 348

Вагин Андрей Владимирович, художник [вклейка 4, 5]
Вагнер Екатерина, журналист 372
Варсонофий Оптинский (Плиханков Павел Иванович), преподобный схиархимандрит Оптиной пустыни 42, 44
Варфоломей, отрок (св. Сергий Радонежский) 226
Василев Бойко, болгарский TV-журналист 373
Васильев Андрей Александрович, петербургский коллекционер 349
Васильев Владимир Викторович, артист балета, балетмейстер, хореограф 329, 330
Василько Ростовский, св. Благоверный 4
Васильчиков Георгий Илларионович, Джорджи, князь, переводчик 213
Васильчикова Мария Илларионовна, Мисси, княжна, участница Французского Сопротивления 213
Веласкес Диего, художник 194
Верлин Евгений Васильевич, журналист 373, 375
Вертинский Александр Николаевич, певец. Эмигрант, вернулся в СССР в 1943 164
Веснин Александр Александрович, архитектор и художник [заставка 136]
Виардо Полина, певица 74
Вильсон Вудро, президент США 69
Винчи Пьеро, посол Италии в Москве 288
Вишневская Галина Павловна, оперная певица 313
Владимирский Николай (1872–1944), о. протоиерей, священник церкви Св. Николая в Софии. Эмигрант. Крестил Никиту. Погиб от бомб, сброшенных американской авиацией 339
Владя, товарищ детства Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского, отца Никиты 64
Вознесенский Андрей Андреевич, поэт 269
Вольф Маврикий Осипович, издатель 86
Врубель Михаил Александрович, художник 274, 277 [вклейка 23]
Вырубов Василий Васильевич-младший (1913, Пенза — ?, Аргентина), дядя Никиты. После эмиграции в Париж был отправлен отцом в Англию, где закончил школу и университет в г. Рединге. Получил

специальность агронома. Работал в Буйнос-Айресе (Аргентина) заводчиком скота. Женился на Софье Михайловне Горчаковой 73, 77, 79, 92, 163, 340

Вырубов Василий Васильевич (7 февраля 1879, Тифлис — 1963, Париж). Отец Лобановой-Ростовской Ирины Васильевны, ур. Вырубовой, дед Никиты Дмитриевича. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1901). Служил в 1-м гвардейском кавалерийском дивизионе. Пензенский земский деятель. С начала Первой мировой войны — член Главного комитета Земского городского союза, затем заведующий земскими делами при Ставке Главнокомандующего Западным фронтом генерала Алексеева. Товарищ (заместитель) министра внутренних дел во Временном правительстве. В эмиграции продолжал земскую деятельность в Земгоре, передал пост его главы сыну Н. В. Вырубову, работал в банке, с трудом содержа 3-х детей, затем служил управляющим имения Бэмбергов (Флёри); мемуарист 6, 15, 66–71, 73, 76, 79, 92, 106, 107, 115, 116, 147, 160–163, 171, 190, 203, 214, 367, 369, [вклейка 9]

Вырубов Николай Васильевич (1915, Орел — 2009, Париж), брат Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской, ур. Вырубовой, дядя Никиты Дмитриевича. Вместе с Роменом Гари помог «выкупить» сестру и племянника за два паровоза, купленных Болгарией, но задержанных на границе до их приезда в Париж. В 1940, студентом Оксфордского университета, Вырубов поддержал призыв генерала де Голля вступить в его войска «Освобождение Франции». С де Голлем он прошел Сирию, Ливию, Тунис, Италию, юг Франции и Эльзас, дважды был ранен, но возвращался в строй. За доблесть при защите Франции Николай Васильевич был награжден двумя Военными Крестами, а также редким и почетным орденом — Крестом Освобождения, кавалерами которого стали немногим более тысячи человек. В 1966, после смерти отца, Николай Васильевич возглавил Земско-городской комитет помощи соотечественникам и стал хранителем архивов русской эмиграции первой волны. Часть бесценных документов русской истории и культуры были переданы им академику Лихачеву, фотографии, документы, предметы старины, картины — разным музеям России 8, 26, 69, 70, 74, 75, 77, 79, 81, 115, 133, 151–154, 163, 168, 184, 340, 341, 358, 367, 368, [вклейка 11]

Вырубова Анна Александровна, ур. Танеева, бывшая непродолжительное время в браке с братом В. В. Вырубова, Александром Васильевичем Вырубовым (1880–1919), фрейлина имп. Александры Федоровны 77

Вырубова Анна Сергеевна (1885–1975), прабабушка автора, родственница Н. Д. Лобанова-Ростовского 365

Вырубова Ирина Васильевна *см.* **Лобанова-Ростовская Ирина Васильевна**

Вырубова Нина Владимировна (1921–2007), балерина, родственница Никиты 329, [вклейка 14]

Вырубова Ольга Николаевна, ур. Галахова, в первом браке Трубникова (1888–1921, с. Сергеевское Мценского уезда) бабушка Никиты Дмитриевича, супруга В. В. Вырубова, мать Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской. После революции осталась одна с тремя детьми, была выселена из имения, жила с ними в избе, затем в 1919 была арестована. После освобождения учительствовала. Заразилась тифом и скончалась в возрасте 31 года, оставив 3 сирот 76, 77

Вырубовы, дворянский род, предки Никиты 6, 25, 66, 338, 341, 354

Высоцкий Владимир Семенович, бард, поэт и актер 169

Галани (Пинчук) **Сергей Александрович**, писатель, историк 139, 369

Галахов Александр Николаевич (1884–1928, Париж), дядя Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской. Служил ротмистром конного Кабардинского полка Дикой дивизии. Эмигрант 339

Галахов Николай Павлович (1855–1936, Париж), вице-губернатор Орла, (1907–1915); губернатор Витебска (1915–1917); камергер, действительный статский советник. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878, был награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» (1877), Св. Станислава с мечом и бантом (1878) и Св. Анны 3-й ст. с мечом и бантом (1878). В 1879 году получил ольденбургский Орден Заслуг герцога Петра-Фридриха-Людвига и Румынский Железный крест. Занимался благотворительной деятельностью, давал стипендии студентам, не имеющих средств для учения. После отставки в имении Клейменово был церковным староста, председатель Мценского земского собрания, мировой судья, глава орловской пожарной дружины. Был изгнан из имения после революции. Переселился в Петроград, где был арестован «за происхождение»,

но оправдан судьей, который узнал в нем дарителя стипендии. В 1924 году «выкуплен» с женой, дочерью Кирой и тремя внуками за 100 000 марок, жил и скончался в эмиграции в Русском доме Сент-Женевьев-де-Буа 75, 78, 340

Галахова Кира Николаевна (1886–1967, Париж), тетя Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской, матери Никиты. Во время Первой мировой войны Кира Николаевна служила сестрой милосердия при санитарном поезде Общедворянской организации. В Петрограде работала в Эрмитаже, взяла на себя воспитание трех детей умершей сестры Ольги Николаевны, вместе с ними и родителями в 1924 выехала за границу. В эмиграции работала в школе для богатых девиц княгини Мещерской. Всю свою жизнь она посвятила семье, своими трудами днем и ночью охраняя благополучие родных 27, 75, 77, 80, 365

Галахова Ольга Васильевна (1862–1947, Париж). Племянница И. С. Тургенева и А. А. Фета. К ней отошло тургеневское Спасское-Лутовиново, а в 1895 году достались мебель и вещи А. А. Фета, который был ее опекуном после смерти родителей. Многие годы перед революцией пыталась передать дом со всем содержимым государству для создания музея. Новая власть откликнулась на предложение и выдворила владельцев из родового дома. Председательствовала в Мценском обществе Красного Креста, в Орле была попечительницей Николаевской женской гимназии, увлеченно занималась сельским хозяйством. В 1924 году «выкуплена» с мужем, дочерью Кирой и тремя внуками за 2000 марок, жила и скончалась в эмиграции в Русском доме Сент-Женевьев-де-Буа 74, 75, 340

Галаховы, дворянский род, предки Никиты 6, 25, 74, 78, 338

Гандара Антонио де ля, скульптор 285

Ганди Индира, премьер-министр Индии 67

Гане Андре де, маркиз, родственник семейства Бемберг

Гари Ромен, писатель, военный, дипломат, друг дяди Никиты, Н. В. Вырубова 8, 153, 154, 204

Гауль Франц (Franz Gaul), либреттист [заставка 17, 33, 56, 72, 85, 98, 108, 123, 137, 143, 159, 167, 192, 200, 213, 217, 250, 280, 297, 310, 321, 333, 345]

Гейдж Никки (Nicky Viscount Gage), товарищ Никиты по Оксфорду 175

Гельцер Екатерина Васильевна, балерина 330

Гент Наталья фон, писатель 239–249, 372

Гершельман фон, Карл Карлович (Karl von Hoerschelmann), художник, эссеист. Эмигрант, жил в Эстонии, Германии [заставка 332]
Гинцбург Алин, жена Исайи Берлина 168, 169
Гинцбург, барон, отец Алин Гинцбург 168
Глазунов Илья Сергеевич, художник 269
Глинка Михаил Иванович, композитор [заставка 31, 344]
Говорухин Станислав Сергеевич, режиссер, председатель Комитета по культуре Гос. думы РФ 351
Гогенцоллерн Георгий (Романов), правнук Вел. князя Кирилла Владимировича 189
Гоголь Николай Васильевич, писатель 126
Гойя Франсиско, художник 194, 195
Гончарова Наталья Сергеевна, художник, график, сценограф. Эмигрантка, жила во Франции 164, 251, 252, 264, 271, 275, 277, 319, 320, [заставка 32, 341], [вклейка 20]
Горбачев Михаил Сергеевич, последний Ген. сек. ЦК КПСС 225, 326–328, 359
Горбачева Раиса Максимовна, жена М. С. Горбачева 321, 322
Горбовский Александр Альфредович, писатель 370
Горовиц Владимир Самойлович, пианист 204
Горький Максим (Пешков Алексей Максимович), писатель 161
Готье Теофиль, писатель [заставка 82]
Гоцци Карло, драматург [заставка 191]
Граф Парижский, **Анри-старший,** претендент на престол Франции под именем Генриха VI, отец Изабель де Франс 197
Грешневиков Анатолий Николаевич, депутат Гос. думы РФ от Ярославской области 349–352, 353, 375
Григорович Юрий Николаевич, балетмейстер 244, 329, 330
Грэм Иэн (Ian Grahem), археолог 204
Губин Дмитрий, журналист 371
Гудиашвили Ладо Давидович, художник, монументалист и график [заставка 158]
Гурвич Иссар Саулович, парижский антиквар, продавец русского искусства 266, 309
Гурвич Эдуард, писатель 370, 374
Гюго Виктор, писатель 339

Дали Гала (Елена Ивановна Дьяконова), жена Сальвадора Дали 205
Дали Сальвадор, художник 205
Даллес Аллен (Allen Dulles), директор ЦРУ 291
Данчо, проводник 101–104
Даренков Н., советский журналист 371
Даррелл Джеральд, британский писатель, защитник природы 202
Дворжак Антонин, композитор 181
де Голль Шарль, генерал, президент Пятой республики. премьер-министр и министр обороны Франции 67, 151, 153, 154, 206, 358
Де Кирико Джорджо, художник 315
Делоне Соня (Sonia Delaunay, Сара Эльевна Штерн), художник, Эмигрантка, жила в Париже 320 [заставка 97]
Джафарова Светлана Георгиевна, искусствовед 277, 373
Джоффри Роберт (Robert Joffrey), американский балетмейстер 308
Димитриéвич Алеша (Алексей Иванович), певец 163
Димитриéвич Валя (Валентина Ивановна), певица 164
Димчева Анжела, болгарский журналист 374
Добужинский Мстислав Валерьянович, участник «Мира искусства». Эмигрант 261 [заставка 30]
Довыденко Лидия Владимировна, журналист 365
Доди Филипп (Philippe Daudy), писатель, журналист, издатель, участник Французского Сопротивления 314
Докучаев Свет (Святослав), одноклассник Никиты, геолог 126
Дон Жуан (дон Хуан Тенорио), прототип «вечного образа» литературы, имя, ставшее нарицательным 228, 229, 232, 235, 237, 238, 372
Драгандра, махараджа, товарищ Никиты по Оксфорду 175
Дуйсбург Тео ван, художник, теоретик искусства 315
Думаревская Елизавета Владимировна, балерина, жена художника А. К. Коровина 304, 305
Дурсо Марио, банкир 288
Духонин Николай Николаевич, генерал, в 1917-м Верх. Главнокомандующий Русской армией 76
Дьякова Ксения, журналист 370, 371
Дюка Поль, композитор [заставка 157]
Дягилев Сергей Павлович, антрепренёр, организатор «Русских сезонов» в Париже 162, 164, 165, 251, 264, 303, 305, 308, 312

Евлогий (Василий Семенович Георгиевский), архиепископ 27
Евтушенко (Гангнус) **Евгений Александрович**, поэт 169, 336
Екатерина Великая, имп. 310
Елизавета II, королева Англии 169, 281, 291, 339
Елизавета Федоровна, Вел. княгиня, крестная мать Дм. Ив. Лобанова-Ростовского, отца Никиты 39, 40–41, 366
Ельцин Борис Николаевич, Президент РФ 328
Енишерлов Владимир Петрович, писатель, литературовед, гл. ред. журнала «Наше наследие» 322
Епанчины, дворянский род 310
Есенин Сергей Александрович, поэт 304

Жанссен (Янссен, Janssen), **барон**, сын Пола Жанссена (Янссена), главы компании Janssen Pharmaceutica в Бельгии 206, 207
Жаров Олег Алексеевич, предприниматель, коллекционер, меценат 351, 353
Живков Тодор, генсек КП Болгарии 299
Жигунова Маргарита Ивановна, актриса 329
Жириновский Владимир Вольфович, депутат Гос. думы РФ 351
Жорж-Пико Гийом (Gillaume Georges-Picot), отец Нины Лобановой-Ростовской 205, 206
Жорж-Пико Надя, ур. Анастасия Миронович, мать первой супруги Н. Д. Лобанова-Ростовского 285
Жорж-Пико Нина *см.* Лобанова-Ростовская Нина
Жюрайтис Альгис Марцелович, дирижер 329

Замятин Леонид Митрофанович, член ЦК КПСС СССР 280, 325
Захар, повар В. В. Вырубова 73
Зданевич Илья Михайлович, поэт, драматург, дизайнер одежды, теоретик футуризма и дада 320
Зданевич Кирилл Михайлович, художник, жил в Тбилиси 319, [вклейка 22]
Здеховская Ирина Сергеевна, художница. Эмигрантка [вклейка 9]
Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988), друг Никиты, литературовед, критик, искусствовед, коллекционер 11, 29, 265, 266, 269, 301–306, 373, 374
Зиновьев Питер, музыкант, товарищ Никиты по Оксфорду 178, 180, 181

Зосима (**Минаев** Захарий Иванович), схиархимандрит, старец, в схиме Захария 42
Зурбаран Франциско де, художник 194

Ибн-Сауд Абдул-Азиз, король Саудовской Аравии 282
Иванов Иордан, **Данчо**, одноклассник Никиты, болгарский певец 126, 127, 181
Иванова Драгомира, болгарский журналист 373
Иванюк Валентина Николаевна, дочь Е. И. Иванюк 58, 62, 117, 118, 366, 368
Иванюк Елена Ивановна, ур. Яценко (1898, Угроеды Харьковская губ. — 1985, София), **няня** Никиты, которая взяла его после тюрьмы. Учительница, закончила «педагогический класс» при «Курском училище девиц духовного звания». Эмигрировав, в Софии работала посудомойкой в «Русском клубе» 7, 58, 87, 115, 117–119, 146
Иванюк Николай Миронович (1887, Прилуки Черниговская губ. — 1962, София), муж Е. И. Иванюк. Агроном, белый офицер. Эмигрант. Работал в Софии ночным сторожем 118
Ивашев Василий Петрович, декабрист, предок художников Черкесовых 269
Ивашев Петр Никифорович, генерал, отец В. П. Ивашева 269
Ивашева Камилла Петровна, ур. Ледантю, жена В. П. Ивашева, предок художников Черкесовых 269
Ивлин Джон (John Evelyn), английский писатель, мемуарист, садовод 178
Игнатьев Николай Леонидович, граф (1909–1986), друг семьи Лобановых, журналист, внук графа Н. П. Игнатьева, подписавшего Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор 1878 г. 150
Игнатьева Румена, графиня, ур. Обова, жена Н. Л. Игнатьева 149
Иден Энтони (Anthony Eden), премьер-министр Великобритании 185
Изабель де Франс (Isabelle de France), **принцесса, в зам. графиня Шенборн-Буххайм** 197
Издебский Владимир Алексеевич, скульптор 272
Ильинский Игорь Владимирович, актер [заставка 279]
Иулита, святая 62

Каринская Варвара, художник по костюмам 308
Кабаков Илья Иосифович, художник 268

Калашникова Елена, журналист 373, 374
Калиновская Вера Дмитриевна, в зам. Лобанова-Ростовская, княгиня *см.* Лобанова-Ростовская Вера Дмитриевна
Калиновская Ольга Александровна, ур. Леонтович, Mamá (1839, с. Хорошево Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ. — 1922, София), прабабушка Никиты; дочь капитана 2 ранга Александра Константиновича Леонтовича и Ольги Ивановны, ур. княжны Кропоткиной. Выпускница Киевского института благородных девиц (1858). Замужем за помещ. Дмитрием Ивановичем Калиновским, мать Калиновской Веры Дмитриевны, автора романа «О российской трагедии…», бабушки Никиты. Бежала с ней из России в 1921, обосновалась с семьей в Болгарии. Умерла в день памяти прп. Ефрема Сирина, которого особо почитала 36, 49, 51, 52, 62
Калиновский Дмитрий Иванович, прадед Никиты, отец его бабушки Веры Дмитриевны, ур. Калиновской; потомок малороссийского гетмана Мартина Калиновского, гвардейский прапорщик в отставке, помещик Екатеринославской губернии, предводитель дворянства 338
Кальдерон Педро, драматург [заставка 309]
Кандинский Василий Васильевич, художник 251, 260, 277
Капица Петр Леонидович, физик 160
Карагеоргиевич Елизавета Павловна, Элизабет (р. 1936), **принцесса Югославская,** политический и общественный деятель, мать американской актрисы Кэтрин Оксенберг 190, 191
Карагеоргиевич Ольга, принцесса Греческая и Датская (1903–1997), супруга Павла Карагеоргиевича 190
Карагеоргиевич Павел Арсенович (1893, Петербург — 1976, Париж), принц Югославский, регент Югословии (1934–1941) 190
Карингтон Питер (Peter Carrington), **лорд**, министр иностранных дел Великобритании 183
Карнович Оксана Андреевна, балетовед 310, 365, 370, 374
Каровская Наталья Стефановна, бывший директор Музея-заповедника «Ростовский кремль» 347–353
Катаева Нина, журналист 374
Катков Кирилл Михайлович, художник, помощник Билибина 262
Каши Робот, антиквар 257
Квашнины-Самарины, род 22
Квинт Владимир Львович, ученый-экономист 327

Кеннеди Джон, президент США 292
Кент Пол, преподаватель Никиты в Оксфорде 172, 173, 182
Кентская Александра, принцесса 281 [вклейка 15]
Кентский Майкл, принц 28, [вклейка 15]
Кентская Марина, герцогиня, сестра принцессы Ольги Карагеоргиевич, супруга герцога Георга Кентского 190
Кентский Эдвард, герцог 281
Керенский Александр Федорович, председатель Временного правительства 71
Ким Елена Владимировна, искусствовед, музейный работник 346, 347, 371, 375
Кирик, святой 62
Киссинджер Генри, политический и государственный деятель США 206, 283
Клемансо Жорж, премьер-министр Франции 69
Клеопатра, царица эллинистического Египта 137, 227, 237, 260, 263
Кобзон Иосиф Давыдович, певец, депутат Гос. думы 351
Коган Дора Зиновьевна, искусствовед 274, 303
Кожины, дворянский род, предки Никиты 25
Козулин Александр (Алекс), музыкальный и event-продюсер, режиссёр-постановщик, музыкант 339
Колчак Александр Васильевич, Верх. главнокомандующий Русской армией 68, 69
Кондон Деби, дочь театрального агента Генри Фонда 198
Комардёнков Василий Петрович, театральный и кино-художник [заставка, 71, 279]
Коновалов Александр Иванович, член IV Думы 71
Кормер Владимир Федорович, писатель 369
Коровин Алексей Константинович, художник, сын К. А. Коровина 304
Коровин Константин Алексеевич, художник. В 1922 эмигрировал, жил в Париже 255, 277, 304, 305, 310, 312, 320, [заставка 156], [вклейка 23]
Кособуцкий Валерий Феликсович, директор Филевского парка в Москве (1900–2000-е) [вклейка 12]
Костаки Георгий Дионисович, советский коллекционер греческого происхождения, дочь которого продала небольшую часть коллекции в Музей современного искусства в Солониках 273, 317, 319
Красс Марк Лициний, римский полководец 330, 331

Кривошеин Игорь Александрович, участник Первой мировой войны, офицер Добровольческой армии, с 1920 эмигрант; участник Французского Сопротивления 71
Кристич Дарина, обвиняемая в политическом процессе 1952 г. в Болгарии 150
Кропоткины, князья, род, предки Никиты 24
Кротов Яков о., священник, писатель, телеведущий 367
Крученых Алексей Елисеевич, поэт, художник, коллекционер 319
Крушарский, сотрудник болгарской сигурности (госбезопасности) 152
Крылов Иван Андреевич, баснописец 86
Кузнецова-Бенуа Мария Николаевна, оперная певица и танцовщица, участница «Русских сезонов» Дягилева; мать Михаила Альбертовича Бенуа 304
Кули Дик (Richard Cooley), президент банка *Wells Fargo* 287, 288
Кульман Мария Михайловна, ур. Зернова, основательница «Пушкинского дома» (Pushkin House) в Лондоне 171
Кульман Миша, сын Марии Кульман 171
Куприн Александр Иванович, писатель 63
Куракины, князья, род, предки Никиты 25
Кустодиев Борис Михайлович, художник 269
Кушелев Григорий Григорьевич, граф (1754–1833), прапрапрадед Никиты, адмирал, в правление имп. Павла I руководил российским флотом [вклейка 2]
Кушелевы, графы, род, предки Никиты 25
Куэвас де, Джордж (George de Cuevas, Хорхе Куэвас Бартолин), **маркиз**, антрепренер балетной труппы «Маркиза де Куэваса» 205
Куэвас де, Маргарет, маркиза, ур. Рокфеллер-Стронг, жена маркиза де Куэваса 205

Лавров Сергей Викторович, министр МИД РФ 351
Лайелл Чарльз, сэр, **баронет** (Sir Charles Lyell), основатель современной геологии и палеонтологии 182
Ламперт Евгений Ильич (1914–2004), муж крестной матери Никиты, Екатерины Ридлей; философ, филолог 169–170
Ламперты, семья 171
Ларионов Михаил Федорович, художник. Эмигрант, жил в Париже 10, 164, 251, 252, 257, 258, 260, 308, 320, [заставка 84], [вклейка 20]

Ларкина Людмила, журналист 369–371
Лассаль Фердинанд, философ 339
Лафонтен Жан де, писатель, автор басен 86, 339
Левчев Любомир Спиридонов (1935, Троян — 2019, София) одноклассник и друг Никиты, болгарский поэт, прозаик. Действительный член Европейской академии искусства, науки и культуры (Париж, Франция). Удостоен многих международных наград, в том числе золотой медали Французской академии за поэзию и почетного звания Рыцаря поэзии 111, 112, 126, 144, 169, 298, 369
Лежандр Бокара (Бобо), светская львица 9, 195, 198, 199
Леман Бобби, коллекционер, пайщик банка *Lehman Brothers* 306
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич 20, 76, 126, 161, 179, 305, 309, 316
Леннон Джон, певец 9, 196
Лермонтов Михаил Юрьевич, поэт 125
Лесков Николай Семенович, писатель 21
Лескова Татьяна Юрьевна, балерина 21, 365
Лиепа Андрис Марисович, артист балета, режиссер, продюсер 331
Лиепа Марис Эдуардович, артист балета, киноактер 11, 329–331, 374
Лили Асенова, в зам. Атанасова (ум. в 2001) 135, 136, 138–141, 155
Лиссим Семен Михайлович, художник; в 1919 эмигрировал, жил во Франции и США 255, 272–274, 320
Лисснер-Бломберг Елена Артуровна (Liessner-Blomberg), художник. Эмигрантка, жила в Германии [заставка 210]
Лифарь Серж (Сергей Михайлович), артист балета, хореограф и балетмейстер. Эмигрант, жил во Франции 162, 163, 266, 303, 308, 309, 312, 329, 370, [вклейка 10]
Лихачев Дмитрий Сергеевич, филолог, историк, академик РАН 315, 321–323, 332
Ллойд Джордж Дэвид, британский премьер-министр 69
Лобанова-Ростовская Александра Григорьевна, **княгиня, ур. графиня Кушелева** (1796–1848), прапрабабушка Никиты [вклейка 2]
Лобанова-Ростовская Александра Николаевна, Фафка, княжна (1869–1946), младшая сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, деда Никиты. Фрейлина имп. Марии Федоровны и Александры Федоровны, с 1889 по 1891 фрейлина Вел. княгини Александры Георгиевны, с 1892 по 1901 фрейлина Вел. княгини Елизаветы Федоровны 40, 41
Лобанова-Ростовская Анна Ивановна, княжна, **в зам. Соколова** (ок. 1896 — ?), младшая дочь Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны

Лобановых-Ростовских; окончила Смольный институт в 1914. В годы Первой мировой войны работала в Красном Кресте сестрой милосердия. Вышла замуж, родила сына, овдовела; сгинула в совдепии 52, 53, 56–57

Лобанова-Ростовская Анна Николаевна, княжна (1864, с. Лобаново (Александровское) Ефрем. у. — 1922), сестра князя Ивана Николаевича, деда Никиты. В первом браке замужем за князем Николаем Алексеевичем Кропоткиным, во втором — за князем Барятинским 41, 42

Лобанова-Ростовская Вера Дмитриевна, княгиня, ур. Калиновская (1870–1943, София), жена Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, дочь Дмитрия Ивановича Калиновского и Ольги Александровны, ур. Леонтович, мать восьмерых детей; автор документального романа «О российской трагедии XX века. До и после 1917. Воспоминания матери». На болгарском языке печатался в Софии в 1936–1937. В Москве текст вышел в 2018 в 2 т., издательство «Минувшее», и там же — в 2020, издание исправленное и дополненное 5, 6, 15, 33–36, 38, 39, 41–48, 50–61, 63–65, 85, 87, 338, 365–368

Лобанова-Ростовская Джун, ур. Маршам-Таунзенд, вторая жена Никиты 184, 236, 337, 347, [вклейка 11, 12]

Лобанова-Ростовская Екатерина Александровна, княгиня, ур. княжна Куракина (1735–1802), пра-пра-пра-прабабушка Никиты. Троюродная сестра императора Петра II [вклейка 1]

Лобанова-Ростовская Ирина Васильевна, княгиня, ур. Вырубова (18.08.1911, Санкт-Петербург — 16.07.1957, Париж), жена Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского, мать Никиты Дмитриевича. Дочь Василия Васильевича Вырубова, товарища министра во Временном правительстве 6, 55, 60, 72–81, 85, 87, 91, 92, 95, 96, 98–106, 109, 114–116, 129, 130, 132–134, 136, 145–153, 160, 163, 340, 354, 355, [вклейка 9]

Лобанова-Ростовская Любовь Николаевна, княжна, в зам. Лэндфилд (1881–1952), самая младшая из сестер князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, деда Никиты. фрейлина Вел. княгини Марии Георгиевны, фрейлина Императрицы Александры Александры Федоровны с 1899. В браке (с 1907) с профессором Калифорнийского университета Дж. Лэндфилдом 40, 41

Лобанова-Ростовская Людмила Григорьевна, княжна, в зам. Балясная (1860–1932), двоюродная сестра князя Ивана Николаевича, деда Никиты; фрейлина Вел. княгини Елизаветы Федоровны 40

Лобанова-Ростовская Нина, ур. Жорж-Пико, первая жена Никиты 9, 10, 12, 13, 107, 138, 165, 203–208, 229, 230, 236, 250–256, 259, 260, 262, 271–274, 276–279, 286–288, 292, 300, 303, 372, [вклейка 11]

Лобанова-Ростовская Ольга Ивановна, княжна, в зам. Улик (1892 — ? Бухарест), тетя Никиты, старшая дочь Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских. Активная участница фронтовых организаций Красного Креста, способствовала бегству семьи из России, вышла замуж за румынского капитана Константина Улика и осталась жить в Румынии 49, 51, 59–61, 66

Лобанова-Ростовская Ольга Николаевна, княжна, в первом замужестве **Каткова**, во втором **леди Эджертон** (1863, с. Лобаново Ефрем. у. Тульской губ. — 1947, США), старшая сестра князя Ивана Николаевича, деда Никиты, одна из любимых подруг Греческой Королевы Ольги Константиновны, внучки Императора Николая I. От дворянина Михаила Михайловича Каткова (1860–1891) у нее было два сына: Михаил, умерший в 1915, и Алексей, бывший «опекуном» Никиты Дмитриевича, когда он учился в Оксфорде. Во втором браке родился сын Джон Фредерик Эджертон, погибший в Первую мировую войну. Сэр Эджертон, служивший тайным советником и бывший послом в Риме, скончался в 1916, оставив Ольге значительное состояние. Видя трудное положение русских эмигрантов в Лондоне, она решила им помочь и из чисто альтруистических побуждений основала дом моды под названием «Поль Каре». Благодаря своим необычайным организаторским способностям и преданности своих сотрудниц добилась блестящих успехов. В 1921 она перевела свой дом в Париж. Бюро в Лондоне стало филиалом, второй филиал был открыт в Каннах. Большинство персонала, т. е. 50 портных и 3 главных закройщика, были русскими. В 1929 Эджертон передала свой дом знаменитой манекенщице Галине Баженовой и вернулась в Англию. После войны она уехала в США, где и скончалась 40, 93

Лобанов-Ростовский Александр Иванович, князь (1754–1830), прапрапрапрадед Никиты, генерал-майор русской императорской армии, родоначальник старшей линии Лобановых-Ростовских [вклейка 2]

Лобанов-Ростовский Александр Яковлевич, князь (1788–1866), генерал-майор; переводчик, автор историческиз заметок на французском языке, издатель, коллекционер. Основатель и первый командор Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба. Владелец «Дома со львами» в Санкт-Петербурге [вклейка 24]

Лобанов-Ростовский Алексей Александрович, князь (1786–1848), прапрадед Никиты, рязанский губернатор, тайный советник, сенатор [вклейка 2]

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, князь (1824–1896), племянник Алексея Александровича Лобанова-Ростовского, прапрадеда Никиты; посол России в Константинополе (1859–1863, 1878–1879), в Лондоне (1879–1882), в Вене (1882–1895) и в Берлине (1895), министр иностранных дел России (1895–1896) 183, 362, [вклейка 2]

Лобанов-Ростовский Алексей Николаевич, князь (1862–1921, Женева), старший брат князя Ивана Николаевича, дедушки Никиты; действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, посол при Австрийском дворе. Женат на Елизавете Степановне Ралли (1871–1965). Эмигрировал и умер в Женеве 35

Лобанов-Ростовский Борис Иванович, князь (1894–1903), второй сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны, дядя Никиты. Похоронен на Новодевичьем кладбище 42–44, 60

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь (15.04.1907, Москва — 13.10.1948, Болгария) сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских, отец Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. После бегства из России вместе с родителями оказался в Болгарии. Работал бухгалтером на софийской фабрике «Фортуна». В 1932–1934 находился в командировке в Париже, там познакомился с Ириной Васильевной Вырубовой. Влюбленные, вопреки желанию отца Ирины, В. В. Вырубова, в 1934 заключили брак и приехали в Болгарию. После коммунистического переворота 9.09.1944 отказался принять советское гражданство и советский паспорт. За неудачный побег в Грецию осенью 1946 арестован вместе с женой и сыном и посажен в военную тюрьму. Через два года вышел из тюрьмы, но в августе 1948 бесследно исчез. В 1992 выяснилось, что он был расстрелян в спецлагере в г. Пазарджик 6, 41, 42, 55, 60–67, 79–81, 85, 90–92, 94–96, 98–106, 109, 111, 114, 119, 129, 130, 133, 134, 145

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь (1758–1838), дядя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского, прапрадеда Никиты; генерал от инфантерии; участник переговоров с Наполеоном, в результате которых был заключен Тильзитский мир 1807; министр юстиции Российской империи, член Государственного совета 362, [вклейка 2]

Лобанов-Ростовский Иван Иванович, **князь** (1731–1791), прапрапрапрадед Никиты, поручик, от которого происходят по мужской линии все князья Лобановы-Ростовские XIX–XX вв. [вклейка 1]

Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь (1911, Царское село — 1932), дядя Никиты, младший сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских. Участник Белогвардейского движения. Исчез без вести: его одежда была найдена на берегу моря в Болгарии. По одним данным, погиб, стремясь в разведовательной группе белоэмигрантов перейти советскую границу; по другим — расстрелян 8.11.1932 по постановлению Судовой Тройки при коллегии ДПУ УСРР 42, 53, 60, 62–64

Лобанов-Ростовский Иван Николаевич, князь (24.11.1866, с. Лобаново, Ефремовского у., Тульской губ. — 13.10.1947, София), князь, супруг Веры Дмитриевны (ур. Калиновской), дед Никиты Дмитриевича. Звание при дворе: камер-юнкер, к которому прилагалась почетная должность заниматься государственными конезаводами. Чин: коллежский советник, причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия. Помещик, землевладелец (с. Лобаново (Александровское), с. Троицкое-Лобаново). Владелец Винокуренного завода (с. Лобаново). Собственник узкоколейной железной дороги для перевозки зерна в г. Аккерман, Бессарабия. Владелец городских домов. Во время Первой мировой войны работал уполномоченным Красного Креста в прифронтовой полосе. Член Совета помощи Добровольческой армии. В январе 1920 выехал из России, в феврале 1922 обосновался с женой Верой Дмитриевной, сыновьями Николаем, Дмитрием, Иваном и тещей О. А. Калиновской в Софии 5–7, 15, 33, 37, 38, 41, 42, 47, 48, 50, 51, 53, 58–62, 87, 88, 91, 93, 106, 118, 146, 231, 338

Лобанов-Ростовский Никита Иванович, князь (1898–1921, Париж), дядя Никиты, сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских. Участник Белогвардейского движения, не сумев вынести нервного напряжения переломной эпохи, застрелился в Булонском лесу под Парижем 39, 50, 53–56, 231

Лобанов-Ростовский Николай Алексеевич, князь (1826–1887), прадед Никиты, действительный статский советник, гвардии ротмистр. Владелец трех имений: Лобаново в Тульской губ., Хворостово в Торопецком у. и Лобановское в Дмитровском у. Орловской губ.

Женился на дворянке Анне Ивановне Шаблыкиной, в первом браке бывшей за статским советником Шеншиным 337, 338

Лобанов-Ростовский Николай Иванович, князь (1891–1969, г. Иер, Франция), дядя Никиты, старший сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских, выпускник Царскосельского лицея (1910), Пажеского корпуса (1917), служил чиновником Министерства иностранных дел, был послан на дипломатическую работу в Албанию. После бегства из России оказался в Болгарии, работал библиотекарем во Французском институте в Софии. После сентябрьского переворота 1944 госбезопасность Болгарии вела за ним усиленное наблюдение. В 1951 его сослали на принудительные работы в концлагерь на острове Белене на Дунае. Из лагеря он вышел в 1953 больным человеком — от жестоких побоев, от тяжелого режима. Племянник, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, вызвал дядю во Францию, поместил его в Русский инвалидный дом в городе Иер вблизи Тулона. Там он и умер 50, 51, 55, 59, 60, 93, 120, 151, 231

Лобанов-Ростовский Яков Иванович, князь (1760–1831), дядя прапрадеда Никиты Алексея Александровича Лобанова-Ростовского, обер-прокурор, был назначен наблюдателем за Московским сенатом и театрами [вклейка 2]

Лобанов-Ростовский Яков Иванович, князь (1900 — после 1955, Париж), дядя Никиты, сын Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны Лобановых-Ростовских; после бегства из России жил в Софии, в 1920-х переехал во Францию. Жил в основном карточной игрой, проиграв большую сумму денег, имитировал самоубийство — оставил свою одежду на берегу озера в Булонском лесу (там же в 1921 застрелился его брат Никита). Все считали, что он утонул. Его следы обнаружились в 1950-х, многие годы он служил в Иностранном легионе в Алжире на базе в Сиди-бель-Абес, женился на темнокожей алжирке, в браке имел несколько детей, в последние годы служил бухгалтером в военном ведомстве в Париже 50, 231

Лопухин Петр Васильевич, **светл. князь** (1753–1827) брат прапрапрапрабабушки Никиты, княжны Веры Вас. Лопухиной, в зам. Кожиной; действительный тайнайный советник, председатель Кабинета министров Российской империи (1816–1827) [вклейка 1]

Лопухина Вера Васильевна, **княжна, в зам. Кожина** (1753 — после 1821), прапрапрапрабабушка Никиты [вклейка 1]

Лопухины, князья, род, предки Никиты 24
Лужков Юрий Михайлович, мэр Москвы (1992–2010) 333
Луи Виктор, журналист 325, 326, 328, 329
Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861, Дрезден — 1925, Булонь). Родственник деда Никиты, В. В. Вырубова по линии его матери, княжны Евдокии Александровны Львовой (1845-1904). Первый министр-председатель Временного правительства России с 2 (15) марта по 7 (20) июля 1917 г. Член партии кадетов (1905–1917). В эмиграции стоял у истоков системы бирж труда для помощи русским эмигрантам, передал в их распоряжение средства Земгора, хранившиеся в Национальном банке США. Позднее от политической деятельности отошел, зарабатывал ремесленным трудом. Мемуарист 6, 67–71, 73, 76, 160, 161
Львова Евдокия Александровна, княгиня, в зам. Вырубова (1845–1904), прабабушка Никиты, мать В. В. Вырубова 68
Львовы, князья, род, предки Никиты 25
Любимова Ольга Борисовна, министр культуры РФ 350

Магомед, пророк 285, 290
Май Карл, писатель 111
Майн-Рид Томас, писатель 111
Макаров Владимир Юрьевич (1914–2007), друг детства Никиты; принадлежал к старинному дворянскому роду, сын офицера Семеновского полка; воевал в болгарской армии против гитлеровской Германии 1944–1945 гг.; химик; в 1974 г. осужден за распространение книг Солженицына на 5 лет; после освобождения эмигрировал во Францию 114
Макинский Александр Павлович (Шура), хан 159
Мак-Кендри Джон (John McKendry), искусствовед 255
Макмиллан Гарольд (Harold Macmillan), английский консервативный политик 182, 183
Маковский Константин Егорович, художник 312
Маковский Сергей Константинович, критик, поэт, издатель. Эмигрант, жил в Париже 251
Малевич Казимир Северинович, художник 255, 277, 319
Малявин Филипп Андреевич, художник 309
Мандела Нельсон, президент ЮАР (1994–1999) 357
Мандельштам Осип Эмильевич, поэт 97
Мао Цзэдун, основатель КНР 206

Маргарет, принцесса Великобритании, сестра королевы Елизаветы II 281
Марихен, мать Мария, друг Веры Дмитриевны, бабушки Никиты, бывшая горничная Ольги Александровны Калиновской, затем послушница и монахиня Дугиненской обители, духовная дочь схиархимандрита Оптиной пустыни Венедикта (Дьяконова) 43
Мария Георгиевна, Вел. княгиня 40
Мария, Константинович Мария Марковна (madame Constant), племянница Бакста 260, 304
Маруденко Андрей Михайлович, журналист, политический консультант 371–373
Матвиенко Валентина Ивановна, Председатель Совета Федерации РФ 351
Матюхина Наталия Борисовна, помощник депутата Гос. думы РФ А. Н. Грешневикова 349
Медичи Лоренцо, глава Флорентийской республики в эпоху Возрождения, покровитель наук и искусств, поэт 363
Метелица Наталья Ивановна, директор Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства 350
Мильштейн Натан Миронович, скрипач 204
Миронов Дмитрий Юрьевич, губернатор Ярославской области 350
Миронов Сергей Михайлович, глава фракции «Справедливая Россия», депутат Гос. думы РФ 351
Михалков Никита Сергеевич, режиссер 189
Мишков Христо, болгарский журналист 371
Моисей, пророк 226, 282, 315
Мордвиновы, дворянский род в Ростове Великом 347
Морозов Иван Абрамович, предприниматель, коллекционер, меценат 355
Моруа Андре, писатель 131
Мосадек Мохаммед, премьер-министра Ирана 291
Моцарт Вольфганг Амадей, композитор 180, 181, 329, 332
Мухина Вера Игнатьевна, скульптор-монументалист 271 [заставка 55]
Муши де, герцог, отец Сабин де Ноай, жены Н. В. Вырубова 67
Муши де, герцогиня, мать Сабин де Ноай, жены Н. В. Вырубова 168
Мясин Леонид Федорович, танцовщик, хореограф. Жил во Франции, США, Италии [заставка 341]
Мясников Георг Васильевич, партийный деятель, заместитель председателя правления Советского и Российского фонда культуры 321–323, 374

Набоков Иван Николаевич, издатель 258, 259
Набоков Николай Дмитриевич, композитор 258, 308
Набокова Клод, ур. Жокс, жена Н. Д. Набокова 258, 259
Набоков Владимир Владимирович, писатель 127
Наков Андрей Борисович, искусствовед 273
Наполеон Бонапарт 236
Немчинова Вера Николаевна, балерина. С 1915 г. жила во Франции, затем в США [заставка 364]
Неру Джавахарлал, индийский политический деятель 67
Николай I, имп. 40
Николай II, имп. 37, 334
Никсон Ричард, президент США 283, 288
Ноай (Noailles), **Сабин де** (1931–2010), супруга Н. В. Вырубова, дяди Никиты. Потомок знаменитого французского полководца Жана-Виктора Моро, дочь герцога де Муши 67, 168
Новиков-Ланской Андрей Анатольевич, журналист 374
Нуреев Рудольф Хаметович, артист балета, балетмейстер; в 1961 попросил политического убежища и остался во Франции 162, 261, 329

Оболенская Нина Александровна, княжна, модель модных домов в Париже 93
Оболенская Соломея Александровна, княжна, модель модных домов в Париже 93
Оболенский Дмитрий Дмитриевич, князь (1918–2001), историк, филолог, византинист, медеевист. Эмигрант 174
Ольга Константиновна (1851–1926), Королева Эллинов. Дочь Вел. князя Константина Николаевича, внучка Имп. Николая I. Замужем (1867) за Королем Греции Георгом I (убит в марте 1913); близкая знакомая семьи Лобановых, подруга тетушки Никиты, Ольги Николаевны Эджертон 40
Оппенгеймер Филипп, сэр, глава семейной алмазной монополии «Де Бирс» 215, 322, 324, 325, 332
Орлова Ольга, журналист 370, 372
Ороско Хосе Клементе (José Clemente Orozco), художник 266

Павел о., монах Афона [вклейка 13]
Пак Белла Борисовна, исследователь-востоковед 371, 372
Парис Жак, французский посол в Болгарии 154

Пасичник Неонила Андреевна, режиссер-документалист, журналист 365, 373, 374
Паяков Иван, парт. функционер в Софии 111, 112
Петков Румен, политический деятель Болгарии, председатель партии «АБВ» 281, [вклейка 17]
Петлешков Васил, директор школы в Софии 130
Петр Великий, имп. 178, 229, 306
Петров Василий Иванович, маршал СССР 282
Петрусенко Свет (Святослав Иванович) (1933), геолог. Заведуя секцией Минералогии в Национальном естественнонаучном музее БАН, восстановил его минерологическую коллекцию. Его труд отмечен многими международными наградами 126, 127, 129, 130, 166, 369
Пехлеви Ашраф, сестра шаха 288
Пехлеви Мохаммед Реза (1926–2001), 35-й шах Ирана 283, 291, 294
Пехлеви Реза Хан (1878–1944), 34-й шах Ирана 291
Пикассо Пабло, художник 308
Пиперков, сотрудник болгарской сигурности (госбезопасности) 150
Подгорный Борис Афанасьевич, адвокат в Российской империи. Эмигрант, мемуарист 367
Подгорный Николай Викторович, секретарь ЦК КПСС СССР 291
Пожедаев Георгий (Григорий Анатольевич), художник. Эмигрант, жил в Париже 320, [заставка 191]
Полонский Александр Яковлевич, коллекционер-книжник, жил в Париже 317–319
Поляков Володя (Volodia Poliakoff) (Владимир Георгиевич), певец 164
Поляков Серж (Сергей Георгиевич), художник 164
Попова Любовь Сергеевна, художник 275
Прокофьев Сергей Сергеевич, композитор [заставка 84]
Пулиев Христо, одноклассник Никиты, геохимик 126
Путин Владимир Владимирович, президент РФ 339, 375
Пуччини Джакомо, композитор [заставка 191]
Пушкин Александр Сергеевич, поэт 125, 171, 309, [заставка 31, 344]

Разаматт Жорж, зять Бакста 261
Расин Жан, драматург [заставка 122]
Распутин (Новых) Григорий Ефимович, крестьянин, с 1905 приблизился к семье Имп. Николая II. Обладая способностью останавливать приступы гемофилии у Насл. Цесар. Алексея Николаевича,

пользовался неограниченным доверием Имп. Александры Федоровны 5, 15, 38, 39
Растропович Мстислав Леопольдович, виолончелист 313
Ратиев Леонид Александрович, князь, друг семьи Лобановых. Эмигрант 133
Реза Мохаммад Пехлеви *см.* Пехлеви Реза Мохаммад
Реза Хан, генерал, шах
Рейсвиц Грета (Маргарита), в зам. фон Гебель, затем жена Александра Николаевича Галахова, дяди Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской, в третьем браке графиня Шереметева 339, 340
Ремизов (Ремизов-Васильев) **Николай Васильевич, Ре-ми**, художник; с 1918 в эмиграции, жил в Париже и США 264
Репин Илья Ефимович, художник 310, 312
Ридлей Екатерина Джасперовна (Гаспаровна) (Katherine Ridley)**, ур. Бенкендорф, во 2-м зам. Ламперт** (1912–1976), крестная мать Никиты 164, 168, 174
Родионов Дмитрий Викторович, ген. директор музея А. А. Бахрушина 278, 373
Розанова Ольга Владимировна, художник, поэт 319
Рокфеллер Джон (John Rockefeller), магнат и филантроп 194
Романовы, августейшая семья 337, 358, 360
Ротшильд Джейкоб (Jacob Rothschild), британский банкир, 4-й барон Ротшильд, товарищ Никиты по Оксфорду 177, 187
Рубинштейн Ида Львовна, актриса, танцовщица, антрепренер; с 1909 жила во Франции 227, 260, 263, 264
Рубинштейн Яков Евсеевич, коллекционер 329
Рузвельт Кермит, внук президента 291, 292
Рузвельт Теодор (Тедди), президент США 291
Рыжков Николай Иванович, Пред. Совмина (1985–1991) 327
Рэнкин Иэн (Ian Rankin), **сэр**, товарищ Никиты по Оксфорду, первый супруг Джун Лобановой-Ростовской 187, 203
Рэтбоун Тим (Tim Rathbone), депутат Парламента Великобритании, друг Никиты 195–197
Рюрик (ум. 879, Новгородская Русь), правитель Северо-Западной Руси, предок Никиты в 33 колене 3, 4
Рюрикович, потомок Рюрика Никита 18, 20, 25, 29, 137, 329

Савинов Алексей Алексеевич, старший научный сотрудник Музея (Отдела) личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина 350
Савка, лодочник 51
Сазонов Сергей Вячеславович, бывший зам. директора Музея-заповедника «Ростовский кремль» 350, 351, 353
Салео Фердинандо, посол 288
Сартр Жан-Поль, писатель 266
Сахаров Андрей Дмитриевич, физик-теоретик, академик АН СССР 225
Сверчков Николай Егорович, художник 197, 250
Серафим Саровский (Прохор Исидорович Мошнин), святой 39, 44
Сергей Александрович, Вел. князь, супруг Вел. княгини Елизаветы Федоровны 40
Серебрякова Екатерина Борисовна, художник, дочь З. Е. Серебряковой 271, 306
Серебрякова Зинаида Евгеньевна, художник. Эмигрантка, жила в Париже 10, 265, 270–272, 306, 320, [заставка 343], [вклейка 20]
Серебряковы, семья 260
Серов Валентин Александрович, художник 227, 258, [заставка 212]
Сидней (Sydney), лорды, род, предки Джун Лобановой-Ростовской, 2-й жены Никиты 355
Симеон II, царь Болгарский (р. 1937, София), друг детства Никиты [вклейка 15]
Синан Мимар, инженер и архитектор 284
Смирнова Наталья, журналист 370, 372
Соар Энтони, графолог 9, 219–224
Соколов Николай Алексеевич, расследователь убийства царской семьи; с 1920 эмигрант, жил во Франции 311
Соколова Ольга Львовна, художник [вклейка 6]
Солженицын Александр Исаевич, писатель 225
Сологуб Леонид Романович, художник; с 1921 эмигрант, жил в Нидерландах 277
Сомов Константин Андреевич, художник, один из основателей «Мира искусства»; с 1921 эмигрант, жил во Франции 258
София (Гринёва София Евгеньевна), схиигумения, исповедница 42, 43
Спартак, римский раб-гладиатор, возглавивший восстание 244, 330
Сталин Иосиф Виссарионович, руководитель СССР 96, 116, 136, 151, 169, 179, 180

Станфорд-Лежандр Гертруда, мать Бобо Лежандр 199
Стародубцева Зинаида Борисовна, искусствовед 373
Стаханов Алексей Григорьевич, шахтер, основоположник стахановского движения 294, 373
Стенберг Георгий Августович, театральный художник, дизайнер [заставка 122]
Стефан I (Стоян Попгеоргиев Шоков), митрополит Софийский, Экзарх Болгарский 58
Стирс, лорд, дед Иэна Ранкина 203
Стокдейл Фредди (Freddie Stockdale), основатель гастрольной компании «Pavilion Opera» 332
Стоянов Захарий, издатель в Софии 371, 373–375
Стравинская Вера Артуровна, ур. Боссе, в 3-м браке Судейкина 258–259
Стравинский Игорь Федорович, композитор; с 1914 жил заграницей, преимущественно во Франции 258, 308
Страдивари Антонио, скрипичный мастер-виртуоз 61, 88
Струшкова Елена Борисовна, сотрудник Департамента культуры правительства Москвы 340
Суворов Александр Васильевич, генералиссмус Русской армии 269
Судейкин Сергей Юрьевич, художник. Эмигрант, жил в США 10, 255, 258–260, 264, 274, 303, 308
Судейкина Джин, ур. Палмер (Jeanne Palmer) 259, 274, 303
Сулейман Первый Великолепный, султан Османской империи 284
Сюрваж Леопольд (Léopold Survage), художник. Эмигрант, жил в Париже 320

Танаволи Парвиз, коллекционер 287
Танеев Сергей Иванович, композитор 333
Твен Марк, писатель 86
Терешкович Константин Андреевич, художник. Эмигрант, жил в Париже 320
Тиссен-Борнемиса Ханс, барон, промышленник и коллекционер 316
Тодоров Красимир, болгарский художник-фотограф [вклейка 5]
Толстой Алексей Николаевич, писатель 160
Толстой Лев Николаевич, писатель 34, 74, 242, 249
Толстой Никита Ильич, филолог-славист, академик РАН 22
Толстой Федор Петрович, художник, медальер и скульптор 309

Траверсе Иван Иванович де, маркиз (1754, Мартиника — 1831, СПб. губ.), прапрапрапрадед Никиты, адмирал, командующий Черноморским флотом, первый губернатор Николаева, морской министр России (1811—1828) [вклейка 1]
Траверсе, маркизы, род, предки Никиты 25
Троцкий (Бронштейн) **Лев Давидович**, революционер-большевик, государственный деятель 204
Трубецкой Александр Александрович, князь (р. 1947, Париж), исп. президент ассоц. «Франко-российский диалог», член сов. директоров ОАО «Связьинвест» [вклейка 16]
Трубников Юрий (Георгий) Александрович (1935, Париж — 2020, Париж), кузен Никиты. Общественный деятель, председатель Земгора после смерти Н. В. Вырубова, попечитель Русского старческого дома Земгора в Кормей-ан-Паризи. Множество даров Ю. А. Трубникова находится в музеях России 215, 341
Трубникова-Муре Мария Александровна, кузина Н. Д. Лобанова-Ростовского 367
Труханова Наталья Владимировна, балерина 261, 301
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель, родственник Никиты 74, 75, 125, 126
Тэтчер Маргарет, баронесса, премьер-министр Великобритании 183
Тютчев Василий Васильевич, антиквар в Нью-Йорке 197, 250

Улайка, палач в ЧК 64
Улик Константин, капитан румынского порта Галац, с 1921 муж княжны Ольги Ивановны Лобановой-Ростовской, тети Никиты 49, 51
Устинов Питер, британский режиссер, актер, внучатый племянник художника
Александра Николаевича Бенуа, внук архитектора Леонтия Николаевича Бенуа [вклейка 15]
Уэллс Герберт, писатель 161

Фальц-Фейн Эдуард Александрович, барон (1912–2018), друг Никиты, общественный деятель Лихтенштейна, меценат 11, 310–313, 315, 374
Фармаян Фарман, коллекционер 287
Федоровский Федор Федорович, художник 10, 256, 257, 277
Фейсал аль Сауд, король Саудовской Аравии 294

Фернандель (**Фернан Контанден**), французский актер 124
Ферно Робин (Robin Viscont Furneaux), **лорд**, товарищ Никиты по Оксфорду 177
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, родственник Никиты 74, 341
Филипов Никола, болгарский писатель 98, 366, 368, 371, 372, 374
Филипп, лодочник 51–53
Филипп, герцог Эдинбургский, супруг Елизаветы II 291
Филяев Александр Евгеньевич, директор Музея-заповедника «Ростовский кремль» 350, 353
Фокс-Питт Оливер (Oliver Fox-Pitt), оксфордский коллега Никиты 214
Фонда Генри, актер 198
Фонда Джейн, актриса 9, 198–199
Фонтейн Марго, балерина 67, 329, [вклейка 14]
Франко Франсиско, генерал, диктатор Испании 20
Франс Анатоль, писатель 339

Хаммер Арманд, американский предприниматель, коллекционер 316
Ханс-Адам II, князь Лихтенштейна 311
Хартман Артур (Arthur Hartman), посол США в РФ 275
Хасан бин Талал, принц, брат короля Иордании 290
Хасрайтер Йозеф, балетмейстер [заставка 17, 33, 56, 72, 85, 98, 108, 123, 137, 143, 159, 167, 192, 200, 213, 217, 250, 280, 297, 310, 321, 333, 345]
Хаттон Леонард (Leonard Hutton), хозяин галереи в Нью-Йорке 259
Хаусго Дженни, жена американского журналиста 287
Хачатрян Шахен, художник [вклейка 4]
Хвольсон Анна Борисовна, писатель 86
Хелмс Ричард (Richard Helms), посол, глава ЦРУ США 287
Ховейда Амир Аббас, премьер-министр Ирана 280, 289
Хомейни Рухолла, имам, высш. рук. Ирана 289
Хоффман Генрих, психиатр, писатель 86
Христофор Албанский (Сотирий Киси), **архиепископ** 5, 26, 27
Хрущев Никита Сергеевич, Первый секретарь ЦК КПСС и Председатесль Совета министров СССР 8, 179, 180, 225
Худяков Андрей Тимофеевич, художник. Эмигрант, жил в Берлине, затем в США 320
Хусейн ибн Талал, король Иордании 290

Цветаева Марина Ивановна, поэт 13, 62, 97, 333
Цезарь Гай Юлий, римский полководец и писатель 171
Цицерон Марк Туллий, римский оратор, философ, писатель 171

Чайковский Петр Ильич, композитор 88, [заставка 166]
Чаплин Чарли, актер и универсальный мастер кинематографа [заставка 71]
Чан Кайши, президент Китайской республики 206
Челищев Павел Федорович, художник. Эмигрант, жил в Италии 10, 259, 260, 275, 308
Червенков Вылко, генсек болгарской компартии 132
Черепнин Николай Николаевич, композитор [заставка 82]
Черкесов Александр Александрович, издатель, предок художников Черкесовых 269
Черкесов Александр Юрьевич, Татан, художник, сын Жоржа Черкесова 10, 269–270
Черкесов Жорж (Юрий Юрьевич), художник. Эмигрант, жил в Париже 10, 269, 270
Черкесова Анна Александровна, Атя, ур. Бенуа, художница, дочь А. Н. Бенуа *см.* Бенуа Анна Александровна
Черкесова Вера Васильевна, дочь декабриста В. П. Ивашева, предок художников Черкесовых 269
Черкесовы, семья 10, 260, 270
Черчиль Уинстон, премьер-министр Великобритании 134, 180
Чехов Антон Павлович, писатель 126, 249
Чехонин Сергей Васильевич, художник. Эмигрант, жил в Париже 308, 320, [вклейка 22], [заставка 16, 31, 142, 342, 344, 364]
Чжоу Эньлай, глава Госсовета КНР 206
Чумаченко Платон Васильевич (1935, с. Бяла близ Сливена — 2020, София) доктор геолого-минералогических наук, поле научных работ — палеонтология, юрская система, брахиоподы, палеогеография и палеотектоника юры, геологическое наследие, история геологии. Читал спецкурс по палеоэкологии в Софийском университете «Св. Климента Охридского» 126, 129, 130, 361

Шагал Марк Захарович, художник; с 1922 эмигрант, жил во Франции и США 254, 277

Шаляпин Федор Иванович, певец 312
Шариф Хуссейн бин Али, дед короля Иордании 290
Шаховской Дмитрий Михайлович, **князь** (р. 1934, Франция) историк, генеалог, обществ. деятель [вклейка 16]
Шварц Зива, графолог 217–219
Швыдкой Михаил Ефимович, искусствовед, государственный и культурный деятель 21
Шекспир Уильям, драматург [заставка 83, 136, 279]
Шемякин Михаил Михайлович, художник 164, 254, 268
Шенборн-Буххайм Талли, **граф** 198
Шеншины, дворянский род, предки Никиты 25, 74
Шереметев Петр Петрович, граф (р. 1931, Марокко), почетн. председатель Президиума МСРС, ректор Консерватории им. С. В. Рахманинова (Париж) [вклейка 16]
Шеф Женя (Евгений Владимирович Шеффер), художник 239, [вклейка 7]
Шишкин Георгий Георгиевич, художник [вклейка 4]
Шлепянов Александр Ильич, журналист, сценарист и коллекционер, жил в Лондоне 317–320, 374
Шляков Иван Александрович, купец, общественный деятель, краевед 347
Шляковы, купеческий род в Ростове Великом 347, 352
Шмелев Юрий Григорьевич, художник [вклейка 5]
Шпиллер Ян Всеволодович, друг Никиты, дирижер 131
Шпиллеры, семья, дружившая с Лобановыми 131
Штраус, физик, муж Алин Берлин, в дев. Гинцбург 168, 169
Шумаков Сергей Леонидович, гл. ред. ЭСМИ «Телеканал «Россия-Культура» 351

Щербатов Алексей Павлович, князь (1910–2003), друг Никиты, профессор истории и экономики. Эмигрант, жил в США 311
Щукин Сергей Иванович, предприниматель, коллекционер, меценат 355

Эджертон Эдвин, сэр, муж Ольги Николаевны Лобановой-Ростовской 93
Эйзенштейн Сергей Михайлович, кинорежиссер 278

Экстер Александра Александровна, мадам Жорж Некрасова (по мужу, актеру Георгию Георгиевичу Некрасову), художник 10, 255, 271, 272–274, 277, 320, [заставка 83, 211, 309], [вклейка 21]
Эндрюс Джеймс, Джейми (James Andrews), зам. директора ЦРУ 292
Эней, герой Троянской войны, предок Ромула, основателя Рима 346
Эрдман Николай Робертович, драматург 278
Эренбург Илья Григорьевич, писатель 125, 131
Эрнст Сергей Ростиславович, искусствовед 266
Эрте Р. (Роман Петрович Тыртов), художник 251, [заставка 296]
Эсхил, древнегреческий драматург [заставка 211]

Югов Антон Танев, министр МВД Болгарии 147
Юзя, товарищ детства И. И. Лобанова-Ростовского, дяди Никиты 64

Яковлев Николай Константинович, хозяин кафе, эстрадный сочинитель. Эмигрант 259, 260
Ямпольская Елена Александровна, председатель комитета по культуре Гос. думы РФ 351

Указатель заставок к разделам и главам: из собрания театрально-декорационной живописи Серебряного века Никиты и Нины Лобановых-Ростовских

С. 16. Две театральные маски. Худ. Сергей Чехонин. 1928

С. 17, 33, 56, 72, 85, 98, 108, 123, 137, 143, 159, 167, 192, 200, 213, 217, 250, 280, 297, 310, 321, 333, 345. Виньетки к главам. Из плаката к балету «Фея кукол». Муз. Жозефа Байера. Либретто Франца Гауля и Йозефа Хасрайтера. Худ. Лев Бакст. 1903

С. 30. Занавес с полумесяцами для театра Никиты Балиева «Летучая мышь». Худ. Мстислав Добужинский. 1924

С. 31. Старик-гусельник. «Руслан и Людмила» М. И. Глинки на сюжет поэмы А. С. Пушкина. Худ. Сергей Чехонин. 1929

С. 32. Шестикрылый серафим. Литургия. Худ. Наталья Гончарова. 1915

С. 55. Бертран, Рыцарь-Несчастье. «Роза и крест». А. А. Блок. Худ. Вера Мухина. 1916

С. 71. Карикатура на Чарли Чаплина. Худ. Василий Комардёнков.1923

С. 82. Дама и кавалер. «Павильон Армиды». Теофиль Готье. Муз. Николая Черепнина. Худ. Александр Бенуа. 1903

С. 83. «Отелло». У. Шекспир. II акт. Худ. Александра Экстер

С. 84. Спальня. «Шут». Сказка. Либретто С. Прокофьева и М. Ларионова. Муз. Сергея Прокофьева. Худ. Михаил Ларионов. 1915

С. 97. Эскиз костюма. Худ. Соня Делоне. 1928

С. 120. Ромео. «Ромео и Джульетта» У. Шекспир. Худ. Александр Веснин. 1922

С. 121. Гонец. «Роза и крест» А. А. Блока. Худ. Вера Мухина. 1916

С. 122. Федра. «Федра» Жана Расина. Худ. Георгий Стенберг. 1923

С. 136. Виолетта. «Ромео и Джульетта». У. Шекспир. Худ. Александр Веснин. 1923

С. 142. Две танцовщицы. Худ. Сергей Чехонин. 1929

С. 155. Две геральдические фигуры. Худ. Иван Билибин. 1935

С. 156. Персиянка, держащая цветок. Худ. Константин Коровин. 1928

С. 157. Пери. «Пери». Муз. и либретто Поль Дюка. Худ. Лев Бакст. 1911

С. 158. Две танцовщицы с ланью. Худ. Ладо Гудиашвили. 1923

С. 166. Принц. «Спящая красавица». Муз. П. И. Чайковского. Худ. Лев Бакст. 1921

С. 191. Танцор. «Турандот» Карло Гоцци. Муз. Джакомо Пуччини. Худ. Георгий Пожидаев. 1930

С. 210. Мужчина в шляпе с тростью. Елена Лисснер-Бломберг. 1921

С. 211. Гонец. «Семеро против Фив». Эсхил. Худ. Александра Экстер. 1937

С. 212. Русские сезоны. Афиша. Худ. Валентин Серов. 1909

С. 279. Игорь Ильинский в роли Сальвадора Розы. «Сон в летнюю ночь». У. Шекспир. Худ. Василий Комардёнков. 1922

С. 296. Китайский дракон. «Алладин и волшебная лампа». Фоли Бержер. Париж. Худ. Эрте (Роман Тыртов). 1929

С. 309. Дама с веером. «Дама-невидимка». Педро Кальдерон. Худ. Александра Экстер. 1929

С. 332. Фокусник. Худ. Карл фон Гершельман. 1923 (?)

С. 341. Херувим. «Литургия». Неосуществленный балет-мистерия Леонида Мясина. Худ. Наталья Гончарова. 1915

С. 342. Иллюстрация к книге «Театр для детей». Худ. Сергей Чехонин. 1922

С. 343. Балерина. Худ. Зинаида Серебрякова. 1925

С. 344. Руслан. Опера «Руслан и Людмила» М. И. Глинки на сюжет поэмы А. С. Пушкина. Худ. Сергей Чехонин. 1929

С. 364. Эскиз обложки программы для балерины Веры Немчиновой. Ballets Russes. Théâtre des Champs-Elysées. Париж. Худ. Сергей Чехонин. 1930

Екатерина Сергеевна Федорова

О КРАСОТЕ И ЧЕСТИ

Жизнеописание потомка Рюрика
князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

Корректор О. Круподер
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 29.07.2023. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 26. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: +7 495 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

ООО «ИТДГК "Гнозис"»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

ПРЕДКИ

Светлейший Князь
Петр Васильевич Лопухин
(1753–1827).
Худ. В. Л. Боровиковский.
1801

Маркиз
Иван Иванович Де Траверсе
(1754–1831).
Неизв. Худ.

Княжна
Вера Васильевна Лопухина,
в зам. Кожина
(1753 — После 1821).
Неизв. Худ.

Князь Иван Иванович
Лобанов-Ростовский
(1731–1791).
Худ. И. П. Аргунов. 1750

Княгиня Екатерина Александровна
Лобанова-Ростовская,
ур. княжна Куракина (1735–1802).
Худ. И. П. Аргунов. 1754

Граф Григорий Григорьевич
Кушелев (1754–1833).
Неизв. худ

Князь Александр Иванович
Лобанов-Ростовский (1754–1830).
Неизв. худ. После 1836

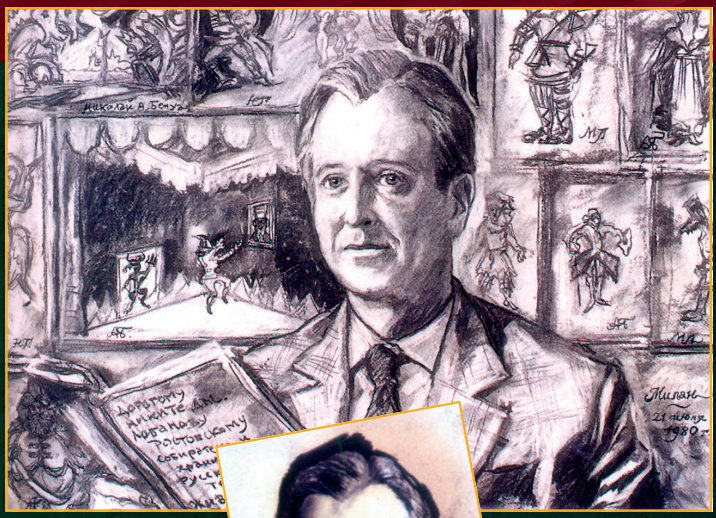
Князь Яков Иванович
Лобанов-Ростовский
(1760–1831). Неизв. худ.

Князь Алексей Александрович
Лобанов-Ростовский (1786–1848)
с женой Александрой Григорьевной,
ур. графиней Кушелевой (1796–1848).
Худ. В. Л. Боровиковский. 1814

Князь Дмитрий Иванович
Лобанов-Ростовский (1758–1838).
Неизв. худ.

Князь Алексей Борисович
Лобанов-Ростовский (1824–1896)
Неизв. худ.

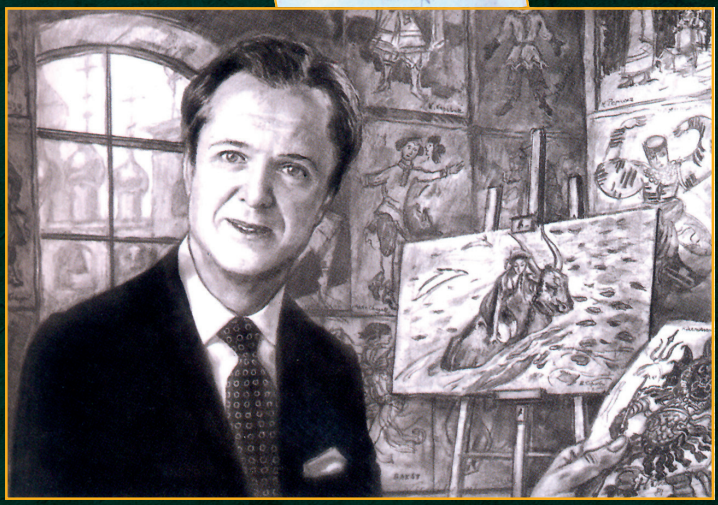
НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ
ПОРТРЕТЫ ХУДОЖНИКОВ



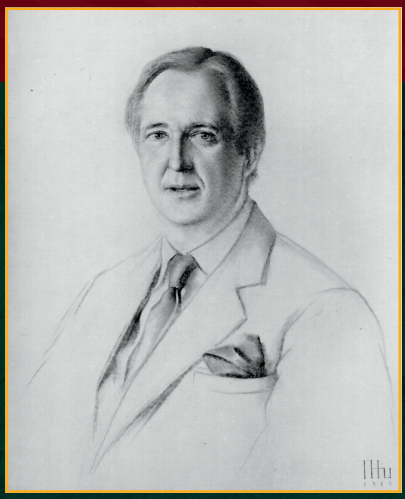
Худ. Николай Бенуа.
1980

Худ. Николай Бенуа.
1980

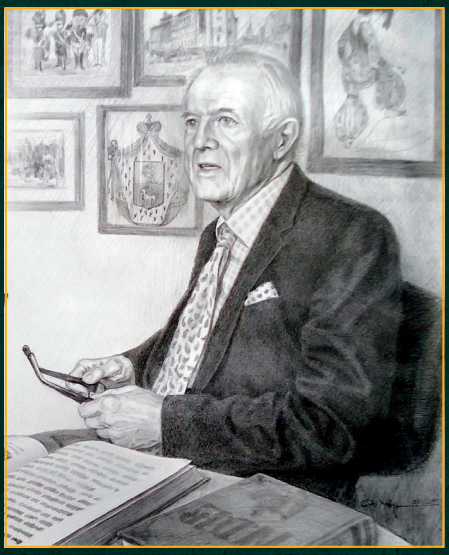
Худ. Николай Бенуа.
1980



Худ. Г. Г. Шишкин. Москва. 2014



Худ. Шахен Хачатрян. 1985



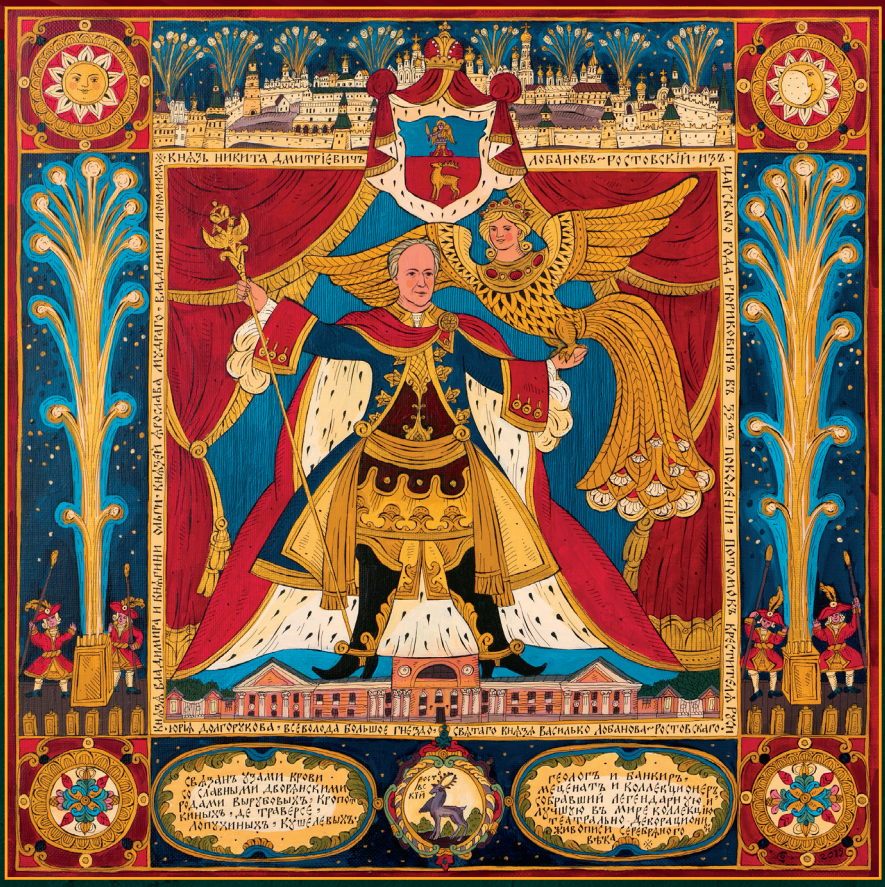
Худ. Хизри Асадулаев. 2010

Худ. А. В. Вагин. Будапешт. 1999

Худ. А. В. Вагин. Будапешт. 1997

Фотограф Красимир Тодоров.
София. 2022

«Синий зал» Музея Лобановых-Ростовских. Парк «Фили». Москва.
Портрет Никиты слева. Худ. Ю. Г. Шмелев. Новый Иерусалим. 1997



ЧЕСТВОВАНИЕ КНЯЗЯ НИКИТЫ.

Худ. Ольга Соколова.
Москва. 2019

В своем кабинете. Худ. Женя Шеф (Е. В. Шефер). 2001.
Коллекция Н. Д. Лобанова-Ростовского

Коллекция Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Фотоколлаж.
Худ. Женя Шеф (Е. В. Шефер). Слева направо: Джун и Никита Лобановы-Ростовские,
терьер Салли, Нина Лобанова-Ростовская, Илья Зильберштейн. 2010

БЮСТЫ НИКИТЫ ДМИТРИЕВИЧА

Скульптор Дмитрий Астафьев. Москва. 2016

Запечатленные мгновения — день минувший

Ирина Васильевна
Лобанова-Ростовская.
Худ. Ирина Здеховская. София. 1940

В правой руке найденное Никитой редкое
по величине отложение руды ртути.
Циннабар-Крик. Аляска

Никита в деревне Флёри
под Парижем. Дача деда
В. В. Вырубова. 1953

Никита-пловец. Пляж
«Марина Луиза».
София. 1951

Никита. София. 1944

Средний возраст

На фоне коллекции фарфора, подаренной ГМИИ им. А. С. Пушкина
Москва. 1993

В своей лондонской квартире. 1980

С Сержем Лифарем.
Лондон. 1984

В Музее личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина на выставке из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских.
Москва. 1994. Фото В. Некрасова

БЛИЖНИЙ КРУГ

С дядей Николаем Васильевичем Вырубовым
на его даче в деревне Форж под Парижем. 1968

Под картиной Льва Бакста.
Никита и первая супруга Нина. 1983

Никита и Джун. Лондон. 2003

Джун и Никита. Сан-Тропе. 2010

Джун и Никита. Выставка даров
Н. Д. Лобанова-Ростовского в Ростове Великом. 2013

Джун в Ростове Великом у плаката
выставки «Дар князя Н. Д. Лобанова-
Ростовского Ростовскому музею». 2013

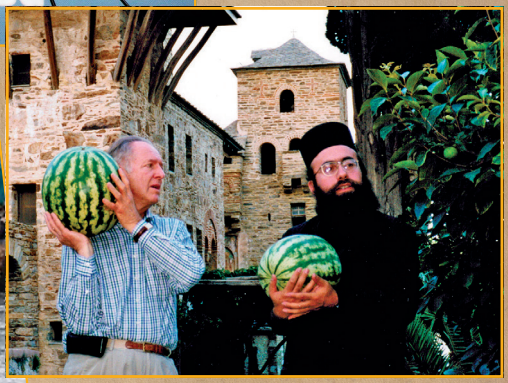
Никита Дм. и директор
московского парка «Фили»
Валерий Феликсович Кособуцкий.
Княжий двор у храма Бориса и Глеба.
Ростов Великий. 1997

Служебная визитка Никиты

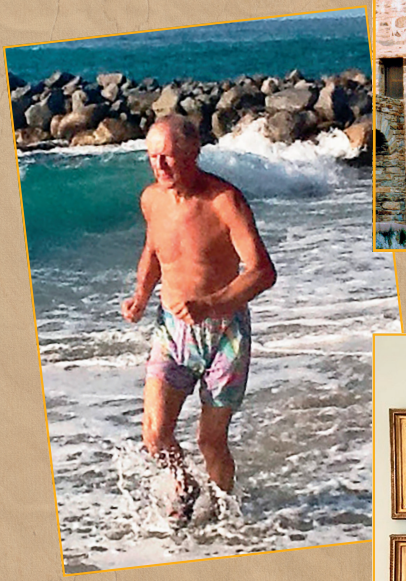
В вихре жизни

На конгрессе МСРС. 2015

На заседании. Москва. 2012



С отцом Павлом, главой реставрационной мастерской. Афон. 2000



Сен-Тропе. Франция. 2019

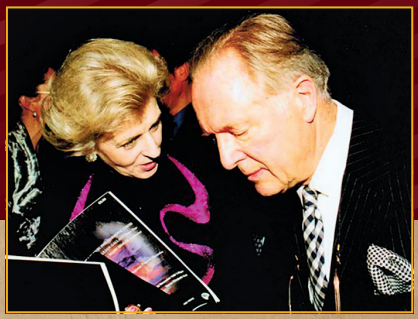
В гостиной лондонского дома
на фоне семейных портретов. 2020

В гостиной лондонского дома. 2014

С балериной Ниной Вырубовой.
Париж. 1994.

С балериной Марго Фонтейн.
Брюссель. 1962

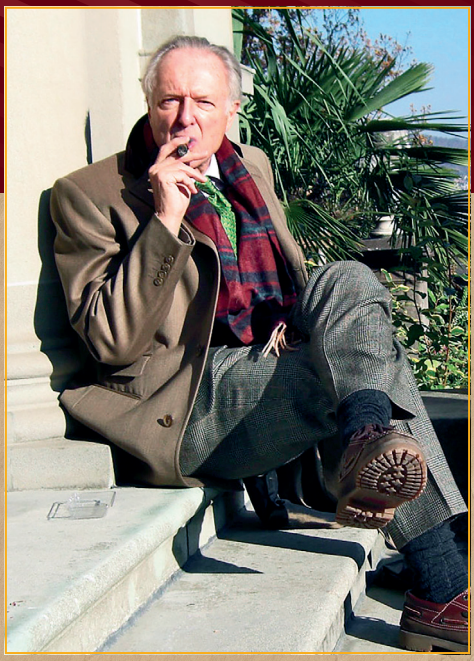
С режиссером Питером Устиновым
в роли С. П. Дягилева. 1980



С принцессой
Александрой Кентской. 2001

С принцем Майклом Кентским в его кабинете.
Кенсингтонский дворец. Лондон. 2022

С царем Симеоном Болгарским. Дворец Врана. София. 2018



Цюрих. 2007

Князь Д. М. Шаховской, князь А. А. Трубецкой, князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, граф П. П. Шереметев. Съезд соотечественников. Москва. 2017

Председатель партии АБЛР (Болгария) Румен Петков вручает Никите Дм. редкую марку в честь 140-летия освобождения Плевны. Лондон. 2017

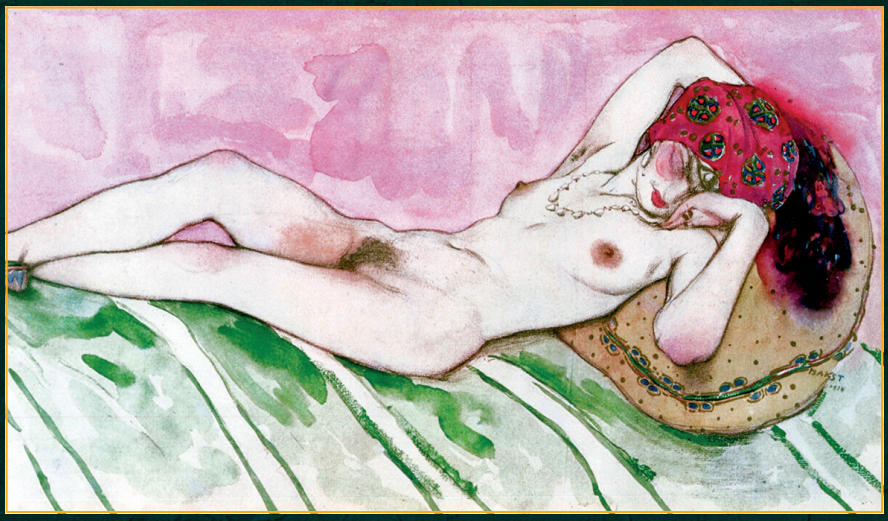
Презентация книги бабушки Никиты Дм. В. Д. Лобановой-Ростовской «О русской трагедии: до и после 1917 года». С Е. С. Федоровой. Лондон. 2019

На фоне плаката Льва Бакста «Кариатида». 2008

У декорации Натальи Гончаровой в лондонской квартире. 1997

Из коллекции
Нины и Никиты Лобановых-Ростовских

У эскиза Льва Бакста «Кащей». 2016



Лев Бакст. Красная султанша. Эскиз к балету «Шахерезада». 1911

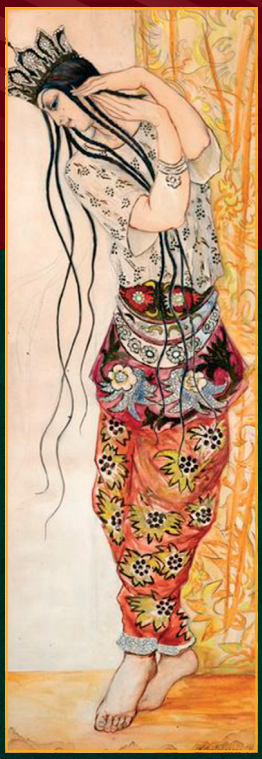
Лев Бакст. Шах Заман.
Эскиз к балету «Шахерезада». 1911

Лев Бакст. Костюм Пери
для Н. Трухановой. Балет «Пери» . 1911

Лев Бакст. Вакханка.
Эскиз к балету «Шахерезада». 1911

Лев Бакст. Эскиз костюма
к балету «Шахерезада». 1911

Зинаида Серебрякова. Балетная уборная. Снежинки. Балет «Щелкунчик». 1923



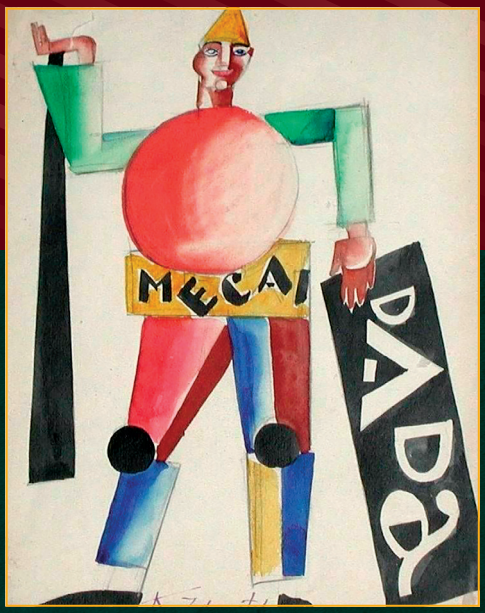
Наталья Гончарова. Шамаханская царица. Опера-балет «Золотой петушок». 1914

Михаил Ларионов. Эскиз костюма Солнца к балету «Полуночное солнце». 2015

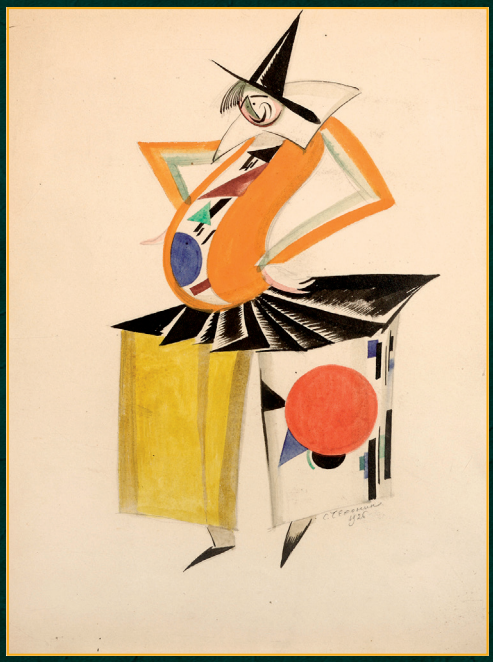
Михаил Ларионов. Эскиз костюма купца к балету «Шут». 1921

Александра Экстер. Эскиз мужского костюма
с брыжами к спектаклю «Дама-призрак». 1924

Александра Экстер. Эскиз костюма
Королевы Марса к фильму «Аэлита». 1924

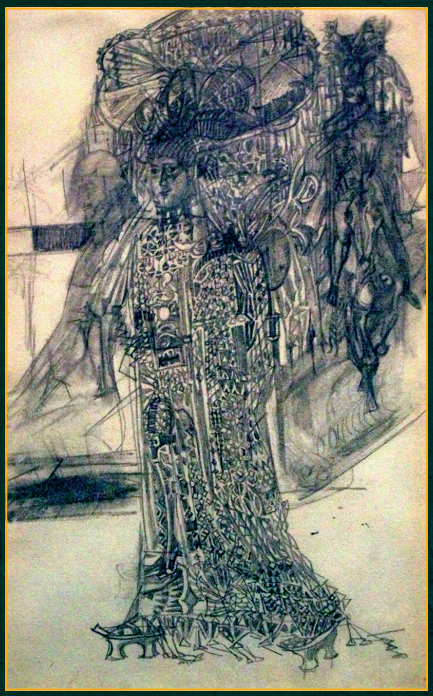


Кирилл Зданевич. Эскиз костюма
к спектаклю «Месса Da-Da» (?)



Сергей Чехонин. Эскиз костюма клоуна
с большим брюхом. 1926

Константин Коровин. Эскиз костюма Гвидона к опере «Сказка о царе Салтане». Санкт-Петербург. 1912



Михаил Врубель. Дама на котурнах. 1904

У «Дома со львами», принадлежавшего
князю А. Я. Лобанову-Ростовскому. Санкт-Петербург. 2014

У дверей лондонского дома. 2017

Для тех, кто интересуется историей, изобразительным искусством, театром, балетом, наукой, любит музыку, путешествия, интересуется экономикой, финансами и многим прочим, *Жизнеописание* Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского не просто расширяет кругозор, не просто знакомит с поразительными личностями человеческого сообщества, но производит трудно передаваемое феерическое впечатление — от обилия событий, мелькания стран и городов, калейдоскопа лиц и, — казалось бы, от невозможности вместить всю эту фантастику в одну-единственную жизнь.

Кроме этой, «приключенческой», стороны его жизни, существует и другая — созидательная. Невозможно понять, как ему удалось столько сделать для страны, в которой жили его предки, да и для других стран, где он родился, жил и учился. Хотя ответ в целом понятен: за этими победами — каторжный труд, выдержать который может далеко не каждый. Никита Дм. Лобанов-Ростовский ставил и достигал цели, которые практически нереально осуществить для подавляющего большинства. Во всём, что он делал, был замес из мечты и страсти, были крылья.

Главное в книге, конечно, — её герой, который мог бы сказать о себе: *самое удивительное было то, что в столь трагический век я прожил такую счастливую жизнь.*

Только после знакомства со всеми перипетиями его жизни я поняла, как тяжко было тем, кто остался без родины в годы великого слома эпох, как много потеряла Россия, утратив своих преданных сынов, и особенно таких талантливых и жизнелюбивых, как Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. После прочтения книги было то же чувство, что навещало меня и раньше, когда я узнавала о том или другом событии из его жизни, — вот на каких примерах надо изучать историю и России, и мира, вот с какими личностями должен знакомиться каждый школьник России!

Очень рада тому, что Екатерина Сергеевна Федорова, как ближайший сподвижник князя, создала обобщенное и всеобъемлющее полотно его жизни. Создала талантливо — и точно, и сказочно. И очень верное название у книги. Да! О красоте и чести — это о нем!

Наталья Борисовна Матюхина,
читатель

На меня особое впечатление произвели зарисовки о трех побегах Лобановых-Ростовских к свободе от красного террора. Особенно впечатлило описание первого из них, растянувшегося почти на полтора года. Именно столько понадобилось, чтобы удалось выехать большому семейству деда нашего героя — князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского — по частям, «окольными тропами», облаченными в крестьянскую одежду.

Читаешь об этом — и вновь осознаешь, какой бесценный человеческий и генетический капитал потеряла страна в результате большевистского армагеддона и вызванного им исхода…

Когда человеку есть что сказать другим людям, как герою книги Никите Дмитриевичу, и объем этого «есть» измеряется сотнями страниц, местами уникального по содержанию текста, нам стоит это приветствовать и передавать узнанное близким, друзьям. Тогда и будет шанс сохранить, когда-то возродить то, что некогда отличало нас как народ высокой духовной, нравственной и гуманистической силы, увы, во многом утраченной. Возможно, надолго…

Евгений Васильевич Верлин,
китаевед, журналист, дипломат